

А.ЛИЕЛАЙС
КОНКИС-
ТАДОРЫ

М
Е
Ж
С

Калифорнийский залив

Атлантический океан

Мексиканский залив

Гавана
Куба

Эспаньола
Санто-Доминго

Карибское море

Мехико
Веракрус
залив Кампече
Юкатан
пер. Пуантепек

Гватемала

Гондурас
Сальвадор
Никарагуа

Коста-Рика

Дарьенский залив
Панама
Лананский залив

Тихий океан

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЛИЕСМА»
РИГА
1973

Arturs Eielais
KONKISTADORI
Izdevniecība «Liesma»
Rīgā 1969

Перевод с латышского *Веры Беркович*
Художник *Александр Станкевич*
Карты и форзац рисовал художник *Янис Анцитис*

© Перевод на русский язык,
Издательство «Лиезма», 1973

Л $\frac{07-6-3-}{M-801(11)-73}$ 310-73

В этой книге — тематическом продолжении вышедшей ранее книги «Каравеллы выходят в океан» — рассказывается об испанских завоевателях-конкистадорах, отправившихся по следам великого мореплавателя Христофора Колумба в Новый Свет, описываются походы Бальбоа, Веласкеса, Кордовы, Грихальвы, Кортеса, Монтехо и других конкистадоров на Антильские острова, в Центральную Америку, Мексику и на Юкатан; открытие Великого Южного моря — Тихого океана, покорение стран ацтеков и майя, уничтожение цивилизации и культуры индейских племен.

Вслед за Колумбом по открытому им морскому пути к берегам Нового Света двинулись сотни и тысячи конкистадоров. Среди них были нищие мореплаватели и землепашцы, которые в родной Испании не могли добыть себе даже скудного пропитания, бесшабашные авантюристы, разорившиеся идальго — обладатели звонких дворянских титулов, шпаг, шелковых обносок и пустых карманов, а также всевозможные преступники, грабители, убийцы. То были искатели счастья, золота, славы и приключений.

Всех их гнала за океан, в Новый Свет, неуемная жажда золота и богатства, надежда найти страну Золота — Эльдорадо. Их прельщали и безумный писк и звонкая слава. Рассказы уцелевших и вернувшихся на родину конкистадоров об опасных приключениях в жарких странах разжигали воображение, и навстречу тяжелым испытаниям отправлялись все новые и новые толпы завоевателей.

Покоряя и опустошая вновь открытые земли, конкистадоры с оружием в руках проникали все дальше в глубь материка. Они жестоко расправлялись с коренным населением Америки — индейцами, безжалостно истребляя их или обращая в рабство. Свои злодеяния конкистадоры оправдывали якобы миссионерской деятельностью: распространением христианства, европейской культуры и цивилизации.

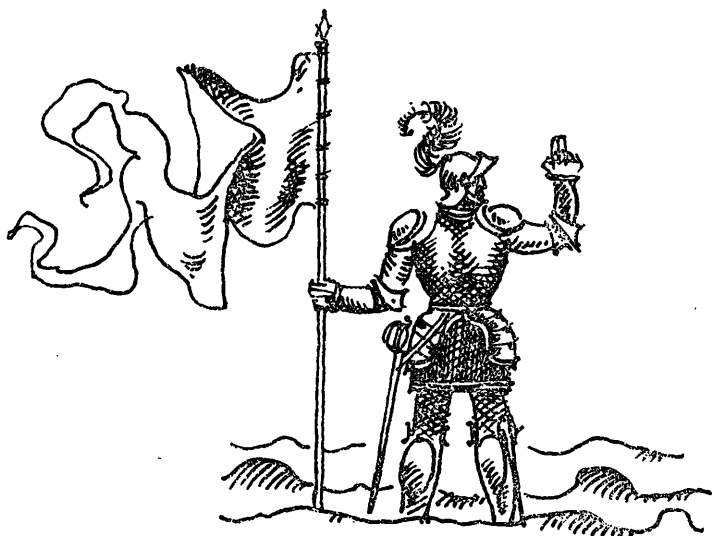
Золото — этот злой и жестокий бог-искуситель, которому поклонялись алчные завоеватели, — заставляло их поднимать оружие друг на друга, и шпаги конкистадоров нередко обагрялись кровью их соотечественников.

Они поражали мир острым умом, удачью и отвагой, предприимчивостью и презрением к смерти, но еще более — невиданными алчностью, жестокостью и коварством.

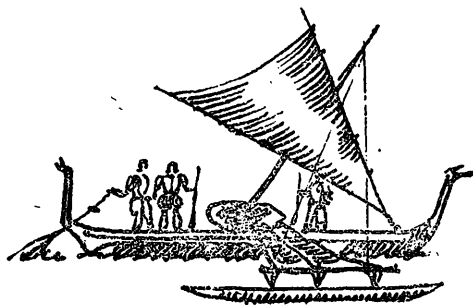
Шаги конкистадоров проторили дорогу капитализму, а великие географические открытия и завоевания новых земель положили начало новой эре в истории человечества — эре капитализма и колониальных грабежей.

В основу этой книги положены факты, почерпнутые из различных документов времен конкисты: хроник, писем, дневников и свидетельств очевидцев, а также из исследований ученых более позднего времени. Они помогли автору изобразить события давно минувших дней. Наряду со снимками, сделанными автором во время поездки по Мексике в 1968 году, помещены также старинные гравюры, рисунки и фотографии.

АВТОР

НА ПОИСКИ
НОВЫХ СТРАН И МОРЕЙ

КОЛОНИЗАЦИЯ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ И ПОБЕРЕЖЬЯ АМЕРИКИ

*Захват островов. — В страну вечной молодости
Бими́ни. — Веласкес на Кубе. — Сожжение
каси́ка Хату́эя. — Алонсо Охеда — колонизатор
побережья Америки. — Новая Андалусия и Зо-
лотая Кастилия. — «Канцелярская крыса»
Энсисо. — Бегство и приключения Бальбоа. —
Первые сведения о Великом Южном море. —
Невзгоды и гибель Никуэсы*

Христофор Колумб, совершив свои четыре экспедиции через Атлантический океан, открыл не только Антильские острова в Карибском море, но и побережье материка Южной Америки и перешейка Центральной Америки, хотя сам и не постиг значения своего открытия. Он также приступил к покорению и колонизации этих земель и основал на Эспаньоле (острове Гаити) первую колонию, где главным городом был Санто-Доминго. Этот остров стал опорной точкой испанской экспансии в Индии — так в те времена называли Америку. Когда в 1506 году впавший к тому времени в немилость великий мореплаватель и вице-король Индии скончался, каравеллы испанских конкистадоров стали чаще совершать походы от берегов Эспаньолы к другим островам и побережьям Карибского моря, и на картах все явственнее проступали очертания огромного материка Америки. Никто еще не мог в точности определить, что это за материк: Азия ли, как полагал Христофор Колумб, или неведомый Новый Свет, преградивший испанским каравеллам путь на запад, в страну великого хана Китай (Китай) и сказочно богатую Индию. Мореплаватели тщетно искали проход, который позволил бы им продолжить путь.

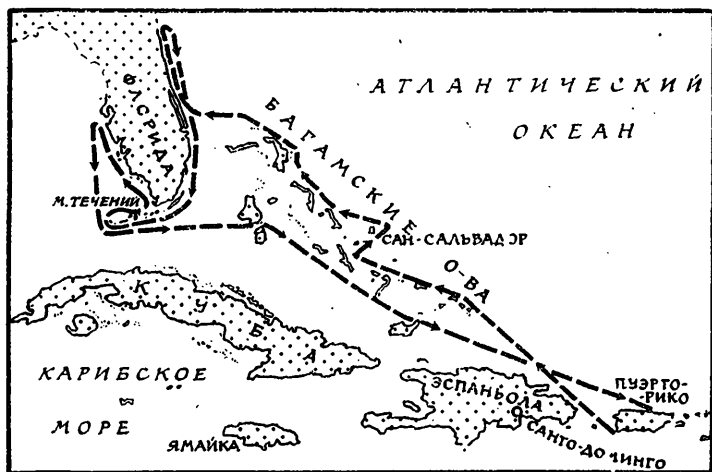

Хуан Понсе де Леон

Многие по-прежнему считали, что западное побережье Америки вплотную примыкает к Азии, а восточный берег Нового Света простирается от Флориды до Гренландии, та же, в свою очередь, сливается с Норвегией.

После завоевания Эспаньола и создания там опорных точек колонизации, испанцы начали захват и других Антильских островов.

В 1508 году знатный испанский гранд, спутник Христофора Колумба во второй экспедиции и участник истребления индейцев на Эспаньоле, Хуан Понсе де Леон высадился с отрядом конкистадоров на остров Борикен, названный впоследствии Пуэрто-Рико (Богатая гавань). То была дивная, плодородная страна, показавшаяся испанцам раем земным. Население ее в то время, по свидетельству хронистов, достигало чуть ли не миллиона индейцев. Но уже к 1515 году в живых осталось лишь несколько тысяч островитян. Опустошив ост-

Путь Понсе де Леона к Бимини в 1513 году
(по И. П. Магидовичу)

ров, истребив туземцев и добившись на Борикене кладбищенской тишины, Хуан Понсе де Леон испросил у испанского короля разрешение отправиться на поиски «Острова вечной молодости» — Бимини. Индейская легенда гласила, что на этом острове бьет родник, возвращающий тому, кто изопьет его воды, молодость, красоту, силу и здоровье. Снарядив на свои средства три каравеллы, Понсе де Леон в марте 1513 года вышел в море и взял курс на север. Рассказывали, что на борту кораблей было немало старцев и калек, лелеявших надежду вновь обрести утраченную молодость и здоровье. Очевидно, и сам Понсе де Леон, не переступив еще порога пятидесятилетия, был не прочь испытать целебное действие источника и решил разыскать его во что бы то ни стало.

Миновав Багамский архипелаг, экспедиция подошла к цветущей плодородной земле у побережья Северной Америки и, приняв ее за Бимини, дала ей имя Флорида (Цветущая земля). Но тщетно вкушали испанцы воду бесчисленных ключей и ручьев — источника молодости среди них не нашлось. Головы путешественников так и остались седыми, а лица морщинистыми.

Воинственные индейские племена заставили испанцев покинуть это побережье и повернуть обратно, на юг. В проливе между Кубой и Флоридой мореплаватели открыли морское течение, выходящее из Мексиканского залива. Течение было столь сильным, что сорвало с якоря одну из каравелл и унесло ее в открытое море. Этот случай поверг испанцев в ужас и изумление, так как произошел в безветренную погоду. Морякам удалось определить направление течения, и они назвали его Гольфстрим (Течение из залива). Шесть долгих и тяжелых месяцев странствовал Понсе де Леон. Наконец больной и постаревший, вернулся он в свою колонию на Пуэрто-Рико, где стал всеобщим посмешищем.

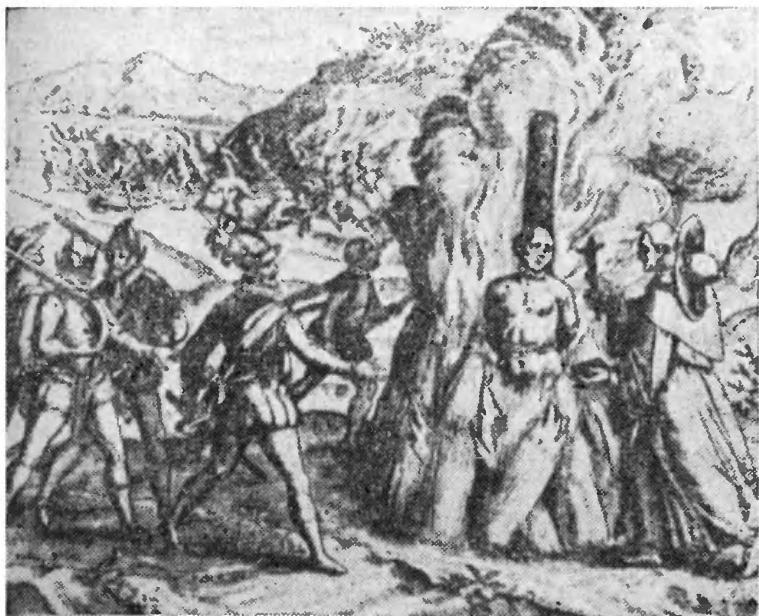
Остров Ямайку испанцы начали заселять в 1509 году. На этом плодородном острове они сначала селились небольшими группами, но затем хлынули туда толпами и вскоре истребили все коренное население.

В 1510 году прошла молва о якобы несметных богатствах острова Кубы, где испанцы не имели еще ни одного опорного пункта. Король Испании Фердинанд приказал вице-королю Эспаньолы (Гаити) — сыну Христофора Колумба Диего — организовать экспедицию на Кубу для ее обследования и колонизации. «Ввиду нашего предположения, что на Кубе имеется золото, вам надлежит сделать попытку в этом удостовериться», — гласил приказ короля.

Уже через год на Кубу с тремястами воинов отправился испанский дворянин Диего Веласкес, до того в баснословно короткий срок ставший одним из богатейших плантаторов Эспаньолы. Кто-то из современников этого конкистадора так охарактеризовал его: «Опытен в военном деле, ибо семнадцать лет жизни провел в походах по Европе, энергичен, знатного рода, имеет прекрасную репутацию, жаждет славы, а еще более богатства».

Вместе с Веласкесом отбыл на Кубу также будущий завоеватель Мексики Эрнандо Кортес. Испанцы рассчитывали, что овладеть Кубой не составит труда, и жестоко просчитались.

В свое время один из касиков Эспаньолы — Хатуэй после первого же нападения испанцев покинул родной остров и вместе со своим племенем укрылся на Кубе. Он поведал туземцам о злодеяниях чужеземцев на Эс-

Казнь касика Хатуэя (из книги Б. Лас Касаса «История Индий»)

паньоле и призвал их взяться за оружие и встать на защиту своего острова, ибо белые завоеватели, по его словам, вскоре должны были появиться и здесь.

«Они клянутся, что возлюбили бога справедливости, равенства и любви, а сами сеют смерть, отбирают земли и свободу, обращают индейцев в рабство; они возвешают бессмертие души и вечное блаженство, а сами грабят, угоняют жен, насилуют дочерей. Из трусости они одеваются в железные доспехи и убивают огнем изда- лека. Но их мало, а нас много, они воюют на чужой земле, мы же у себя на родине; они поклоняются богу крови и золота, а с нами мудрый и справедливый бог...»

Однако Хатуэю удалось объединить лишь несколько племен в восточной части Кубы. К началу наступления испанцев эти племена укрылись в горах и стали оттуда совершать набеги на разведывательные отряды захват- чиков. Но стрелы их не причиняли вреда одетым в латы

разбойникам; и индейцы терпели тяжелые поражения. Вскоре кубинские касики отказались поддерживать Хатуэя. Тогда он повел войну в горах Сьерра-Маэстра и на окрестных равнинах; по ночам нападал на испанцев, вселяя в них ужас, не давая передышки.

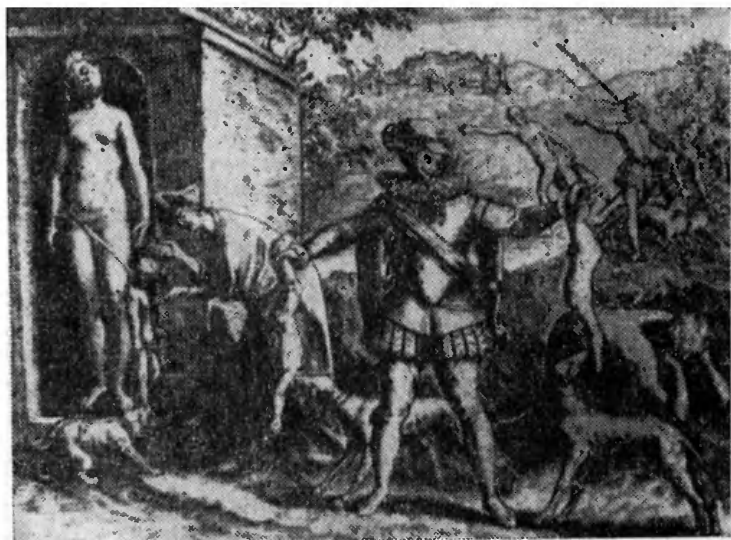
Веласкесу долго не удавалось сломить упорное сопротивление индейцев, пока, наконец, предатель не открыл ему убежище отважного касика. Испанцы окружили туземцев в горах и взяли Хатуэя в плен.

В феврале 1515 года бесстрашного борца за свободу Кубы возвели на костер. Его привязали к столбу и вокруг разложили охапки хвороста. Тем временем патер тщетно старался обратить смертника в христианскую веру, ведь душу язычника следовало спасти.

— Коли примешь святую веру, будешь вознесен на небеса и вкусишь вечное блаженство, коли нет — терпеть тебе вечные муки в аду, — запугивал Хатуэя патер.

Хатуэй спросил у него, будут ли на небесах белые.

— Разумеется, — ответил священник, — они ведь дети христовы и, совершив покаяние, попадут в рай.

Конкистадоры травят индейцев собаками (из книги Б. Лас Касаса «История Индии»)

— Тогда я не желаю быть христианином! — гневно воскликнул осужденный. — Не хочу и после смерти быть среди столь жестоких и коварных людей, как вы!

Хатуэй был сожжен, но индейцы не прекратили борьбы.

Из форта на востоке Кубы Веласкес разослал конкистадоров по всему острову. Они рубили туземцев саблями, топтали их лошадьми, травили собаками. Конкистадоры до тех пор совершали свои кровавые злодеяния, пока не подавили сопротивление индейцев и не завладели всем островом.

Стараясь выведать у индейцев, где находится золото и где они прячут свои украшения, испанцы подвергали их жестоким пыткам. Палачи жгли пленников на медленном огне, отрубали им руки, выкалывали глаза, лили на раны кипящее масло или расплавленный свинец. Об этих злодеяниях рассказал в своем «Кратчайшем сообщении разорения Индии» друг и защитник индейцев епископ Бартоломе Лас Касас, который был очевидцем зверств конкистадоров, но, к сожалению, не мог приостановить их.

Некоторые историки, как например, американский ученый У. Прескотт, утверждают, что покорение острова произошло без особого кровопролития и что добросердечный епископ в своих ужасающих описаниях сильно преувеличивает. Но тогда спрашивается, куда же за столь короткий срок девались чуть ли не все коренные жители Кубы? Ответ один: они пали в боях, вымерли от непосильного труда, погибли под жестокими пытками...

Все эти зверства прикрывались лицемерными заявлениями испанских государей, будто испанцы прибыли в Новый Свет, чтобы позаботиться о благе туземцев... В декабре 1512 года король Фердинанд даже вручил Веласкесу благодарственную грамоту за колонизацию Кубы и «гуманное отношение к туземцам».

В те дни по Карибскому морю еще плавал один из сподвижников Колумба Алонсо Охеда — Морской рыцарь, или Железный Алонсо — как современники прозвали этого прославленного мореплавателя и открывателя новых земель. То был типичный конкистадор, охотник за рабами, авантюрист, наделенный «гому же громадной физической силой».

Охеде первому пришла в голову мысль основать

колонию не на одном из Антильских островов, как это делалось до того; а на побережье материка Америки, который испанцы называли Тьерра-Фирме (Твердая Земля). Хотя предприимчивый конкистадор и не располагал необходимыми для этого средствами, он сумел убедить в реальности своих планов не только других, более богатых людей, в том числе и ученого правоведа Энсисо, но даже самого испанского короля Фердинанда, который стремился укрепить свою власть в только что открытых землях и одну за другой снаряжал туда захватнические экспедиции.

В 1508 году Охеда получил разрешение основать новую колонию. Его назначили аделантадо (губернатором) Новой Андалусии — обширной территории на материке, простиравшейся вдоль юго-западного побережья Карибского моря от Дарьенского залива до Маракайбо (теперешние Венесуэла и Колумбия).

Другой испанский дворянин Диего Никуэса, разбогатевший на золотых приисках Эспаньолы, выпросил себе у короля Золотую Кастилию — прибрежную область к западу от области Охеды (вдоль теперешней Панамы и Коста-Рики).

То было время, когда любой авантюрист мог получить у короля право управлять любой страной, островом или побережьем, даже не видев их в глаза, но обязуясь завоевать эту территорию.

Золото, словно чудесный мираж, влекло к себе искателей счастья. В честь этой сверкающей приманки получила свое имя и новая колония Диего Никуэсы — Золотая Кастилия. Золото — идол колонистов — манило их надеждами на огромное богатство. Однако выбранная для колонии местность оказалась нездоровой: там свирепствовала лихорадка и другие болезни, и нередко вместо золота конкистадоры обретали смерть в дремучих лесах и топких болотах.

Осенью 1509 года четыре каравеллы Охеды с тремястами воинов на борту вышли в океан. Железного Алонсо сопровождали его помощник — опытный кормчий, сподвижник Колумба, Хуан де ла Коса и будущий завоеватель Перу Франсиско Писарро.

Для покрытия издержек экспедиции Охеда решил по прибытии напасть на карибские селения и, захватив пленных, продать их в рабство плантаторам новой коло-

нии на Эспаньоле. Однако испанцы неожиданно столкнулись с отчаянным сопротивлением воинственных племен. Кормчему Косе было отлично известно, что местные индейцы пользуются отравленными стрелами, даже ничтожное ранение, нанесенное ими, смертельно. Хрупкие стрелы индейцев были грозным оружием против испанских пушек, мушкетов и аркебузов (тогдашнего огнестрельного оружия). Все это Косе довелось увидеть во время прежних экспедиций, и он предостерег командира от опасной авантюры.

Но Охеда, невзирая на предостережения кормчего, напал на рассвете на одно из селений, перебил всех, кто оказывал сопротивление, и согнал на корабли целую толпу пленников. Легкая победа так воодушевила конкистадоров, что они, позабыв об осторожности, беспечно разлеглись в жаркий полдень под сенью густых деревьев.

Тут их настигли стрелы индейцев близлежащих селений. Погиб почти весь отряд конкистадоров. Только Охеда, прикрываясь огромным щитом, прорвался сквозь толпу преследователей к берегу, но добраться до кораблей не смог — они стояли слишком далеко.

В это время сюда подошла флотилия губернатора Золотой Кастилии Никуэсы. Прибывшие моряки, увидев каравеллы Охеды, решили вместе с их экипажем обследовать окрестности и разузнать судьбу высадившегося на берег отряда, от которого не было никаких известий. Вскоре они обнаружили в мангровых зарослях полумертвого от голода и жажды Охеду. Зарывшись в ил и от страха едва не потеряв дар речи, он судорожно сжимал в руках меч. В его щите зияло около трехсот отверстий. На поле боя были обнаружены безобразно раздувшиеся трупы солдат, пронзенные бесчисленными стрелами, которые делали их похожими на ежей. Эта картина повергла испанцев в такой ужас, что они не решились провести ночь на берегу и поспешно вернулись на корабли. Люди Никуэсы отправились грабить дальше на восток — в страну Верагуа (Золотую Кастилию), на берега Панама и Коста-Рики, Охеда же двинулся на запад.

Невзирая на ужасное поражение своего отряда, Железный Алонсо не отказался от планов колонизации этой территории и в начале 1510 года заложил на

восточном берегу Дарьенского залива небольшую крепость Сан-Севастьян.

Строили форт под жгучими лучами солнца и тропическими ливнями, в вечном напряжении и тревогах. Воинственные индейцы не позволяли испанцам покидать эту территорию.

Конкистадоры жили в постоянном страхе, под угрозой ядовитых змей и хищных зверей, пока их не начал преследовать еще более страшный враг — голод. Запасы продовольствия иссякли, охота и рыбная ловля почти ничего не приносили, а корабли с Эспаньолы все не появлялись. Тяжкий труд, голод и болезни, тучи москитов, ядовитые болотные испарения довели незадачливых искателей счастья до полного изнурения. Назревал мятеж, и Охеда жестоко расправился с недовольными. Кое-кому из дворян отрубили голову, а матросов вешали, клеймили каленым железом, пороли плетью, вырывали у них языки или отрубали пальцы.

Но тут к берегу подошли пираты на захваченном возле Эспаньолы генуэзском корабле с большим грузом хлеба и мяса. Разбойничья банда явилась прекрасным пополнением для гарнизона форта.

Охеда стал предпринимать энергичные набеги на индейцев; но вскоре убедился, что местные племена не чета миролюбивым индейцам островов Карибского моря. Они более воинственны и отважны, быстро привыкли к грохоту и пламени орудий и уже не разбегались врассыпную при первых же залпах. Предстояли долгие, жестокие бои.

Охеда решил отправиться на Эспаньолу за провиантом и пополнением, оставив форт и часть гарнизона на попечение Франсиско Писарро. Однако поход окончился неудачей: Охеда не вернулся в свою колонию. Совершив тяжелый переход к берегам Кубы, корабль потерял управление и еще несколько недель блуждал среди островов и рифов. Моряки чуть не умерли с голоду, пока наконец Охеде с большим трудом не удалось достигнуть Эспаньолы. Однако он не смог раздобыть там средства и пополнение.

Вице-король Эспаньолы Диего Колумб потерял доверие к Охеде и отдал приказ расследовать причины печальных результатов его экспедиции. Спутников Охеды обвинили в пиратстве и повесили, сам же он, хоть и был

Васко Нуньес де Бальбоа

оправдан, лишился всякой надежды на завоевание новых земель. Знаменитый мореплаватель впал в немилость и нищету и вскоре умер всеми забытый.

Между тем Писарро, оставшись в форте Сан-Себастьян, тщетно ожидал помощи Охеды. Голод и болотная лихорадка заставили его вместе с оставшимися шестьюдесятью воинами покинуть крепость и выйти в море.

В то время, когда Железный Алонсо блуждал у берегов Кубы, его компаньон Энсисо, набрав колонистов, закупив оружие, продовольствие и лошадей, на двух каравеллах приближался к Новой Андалусии. В трюме одного из кораблей скрывался тайно пробравшийся туда Васко Нуньес де Бальбоа — будущий прославленный открыватель Великого Южного моря — Тихого океана.

В свое время этот человек, не обладавший ни звучным именем, ни титулами и богатством, поспешил из Испании в Новый Свет на поиски денег и счастья. Однако корабль, на котором он неся навстречу блестящему будущему, потерпел крушение у берегов Эспаньола. Бальбоа спасся каким-то чудом. Получив на этом плодородном острове землю и индейцев, он занялся земледелием. Но, увлекшись вином и картами, Бальбоа вскоре погряз в долгах и был вынужден скрываться от назойливых кредиторов.

Прослышав об экспедиции Энсисо, Бальбоа решил бежать с острова. Он забрался на одну из каравелл и залез в бочку из-под провианта, ибо в те времена на Эспаньоле действовал строгий запрет брать на корабль людей, за которыми числились какие-либо долги.

Лишь в открытом море томимый голодом и жаждой беглец покинул свое убежище. Энсисо, правовед по образованию и верный страж закона, услышав, что вылезший из бочки бравый идальго скрывается от кредиторов, да еще позволяет себе на допросе издеваться над ними, вспылал гневом.

Он приказал схватить наглого пассажира и высадить его на первый же пустынный остров, который повстречается на пути. Все же Бальбоа сумел убедить командира, что он — сильный, ловкий и отважный человек — сможет быть полезен.

Недалеко от Сан-Севастьяна каравеллы повстречали бригадину с голодными, изнуренными, похожими на скелеты людьми. То была часть экспедиции Охеды, оставленная им под командованием Писарро. Потеряв надежду на возвращение командира с продовольствием, колонисты решили сами искать спасения. Заподозрив их в дезертирстве, Энсисо пригрозил, что закует их в цепи и предаст военному суду. Писарро лишь с большим трудом удалось убедить Энсисо в том, что он действовал по предписанию Охеды. Вместе с Энсисо экипаж бригадины вернулся в колонию.

Однако прибывших постигло жестокое разочарование: не золото и жемчуг ждали их, а тяжкий труд, стрелы индейцев и тропическая лихорадка. Местность была очень нездоровая. Туземцы успели разрушить недавно построенный форт. К тому же одно судно с провиантом наскочило на риф и затонуло. Перед

колонистами снова замаячил призрак голода. Бальбоа, три года назад уже побывавший в этих местах, предложил Энсисо перевести колонию на западный берег Дарьенского залива, где индейцы не отравляют стрел. Но Энсисо колебался. Он знал, что земли по ту сторону Дарьенского залива отданы губернатору Золотой Кастилии — Диего Никуэсе. Однако угроза мятежа заставила Энсисо последовать совету Бальбоа. Конкистадоры переправились через залив, напали на индейское селение и разграбили его, захватив много золота, тканей и съестных припасов. Затем в устье реки Аtrato они построили новую крепость и назвали ее Санта-Мария. Так была признана правота Бальбоа: он привел товарищей на богатые земли. Колонисты избрали его судьей и оказывали всяческий почет и уважение. Зато авторитет Энсисо падал. То был весьма нерешительный командир, буквоед, опасавшийся риска, больше рассуждавший, нежели действовавший. Его называли «канцелярской крысой». Вскоре Энсисо потерял всякое влияние на колонистов. Банда искателей приключений совсем вышла у него из повиновения. Люди смеялись над незадачливым командиром и не боялись его угроз.

Бальбоа же был веселый, общительный человек, ловкий, энергичный воин, в бесчисленных битвах с индейцами проявлявший исключительную храбрость. Он делился добычей со своими войнами, не терялся в самых сложных ситуациях и хорошо знал местные условия. Его популярность непрерывно росла. Колонисты открыто поговаривали, что надо лишить Энсисо полномочий и поставить на его место Бальбоа — до приезда губернатора Золотой Кастилии Никуэсы. После горячих споров общее собрание колонистов, невзирая на протесты Энсисо, приняло такое решение. Бальбоа не отличался жестокостью и, хотя и приказал арестовать Энсисо, вскоре освободил его из-под стражи с условием, что незадачливый авантюрист навсегда покинет колонию. «Канцелярская крыса» уехал, проклиная себя за то, что своевременно не выбросил за борт этого бесстыжего узурпатора.

Но и положение Бальбоа было не блестящим. Беглый дебитор и бунтовщик, Бальбоа не мог рассчитывать на снисхождение королевского судьи в случае его при-

езда в колонию. Чтобы заслужить высочайшее прощение, нужно было совершить что-то особенное, например, раздобыть огромное количество золота. Услышав от заблудившихся в лесу испанцев о богатом индейском селении в глубине джунглей, Бальбоа собрал своих воинов, напал на это племя и взял в плен касика.

— Белый вождь, что сделал я тебе плохого? Почему ты пришел к нам с враждой? — спросил его касик. — Разве я поднял на тебя копье? Или отказал твоим людям в крове? Отпусти меня с миром, и мы заживем с тобой в дружбе. Возьми мою дочь в жены — в знак доверия к тебе нашего племени...

Дальновидный Бальбоа внял этому совету и, женившись на дочери касика, завязал с этим племенем дружеские отношения. С помощью своих новых союзников Бальбоа продолжал обследовать область и обнаружил еще несколько племен, у которых было много золотых украшений. Индейцы удивлялись, видя, как жадно испанцы бросаются на этот желтый металл, вступают из-за него в ссоры и драки. Простодушные дикари не ведали истинного значения золота. Они рассказывали конкистадорам, что по ту сторону горного хребта в шести днях пути лежит огромное южное море, по которому ходят такие же большие корабли, как испанские каравеллы. На его берегах есть богатая страна Биру, где живет большое воинственное племя. Люди там едят на золотых блюдах и пьют из золотых кубков, и у них несметное количество жемчуга и драгоценных камней. Если белые люди так жаждут золота, пусть отправляются туда.

То были первые сведения о Великом Южном море (Тихом океане, как его назвали впоследствии) и о могучем государстве инков. Они произвели на конкистадоров ошеломляющее впечатление: так вот она — таинственная страна золота Эльдorado! И Бальбоа стал поспешно готовиться в далекую, заманчивую экспедицию.

Пока Бальбоа занимался укреплением колонии и покорением окрестных индейских племен, к побережью материка подошла флотилия законного губернатора Золотой Кастилии Никуэсы с семьями воинов на борту. Здесь корабли застигла буря, и они разбились о рифы. Никуэса и его люди вплавь добрались до берега. Вскоре из огромной массы конкистадоров в живых осталось

лишь семьдесят человек: остальных унесли голод, болотная лихорадка и стрелы индейцев. Опасаясь людоедов, испанцы укрепили свой лагерь. Когда с Эспаньолы пришло пополнение, они умирали от голода и были так грязны, оборваны и кишели паразитами, что на них невозможно было смотреть без содрогания.

Никуэса на двух каравеллах отправился в Дарьенский залив к Бальбоа, чтобы принять власть над колонией и предъявить свои права на добытое золото; губернатор считал его своей законной собственностью. Однако Бальбоа не пожелал добровольно отказаться от власти и сокровищ, к тому же сила была на его стороне.

Как только каравеллы Никуэсы приблизились к форту Санта-Мария, его обитатели в полном вооружении собрались на берегу. Судья колонии во всеуслышание объявил, что прибывшим под страхом смертной казни воспрещается покидать корабли.

Лишь на следующий день Бальбоа разрешил Никуэсе сойти на берег, но потребовал от него клятвы, что он немедленно выйдет в море и отправится прямо в Испанию, не приставая ни к одному из островов Карибского моря.

Посадив Никуэсу и семнадцать верных ему людей на самую ветхую бригантину и оставив им ничтожный запас провианта, Бальбоа приказал им сняться с якоря и выйти в море. Бригантина навеки исчезла в безбрежных просторах океана, а к Васко Нуньесу де Бальбоа перешла вся власть на побережье материка.

Вождь конкистадоров продолжал свою политику: одни индейские племена покорял, с другими вступал в дружеские отношения. Но добыча его не удовлетворяла: золота здесь было мало.

Индейцы по-прежнему указывали на юг, где, по их словам, было великое изобилие этого вожаденного металла. Рассказы о несметных сокровищах все более распаляли конкистадоров, особенно их предводителя Бальбоа. Оно и понятно: ведь если бы Бальбоа открыл и покорил эту далекую богатую страну и отправил в Испанию корабли с большим грузом золота и драгоценных камней, его слава затмила бы даже славу таких великих мореплавателей, как Колумб или Васко да Гама, который нашел путь в настоящую Индию. Король вынужден был бы простить Бальбоа все его преступления — незаконный захват власти и осуждение соотече-

ственников на верную смерть в океане. Королю и впрямь были известны неблагоприятные поступки Бальбоа. «Канцелярская крыса» Энсисо, вернувшись в Испанию, подал жалобу на вероломного конкистадора.

Нельзя было медлить ни минуты — со дня на день с Эспаньолы или из Испании мог прибыть приказ об аресте Бальбоа.

ОКРЫТИЕ ВЕЛИКОГО ЮЖНОГО МОРЯ

Поход через Панамский перешеек. — Это море и земли будут навеки принадлежать Испании во веки веков, до самого страшного суда! — Возвращение с триумфом. — Новая волна завоевателей. — Казнь Бальбоа. — Проникновение конкистадоров в Центральную Америку

1 сентября 1513 года Бальбоа в сопровождении двухсот отборных воинов, шестисот индейцев-носильщиков и большого количества свирепых псов, предназначавшихся для травли туземцев, вышел на поиски далекого моря. Вначале конкистадоры следовали на судах вдоль побережья Карибского моря, затем высадились на берег и повернули в глубь страны.

Ширина Дарьенского (Панамского) перешейка в районе маршрута Бальбоа едва достигала семидесяти километров. Здесь самое узкое место материка, но в то время это еще никому из европейцев не было известно. Конкистадорам то и дело преграждали путь высокие горы, дикие ущелья, быстрые реки, густые леса и топкие болота. И они делали большие крюки в сторону, преодолевали огромные расстояния, двигались медленно, наугад. В этой влажной тропической стране постоянно шли дожди, не было спасения от сырости. Леса и болота кишели змеями, крокодилами, черепахами. С веток деревьев падали огромные муравьи и больно кусали испанцев. Днем и ночью им не давали покоя москиты и другие ядовитые насекомые, распространявшие заразные болезни. Что и говорить, путь к далекому южному морю не был усеян розами...

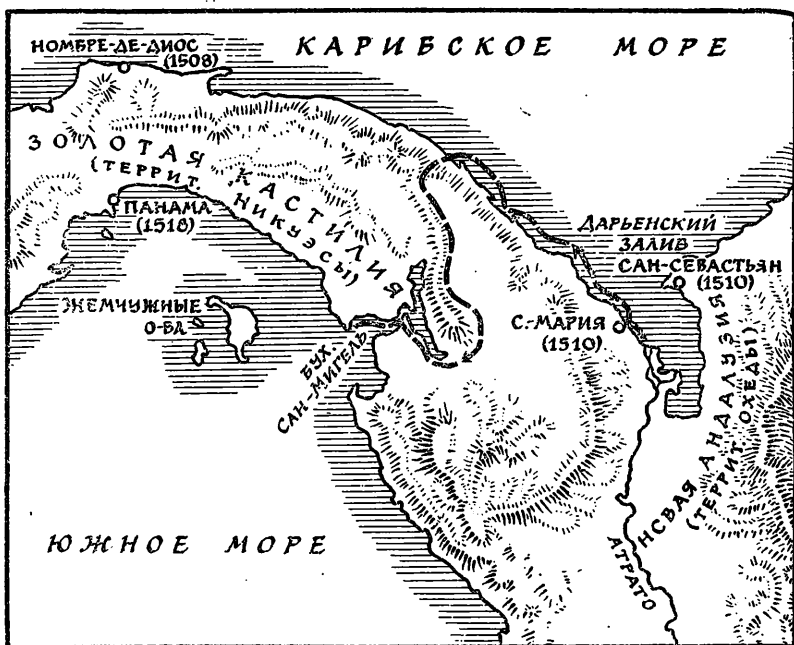
Шаг за шагом испанцы продвигались вперед, топорами и кинжалами прокладывая себе тропу сквозь густые непроходимые джунгли. Им приходилось перебираться через мрачные ущелья, плыть по быстрым речкам против течения, отбивать нападения враждебно настроенных туземцев. Однако Бальбоа в этих стычках не потерял ни одного человека. До боя дело не доходило. Два-три залпа из мушкетов и аркебуз — и индейцы в ужасе разбегались: ведь белым дьяволам были послушны громы и молнии, а копья их изрыгали огонь и убивали издалека. Особую роль в этих боях играли собаки, специально обученные для охоты на индейцев. Они жестоко терзали туземцев и вызывали у них панический страх. От этих невиданных чудовищ не было спасения. Про одного из них — Леончилю — испанцы говорили, что пес этот стоит двадцати воинов. Бальбоа даже распорядился о выдаче ему (вернее его хозяину) золота и рабов. Его доля добычи аккуратно записывалась в особую книгу. Пес был богаче иного капитана.

Однако, основательно запугав индейцев, Бальбоа старался поддерживать с ними дружеские отношения и даже заключил с некоторыми касиками договоры о союзе. Таким образом он обеспечивал себе тылы и добывал проводников, без которых вряд ли сумел бы достичь своей цели.

Когда среди конкистадоров вспыхнула эпидемия тропической лихорадки, распространяемой москитами, Бальбоа смог отправить больных по проложенным тропам обратно в колонию, так как индейцы не нарушали дружеских соглашений.

Так, постепенно, преодолевая все трудности, испанцы поднимались все выше и выше в горы. Однако прошло не менее трех недель, пока они поднялись на горную цепь высотой около тысячи метров над уровнем моря. Позади оставались сумрачные чащи, их сменили саванны и редколесье.

Проводники сообщили, что со следующей вершины будет видно то самое море, к которому так стремились белые люди. Тогда Бальбоа приказал своим воинам остаться у подножия, а сам в одиночестве поднялся на вершину, чтобы первым увидеть океан и ни с кем не делить своей славы. И действительно, взору его открылся бескрайний голубой простор. Вне себя от радости пред-

Путь Бальбоа к Южному морю в сентябре 1513 г.
(по Н. П. Магидовичу)

водитель конкистадоров выхватил меч из ножен. Затем, как сказано в его дневнике, он упал на колени и возблагодарил господа за то, что тот даровал ему, «скудно одаренному человеку, не из дворян», такую великую милость — дозволил первым увидеть море, которое так тщетно искал сам Колумб!

Тут подоспели и остальные испанцы, изумленные поведением своего командира. Всех охватило бурное ликование при виде открывшейся перед ними грандиозной картины. Конкистадоры водрузили на вершине горы большой крест в знак того, что отныне эта страна является частью христианского мира, сделали на деревьях зарубки в виде крестов и воздвигли алтарь, перед которым патеры отслужили молебен. Торжественная процессия с развернутыми знаменами сделала по несколько сот шагов в каждую из четырех сторон света, и после этой церемонии вновь открытая земля

стала владением испанского короля. Никому из конкистадоров и в голову не пришло, что земля эта имела своего настоящего хозяина.

Обычно конкистадоры во вновь открытых землях торжественно зачитывали индейцам вердикт, составленный виднейшими юристами и теологами Испании для маскировки насильственного характера захвата земель. Кстати, читался вердикт по-испански и конкистадоры даже не давали себе труда пояснить туземцам, о чем идет речь.

Содержание этого лицемерного документа было примерно таким. Господь-бог-де властвует над христианами, маврами, евреями и язычниками. Управление грешным миром он вручил своему наместнику на земле — святому Папе Римскому. Эту заморскую страну со всем ее населением Папа, в свою очередь, вверил его католическому величеству — испанскому королю. Значит, его величество — государь и повелитель индейских племен. Индейцы должны быть послушны, должны признать над собой власть католической церкви и испанского короля, принять веру христову. Тогда испанцы станут обходиться с ними ласково, с любовью, не обратят в рабов ни их самих, ни их жен и детей, не посягнут на их имущество. Если же индейцы не проявят послушания, то по велению господа-бога против них начнется беспощадная война, они будут разбиты и должны будут покориться. Все же беды и несчастья, вся пролитая кровь останутся на их совести.

Надо сказать, что история человечества еще не знала подобных документов. Никогда еще представители одного народа или религии не проявляли такого презрения и нетерпимости к чужой стране, религии и общественному строю, как испанские конкистадоры в Америке. В эпоху колонизации у них появилось немало достойных последователей.

После торжественной церемонии, конкистадоры поспешили к морю. По дороге они оставляли на деревьях знаки с именем короля, чтобы никто не мог усомниться в их великом открытии.

Лишь на четвертый день, после короткой стычки с индейцами, испанцы достигли берега моря у какой-то бухты. Это произошло 29 сентября 1513 года, в день

Васко Нуньес де Бальбоа провозглашает Южное море (Тихий океан) испанским владением на вечные времена (со старинной гравюры)

святого Мигеля (Михаила), и конкистадоры называли бухту именем святого — Сан-Мигель.

Было время отлива. Океан далеко отступил от берега. Дождавшись, пока волны снова достигли суши, Бальбоа, облачившись в латы, высоко поднял кастильское знамя, вошел по грудь в воду и, призвав в свиде-

тели всех, находившихся на берегу, торжественно зачитал заранее составленную грамоту:

«Я, Васко Нуньес Бальбоа, вступаю во владение для кастильской короны этими южными морями, землями, берегами, гаванями и островами со всем, что в них содержится. И если иной царь или вождь, христианин или сарацин... заявит свои притязания на эти земли и моря, то я готов во всеоружии оспаривать их у него и воевать с ним во имя государей Кастилии, как настоящих, так и будущих. Им принадлежит власть и господство над этими Индиями, острова, как Северный, так и Южный материка с их морями от Северного полюса и до Южного, по обе стороны экватора, внутри и вне тропиков Рака и Козерога... и ныне и во веки веков, пока будет существовать мир, до страшного суда над всеми смертными поколениями».

Бальбоа назвал открытое им море Южным, в отличие от Северного, как тогда называли Атлантический океан. К тому же конкистадоры подошли к бухте Сан-Мигель с севера, и океан предстал их взорам с южной стороны. Бескрайние водные просторы, занимающие чуть ли не половину земного шара (что тогда еще не было известно), отныне стали собственностью испанского государя. То было одно из величайших географических открытий того времени.

Бальбоа заставил конкистадоров поклясться, что они будут огнем и мечом охранять эти новые владения испанского короля. Затем испанцы вошли в море и, набрав пригоршнями воду, отведали ее.

В прибрежном тростнике испанцы увидели несколько индейских пирог. Челн касика и весла, как рассказывает хронист, были усеяны крупным жемчугом. Оказалось, что на побережье добывается огромное количество жемчуга, а на одном из близлежащих островов его больше, чем гальки на берегу.

Конкистадоры загорелись желанием пойти на найденных пирогах к этому острову. Индейцы предостерегали их: начался сезон дождей и мореплавателей может застигнуть ураган. Однако Бальбоа, взяв с собой восемьдесят солдат и нескольких индейцев, вышел в море. Не успели они отойти подальше от берега, как разразилась ужасная гроза. Океан так разбушевался, что лодки ежеминутно грозили перевернуться. Бальбоа

пожалел о своем легкомыслии. Индейцы, преодолевая страх, бросились в волны и стали скреплять пироги по две, чтобы они были устойчивее. С большим трудом испанцы добрались до какого-то скалистого острова и сошли на берег.

Но это убежище было ненадежным. Вскоре начался прилив, и остров стало затапливать. Много часов люди простояли по колено в воде в страхе, что она подымет еще выше и поглотит их. Утром положение еще более осложнилось; оказалось, что ночью одни пироги были разбиты волнами, другие получили пробоины, а вещи и продукты унесло в море.

Мокрые, замерзшие люди, оставшиеся без пищи и лодок, совсем упали духом. Все же Бальбоа нашел выход. На острове росло несколько деревьев. По приказанию командира матросы содрали с них кору, починили ею оставшиеся пироги и снова спустили их на воду. Индейцы поплыли впереди. Наконец переполненные, до краев погрузившиеся в воду лодки вернулись на берег материка.

Проводники утверждали, что съестного здесь вдоволь. Но местные индейцы пытались избавиться от непрошенных гостей. Тогда голодные испанцы с помощью свирепых собак так яростно атаковали туземцев, что те, понеся большие потери, в панике разбежались.

После кровавой стычки касик племени прислал испанцам еду и подарки — золото и жемчуг. Жемчуга здесь действительно было много, и испанцы назвали эти острова Жемчужными.

Касик, увидев, как жадно набрасываются чужеземцы на золото и другие драгоценности, сказал им, что берег этот простирается далеко к югу — до золотой страны Пиру или Биру (Перу). Но плыть туда долго — много недель, — и на маленьких пирогах им не добраться. Однако страна эта изобилует золотом, и там есть невиданные животные, которые возят поклажу. Стараясь сделать свой рассказ понятнее, касик вылепил из глины небольшую фигурку такого животного. Испанцы смотрели и удивлялись, не в силах понять: верблюд это или олень. То было первое изображение ламы, которое увидели европейцы.

Этот рассказ о далекой золотой стране на юге услышал и Франсиско Писарро — будущий завоева-

тель Перу. Имя его спустя двадцать лет прогремело по всей Испании.

Море, открытое экспедицией Бальбоа, отличалось мощными приливами и отливами — значит, то было не море, а безбрежный океан, простиравшийся далеко на юг. Океан манил конкистадоров, но без больших каравелл они были бессильны что-либо сделать.

3 ноября отряд Бальбоа отправился через перешеек обратно к берегам Дарьенского залива. По дороге конкистадоры совершали набеги на индейские селения, беспощадно грабили и убивали туземцев. Носильщики изнемогали под непосильным грузом золота, становившимся все тяжелее. После трехмесячного странствия 19 января 1514 года Бальбоа с триумфом возвратился в лагерь Санта-Мария. Его популярность необычайно возросла.

Счастливый открыватель Южного моря отправил в Испанию донесение о ходе и успехах экспедиции. Корабль вез также роскошные дары королю — двадцать тысяч золотых песо (песо де оро — 4,6—4,7 г золота), т. е. 92—94 кг золота, и три сотни великолепных жемчужин — красноречивое свидетельство ценности нового открытия. Особенно волнующим было известие о таинственной стране Эльдорадо, расположенной где-то на берегах Южного моря.

Отсылая столь ценные дары, Бальбоа надеялся, что король будет милостив к нему и посмотрит сквозь пальцы на его прегрешения. Поэтому он стал готовиться к дальнейшей экспедиции в Биру.

Однако надежды отважного конкистадора не оправдались. Бургосский епископ Фонсека — председатель совета по делам Индий, ярый защитник интересов короля, в свое время упорно преследовавший Колумба, — был взбешен гибелью Никуэсы и приказал строго наказать коварного конкистадора, а в колонию назначить нового правителя.

Вскоре к берегам Золотой Кастилии отправилась целая эскадра во главе с адмиралом и вице-королем колонии — ставленником двора — Педро Ариасом де Авиллой, или, короче, Педрариасом. То был еще крепкий семидесятилетний старик, хитрый дипломат, настоящий «двуногий тигр», как его называли современники.

Десять тысяч нищих идалго готовы были отправиться вместе с ним за океан, в новую страну на берегу Южного моря, но на борт двадцати кораблей можно было взять лишь тысячу пятьсот человек. Среди них было немало блестящих рыцарей и ученых мужей.

Хронист упоминает о первой встрече вице-короля Авилы с Бальбоа. Прибывшие ожидали увидеть роскошного вельможу — правителя колонии, готового оказать наместнику короля вооруженное сопротивление. Бальбоа же в грубой полотняной рубаше и веревочных туфлях вместе с несколькими индейцами крыл тростником крышу своей хижины. Он встретил нового вице-короля с почетом и безропотно подчинился королевскому указу — передал колонию Авиле, хотя указ этот был крайне несправедлив. Вскоре началось преследование Бальбоа.

Возвратился в Новый Свет и Энсисо, назначенный альгвасилом (начальником полиции). Он был рад, что может наконец свести счеты с ненавистным соперником — Бальбоа. «Канцелярская крыса» превратился теперь в «полицейскую крысу» и начал свою деятельность с того, что арестовал бывшего губернатора и отдал его под суд.

Однако популярность Бальбоа была так велика, а друзья его настолько влиятельны, что суд вынужден был оправдать его и освободить из-под стражи.

Авила считал Бальбоа опасным соперником, но все же не решился запретить отважному конкистадору готовиться к экспедиции в Южное море. Бальбоа тоже всячески избегал столкновения с вице-королем, хотя и не одобрял его политики беспощадного ограбления индейцев, о чем не раз упоминал в донесениях в Испанию.

Местный епископ прилагал все усилия, чтобы примирить обоих противников. Он посоветовал вице-королю выдать дочь замуж за Бальбоа и оказать ему помощь и поддержку в организации задуманной экспедиции. Епископ объявил недействительным брак Бальбоа с индианкой, хотя открыватель Южного моря был очень привязан к своей краснокожей жене и отнюдь не собирался расставаться с нею. К тому же дочь Авилы была еще далеко за океаном — в Испании. Все же Бальбоа согласился на этот компромисс, так же как и вице-король, который считал, что Бальбоа, став его зятем, будет менее опасен.

Работа по подготовке экспедиции закипела. На берегу Атлантического океана колонисты разбирали суда на части, чтобы через цепи гор доставить их на спинах индейцев к западному побережью Панамского перешейка.

Но Бальбоа не щадил и себя. С невиданной энергией он руководил всеми работами, помогая где нужно и являя для всех пример.

Через несколько месяцев напряженного труда четыре небольшие каравеллы подняли паруса. Бальбоа вышел в неведомый океан на поиски легендарной страны золота, которая, по словам индейцев, лежала в шести днях пути. Сначала он взял курс к Жемчужным островам, а потом повернул к югу. На третий день путешествия в море показалась стая китов. Испанцы так испугались огромных животных, которые, казалось, тут же потопят их утлые суденышки, что Бальбоа был вынужден искать спасения на берегу, а затем повернул обратно, так как не смог заставить своих людей продолжать путь.

Тем временем заслуги Бальбоа в открытии Южного моря получили признание в Испании, и его назначили аделантадо Южного моря — правителем обширной территории на западном побережье Центральной Америки.

Но тут противники обвинили Бальбоа в заговоре против Авилы, утверждая, что он намеревался после похода в далекое Эльдorado свергнуть вице-короля и захватить власть в свои руки.

Подозрительный и жестокий Авила решил расправиться с открывателем Великого Южного моря и пригласил его якобы на переговоры. Ничего не подозревавший Бальбоа отправился к назначенному месту встречи. Но там его поджидал Франсиско Писарро с отрядом солдат и, предъявив приказ вице-короля об аресте, надел на него оковы.

Суд, членом которого был и давнишний враг Бальбоа — Энсисо, к новому обвинению в измене присовокупил и старое — в убийстве Никуэсы.

Хотя Бальбоа решительно отрицал свою вину, все его оправдания были тщетны. Трусливые судьи, опасаясь гнева вице-короля, признали Бальбоа виновным и приговорили к смертной казни. Авила поспешно утвердил этот несправедливый приговор, и он тут же был приведен в исполнение.

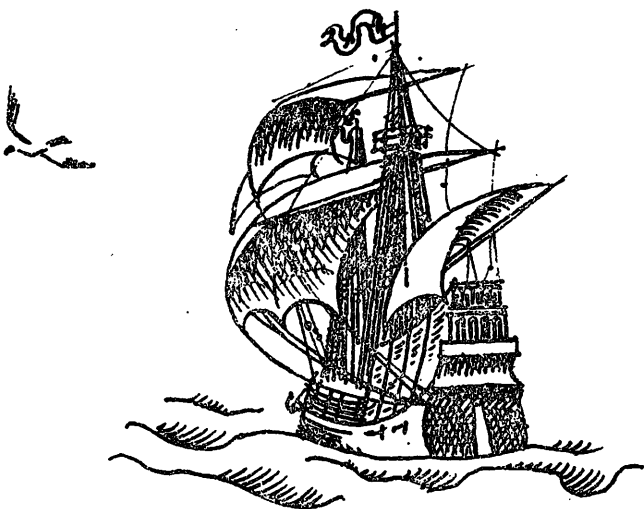
Так в 1517 году в возрасте 42 лет бесславно погиб открыватель Южного моря Васко Нуньес Бальбоа, став жертвой алчности, властолюбия и соперничества между конкистадорами. Смерть его задержала колонизацию Центральной Америки, так как Бальбоа был дальновидным и энергичным полководцем, умевшим обуздывать банды конкистадоров, заботившимся о расширении колоний и открытии новых земель. Авила же не обладал этими качествами. Тринадцать лет управлял он Золотой Кастилией, но не справлялся со своими подданными и больше разрушал, нежели созидал. Испанский хронист епископ Лас Касас назвал Авилу «жестоким тираном без сердца и разума, орудием божьего гнева». За время правления Авилы в Центральной Америке, по свидетельству испанских историков, погибло два миллиона индейцев.

А открытие Бальбоа не было забыто и оставило след в истории географических открытий.

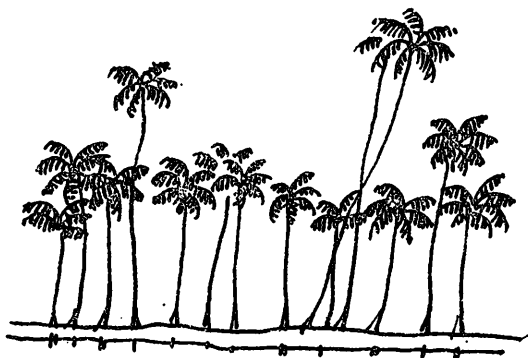
Спустя три года после гибели Бальбоа три испанские каравеллы под командованием Фернана Магеллана пересекли открытое Бальбоа Южное море и, переименовав его в Тихий океан, совершили первое кругосветное путешествие.

Слух о несметных богатствах земель к северу от Золотой Кастилии толкал конкистадоров на все новые и новые экспедиции в Центральную Америку, на те грабительские походы, которые они гордо называли открытием новых земель.

В 1518 году на берегу Тихого океана испанцы zaloжили город Панаму и начали обследовать побережье к северу от него, вдоль территории нынешних Панамы и Коста-Рики, надеясь найти там желанный морской проход между обоими океанами. Конкистадоры открыли и завоевали Сальвадор и Никарагуа, а также достигли Гватемалы и Гондураса, которые считались тогда безхозными землями. Среди завоевателей и открывателей новых земель можно назвать также имена Бадахоса, Эспиносы, Хилия Авилы, Ниньо и других. Вскоре во вновь открытых областях началась борьба между отдельными группами конкистадоров, но главный поток испанской экспансии повернул от Антильских островов на север, в страну золота — Мексику.

В СТРАНУ ЗОЛОТА — МЕКСИКУ

Планы губернатора Кубы Веласкеса. — Старый солдат Берналь Диас дель Кастильо и его хроника. — Каравеллы Кордовы у берегов Мексиканского залива. — Страна высокой цивилизации — Юкатан. — Резня под Чампотоном. — Возвращение на Кубу. — Экспедиция Грихальвы. — «На суше мы им показали!» — Мирные переговоры на земле Табаско. — В Мексику!

После покорения Кубы ее губернатор Веласкес основал там несколько колоний и построил на юго-восточном берегу свою резиденцию — первую столицу острова Сантьяго де Куба (город Св. Якова на Кубе). Он щедро раздавал колонистам земли с жившими на них индейцами, поощрял добычу золота и развитие сельского хозяйства, особенно разведение сахарного тростника. Кроме того, испанцы в поисках новых земель предприняли ряд экспедиций на побережье материка. Многие надеялись найти в Центральной Америке морской пролив, который привел бы их в другие страны. Такой пролив еще в 1508 году тщетно искали Висенте Пинсон и Хуан Диас Солис. Они высадились на берегу Гондурасского залива и стали, таким образом, первооткрывателями полуострова Юкатан. Такую же экспедицию задумал и Веласкес. Вскоре ему удалось осуществить свой замысел.

В это время к берегам Гондурасского залива, а по данным некоторых источников — к Багамским островам, для охоты за людьми отправились свыше ста кубинских колонистов под командованием идадьго Франсиско Эрнандеса де Кордовы. Современники отзывались о нем как о смелом человеке, жестоко расправлявшемся с индейцами.

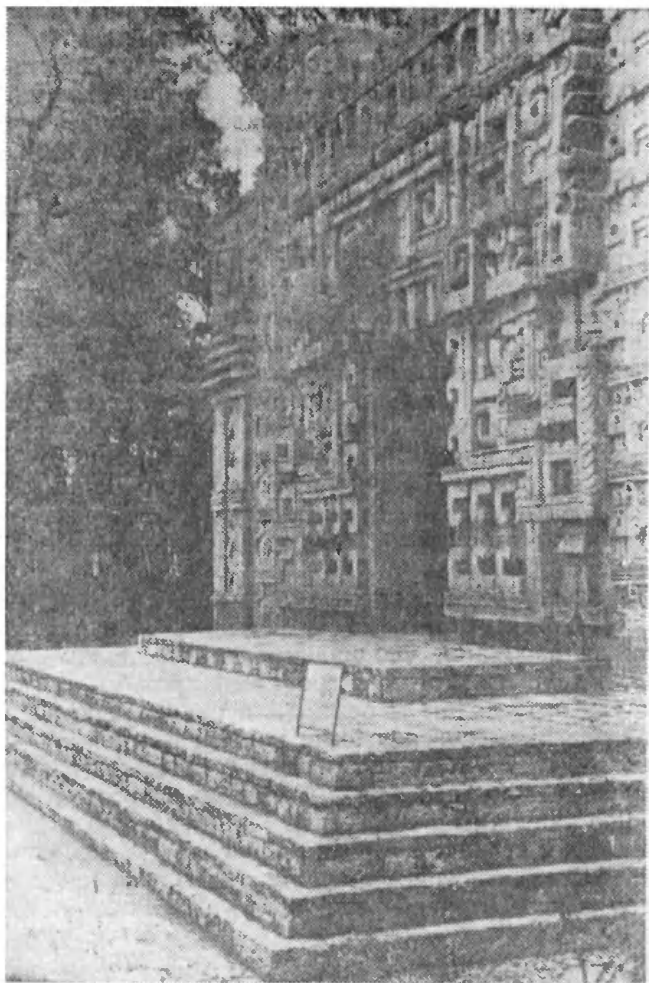
Колонисты на свои средства приобрели две каравеллы. Третью им дал губернатор, надеясь получить свою долю добычи и рабов. Конкистадоры запаслись провиантом, наняли матросов и закупили стеклянные бусы для обмена на золото.

В этой экспедиции участвовали спутник Колумба по его четвертому путешествию кормчий Аламинос и родственник Веласкеса — будущий автор замечательной хроники о завоевании испанцами Мексики — Берналь Диас дель Кастильо, родившийся в 1492 году, когда Колумб впервые отправился за океан. Покинув в 1514 году Испанию, Диас вместе с вице-королем Золотой Кастилии Авилой прибыл на Панамский перешеек. Но здесь из-за ссор между командиром и солдатами многие колонисты, в том числе и Диас, попросили разрешения переселиться на Кубу, о недавнем покорении которой они узнали. Губернатор Кубы Веласкес встретил их радушно, пообещал землю и индейцев. Однако прошло три года, а солдаты все еще слонялись без дела и не было у них ни земли, ни рабов. Недовольные этим, они охотно приняли участие в экспедиции Кордовы.

Старый солдат был наделен феноменальной памятью и в восемьдесят лет написал хронику («Правдивая повесть о завоевании Новой Испании») своих необыкновенных приключений в стране ацтеков и майя. Во вступлении он писал: «Я уже стар... потерял зрение и слух. По велению судьбы я не нажил ничего ценного, что мог бы оставить в наследство своим детям и потомкам, кроме правдивого рассказа о своей жизни. Но они вскоре убедятся, что это необыкновенный рассказ». Эти слова, намекавшие на большое значение его труда, оказались пророческими. Хроника Диаса действительно стала одним из ценнейших документов, правдиво отражающим историю завоевания Америки. Диас умер в Гватемале в возрасте восьмидесяти девяти лет, не нажив себе состояния в долгих военных походах.

В феврале 1517 года все три каравеллы снялись с якоря и вышли в море, но вскоре попали в сильный шторм и сбились с курса. Лишь через три недели на горизонте показался неизвестный берег.

То была северо-восточная оконечность огромного полуострова Юкатан возле мыса Каточе — страна народа майя. Толпившимся на берегу индейцам явилось настоя-

Храм майя

щее чудо: сначала далеко в море, у самого горизонта, возникли три черные точки, вскоре они превратились в плавучие горы с шапкой белых облаков, и наконец стало видно, что к берегу подходят огромные лодки с чужеземцами на борту.

Смертельно усталые, измученные испанцы были счастливы: они уже не надеялись на спасение.

Низкий берег, усеянный обломками скал, постепенно переходил в обширную равнину. Вдали возвышалась высокая стена, за которой виднелась вереница каменных зданий — пирамиды, храмы и дворцы. Чудесный город на земле, где испанцам до сих пор встречались лишь толпы полуголых дикарей и крытые пальмовыми листьями хижины!

Утром на десяти пирогах по сорок человек в каждой появились касики в сопровождении воинов.

Кордова знаками стал уверять их в дружбе, и индейцы поднялись на борт флагманского корабля. Но объясняться с испанцами они могли только жестами.

На прощание испанцы одарили гостей стеклянными бусами. На завтра индейцы снова появились, ведя за собой пустые пироги, и стали знаками приглашать испанцев на берег. Любопытство победило осторожность, и Кордова приказал спустить шлюпки. Матросы в полном боевом вооружении сели в них и поплыли вслед за индейскими пирогами.

На берегу их встретили толпы индейцев, пришедших из города посмотреть на чужеземцев. Испанцы следовали за касиками, уводившими их все дальше от берега. Вдруг из засады с громкими криками выскочили вооруженные воины и осыпали испанцев градом стрел. В первое же мгновение были ранены пятнадцать испанских матросов. Индейцы в ярких боевых доспехах — разукрашенных перьями шлемах и ватных панцирях, хорошо защищавших от стрел, — прикрываясь щитами, с луками и стрелами в руках бросились на испанцев. Те разбежались в разные стороны, залегли за пригорками, обломками скал и открыли огонь из мушкетов и аркебуз.

Индейцы пришли в ужас: они никогда не видели, чтобы людей убивали с такого расстояния, да еще посохами, извергающими дым и огонь, издающими грохот, подобный грому небесному. Бледнолицые пришельцы с моря были, по-видимому, злыми духами... И туземные воины в паническом страхе обратились в бегство. Отряд Кордовы был спасен.

Хотя и следовало ожидать новой атаки индейцев, испанцы не могли удержаться от искушения осмотреть

Роспись на сосуде (искусство майя)

покинутый жителями город. Здания его были украшены изображениями змей, ягуаров и других зверей. Заглядывая в дома и храмы, конкистадоры обнаружили там алтари, расписанные ярким орнаментом, изваяния зверей и драконов с человеческими головами, незнакомые письмена на стенах, глиняных идолов, сундуки, украшенные медными и золотыми фигурками животных. Подобные произведения искусства повстречались испанцам в Новом Свете впервые. Они захватили с собой как можно больше драгоценных предметов и поспешили оставить негостеприимные берега.

Однако Кордова отнюдь не торопился покинуть эту страну, сулившую богатую добычу. Он хотел тщательно обследовать ее.

Пятнадцать дней испанская флотилия шла вдоль берегов Юкатана на запад, и мореплаватели заносили

на карту все новые и новые мысы, бухты, рифы и отмели. Когда иссякли запасы пресной воды, испанцы высадились на берег вблизи другого крупного города майя. На берегу их встретили касики в парадных одеждах и стали знаками расспрашивать, чего ищут здесь пришельцы и не прибыли ли они оттуда, где восходит солнце. Индейцы несколько раз повторили слово «кастильцы». Сначала никто не придавал этому значения. Испанцы лишь удивились, что туземцы догадываются, кто они такие. И лишь позднее выяснилось, что до Кордовы страны этой достигли и живут в ней несколько их соотечественников, которые привезли сюда весть о том, что ближайшие острова захвачены испанцами (кастильцами).

Индейцы предложили конкистадорам посетить их город. Испанцы опасались подвоха, но, надеясь на богатую добычу, все же приняли приглашение. Вскоре они очутились на широкой площади, со всех сторон окруженной великолепными храмами. Площадь была заполнена толпами индейцев, вооруженных копьями и луками со стрелами. Вперед вышли рабы в лохмотьях с вязанками сухого тростника. Они сложили тростник в кучу и подожгли. Затем из храма появились жрецы в испачканных кровью белых одеяниях с ниспадавшими на плечи длинными черными волосами. Они держали в руках раскаленные жаровни и принялись окуривать испанцев благовонными травами. И тут, как пишет Берналь Диас, индейцы «...знаками дали понять, что мы должны покинуть их страну раньше, чем сгорит тростник, сложенный в кучу, не то нас атакуют и перебьют».

Поняв грозящую опасность и памятуя о битве у мыса Каточе (после которой два воина умерли от ран), испанцы не стали противиться решению жрецов. Сомкнутым строем они отступили к берегу. Индейцы проводжали их барабанным боем, звуками деревянных труб и свирелей из морских раковин. Наполнив бочки пресной водой, испанцы поспешно снялись с якоря.

В течение нескольких недель флотилия Кордовы продолжала обследовать западное побережье Юкатана. Вскоре испанцы увидели еще один город майя — Чампотон и высадились на берег, надеясь пополнить запасы пресной воды. Едва они вытащили из воды шлюпки, их окружили индейские воины. Тела и лица индейцев были разукрашены белым, черным и коричневым орнаментом,

в руках они держали щиты, копья и знамена из ярких перьев тропических птиц. Индейцы знаками стали спрашивать белых людей, не прибыли ли они с востока. Надеясь, что туземцы при первом же выстреле бросятся врассыпную, испанцы решились разбить на берегу лагерь. Индейцы окружили их плотным кольцом, оставив лишь узкий проход к морю — единственный путь к спасению.

Конкистадоры заспорили, что делать дальше. Одни хотели немедленно уходить на корабли, хотя и опасались, что при посадке в шлюпки им будет трудно отбивать атаки, другие, в том числе и Диас, советовали ночью напасть на индейцев.

Краснокожие воины готовились к битве: подняв пестрые знамена, они все теснее смыкали кольцо вокруг испанцев. С тыла им подносили стрелы и копья, еду и питье. Они жгли костры и, чтобы умиловить бога войны, бросали в них благовоющую смолу. «Мы видели, что на каждого из нас приходится около двухсот индейцев... и говорили друг другу: «Укрепим свой дух перед битвой и, уповая на господу, сделаем все для спасения своей жизни», — писал в своей хронике старый солдат Берналь Диас.

Атака началась на рассвете. Осыпая испанцев градом стрел, дротиков и камней, толпы туземных воинов бросились на лагерь конкистадоров и смяли их ряды. После второй атаки были тяжело ранены восемьдесят испанцев (в Берналя Диаса тоже попало три стрелы), но огонь мушкетов и стальные клинки испанцев остановили туземцев. Началась рукопашная, в которой на каждого испанца приходилось не менее тридцати индейцев. Туземные воины оглашали воздух криками: «Убейте вождя!» И действительно, Кордова получил не менее десяти ран. Он собрал своих людей и, не видя иного выхода, стал пробиваться к шлюпкам. Сопровождаемые дикими криками индейцев и осыпаемые градом стрел, испанцы достигли берега. Многие пали в пути.

Испанцы бросились к шлюпкам, но в панике перевернули их и вынуждены были спасаться вплавь, цепляясь за лодки. В море еще многие были ранены и убиты, так как индейцы преследовали их на своих пирогах.

«Так мы спаслись, — писал Берналь Диас. — Но не

все: при перекличке не оказалось семидесяти пяти товарищей, помимо тех двоих, которые были захвачены туземцами в плен; а вскоре еще пятеро умерли от ран и жажды. А ведь битва продолжалась всего около полу-часа!»

Конкистадоры отметили это место на картах и называли его «Бухтой злой битвы». Завоеватели понесли тяжелый урон, запасы продовольствия и пресной воды были исчерпаны. Не хватало людей, чтобы управлять кораблями, и малое судно пришлось сжечь, предварительно сняв с него оснастку и груз.

Испанцы испытывали тяжкие страдания от лихорадки и загноившихся ран. Их мучила нестерпимая жажда, так как при поспешном бегстве из Чампотона они бросили на берегу свои бочки с водой.

В поисках пресной воды экспедиция медленно двигалась к югу вдоль западного берега Юкатана. Но как на зло желанных источников не было и в помине, а в бухтах и устьях рек вода была соленой. Главный кормчий Аламинос предложил пойти от лагуны Терминос напрямик к Флориде, которую он знал по совместному походу с Хуаном Понсе де Леоном. По его словам, там можно найти воду и к тому же оттуда легче вернуться на Кубу. Так испанцы впервые пересекли Мексиканский залив и через четыре дня, полумертвые от жажды, добрались до Флориды. Здесь двадцать наименее пострадавших от ран матросов, хорошо вооружившись, сошли на берег, выслали вперед дозор и начали быстро рыть колодец, который вскоре наполнился прекрасной питьевой водой. Прошло около часа, когда вдруг матросов, рывших колодец, и тех, кто осгася в шлюпке, атаковали индейцы. Испанцам с величайшим трудом удалось отбиться и взять в плен троих раненых туземцев. В этой схватке опять многие конкистадоры были ранены, а один попал в плен.

Захватив бочонки с водой, матросы вернулись к кораблю. «Радость была так велика, будто мы привезли им жизнь! — писал Диас. — Но один из солдат, словно лишившись рассудка, не стерпел, прыгнул в лодку и стал пить, пить без конца, так что вскоре распух и умер».

По дороге в Гавану на долю испанцев выпало еще немало испытаний: один корабль наскочил на риф и чуть

не пошел ко дну, команда из последних сил откачала воду насосами.

На Кубе капитан Кордова отправился в свое поместье, где через десять дней умер от ран. Остальные участники похода пошли на кораблях в Сантьяго — тогдашнюю столицу Кубы. Там они подробно рассказали об экспедиции губернатору и передали ему пленных, награбленные золотые изделия и языческих идолов.

Весть о новом открытии привлекла всеобщее внимание не только на Кубе, но и на других островах и даже долетела до Испании. Все только и говорили, что столь богатых земель — с каменными дворцами и храмами — никто в Новом Свете еще не видел и что страна эта изобилует золотом. Однако участники экспедиции вернулись оттуда с пустыми руками...

Слухи о новой земле, как рассказывает в своем обширном труде испанский историк Овьедо, снова воспламенили воображение испанцев, они опять грезили золотом. Веласкес снарядил на свои средства новую экспедицию во главе со своим племянником капитаном Хуаном Грихальвой. Губернатор предложил участвовать в ней и Берналю Диасу. Последний сначала было отказался, назвав Юкатан страной ран и смерти, на которую надо раз и навсегда махнуть рукой. «Нищими, в ранах, вернулись они оттуда, — писал Диас. — И это еще было счастьем. Такова судьба всех первооткрывателей». Но затем Диас все же дал согласие.

В начале апреля 1518 года четыре каравеллы Грихальвы, взяв на борт двести сорок человек, снялись с якоря и отправились к берегам Юкатана. Суда вели такие опытные кормчие, как Педро Альварадо и Франсиско Монтехо, впоследствии сыгравшие большую роль в завоевании Мексики и Юкатана, а также знаменитый кормчий Аламинос — фактический руководитель этого похода. О Аламиносе советский ученый И. П. Магидович сказал, что во всей истории географических открытий нельзя найти другого столь же замечательного мореплавателя, который был бы так беспричинно и несправедливо забыт. Аламиносу — соратнику и ученику Колумба фактически принадлежит честь открытия Флориды и Юкатана, а также большей части берегов Мексиканского залива, но слава его досталась командирам экспедиций, ничего не смыслившим в навигации.

Хуан де Грихальва

Через восемнадцать дней испанцы достигли тогда еще неизвестного острова Косумель (Ласточкин остров) у северной оконечности Юкатана. Людей на острове не было видно. Туземцы попрятались и издали следили, как чужестранцы рыщут среди покинутых ими домов и храмов.

От Косумеля флотилия двинулась дальше вдоль северного и западного побережья Юкатана, по маршруту Кордовы. Грихальва видел, что это земля высокой цивилизации. Большие строения, сложенные из камня и оштукатуренные, ничуть не походили на индейские хижины на островах Карибского моря. Здесь было развито земледелие, жители изготавливали прекрасные ткани

из хлопка, носили золотые украшения тонкой работы.

Испанцы часто встречали на пути большие каменные кресты — культовые знаки индейцев, и не переставали удивляться им. Возможно, именно поэтому Грихальва назвал полуостров Новой Испанией, а позднее это название распространилось на более обширную область. К тому же эта местность и впрямь напоминала испанцам их далекую родину.

У города Чампотона экспедиция Грихальвы тоже натолкнулась на ожесточенное сопротивление индейцев майя. Взяв с собой хорошо вооруженный отряд и легкие пушки-фальконеты, оставив суда в открытом море, Грихальва высадился на берег. По словам хрониста, индейцы, помнившие свою недавнюю победу, вели себя очень нагло и успешно атаковали испанцев, когда те еще находились в шлюпках; половина солдат десанта была ранена.

«Зато на суше мы им показали! — писал Диас. — Для защиты от их стрел мы надели ватные панцири, и хотя многих все же ранили — сам Грихальва был ранен тремя стрелами, и камнем ему выбили два зуба — все же мы разгромили их и ворвались в селение».

В этой битве пало около двухсот индейцев, и ужасная весть о поражении распространилась по всему побережью.

Следуя от Чампотона дальше на запад, флотилия вскоре достигла реки Табаско (впоследствии названной завоевателями рекой Грихальвы), которая впадает в залив Кампече. Грихальва решил обследовать устье реки. Ведя за собой на канате шлюпки, испанцы на двух небольших судах стали подниматься вверх по реке. На берегах ее стояли толпы индейцев, из леса доносился шум падающих деревьев — туземцы готовили завалы, чтобы преградить путь пришельцам.

Еще в устье реки корабли окружило множество пирог с вооруженными индейцами. Испанцы стали готовиться к бою: задымились фитили мушкетов, натянулись тетивы арбалетов. Но на свое счастье конкистадоры все же решили вступить с индейцами в мирные переговоры.

«Капитан сказал им, — писал Диас, — что мы приехали из далекой страны, что мы подданные великого императора дона Карлоса, у которого много вассалов —

могущественных вельмож и касиков, и что индейцы тоже должны признать его своим повелителем. Это принесет им немало добра. И что в обмен на бусы они могли бы принести нам съестные припасы и домашнюю птицу... Двое индейцев ответили на это... что касается повелителя, то у них есть свой касик, а мы, дескать, едва прибыв сюда и ничего о них не зная, уже хотим навязать им другого вождя. Они предостерегли нас, чтобы мы не пытались сделать это силой, как в Чампотоне, так как у них стоят наготове более трех хикипилов воинов из всех окрестных провинций (хикипил — восемь тысяч человек). Они также добавили, что знают, как на днях в Чампотоне нами было ранено и убито свыше двухсот человек. Но они далеко не так слабы и немощны, как жители Чампотона...»

Грихальва обнял послов в знак своих мирных намерений и отпустил их с богатыми дарами. Военный совет индейцев решил не начинать военных действий.

«На следующий день, — писал Диас, — свыше тридцати индейцев пришли со своим касиком на мыс под пальмы, где мы стояли лагерем. Они принесли нам печеную рыбу, птиц, плоды сапоте и маисовые лепешки, а также жаровни с углем и благовонной смолой, которой стали нас окуривать. Затем они разостлали на земле ковры... и разложили на них разные ткани, а также золотые вещицы: некоторые имели форму диадем, другие были сделаны в виде фигурок уток, ящериц; три нитки бус (из полых зерен) и другие предметы. Они принесли также несколько плащей и рубах, какие носили сами, и просили нас принять эти вещи без обиды, так как золота у них больше нет. Зато дальше к западу, в глубь страны, лежит земля, очень богатая золотом. И они много раз повторяли: «Кулуа, Кулуа, Мехико, Мехико», — но мы не понимали, где находится эта Кулуа или Мехико».

Услышав о богатых землях, Грихальва решил отказаться от обследования реки Табаско и двинуться дальше, прямо в золотую страну Мехико, или Мексику, следуя вдоль берега на север. По дороге испанцам встретились другие реки: одну из них они называли Альварадо, другую — Рекою флажков, так как на ее берегах стояли толпы индейцев, разукрашенных пестрыми перьями, с белыми флажками на копьях. Весть об экспедиции

дошла и до этих отдаленных областей и, туземцы выходили встречать чужестранцев.

Тогда испанцы еще не знали, что земли эти — владения могущественного повелителя ацтеков — Монтесумы и что он, узнав о появлении испанцев, приказал прибрежным жителям обменивать золото на товары чужеземцев, выясняя при этом, куда они держат путь.

В устье Реки флажков Грихальва вступил в переговоры с касиком подчиненного ацтекам племени, который всячески старался раздобыть необходимые Монтесуме сведения. Однако касик плохо понимал испанцев, изъяснявшихся жестами. Стороны обменялись подарками, и испанцы (по свидетельству историка Гомары) в обмен на дешевые безделушки — нитки стеклянных бус, иголки и мелкие украшения — получили драгоценных камней и золота на пятнадцать-двадцать тысяч золотых песо. Эта добыча превзошла самые смелые ожидания испанцев. Все же Грихальва отклонил предложение своих людей остаться на побережье и основать там колонию. Ограничившись этим выгодным обменом, он продолжал путь вдоль побережья на запад.

Вскоре испанцы наткнулись на группу островов. Высадившись на самом большом из них, они обнаружили в храме тела индейцев, недавно принесенных в жертву, и назвали его Островом жертвоприношений. На другом острове испанцы застigli в храме четырех жрецов совершавших жертвоприношения: опрокинув двоих юношей на жертвенный камень, жрецы вскрыли им грудь и вырвали сердце.

При виде несчастных жертв испанцы, по словам хрониста, содрогнулись, и кровь застыла у них в жилах. Они спросили у переводчика, зачем жрецы сделали это. Но тот, плохо понимая их речь, в ответ только лепетал: «Улуа, улуа!», — и испанцы назвали этот остров Сан-Хуан-де-Улуа.

Надо сказать, что в скором времени индейцы в свою очередь были повергнуты в ужас зверствами белых людей, которые на покоренных землях во имя своего бога убивали и сжигали на кострах всех, кто оказывал им сопротивление.

Испанцы провели на этом берегу семь дней, не рискуя отправиться дальше; запасы провианта иссякли, хлеб покрылся плесенью. Десять человек погибло от ран, мно-

гие были больны. Для строительства колонии не хватало людей. Грихальва решил погрузить на один из кораблей все добытое золото и ткани и под командованием Педро Альварадо отправить его на Кубу.

Губернатор Кубы Веласкес так обрадовался золоту и добрым вестям, что целую неделю пировал и устраивал турниры.

Грихальва же продолжал плыть вдоль берегов Мексиканского залива, пока не достиг области Пануко. В пути испанцам довелось пережить немало злоключений. Однажды индейцы чуть было не захватили малое судно: туземцы перерубили канаты и взяли судно на буксир. В другой раз испанцы, выменивая бусы на золотые изделия, польстились на блестящие топоры с длинными, украшенными резьбой рукоятками. Решив, что топоры золотые, они наменяли их около сотни, и лишь потом, после возвращения домой, увидели, что попали впросак: лезвия топоров позеленели — верный признак того, что это была медь, а не золото.

Многие из солдат Грихальвы не желали довольствоваться открытием берегов, а хотели покорить все побережье и проникнуть в глубь благодатной страны. Но пока об этом нечего было и думать: для такого похода требовалось пополнение.

И хотя Грихальва отнюдь не страдал отсутствием честолюбия или храбрости, все же после шести месяцев странствий он решил вернуться на Кубу.

ЗВЕЗДА КОРТЕСА ВОСХОДИТ НА НЕБОСКЛОНЕ

Кто поведет новую экспедицию? — Эрнандо Кортес. — Похождения конкистадора в Новом Свете. — Разногласия с Веласкесом и неожиданное примирение. — Вербовка добровольцев. — «Братья, последуем за крестом!» — К берегам Мексики

Привезенное Альварадо первое известие об успешном походе Грихальвы с быстротой молнии облетело всю Кубу, и алчный, честолюбивый губернатор Веласкес решил сразу же приступить к дальнейшему завоеванию побережья Мексиканского залива, сулившего богатство и славу.

Веласкес немедленно послал гонца ко двору в Испанию с важным донесением об открытии новых богатых земель.

Губернатор, стараясь получить право снаряжать экспедиции для завоевания новых территорий и строить форты, щедрыми дарами подкупил председателя совета по делам Индии Фонсеку и его чиновников, ведавших колонизацией заморских стран, и приписал себе заслуги по открытию новых земель.

Не дожидаясь ответа из Испании, Веласкес отдал приказ приступить к снаряжению флотилии из десяти судов — четырех старых, из экспедиции Грихальвы, и шести новых. Но кому доверить командование? Самого губернатора не привлекал столь опасный поход. По свидетельству историка Эрреры, ему не хватало размаха и широты взглядов. Чуждый великодушию, подозрительный, он готов был взвалить на других любую неудачу.

Для командования экспедицией требовался опытный командир, умный, дальновидный и решительный, способный управлять завоеванными территориями. И в то же время это должен был быть человек, который сам не стремится к захвату земель, но готов по приказу Веласкеса бесстрашно пойти навстречу опасности.

Грихальва, вернувшийся в ноябре на Кубу, застал подготовку к экспедиции в полном разгаре — она уже близилась к завершению. Веласкес вложил в это предприятие немалые средства. Алчность и честолюбие заставили его не скупиться. Предполагаемая добыча вдохновляла не только губернатора, но и его солдат.

Многие знатные идальго, закаленные в боях воины, были готовы взять на себя командование этой экспедицией, но губернатор отвергал одного претендента за другим: тот не заслуживал доверия, другой был труслив и нерешителен, третий — честолюбив и заносчив или же недостаточно богат и не смог бы взять на себя часть расходов.

Солдаты хотели бы иметь своим командиром отважного капитана Грихальву. Но Веласкес был недоволен племянником, считая, что тот мог бы приложить больше стараний и за полгода добиться больших успехов, например основать колонию, хотя губернатор вовсе не поручал ему сделать что-либо подобное. К тому же Альва-

радо в отместку за несправедливый, по его мнению, выговор, который однажды сделал ему Грихальва, постарался очернить капитана в глазах губернатора. Грихальву сместили с должности, и его надежды на командование новой экспедицией развеялись в прах. Епископ Лас Касас считал, что Веласкес несправедливо поступил с Грихальвой.

Тогда ловкие интриганы казначей Амадор де Ларес и личный секретарь Веласкеса Андреас Дуеро, пользовавшиеся полным доверием губернатора, посоветовали ему поставить во главе экспедиции кубинского идальго Эрнандо Кортеса.

Веласкес не знал, что оба его приближенные были закадычными друзьями Кортеса и вступили с ним в тайный сговор в надежде получить свою долю, если их план осуществится и Кортесу доверят столь важное и прибыльное предприятие.

Кто же был Кортес и каков был его жизненный путь до того, как на небосклоне возшла его счастливая звезда?

Фернандо, или Эрнандо Кортес родился в 1485 году в испанском городе Эстремадуре. Один из хронистов — Писарро-и-Орельяна называет 1483 год, подчеркивая, что Кортес появился на свет божий якобы в один день с главой реформации Мартином Лютером — еретиком, исчадием ада, всеми силами стремившимся истребить святую католическую веру. Всевышний, дескать, послал Кортеса в этот мир для того, чтобы он, в противовес Мартину Лютеру, поддерживал и распространял истинную католическую веру.

Два года юноша изучал в Саламанкском университете право и, хотя не проявил особого усердия, наловчился изъясняться по-латыни, а также, по утверждению Лас Касаса, получил степень бакалавра. Однако его, как и многих испанских юношей в те годы, привлекали дальние походы, приключения и, конечно же, заморское золото. Сначала Кортес собрался было участвовать в военном походе в Италию, но потом оказал предпочтение Новому Свету и девятнадцати лет от роду, претерпев в пути жестокие бури и невзгоды, явился в 1504 году в столицу Эспаньолы Санто-Доминго к преемнику Колумба вице-королю Овандо.

Эрнандо Кортес (со старинной гравюры)

Корабль, на котором плыл Кортес, у Канарских островов отделился от флотилии, так как команда его хотела первой достичь Эспаньолы, чтобы с большей выгодой продать там свои товары. Но тут разыгралась буря, мореплаватели сбились с курса и не смогли определить своего местонахождения. Однажды утром на рею корабля опустился белый голубь. Отдохнув немного, он

снова взвился в воздух и скрылся вдаль. Последовав за птицей, мореплаватели достигли берегов Эспаньола. Хронист Гомара усмотрел в этом божественное предначертание: всевышний, дескать, не дал Кортесу — будущему воителю за веру христову — затеряться в морских просторах.

Юный искатель приключений получил на Эспаньоле надел земли с крепостными индейцами, а также должность нотариуса. Но эти занятия не увлекли честолобивого юношу, и он без стеснения заявил, что ехал добывать золото, а не рыться в земле как мужик. Гораздо больше по душе Эрнандо были веселые попойки и общество прекрасных дам. Юноше неоднократно приходилось доказывать на дуэли ловкость своих рук и меткость удара. Кортес участвовал также в карательных экспедициях против мятежных индейцев, обычно под командованием Диего Веласкеса — тогдашнего помощника вице-короля Эспаньола. Юноша привык к трудностям походной жизни, научился мастерски владеть мечом, стал жестоким и беспощадным, хитрым и коварным. Однако богатства он не нажил. Жажда золота чуть не вовлекла Кортеса в злополучную экспедицию Никуэсы в Дарьенский залив. Лишь болезнь удержала его на Эспаньоле и спасла от беды. Юноша и впрямь родился под счастливой звездой: этот случай дал хронистам повод утверждать, что всевышний берег Эрнандо для более возвышенной цели.

Эспаньола, где Кортес провел несколько лет, превратилась в центр испанской колонизации Нового Света. Волна открытий и завоеваний покатила отсюда в разные стороны: на север, запад, юг и, естественно, Кортес не остался в стороне.

В 1511 году, когда Веласкес приступил к завоеванию Кубы, Кортес принял участие в экспедиции. Энергичный, смелый, неутомимый, всегда веселый и остроумный юноша с изящными манерами стал вскоре всеобщим любимцем.

После завоевания Кубы Кортес, очевидно, уже пользовался особым расположением Веласкеса, и тот назначил расторопного юношу своим секретарем.

Однако идальго не слишком увлекался службой, а отдавал предпочтение дамскому обществу.

Веласкеса рассердило ухаживание Эрнандо за юной Каталиной Хуарес из близкой губернатору семьи, и особенно то, что Кортес не спешил сделать ей предложение. Кроме того, Кортес примкнул к ропшущим, которых на Кубе было немало. Прибывшим сюда искателям счастья и легкой наживы казалось, что их обделили землей и рабами, дали низкие должности, не обеспечили золотом.

Недовольные решили послать вице-королю на Эспаньолу жалобу на Веласкеса, и Кортес, по свидетельству Гомары, взял на себя эту тайную и опасную миссию. Ему предстояло тайком переправиться на утлом суденышке через морской пролив в восемнадцать лиг (около ста километров) шириною.

Однако губернатор узнал о заговоре и приказал схватить Кортеса, заковать в цепи и заточить в темницу, а потом повесить. Но удержать ловкого юношу в заключении было не так просто. Освободившись от цепей, он ночью выбрался через окно и укрылся в церкви, где, по обычаям средневековья, преступник пользовался правом убежища.

Когда через несколько дней беглец решил покинуть церковь, его окружили люди Веласкеса и, надев на него кандалы, снова заключили в тюрьму, а затем отвели на каравеллу, чтобы на завтра отправить мятежника на Эспаньолу.

Но и на сей раз счастье улыбнулось Кортесу: ему опять удалось освободиться от оков и темной ночью бежать с корабля на шлюпке. Бросив ее в волнах, беглец вплавь добрался до берега и снова укрылся в церкви. Очевидно, кто-то из стражи Веласкеса помог ему и на сей раз; по словам Гомары, Кортес всюду находил себе друзей.

Однако вскоре, ко всеобщему удивлению, недавние враги помирились: губернатор простил опасного идальго. Кортес обручился с Каталиной и таким образом породнился с влиятельной семьей. Многочисленные друзья Кортеса не только сумели уберечь сумасбродного идальго от виселицы, но и добились для него нового надела и рабов-индейцев, богатых золотых приисков и выгодной должности — судьи города Сантьяго. За несколько лет Кортес нажил большое состояние.

«Один бог знает, сколько жизней индейцев стоило это богатство!» — восклицает в своих записках Лас Касас,

называя Кортеса ловким авантюристом, умевшим превращать в золото кровь и страдания туземцев.

Итак, когда пришли первые известия об успехе экспедиции Грихальвы, Эрнандо Кортес жил в достатке и наслаждался семейным счастьем.

Кортес одним из первых оценил все значение открытия Грихальвы, ничуть не сомневаясь, что наконец-то найдена обширная богатая земля на западе, о которой индейцы рассказывали великому мореплавателю Христофору Колумбу еще в 1502 году, во время его плавания по Гондурасскому заливу. Однако, по словам Колумба, он лишь приоткрыл заветную дверь, войти в которую предстояло другим.

Кортеса вновь обуяла жажда золота и приключений, и он захотел во что бы то ни стало первым проникнуть в приотворенную Колумбом дверь.

Кортесу в это время было тридцать четыре года. По свидетельству современников, то был высокий, статный, худощавый человек, широкогрудый и плечистый, с хорошо развитой мускулатурой, прекрасный наездник и опытный воин, отлично владевший любым оружием. У него было бледное задумчивое лицо, обрамленное черной бородой, которую он впоследствии, когда она поседела, старательно красил в черный цвет. На подбородке у него был шрам, едва прикрытый бородой, — след одной из дуэлей. Ясные черные глаза смотрели сурово и настороженно, голос звучал повелительно. Он обладал даром красноречия и охотно призывал в свидетели свою совесть, хотя весьма сомнительно, была ли она у него. Он был умерен в еде и питье, легко переносил лишения, не боялся тяжелого труда и равнодушно относился к опасностям. Страстный игрок в карты и кости, он в случае проигрыша не терял хорошего настроения.

Внешний облик, манеры и речь этого вождя разбойников свидетельствовали о его благородном происхождении. Дорогая одежда, подчеркивавшая стройность фигуры, никогда не была слишком яркой или пестрой. Кортес не увлекался украшениями, а надевал поверх одежды лишь золотую цепь с образом пресвятой девы.

По свидетельству современников, Кортес отличался воинственностью и простотой, ясным трезвым умом и

несокрушимой волей, действовал решительно и без колебаний, умел заставить повиноваться и внушал страх даже своим ближайшим соратникам.

Таков был этот человек, которого поддерживали близкие губернатору лица.

Их настойчивые уговоры возымели свое действие, и Веласкес назначил Кортеса начальником экспедиции, возложив на него командование флотилией и присвоив звание капитан-генерала.

Кортес достиг цели, к которой неуклонно стремился с той самой поры, как сошел на берег Нового Света: отныне ему не нужно будет рыться в земле, заниматься хозяйством, выгонять на работу индейцев. Он возглавит большую военную экспедицию, будет открывать и завоевывать новые земли, его ждут честь, слава и богатство.

С этих пор Кортес преобразился. Он стал серьезным, целеустремленным, энергично принялся за вербовку добровольцев. В подготовку экспедиции он вложил не только все свое состояние и средства друзей, но и значительные суммы, взятые у купцов и ростовщиков под залог имения.

На добытые деньги Кортес закупил оружие, провиант и лошадей, которые в Новом Свете были очень дороги, а также товары для обменной торговли. Сам он оделся, как подобало капитан-генералу, — купил шляпу с пышными перьями, бархатный камзол с золотыми кистями и галунами, а также приказал изготовить особое знамя из черного бархата с королевским гербом, крестом и надписью, возвещавшей, что сильные верой одержат победу под знаком креста.

Знамя это Кортес повесил над дверьми своего дома, и агенты его принялись за вербовку солдат, щедро раздавая мелкие авансы, а в случае нужды обеспечивая оружием в счет будущей добычи.

— С божьей помощью каждый из нас разбогатеет и вернется домой с грузом золота и жемчуга. На золото, которое мы привезем, можно будет купить пол-Испании. Нет и не будет на свете рыцарей, чья слава способна затмить нашу славу, — любил повторять Кортес.

За короткий срок в экспедицию Кортеса записалось около трехсот добровольцев. Многие закладывали или продавали свои имения и скарб, чтобы вложить деньги в это заманчивое предприятие.

Энергичный капитан-генерал вскоре завоевал огромную популярность и уважение, чему немало способствовали его любезность и тонкое обхождение.

Для экспедиции Веласкес разработал подробные инструкции-предписания. В них главной задачей объявлялась обменная торговля с индейцами, причем подчеркивалось, что конкистадоры «не должны совершать по отношению к индейцам ничего плохого — обращаться с ними как можно ласковее, не обижать их и проявлять человеколюбие».

Такими лживыми, лицемерными фразами конкистадоры прикрывали грабительский характер своих экспедиций. На самом же деле они намеревались содрать с туземцев три шкуры.

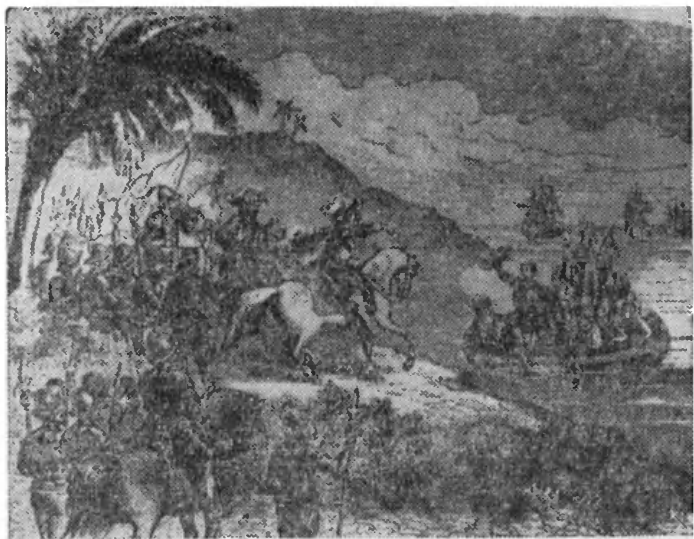
Кортесу предписывалось прежде всего помнить о горячем желании испанского короля Карла V обратить индейцев в христианскую веру. Капитан-генерал должен был внушать дикарям мысль о могуществе испанского государя и его божественной власти, призывать их покориться королю и выразить ему свои верноподданнические чувства приличествующими подношениями золота, жемчуга и драгоценных камней, что доказало бы их усердие и снискало бы им высочайшую милость. Все добытое золото и другие драгоценности следовало доставить Веласкесу.

Экспедиции предстояло тщательно обследовать побережье, измерить глубину бухт и устьев рек, разведать природные богатства, завязать отношения с индейскими племенами.

Следует отметить, что в предписании не говорилось об основании новой колонии.

В свое время Кордова привез известие о шести христианах, томящихся в плену у индейцев где-то в глубине страны: по-видимому, то были несчастные спутники Никуюсы. Кортесу вменялось в обязанность найти и освободить их.

Вскоре, однако, подозрительному губернатору пришло на ум, что Кортес опасен для него: слишком смел, независим и энергичен был этот человек, чтобы и впредь оставаться послушным орудием губернатора. Враги и завистники Кортеса не преминули пустить в ход клевету, прибегнув к услугам придворного шута. Они использовали также коварные предсказания астролога,

Прощание Кортеса с разгневанным Веласкесом (со старинного рисунка)

утверждавшего, что Кортес якобы собирается обмануть губернатора. Веласкес решил отстранить Кортеса от должности и назначить командиром Панфило Нарваэса, бывалого воина, участника покорения Ямайки.

Отношения между губернатором и Кортесом становились все холоднее, хотя последний и не упускал случая нарисовать Веласкесу заманчивые картины будущего богатства.

Друзья Кортеса предупредили его о намерениях губернатора. Не желая терять вложенные в экспедицию средства и отказаться от заманчивой перспективы, капитан-генерал поспешно привел свою эскадру в готовность и на рассвете 18 ноября 1518 года тайно вывел ее в море, немало удивив всех жителей Сантьяго, которые знали, что корабли еще не взяли на борт необходимые припасы.

Когда весть об этом дошла до Веласкеса, было уже поздно. Вскочив с постели, губернатор верхом помчался в порт, но корабли уже стояли на рейде. От одной из

каравелл отчалила шлюпка и приблизилась к берегу. В ней находился Кортес с двумя капитанами и вооруженной охраной. Держась на безопасном расстоянии, капитан-генерал в самых учтивых выражениях принес Веласкесу извинения в том, что вышел в море, не дождавшись его приказа, — эскадра, дескать, должна спешить на поиски новых земель. Не будет ли у губернатора каких-либо распоряжений?

Оставив Веласкеса в бессильной злобе на берегу, Кортес приказал грести обратно к флагманскому кораблю. Затем эскадра вышла в Карибское море и двинулась вдоль берега на запад. Пройдя километров сто, Кортес бросил якорь в порту Макако и реквизирует на королевских приисках, находившихся поблизости, большие запасы продовольствия. Через шесть дней он отправился дальше к порту Тринидад на южном побережье острова.

Там он сошел на берег, приказал поднять свое знамя и приступил к вербовке добровольцев, сбежая богатое вознаграждение. Желавших было много. На службу к Кортесу поступило около сотни солдат Грихальвы, вернувшихся с берегов Мексики, среди них несколько знатных идалго, впоследствии сыгравших большую роль в завоевании этой страны. Это были отважный капитан Педро Альварадо и три его брата, идалго Алонсо Авила, Хуан Эскаланте, Кристоаль Олид, Гонсало Санловаль, Хуан Веласкес (близкий родственник губернатора) и другие.

Здесь Кортес тоже закупил много провианта и оружия. Он не постеснялся даже конфисковать у одного купца целое судно с запасами провианта, выдав ему за это лишь долговое обязательство. Кузнецы дни и ночи ковали для экспедиции наконечники копий и стрел. Конкистадоры обзавелись лошадьми, что для многих было недостижимой мечтой, в том числе и для нищего идалго Алонсо Пуэртокарреро. Кортес сделал благородный жест: срезал со своего камзола золотые кисти и купил на них боевого коня для бедного идалго. А в Новом Свете лошади в то время стоили от пятисот до тысячи золотых песо. Этим поступком он покорила сердца всех своих солдат. О таком отзывчивом и щедром командире можно было только мечтать! Даже друзья и

родственники Веласкеса, которых было немало среди воинов Кортеса, стали горячими приверженцами командира.

Вердуго — правитель и судья города Тринидад, тоже родственник губернатора. — получил приказ об аресте Кортеса, но не посмел да и не смог бы выполнить его: слишком много было друзей у Кортеса и врагов у губернатора. По свидетельству Гомары, солдаты буквально носили Кортеса на руках и немедленно разгромили бы весь город, посмей кто-то хоть пальцем тронуть их любимого командира. Сам Кортес только посмеялся над угрозой ареста. Он прекрасно сознавал свою силу.

Затем экспедиция, обогнув западную оконечность острова, двинулась дальше по направлению к Гаване, где ее ожидали завербованные солдаты и оружейные мастера. Кортес намеревался пополнить там запасы провианта и тщательно проверить состояние орудий.

В Гаване испанцы изготовили также особые панцири индейского образца — стеганные жилеты из толстого слоя ваты, предварительно замоченной в солевом растворе, от чего вата уплотнялась и становилась упругой. Такие панцири были лучшей защитой от стрел, камней и метательных копий, чем железные доспехи. В ватных панцирях стрелы застревали и, потеряв силу, повисали, а от железных отскакивали и могли ранить находившихся рядом солдат. Кроме того, в жарком климате легкие ватные жилеты были намного удобнее тяжелых железных лат.

Приказ об аресте непокорного Кортеса прибыл и в Гавану, однако Веласкес, не веря больше в его исполнение, прислал Кортесу письмо с предложением отложить выход в море и вступить в переговоры. Но попытки губернатора добиться примирения ни к чему не привели. Эрнандо Кортес поднял на флагманском корабле «Санта-Роса» свой штандарт — расшитое золотом черное бархатное знамя с красным крестом, обрамленным расходящимися во все стороны белыми и голубыми лучами, и надписью по-латыни: «*Amici, sequamur crucem; si nos habuerimus fidem, in hoc signo vincemus*» («Друзья, последуем за крестом; веруя, под сим знаком мы победим».)

Под этим крестом собралось свыше шестисот человек:

сто десять матросов, пятьсот пятьдесят три солдата, из них тридцать два аркебузира и мушкетера (мушкеты — старинные тяжелые ружья, заряжавшиеся крупными пулями или картечью через ствол и опиравшиеся на подставки) и четырнадцать артиллеристов с десятью большими и четырьмя малыми пушками (фальконетами), заряжавшимися каменными и свинцовыми ядрами. Остальные солдаты были вооружены копьями, шпагами и арбалетами — большими деревянными или стальными луками с деревянными рукоятками для метания тяжелых стрел. Для тяжелой работы испанцы взяли с собой двести индейцев.

В войске Кортеса было шестнадцать лошадей. Этих животных привозили сюда из Испании, и в колониях они были большой редкостью. Однако Кортесу было хорошо известно, как велика их роль на поле брани. Внезапный удар кавалерии вносил смятение во вражеские ряды.

По сравнению с полчищами индейцев, с которыми испанцам предстояло сражаться, войско Кортеса представляло собой ничтожную горстку. Но нельзя забывать, что испанские солдаты были лучшими воинами в Европе, сильными, отважными, закаленными в бесчисленных боях с маврами на севере Африки, в битвах с итальянцами, французами, немцами и голландцами в Европе. Нищие идалго добывали себе пропитание только мечом, ибо другой труд считался тяжелым и унижительным, заниматься же торговлей и ремеслами им было запрещено. Выносливость, храбрость, упорство в достижении цели, презрение к смерти, беспощадность — вот черты, отличавшие испанских солдат. Во время битвы они своей яростной хваткой и упорством походили на бульдогов. Ни одна армия в мире не могла сравниться с испанцами: они ловко маневрировали, стремительно бросались в атаку, не боялись длительной осады и тяжелой обороны. Доспехи надежно защищали конкистадоров от стрел и копий индейцев, бессильных против стальных толедских клинков. Пушки и ружья, а также лошади, которых индейцы никогда прежде не видели, внушали им суеверный ужас.

У мыса Сан-Антонио — западной оконечности Кубы — капитан-генерал устроил смотр войскам и

обратился к воинам с речью, сказав, что эта экспедиция прославит их в веках, что он поведет их в такую обширную и богатую страну, какую европейцы еще и не видывали.

«Вы получите великолепную награду, — обещал им Кортес, по свидетельству его капеллана — хрониста Гомары, — но ее нужно заслужить непрестанным и упорным трудом. Великие деяния достигаются великими усилиями, и слава никогда не венчает ленивых. Я трудился неустанно и вложил в это предприятие все свое состояние, стремясь единственно к славе — благороднейшей из наград человека. Но если кто-то из вас выше славы ставит богатство, то оставайтесь верными мне, и я сделаю вас обладателями таких сокровищ, какие и не снились нашим соотечественникам! Вы малы числом, но сильны духом; если дух ваш и впредь останется непоколебимым, можете быть уверены, что всевышний, никогда не оставлявший испанцев в сражениях с неверными, защитит вас и теперь, даже если вы будете окружены бесчисленными врагами; наше дело правое, и вы будете сражаться под знаком креста на нашем знамени. Итак, смело вперед и завершим это предприятие со славой!»

Горячая речь командира затронула в грубых сердцах его спутников самые сокровенные струны: честолюбие, алчность и фанатизм. Толпа прожженных разбойников и авантюристов, рассчитывавших, что их ожидают не жестокие битвы и опасности, а легкие победы, ликующими криками приветствовала Кортеса.

В своей хронике Берналь Диас отмечал, что Кортесом руководили более возвышенные стремления и он в своем желании повелевать и властвовать старался походить на Александра Македонского, и речь его была действительно достойна античного героя.

18 января 1519 года флотилия, состоявшая из одиннадцати каравелл, покинула Кубу и взяла курс на Юкатан. Впереди шел флагманский корабль «Санта-Роса», за штурвалом которого стоял убежденный седидами андалузский моряк, прославленный кормчий Антонио Аламинос, водивший корабли в экспедициях Колумба, Понсе де Леона, Кордовы и Грихальвы.

*Насилие — не лучший способ исследования
незнакомых стран. — Крест в языческом храме
на острове Косумель. — Пленные испанцы
в джунглях Юкатана. — Враждебная встреча
в устье реки Табаско. — Пушки и конница
против стрел и камней. — Кто же сильнее —
апостол Яков или боевой конь? — Мирный
договор*

На пути к Юкатану каравеллы Кортеса настигла страшная буря, какие часто свирепствуют осенью и зимой в Карибском море и Мексиканском заливе. Ураган разбросал корабли в разные стороны (некоторые из них получили серьезные повреждения) и отнес всю флотилию гораздо южнее того места, куда был проложен курс.

Когда буря утихла, корабли соединились у северной оконечности Юкатана, возле острова Косумель, знакомого испанцам по прежним экспедициям.

Кортес, прибывший на остров позднее других, был вынужден строгим внушением умерить горячий пыл конкистадоров, уже успевших во главе с капитаном Альварадо разграбить покинутое индейцами селение и храмы, перебить домашнюю птицу и захватить пленных. Кортес понимал, что насилие и разбой — не лучшие средства для начала обменной торговли с туземцами: испуганные индейцы скрылись в глубине острова.

С помощью переводчика Мельчорехо (индеец, привезенного с Юкатана и знавшего немного испанский язык) Кортес заверил пленных, что пришельцы не будут больше причинять островитянам зло и что их соплеменники могут спокойно вернуться в свое селение.

Вняв этому уверению, беглецы возвратились и стали охотно обменивать золотые украшения на безделушки — стеклянные бусы и ножи, причем обе стороны были очень довольны таким обменом.

Кортес отправил две бригаантины к побережью Юкатана на поиски испанцев, томившихся где-то в джунглях у индейцев. Сам же командир приступил к тщательному исследованию острова. Не обнаружив особых богатств, он был, однако, поражен огромными размерами каменных строений. Еще больше удивили испанцев кресты внутри языческих храмов: не посетили ли в древности эти места мореплаватели Старого Света? Испанцам

*Корабли конкистадоров у побережья
(со старинного рисунка)*

и в голову не приходило, что знак этот древнее христианской веры и является символом бога ветров, грома и туч, изображая четыре направления ветра или растущий знак майса.

И Кортес с великим рвением вместе со всеми испанскими воинами принялся за обращение островитян в христианскую веру. Он заявил индейцам, что пришла пора отказаться от языческих идолов, что это не боги, а дьяволы, которые обрекут индейцев на вечные муки в аду, христианская же вера уготовит им вечное блаженство.

Обращать индейцев в христианскую веру Кортесу помогали двое взятых им с собою священников — лиценциат Хуан Диас и патер Бартоломе Ольмедо, по утверждению хрониста, человек внимательный и осторожный, который действовал осмотрительнее Кортеса и исходил из реальных возможностей. Но все их старания были тщетны: святое семя падало на бесплодную почву.

Индейцы отвечали, что боги их предков — добрые боги: они-де ниспосылают своему народу свет солнца, дождь и ветер, но поразят громом и молнией любого, кто дерзнет поднять руку на их изображение. По рассказу историка Солиса, Кортес, воспылав святым гне-

вом, приказал вдребезги разбить языческих идолов и выбросить их из храмов, а вместо них водрузить крест и образы Христа, перед которыми насильно крещенные индейцы должны были отслужить свой первый молебен. Испуганные грозным оружием пришельцев и опасаясь за свою жизнь, индейцы отреклись от своих богов и сделали вид, что принимают религию «любви и всепрощения».

Не следует удивляться религиозному рвению Кортеса. Ведь он был обычным испанцем средневековья, фанатичным католиком, которого до глубины души возмущало поклонение языческим идолам. Он и у себя на родине готов был огнем и мечом уничтожить любого еретика — отступника от католической церкви. А здесь, в Новом Свете, он строго следил, чтобы солдаты аккуратно посещали богослужения и подвергал непослушных наказанию плетью. Рассказывали даже, что, опоздав однажды на проповедь, он сам смиренно принял наказание, к великому удивлению индейцев.

Вождь конкистадоров выступал на чужой земле в роли миссионера, твердо убежденный в необходимости любой ценой — даже огнем и мечом — спасти от неверия души язычников, иначе и его душа будет вечно гореть в геенне огненной. Обращение хотя бы одного язычника в христианскую веру искупало самые тяжкие грехи и преступления, и поэтому для многих стимулом распространения христианства становилось спасение своей души.

Никто из конкистадоров не сомневался в святости обращения индейцев в христианскую веру, и, если речи священников не убеждали строптивых, наилучшими средствами становились меч и костер.

Не обращенных в христианство язычников испанцы вообще не считали людьми. То были презренные, покинутые богом и обреченные на вечные муки существа. Их можно было преследовать, грабить, отнимать у них землю, обращать в рабство и даже сжигать на кострах — все считалось угодным богу и сполна окупалось крещением туземцев, оставшихся в живых.

В бесчисленных войнах с неверными у себя на родине испанцы привыкли считать себя истинными поборниками христианства. В их грабительских походах меч и крест всегда были рядом, и каждый солдат знал, что

на поле брани он либо обретет богатство, если ему удастся захватить немалую добычу, либо заслужит вечное блаженство на небесах, если ему будет суждено погибнуть. Так, постепенно, наряду с воинской отвагой, развивался религиозный фанатизм, достигший в Испании особого расцвета в XVI веке, несмотря на то что в Европе уже наступила эпоха Возрождения, ознаменовавшаяся великими достижениями науки и искусства, техники, производства, и в противоположность теологическому мировоззрению средневековья распространился гуманизм. Реформация делала первые шаги, мятежный монах Мартин Лютер восстал против католической церкви, а Томас Мюнцер, громя католичество и феодалов, возглавил крестьянскую войну в Германии. Испания же по-прежнему оставалась оплотом католицизма. Изгнание евреев и мавров, расхищение имущества жертв инквизиции, пытки и насилия — таковы были плоды этого мрачного и сурового религиозного фанатизма.

Огнем и мечом прокладывали себе испанцы путь в чужие страны и бросались в бой, призывая на помощь святой дух, деву Марию и апостолов. Завоеватели оставляли после себя лишь кресты да развалины. Перед каждой битвой они тщательно исповедывались в грехах и служили торжественные молебны, а после победы распевали во славу спасителя суровый и торжественный гимн «Te deum». То были фанатики-крестоносцы, известные еще по крестовым походам в Старом Свете, по завоеваниям меченосцев в Прибалтике. Во имя веры христовой они творили такие страшные преступления, каких не ведали даже воинственные монголы и неверные — мусульмане.

На острове Косумель Кортес получил известие, что на материке, в шести днях пути у одного из местных касиков томятся несколько бородатых людей. Это могли быть только европейцы, так как у людей племени майя, так же как и у индейцев других племен, борода не росла.

Кортес просил местных индейцев помочь ему разыскать испанцев и написал последним письмо: «Знатные сеньоры! Я пришел с берегов Кубы с эскадрой из одиннадцати кораблей, имея на борту пятьсот испанцев. Я нахожусь на острове Косумель, откуда и пишу это письмо... Я и упомянутые идалго, прибывшие со мною для открытия и колонизации новых земель, просим вас

без промедления и оговорок выйти к нам для переговоров через шесть дней после получения этого письма. Если вы придете, мы будем вам очень благодарны и вознаградим вас за огромную помощь, которую вы окажете эскадре. Я отправляю за вами бригантину и еще два судна».

Индейцы обещали доставить письмо белым и спрятали его в своих длинных волосах.

Через некоторое время суда вернулись на Юкатан без каких-либо известий о пленниках. Вскоре, однако, к острову Косумель подошла пирога с индейцами, один из которых, завидев конкистадоров, воскликнул на ломаном испанском языке: «Господь-бог, пресвятая дева, Севилья!». То был один из пленных испанцев — Херонимо Агилар.

В этом голом, темнокожем, одичалом человеке трудно было узнать испанского воина. Его длинные спутанные волосы были, по обычаю индейцев, обвиты вокруг головы, а в руках он держал щит и лук со стрелами. Все его имущество состояло из сумки со съестным и старого молитвенника, с которым он, будучи добрым христианином, никогда не расставался. Однако родной испанский язык Агилар почти совсем забыл.

Корабль, на котором восемь лет назад (в 1511 году) плыл Агилар, следовал от берегов Дарьенского залива в Санто-Доминго на Эспаньолю. Мореплаватели везли известие о вражде между Никуэсой и Бальбоа, а также золото для короля — пятую часть от доходов новой колонии. Возле Ямайки каравелла наскочила на мель и затонула. Спаслось около двадцати человек. Тринадцать дней скитались они на лодке по морю, умирая от голода — припасов у них не было. Наконец их прибило к берегам Юкатана. Там блуждали они в густых болотистых джунглях. Несколько человек умерло от голода и болезней, а те, кто выжил, попали в руки индейцев. Пятерых пленников индейцы принесли в жертву богам, остальных же держали в заточении. Но пленникам удалось бежать. Долго блуждали они по лесу, питаясь плодами и кореньями, пока не попали к другому племени. В конце концов в живых остались только двое — Херонимо Агилар и Гонсало Герреро.

Их советы в военном искусстве были очень полезны для касика. Вождь пытался уговорить Агилара взять

в жены индианку, но тот упорно отказывался. Испанский историк Эррера пишет, что вождь искушал Агилара, как сатана — Святого Антония, но пленник, будучи патером, ни за что не хотел преступить данный им обет чистоты и безбрачия. Касик был этим очень удивлен, но затем доверил Агилару заботы о своем доме и многочисленных женах. Пленник пользовался большим уважением всего племени, и вождь согласился отпустить его на свободу, лишь получив от посланника Кортеса выкуп — стеклянные бусы, медные колокольчики и другие безделушки.

Второй же испанец — Гонсало Герреро — ушел к другому племени и обучал там индейцев всему, что знал сам: военному искусству, строительству крепостей и бастионов. Он тоже пользовался большим уважением индейцев. Однако в отличие от Агилара, Гонсало Герреро старался ничем не отличаться от них, жил в достатке и женился на туземке. Герреро татуировал свое тело, проколол уши и губу, отрастил волосы и, как предполагали его соотечественники, даже поклонялся идолам. Он наотрез отказался вернуться к испанцам, так как нашел здесь новую родину. «Даже когда я сказал ему, — рассказывал Агилар, — что нехорошо из-за индейской бабы продать свою христианскую душу, то это не подействовало». Когда начались бои с испанцами, Герреро возглавил отряд индейцев и пал в одном из сражений.

Кортес был очень рад встрече с Агиларом. Последний, прожив долгое время на Юкатане, хорошо владел языком аборигенов — индейцев племени майя — и принес экспедиции большую пользу в качестве переводчика и знатока верований и обрядов этого племени.

В начале марта Кортес покинул остров Косумель и, обогнув мыс Каточе, двинулся вдоль берегов залива Кампече, достиг вскоре устья реки Табаско (Грихальвы) и стал там на якорь.

Индейцы Табаско в свое время дружелюбно встретили белых чужеземцев и Грихальва добыл там в обмен на безделушки немало золотых изделий. Теперь же туземцы были настроены враждебно и потребовали, чтобы пришельцы не высаживались на берег, грозя, в противном случае, всех их перебить. Индейцы не стали слушать даже Агилара, обратившегося к ним на их родном языке.

Вскоре выяснились причины такого настроения: все индейские племена были страшно возмущены радушным приемом, оказанным табасками экспедиции Грихальвы, называли их трусами и изменниками, которые по-братски встречают ненавистных чужеземцев.

Кортес вовсе не намеревался отсюда начинать завоевание побережья, а хотел сначала обследовать другие земли, но не смог удержаться от искушения подняться в верховья реки к столице страны Табаско.

Однако русло реки оказалось слишком мелким для кораблей, и Кортес приказал флотилии стать на якорь, солдатам же пересечь в шлюпки и на бригантины, взяв с собой фальконеты, запас пороха и пуль.

Вскоре на берегу собрались огромные толпы индейцев, они встретили испанцев оглушительным барабанным боем, резким свистом свирелей и больших морских раковин. Громко крича и потрясая оружием, воинственные туземцы выражали свое нежелание слушать Кортеса.

Едва лишь командир конкистадоров убедился в неизбежности боя, он приказал нотариусу экспедиции зачитать индейцам вердикт: именем закона и короля испанцы требовали у индейцев очистить путь и возобновить дружеские отношения. Если же будет пролита кровь, грех и вина падут на головы табасков и они будут подвергнуты разгрому.

В недоумении слушали индейцы звуки чужого, непонятного им языка. Таковы были нравы и обычаи того времени: противника предостерегали, и это предостережение заносилось в официальный документ, чтобы никто потом не мог обвинить испанцев в развязывании военных действий. Таким путем свое миролюбие мог доказать даже самый свирепый конкистадор.

Епископ Лас Касас в своих записках резко осудил этот гнусный обычай конкистадоров — использовать лицемерный вердикт как повод для объявления войны, а историк Овьедо, в свою очередь, жестоко высмеял королевских чиновников, полагавших, что туземцы, несмотря на незнание испанского языка, понимают торжественно объявленное предупреждение.

Сев в пироги, индейцы ринулись навстречу захватчикам. Завязалась ожесточенная схватка. Испанцы были выбиты из лодок, но, сражаясь по пояс в воде, все же отбросили туземцев к берегу.

Индейцы осыпали нападавших градом стрел, дротиков и горячих головней. Испанцы увязали в глубоком иле. Кортес потерял в трясине сапоги и был вынужден сражаться босиком. Увидев командира испанцев, индейцы стали кричать друг другу: «Убей вождя!». Но стрелы и дротики отскакивали от стальных доспехов капитан-генерала и туземцам казалось, что белого вождя защищает какая-то неведомая сила. К тому же Кортес приказал испанцам тщательно скрывать свои раны и кровь, чтобы индейцы и впрямь поверили в неуязвимость чужеземцев.

Наконец конкистадоры выбрались на берег и открыли огонь из мушкетов и аркебуз. Грохот огнестрельного оружия, языки пламени и клубы дыма привели туземцев в ужас, но они отступили без паники, унося, по своему обычаю, убитых и раненых. Однако вскоре они снова с воинственными криками напали на захватчиков в чаще леса, среди топей и болот, у заранее устроенного завала.

Воины Кортеса сомкнутым строем прокладывали себе дорогу сквозь толпы индейцев, пока не добрались до города, улицы которого тоже были перекрыты завалами. Совершив успешный обходный маневр, Кортес занял покинутый жителями город и торжественно, как предписывал ритуал, трижды ударив мечом по огромной сейбе, росшей на главной площади города, объявил эту землю с ее населением владением испанского короля.

В руки завоевателей попали значительные запасы продовольствия, но золота в городе оказалось мало, что, по словам Лас Касаса, не слишком их обрадовало.

Воины Кортеса провели ночь в храмах на высоких холмах под бдительной охраной часовых. Все свидетельствовало о том, что ожидается новое нападение туземцев. Переводчик индеец Мельчорехо убежал к своим, оставив на одном из деревьев свою испанскую одежду.

К утру разведчики донесли, что в окрестных лесах собираются огромные толпы индейцев. Пленные тоже сообщали, что вся страна Табаско взялась за оружие, на помощь спешат и другие племена. Переводчик, несомненно, рассказал своим соплеменникам, что пришельцы отнюдь не бессмертные боги или непобедимые чудовища и, если собраться с силами, их можно одолеть.

Кортес пожалел о том, что пошел на такую авантюру, но отступить было поздно, ведь поход только начинался и солдаты упали бы духом, а индейцы уверились бы в себе. Поэтому капитан-генерал решил вступить в решающий бой, от которого зависела дальнейшая судьба экспедиции.

Кортес приказал доставить с судов пушки и лошадей. За время долгого морского похода лошади совсем застоялись, но спустя несколько часов, размяв на берегу ноги, приобрели прежнюю силу и резвость.

После тревожной ночи Кортес ранним утром 25 марта собрал все свое войско и объявил, что решил первым начать атаку. Главные силы туземцев располагались на равнине в нескольких милях от берега. Конкистадоры, волоча пушки, медленно двигались к предполагаемому полю боя. Кортес с группой всадников отделился от войска и укрылся в лесной чаще, чтобы в решающую минуту ударить по индейцам с тыла.

Вся обширная равнина была заполнена толпами индейских воинов. Они были вооружены луками и стрелами с острыми наконечниками из осколков костей животных или рыбьих костей, а также дротиками и тяжелыми секирами с лезвиями из шлифованного камня, боевыми палицами и пращами для метания камней.

На многих индейцах были ватные панцири, другие держали в руках деревянные или черепашие щиты, большинство же воинов были голыми, с ярко раскрашенными лицами и телами и пышными пучками перьев на головах. Чтобы уstrasить противника, они встретили его дикими криками, громким свистом тростниковых свирелей и больших морских раковин, боем барабанов, изготовленных из полых стволов деревьев.

Разделившись на мелкие отряды, возглавляемые вождями, индейцы, громко крича, бросились на испанцев. В воздухе засвистели тысячи стрел, копий и камней. Казалось, на шлемы и щиты испанцев обрушился град.

Многие конкистадоры были тяжело ранены прежде чем успели выбраться из топи, построиться и открыть ружейный и пушечный огонь. Орудийные залпы косили индейцев как траву, убивая сразу по десятку воинов. Индейцам казалось, что белые говорят с ними громовым

Конная атака конкистадоров (со старинного рисунка).

голосом, языком пламени, а железным кулаком поражают издали каждого смельчака, преграждавшего им путь.

Все же, несмотря на огромные потери, индейцы, казалось, не устрашились, ведь они сражались за свою страну, семьи и жилища. Ступая по грудам трупов, индейцы с громкими криками шли на испанцев, бросая в воздух песок, чтобы за облаками пыли скрыть свои потери. Выпустив в испанцев последние стрелы, индейцы бросились на них с пиками и топорами.

«Я вовек не забуду того адского шума, свиста и крика, которые раздавались после каждого нашего залпа, и до конца дней своих буду помнить, как они осыпали нас проклятиями, бросая вверх землю и сухую траву, как они притворялись, что не замечают своих потерь», — отмечал участник этой битвы Берналь Диас.

Под напором атакующих индейцев, волнами накатывавшихся на конкистадоров, ряды испанцев дрогнули. Такого презрения к смерти белые еще не встречали. Казалось, еще минута — и индейцы сметут их с лица земли.

Но тут раздались возгласы: «Сант Яго и Сан Педро!» Из засады выскочили всадники Кортеса. Призывая на

помощь пресвятую деву Марию и хранителей Испании — апостолов Якова и Петра, — кастильские рыцари в блестящих латах и сверкающих шлемах врезались в густую толпу индейцев, рубя их мечами и топча лошадьми.

Индейцы задрожали от ужаса: они никогда не видели лошадей. Конкистадоры, сидевшие на разгоряченных скакунах, которые громко храпели, ржали и гремели удилами, казались им фантастическими, сошедшими с неба существами, чудовищами, которых не может одолеть человек и которые, придя с моря, сеют смерть и уничтожение. Всадник и лошадь являлись для индейцев единым существом с двумя головами и четырьмя ногами, бежавшим быстрее любого воина.

Суеверный страх охватил нагих воинов, и они в панике разбежались, оставив на поле боя около девятисот убитых. У испанцев же, по свидетельству хронистов, было всего двое убитых и свыше сотни раненых. Они одержали победу над индейским войском численностью в сорок тысяч человек. (Правда, относительно последней цифры, скорее всего, сильно преувеличенной, один из позднейших историков остроумно заметил, что подобные сведения составлял, очевидно, герой комедии Шекспира — Фальстаф, прожженный плут и хвастун.) Победители, ликуя, говорили друг другу: «Само небо было за нас, иначе сил наших ни за что не хватило бы для победы над бесчисленным врагом».

Возможно, правы некоторые историки, утверждавшие, что в конечном итоге победу испанцам принесли не пушки, мушкеты и аркебузы, не толедские клинки, не крест, не безумная отвага конкистадоров, а их боевые скакуны.

Так было выиграно первое большое сражение Кортеса на новых землях. Берналь Диас с досадой повествует, что испанский историк Гомара описывает это сражение иначе: по его словам, победу испанцам якобы принес скакавший впереди Сант Яго — святой апостол Яков. Диас иронически замечает, что ему самому довелось увидеть верхом на пятнистом скакуне лишь идалго Франсиско де Морла.

«Конечно, все наши победы идут от Христа, иначе нам здесь не поздоровилось бы, ведь стоило каждому из наших врагов бросить по одной пригоршне песка

и мы были бы погребены под целой горой. Конечно, божья милость все время была с нами... Возможно также, что мне, великому грешнику, не было дано увидеть апостола... Но почему же тогда никто из участников этой битвы не заметил его? Неужели мы, увидев такое чудо, не построили бы храм святому Якову, в страхе потерять его благоволение? По-видимому, не мы были плохими христианами, а Гомара — скверным писакой».

Такова была сила веры, видевшей в этой блестящей победе лишь чудо и божественное предначертание, таков был и обычай рассказывать об этом потомкам. Один из хронистов сообщает, что сам Кортес якобы видел на поле боя святого Петра, однако хронист этот полагает, что всадник, скакавший на сером боевом коне по трупам язычников, был божьим посланником, покровителем испанцев, святым Яковом. Святые, дескать, всегда появлялись в критический момент, чтобы спасти от гибели воинов христовых.

После боя Кортес отправил несколько пленников обратно к вождям табасков с требованием немедленно сложить оружие и покориться испанцам. В случае сопротивления он грозился предать страну огню и мечу и расправиться со всеми без пощады.

Уже на следующий день к Кортесу явились посланцы индейцев. Они были в черных одеяниях — знак покорности — и принесли богатые дары: ткани, золотые украшения, припасы, а также привели Кортесу двадцать молодых красивых женщин.

Испанцы особенно обрадовались золоту и стали пытаться у табасков, откуда оно у них. Индейцы показывали на запад и повторяли слово «Мехико», с трудом объясняя жестами, что это лежащая за горами могущественная страна ацтеков, столица которой зовется Мехико, или Теночтитлан.

Женщин окрестили, отслужив торжественный молебен, и Кортес роздал их своим командирам. Среди этих невольниц была замечательная красавица, названная Мариной. Она досталась Алонсо Пуэртокарреро.

Табаски больше не помышляли о сопротивлении, ведь непобедимым чужеземцам помогали сами небесные силы!

Вскоре испанские патеры окрестили табасков, предварительно разбив в храмах языческих идолов и устроив

торжественное шествие. Туземцы в молчании стояли вокруг, решив подчиниться чужеземному богу, превосходящему своим могуществом богов их предков.

Затем конкистадоры сели в лодки и поплыли вниз по реке к своим кораблям. И вскоре вся флотилия Кортеса отправилась дальше на запад, к таинственной земле золота Мексики, о которой рассказывали индейцы.

У ПОРОГА ЗЕМЛИ АЦТЕКОВ

Посланцы ацтеков. — Марина — верный друг и помощник конкистадоров. — Лагерь завоевателей на берегу океана. — Королевские дары. — Опасения повелителя ацтеков Монтесумы. — Не потомки ли это белого бога Кецалькоатля? — Знамена и чудеса

Продолжая свой путь, каравеллы Кортеса подошли к острову Сан-Хуан-де-Улуа, названному так Грихальвой. 21 апреля Кортес бросил якорь с подветренной стороны острова, недалеко от побережья материка. Там теснились толпы туземцев. Вскоре к флагману подошли две пироги. Приплывшие на них индейцы привезли дары: съедобные плоды, цветы и золотые украшения, и не выказали ни страха, ни подозрений. Кортес радушно принял гостей, но не смог вступить с ними в беседу. Агилар знал лишь язык племени майя, а прибывшие говорили на каком-то чужом языке. То были ацтеки.

К великой радости Кортеса, с приезжими завела разговор Марина, одна из крещенных Кортесом табаскских невольниц. Она была родом из страны ацтеков — Мексики и говорила на двух языках — ацтеков и майя. Марина перевела речь индейцев на язык майя, а Агилар — на испанский.

Так Кортес получил возможность через двух переводчиков разговаривать с ацтеками и сразу же оценил достоинства Марины.

Как же Марина стала рабыней? Отец ее был богатым касиком в юго-восточной части Мексики, но он умер. Мать вышла вторично замуж и, желая, чтобы сын ее от второго брака унаследовал то, что по праву принадлежало Марине, пустила слух, что Марина умерла,

а сама тайком продала ее работоторговцам. Взяв у одной из рабынь труп ее умершей дочери, мать Марины устроила пышные похороны. Марина же попала в страну Табаско.

Кортес избавил Марину от рабства, и она с любовью и благодарностью взирала на вождя белых пришельцев.

По свидетельству современников, Марина была умна, расторопна и очень красива — с тонким открытым лицом, статной фигурой и легкой походкой. Она была «прекрасна, как богиня». Когда Пуэртокарреро спустя некоторое время по приказу Кортеса уехал с донесением королю в Испанию, капитан-генерал взял Марину к себе, и она стала его любовницей. С удивительной быстротой овладела она испанским языком, ибо он, по меткому замечанию одного из историков, был для нее языком любви.

Эта женщина, позабыв свою страну и народ, всей душой привязалась к Кортесу и была его советчицей, переводчицей, верным другом конкистадоров во всех их дальнейших походах.

Ее взор, затуманенный любовью, был не в силах разглядеть трагизма ее собственной судьбы. Ведь она помогала банде чужеземцев покорять и грабить свою родную страну и не раз, спасая конкистадоров от беды и гибели, предавала свой народ. По выражению хрониста, Марина являлась для испанцев «настоящим даром господним в нашем тяжелом деле...».

Марина была неразлучна с Кортесом, он всегда брал ее с собою, и вскоре индейцы прозвали Кортеса Малинцин (т. е. повелитель Марины, так как ее индейское имя было Малиналь).

С помощью Марины и Агилара Кортес узнал о цели прибытия индейцев. Один из них — Пильпатое, был правителем этой области, другой — Теутиле — военачальником. Они заявили, что являются посланцами могущественного правителя Монтесумы, живущего далеко от моря в горной стране Мексике, и что их повелитель хочет знать, зачем пожаловали сюда бледнолицые чужеземцы и не нуждаются ли они в чем-нибудь для продолжения своего пути?

Кортес ответил, что он послан сюда испанским королем и везет правителю ацтеков королевскую грамоту.

и дары. Он хочет видеть Монтесуму, чтобы завязать дружеские отношения с этой незнакомой страной.

Вручив индейцам подарки, Кортес отпустил их, а сам приказал немедленно высадить воинов на гладкий пустынный берег, выгрузить артиллерию, лошадей и разбить военный лагерь.

Индейцы толпами приходили посмотреть на чужезмцев и охотно помогали своим будущим порабощателям строить лагерь, а также доставляли им плоды, корни, дичь и другие припасы. Приносили туземцы и золотые украшения, которые дарили или обменивали на испанские безделушки.

На следующий день от индейцев прибыло новое посольство: несколько касиков с рабами, несшими дорогие подарки и съестные припасы.

Кортес, надев сверкающие доспехи, принял посланцев с почетом и дал в их честь залп из орудий, повергнув индейцев в ужас и благоговение. Затем он вместе с гостями прослушал торжественный молебен и угостил их кастильскими винами и сладостями.

На вопросы посланцев о намерениях пришельцев Кортес сухо и высокомерно ответил, что он, дескать, посланец императора Карла, могущественнейшего из правителей восточных стран по ту сторону Великого океана, и желает лично встретиться с Монтесумой — пусть-де его отведут к нему.

Возглавлявший посольство касик воскликнул: «Как смеешь ты, пробыв здесь всего лишь два дня, требовать для себя такого счастья — предстать пред лицом великого государя!» Но учтиво добавил, что хотя он и сомневается, есть ли на свете властелин, могущественнее Монтесумы, но если таковой имеется, то правитель ацтеков охотно примет его посланцев.

И касик приказал рабам принести подарки для Кортеса: десять тюков тончайших тканей, нарядные плащи, расшитые птичьими перьями, и плетеную корзину, полную золотых украшений тонкой художественной работы.

Кортес изысканно поблагодарил за подарки и в свою очередь послал Монтесуме великолепное кресло, покрытое резьбой, красную суконную шапку, золотой медальон и большое количество стеклянных бус, браслетов и других украшений. В то время в Мексике стекло еще не

было известно, и ацтекам эти дешевые безделушки показались сказочными драгоценностями.

Кроме того, касик заметил в лагере испанцев сверкавшую на солнце солдатскую каску, похожую на головной убор бога ацтеков Кецалькоатля, и попросил дать ее, чтобы показать Монтесуме. Кортес охотно согласился, но выразил надежду, что Монтесума вернет эту каску, полную золотого песка. По свидетельству хрониста Гомары, Кортес добавил, что испанцы страдают сердечным недугом, который излечивается лишь золотом.

Испанцы заметили, что некоторые индейцы делают на полотне зарисовки кораблей, Кортеса и его солдат, лошадей и собак, пушек, мушкетов и другого оружия, а также многих не знакомых ацтекам предметов. Индейцы пояснили, что государь их не может побывать всюду сам и что эти рисунки пополнят те сведения, которые будут срочно доставлены Монтесуме.

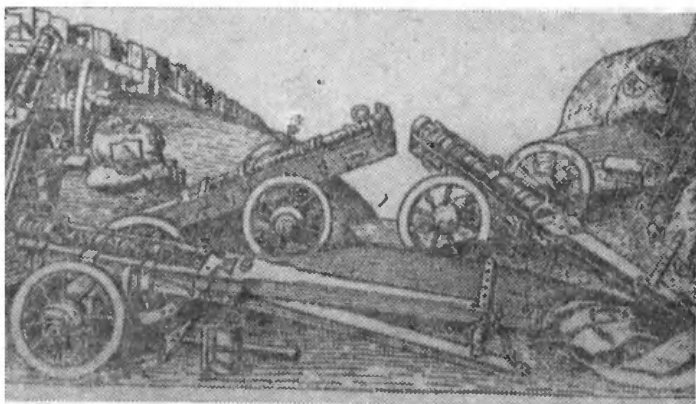
Кортес, стараясь произвести на индейцев еще большее впечатление, приказал всадникам пронестись галопом по сырому и твердому прибрежному песку, а артиллеристам дать залп из орудий, чтобы Монтесуме стало точно известно, каким оружием обладают бледнолицые, как велика их сила и волшебство.

И индейцы увидели, как пришельцы взлетают на спины чудовищ, издающих громкое ржание, и несутся вскачь по песчаной равнине, как ярко блестит их оружие и звонко гремят трубы. Затем раздался орудийный залп. Из пушек вырвались клубы дыма и языки пламени, а над головами засвистели ядра. Упав в соседний лес, они разнесли в щепы стволы могучих деревьев. Индейцы в ужасе разбежались, некоторые пали ниц и лишь с большим трудом их удалось убедить, что это только военная игра.

То была демонстрация силы, какую впоследствии нередко практиковали и другие завоеватели во многих странах.

Индейские художники дрожащими руками поспешили запечатлеть на полотне эти ужасные картины.

Поставив недалеко от лагеря испанцев около тысячи сплетенных из веток шалашей, индейцы всячески старались облегчить жизнь чужеземным гостям. Безо всякого вознаграждения они кормили Кортеса и его командиров, а солдатам доставляли съестные припасы

Артиллерия конкистадоров (со старинной гравюры)

в обмен на разные безделушки. Так испанцы имели в избытке мясо, рыбу, маисовые лепешки, ананасы и другие тропические плоды.

Спустя неделю (удивительно короткий срок, учитывая, что столицу ацтеков Теночтитлан отделяло от моря около четырехсот километров) в лагерь испанцев в сопровождении касиков прибыл целый караван носильщиков с тяжелой поклажей. Один из индейцев был удивительно похож на Кортеса. Оказывается, Монтесума, рассмотрев присланные ему рисунки, заметил это сходство и послал к белолицым пришельцам этого «ацтекского Кортеса» (как его прозвали конкистадоры).

Индейцы торжественно сложили к ногам капитан-генерала дары Монтесумы. Чего там только не было!

Берналь Диас примерно так описывает эти подарки. Самым замечательным из них было огромное блюдо чистейшего золота, величиной с колесо, изображавшее солнце и украшенное рисунками растений и животных. То было художественное изделие искусной работы, стоимость которого, по мнению испанцев, тут же взвесивших его, была не менее двадцати тысяч песо. Второе блюдо, еще больших размеров, из тяжелого, очень ценного серебра, изображало луну с расходящимися от нее лучами и различными фигурами. Кроме того, посланная Кортесом Монтесуме солдатская каска была доверху

наполнена золотым песком, взятым прямо с россыпи, стоимость которого составляла не менее трех тысяч песо; этому подарку испанцы обрадовались больше всего, так как он давал им уверенность, что в Мексике и впрямь имеются богатые месторождения золота. Было еще двадцать золотых уток, сделанных так искусно, что они походили на настоящих; фигурки собак, ягуаров, обезьян; десять золотых ожерелий с подвесками, золотые и серебряные ларцы и пучки великолепных зеленых перьев, более тридцати тюков хлопчатобумажных тканей разной окраски; украшенных яркими перьями.

Далее шли серебряные щиты и шлемы, доспехи с золотыми украшениями, чудесный золотой лук с двенадцатью стрелами и два драгоценных жезла длиной по пять футов каждый; огромный золотой паук в золотой паутине, ожерелья и браслеты из чистого золота, жемчуг, драгоценные камни и золотоносный песок, роскошные плащи, расшитые разноцветными перьями, зеленые чальчивитли (нефриты), ценившиеся ацтеками выше золота и жемчуга.

С нескрываемым восторгом взирали испанцы на сказочные сокровища, восхищавшие их своей искусной выделкой. Алчность конкистадоров разгоралась все сильнее, ибо они убедились в невиданных богатствах этой страны и в том, как заманчиво завоевать ее.

Это было уже похоже на сказочные богатства Азии, искать которые отправился еще Христофор Колумб. Здесь обитали не голые дикари, а жители могущественного цивилизованного государства, подобного тем, которые описывали Марко Поло и Джон Мандевиль. Кажется, испанцы нашли наконец Золотой Херсонесс, или Офир, откуда, согласно библейскому сказанию, царь Соломон привозил золото для украшения своего храма.

Вместе с дарами индейцы привезли с собой и послание Монтесумы. Повелитель ацтеков в учтивых выражениях заверял чужестранцев в своем уважении и радости по поводу их прибытия, однако сожалел, что не может их принять, так как путь к столице долог и тяжел и пришельцы могут подвергнуться нападению опасных врагов. К тому же чужому войску вход в город воспрещен. Пусть лучше белые пришельцы покинут эту землю и вернуться в свое отечество, взяв с собою дары — знак дружбы и уважения.

Монтесума допустил большую ошибку, открыв пришельцам, как сказочно богата его страна, и дав понять, что боится чужеземцев.

И Кортес не захотел покинуть эту страну, не достигнув своей цели — увидеть Монтесуму. Он заявил посланцам, что честь не позволяет ему поступить так, как советует их государь. Для испанцев не существует трудного и опасного пути.

Капитан-генерал в свою очередь передал посланцам для Монтесумы три голландских рубашки и позолоченный кубок — слишком бедные подарки по сравнению с королевскими дарами ацтеков.

Посланцы с удивлением и страхом взирали на человека, посмевшегося послушаться приказа их могущественного повелителя. Придя в себя, они попросили несколько дней, чтобы сообщить обо всем в столицу.

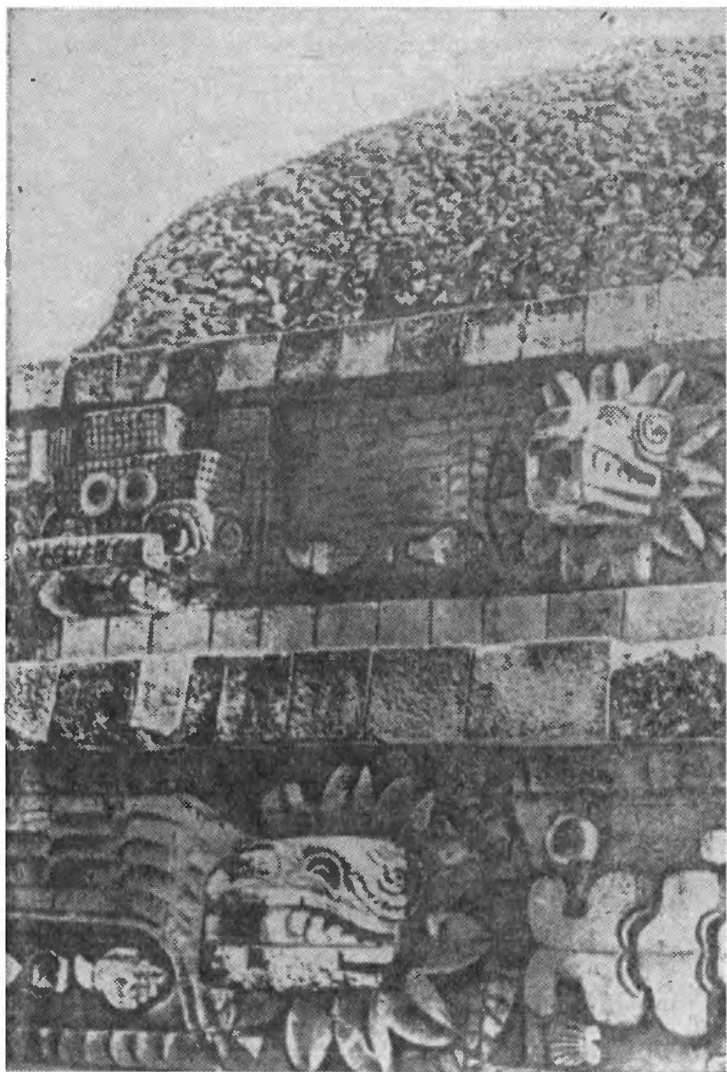
Кортес согласился, но и его одолевали сомнения: ничтожная горстка авантюристов стояла у порога могущественного государства, и мысль захватить его казалась безумной. Однако Кортесу не оставалось ничего иного, как пойти навстречу опасности: вернувшись домой без победы, он вряд ли избежал бы плахи. Смерть угрожала ему и тут, и на Кубе.

Приспешники Веласкеса требовали возвращения на Кубу и подстрекали солдат к мятежу, однако желание овладеть сокровищами ацтеков было так велико, что заговорщикам не удалось привлечь воинов на свою сторону.

Вскоре посланцы Монтесумы вернулись с новыми дарами и с ответом их государя: он категорически запрещал белолицым пришельцам идти в Теночтитлан.

Кортес ответил посланцам, что долг христиан — проповедовать народам истинную веру. Великий государь восточных земель послал его сюда, чтобы избавить правителя Мексики и его подданных от заблуждений и оказать им тем самым великую милость. Поэтому Кортес во что бы то ни стало должен увидеть Монтесуму и не вернется, пока не встретится с ним.

Услышав столь дерзкий ответ, послы, не в силах сдержатъ свое возмущение, вскочили на ноги и заявили Кортесу, что, видимо, учтивостью здесь ничего не

*Храм Кецалькоатля в Теотиуакане с головами «пернатого змея»
и мотыльком — символом бога дождя*

добиться и они позаботятся о более действенных средствах для исполнения приказа своего государя. Индейцы поспешно удалились, а вскоре и все туземцы, обитавшие в шалашах возле лагеря испанцев, покинули свои жилища.

Почему же Монтесума, правитель столь могущественного государства, не послал своих воинов уничтожить эту горстку чужеземцев, а задаривал и упрасивал добровольно покинуть страну ацтеков?

Хроники характеризуют правителя ацтеков как человека суеверного, верившего в сны и дурные приметы, чудеса и пророчества. Он считал, что осуществляется предначертание одной из старинных легенд, в которой говорилось о бледнолицем боге Кецалькоатле с пышной волнистой бородой и шлемом на голове, ничуть не походившем на индейцев.

Этот светлый, добрый бог в незапамятные времена пришел в Мексиканскую долину к озеру Тескоко. Был он мудр, как змей, и носил зеленое одеяние (Кецалькоатль — зеленоперый змей). Кожа его была белого цвета, и потому его называли также белолицым богом. Все травы и звери были ему послушны. Он властвовал над богами и людьми. Он научил индейцев Мехико и Тескоко охоте и земледелию, выращиванию маиса с початками в человеческий рост и разноцветного хлопка, строительству каменных домов, обработке металла. Он создал для них календарь, обучил их искусству письма, дал им мудрые законы и добрые обычаи. Этот бог не требовал кровавых жертв и хотел покончить с человеческими жертвоприношениями, он боролся против злых богов и войн. Предания рассказывали, что между добрым богом Кецалькоатлем и злым — богом тьмы и ночи Тескатлипокой, ниспосылавшим войны и пожиравшим человеческие тела, шла непрерывная война. Злой бог был когда-то солнцем на небесах, но Кецалькоатль свергнул его на землю и сам занял его место. Злой бог упал в море, но затем снова поднялся на небо в виде созвездия Большой медведицы, а потом, превратившись в ягуара, в свою очередь свергнул с небес Кецалькоатля.

В конце концов злой бог победил доброго, и тому пришлось покинуть страну ацтеков. Взяв с собой свои

законы, письма и песни, Кецалькоатль решил вернуться на восточное побережье океана. По пути он остановился в Чочуле, проповедовал там свое учение и возвестил, что удаляется за море на восток.

Дойдя до берега Атлантического океана, белый бог упал на колени и горько заплакал. Затем он сел на корабль (или на плот из змеиной кожи) и на этом крылатом корабле поплыл в Страну Восходящего Солнца. Его вела неодолимая тоска по далекой родине.

Согласно другому преданию, плот этот в море загорелся. Сгорел и белолицый бог, а сердце его вознеслось на небо и превратилось в утреннюю звезду.

Еще одна легенда гласила, что светлый бог бросился в пылающий костер и пепел его взвился к небесам стаей белых птиц.

Итак, согласно легендам ацтеков, Кецалькоатль покинул их страну и либо улетел на небо, либо уплыл в неведомые восточные страны. Но все легенды в один голос утверждали, что придет время, когда белый бог вернется вместе с другими такими же белолицыми людьми и снова будет править этой страной. Он свергнет темнолицего Тескатлипоку, и людей больше не будут приносить в жертву, ибо светлый бог предпочитает запах крови ароматы цветов и благовонных курений. Будет свергнут и бог войны Уицилопочтли. Навсегда прекратятся войны, исчезнет угнетение, наступит всеобщая справедливость.

Но может быть, эту страну действительно в древности посетили белолицые пришельцы из дальних стран? Известно, например, что за несколько столетий до Колумба у берегов Америки побывали норманны. Возможно также, что судно какого-то мореплавателя унесло ветром и течениями на ту сторону океана и европеец, попав в Мексику, обучил там индейцев всему, что умел сам? Таких пришельцев могло быть и много, но в памяти народной сохранилась легенда об одном белом боге. Могло быть так, могло быть иначе, но как теперь установить истину...

Здесь можно было бы перечислить целый ряд разнообразных версий и гипотез, каждая из которых имеет своих горячих приверженцев.

Долгое время господствовало мнение, что все дости-

Бог ветра Кецалькоатль с крестом на щите (из индейской рукописи)

жения цивилизации в Новом Свете были занесены туда извне.

Утверждалось даже, что жители Америки ведут свое происхождение от библейского Ноя, пережившего всемирный потоп, описанный в Ветхом Завете и упоминающийся также в легендах многих народов.

Открытие и колонизация Америки приписывались древним иудеям, финикийцам, карфагенянам, грекам и скифам, а в более поздние времена — китайцам, шведам, норвежцам, кельтам и ирландцам.

Особенно много предположений связано с таинственной Атлантидой и островами Атлантического океана. После гибели Атлантиды ее обитатели атланты якобы нашли себе убежище на ближайших материках, в том числе и в Америке. О влиянии атлантов на развитие цивилизации, по мнению приверженцев этой версии, свидетельствует сходство египетских и мексиканских

пирамид, орнаментов, керамики, обелисков; а также существование здесь и там особой касты жрецов, культ солнца, сходная система летоисчисления, успехи в астрономии, одинаковые способы бальзамирования трупов.

Приводились и другие доказательства, свидетельствовавшие, по мнению ряда ученых, о древних связях народов Европы, Америки, Африки и Азии. Так, например, крест, символизировавший у индейцев вечную жизнь, воскресение, был также символом таинственных знаний у египтян, финикийцев и шумеров. Индейские сказания повествовали об умершем на кресте человеке, величием превосходившем солнце. Походят на европейские и легенды индейцев о богочеловеке, рожденном непорочной девой и творившем чудеса, исцеляя больных, возвращая зрение слепым и воскрешая мертвых. Есть у ацтеков и легенды, подобные библейским сказаниям о древе познания добра и зла, о Вавилонской башне и смешении языков, о всемирном потопе. В последнем фигурирует ацтекский Ной — Нат, предупрежденный богами о грядущем потопе и получивший у них совет построить кипарисовый ковчег. Упоминается даже голубь, принесший весть об окончании потопа.

Упоминались и такие факты: у племени майя, как и у европейцев, число «13» считается мистическим; в календаре мексиканских племен было пять несчастливых дней, когда разрешалось не соблюдать законы, обманывать, не отдавать долги; подобный же обычай существовал в Египте, Вавилоне, Индии.

Ряд ученых полагает, что в Америке задолго до норманнов побывали кельты из Ирландии, основав там в III веке до нашей эры государство белого человека — Витраманаленд. Кельтский флот ежегодно посещал эту заокеанскую колонию до тех пор, пока не был уничтожен римлянами под командованием Гая Юлия Цезаря. Так связь с заокеанской страной прервалась. Грекам и римлянам якобы был известен западный морской путь, а, по утверждению Плиния, карфагеняне и финикийцы пересекали океан.

Высказывались предположения, что европейцы достигли Америки и со стороны Тихого океана. Финикийцы побывали в Полинезии, а флот царя Соломона, достигнув Малайского архипелага, отправился дальше, к берегам Америки. У ее берегов якобы побывал и флот

Александра Македонского. Имеются сведения, что великий полководец в 323 году до нашей эры собрал на берегах Персидского залива около пяти тысяч мореходов и корабельщиков и приказал выстроить огромный флот в пятьсот кораблей. Этот флот, выйдя в море, отправился на восток и бесследно исчез в морских просторах. Между тем в храмах на Американском материке найдены фрески, изображающие бородатых людей в шлемах, весьма похожих на головные уборы воинов Александра Македонского.

Некоторые факты якобы свидетельствуют о том, что и народы Азии будто бы имели сношения с Америкой: это — сходные черты храмов племени майя и кхмеров Камбоджи, одинаковые духовые трубки для метания стрел, лассо, сладкий картофель-батат, растущий как в Океании, так и в Америке, и др.

Однако все это гипотезы, к тому же не слишком новые, с трудом поддаются доказательству. Убедительных фактов, неопровержимо свидетельствующих о том, что развитие древних цивилизаций Америки было связано с какой-либо цивилизацией Старого Света, нет. Напротив, появляются все новые доказательства того, что развитие индейских племен шло самобытным путем, и прошло все стадии — от позднего палеолита до высокоразвитой культуры, которой отличались Мексика, Центральная Америка и Перуанское плоскогорье.

Конечно, не исключено, что в древности существовали какие-то связи между материками, однако вряд ли они могли носить регулярный характер. Рассказ о белолицем боге, по всей вероятности, является только легендой, созданием народной фантазии.

С надеждой и страхом ожидали в Мексике возвращения белолицего бога: многие племена, страдавшие под гнетом Теночтитлана, надеялись, что с возвращением Кецалькоатля придет конец кровавому владычеству ацтеков. Последние, в свою очередь, видели в этих предначертаниях конец своего могущества и опасались, что удержать власть им будет не под силу.

В последние перед нашествием испанцев годы произошел ряд необъяснимых явлений, которые, по мнению ацтеков, предвещали близкое возвращение Кецалькоатля.

Так, в 1510 году, в тихую, безветренную погоду, без какого-либо землетрясения, воды озера Тескоко вдруг вышли из берегов, хлынули на улицы Теночтитлана и разрушили многие здания.

Потом совершилось новое чудо: с неба спустился огненный шар и, остановившись над главным храмом, вспыхнул ярким пламенем и погас; и сразу на этом месте взвился огненный столб — храм Кецалькоатля загорелся, и никто не смог его спасти.

В последующие годы на небе появились три кометы, а незадолго до прибытия испанцев на востоке разлилось удивительное сияние, простиравшееся до самого зенита. Оно было подобно широкому огненному потоку или таинственному вееру, рассыпавшему вокруг искры. Город огласился воплями и стенаниями, возвещающими великие бедствия и несчастья, неизбежные перемены и гибель государства.

Вскоре умерла сестра повелителя ацтеков Папацин, но спустя четыре дня после смерти она восстала из гроба (очевидно, проснулась от летаргического сна) и произнесла несколько непонятных слов. Жрецы объявили, что Папацин предсказала падение династии, гибель государства и приход белого бога Кецалькоатля. Испуганным людям теперь уже во всем виделись чудеса и знамения. Когда отряд ацтеков, отправившись в какую-то отдаленную область, погиб под внезапно обрушившимися на него скалами, кто-то увидел на небесах изображение сражавшихся воинов.

Неожиданное появление испанцев на берегу Мексиканского залива утвердило ацтеков в уверенности, что наступил час возвращения потомков Кецалькоатля. Белолицые люди убивали своих противников издалека, извергая из копий грома и молнии. Этим пришельцам из неведомого мира повиновались невиданные чудовища о четырех ногах. Чужеземцы уже покорили индейцев табаско, хотя последние обладали огромным численным превосходством и сражались отважно.

Узнав обо всем этом, Монтесума впал в отчаяние. Он попытался кровавыми жертвами умиловить бога войны Уицилопочтли, но, считая, что этого мало, повелел покрыть его храм сверху донизу золотом и драгоценными камнями. Хранителя сокровищ, осмелившегося

заикнуться о том, что поборы и так велики, повелитель ацтеков приказал казнить.

Среди покоренных ацтеками племен, надеявшихся на возвращение Кецалькоатля и прекращение кровавых жертвоприношений, началось брожение. Незадолго до того Монтесума также испортил отношения с Тескоко: вмешался в спор о наследовании власти и старался навязать угодного ему человека — своего племянника Какамацина (Какаму). Началась война, которая к приходу белых еще не закончилась.

Вот почему Монтесума и его военный совет решили, что сопротивляться пришельцам бесполезно, что войны грозного, но справедливого бога Кецалькоатля непобедимы и древние пророчества должны свершиться.

Полный тяжких предчувствий, Монтесума приказал выставить на побережье и в горах посты. Поэтому весть о появлении на берегу войска Кортеса не застала его врасплох. По приказу повелителя ацтеков испанцам был оказан радушный прием. Некоторые члены семьи Монтесумы и его военачальники убеждали властелина оказать пришельцам сопротивление, одолеть их хитростью и численным превосходством, другие же считали, что ни хитрость, ни превосходство сил не помогут — надо задобрить белолицых пришельцев богатыми дарами и оказать им дружественный прием.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ АЦТЕКОВ

Первые люди Америки. — Народы древних культур. — Нашествие кочевников. — Ацтеки. — Распад родового строя. — Набеги на соседние племена. — Земледелие. — Ремесла. — Искусство. — Рабы и дань. — Боги и жрецы. — Врачевание. — Письменность. — Школы. — Спортивные игры. — Календарь

Что же это была за страна, в которую пришли конкистадоры, какие народы ее населяли, каковы были их история и культура?

В конце ледникового периода, за двадцать или тридцать тысяч лет до нашей эры, часть Северного полушария

была скована ледяным покровом. Уровень океана был на несколько десятков метров ниже теперешнего и Америку от Азии еще не отделял широкий Берингов пролив. На его месте была суша или цепь островов. По этому «мосту», преследуя добычу, из Азии в Америку переходили люди, одетые в звериные шкуры. Возможно, они переправлялись с острова на остров в лодках или на плотах, а может быть, преодолевали проливы зимой по льду. Так, по мнению американского ученого Дж. Вайяна, человек открыл Америку — часть света, которая не была колыбелью человечества.

В течение тысячелетий первобытные люди продвигались с Аляски все дальше на юг, пока наконец не достигли далекой южной страны Патагонии. В Мексике и Центральной Америке люди поселились лишь в самом конце ледникового периода — двадцать или пятнадцать тысяч лет назад. Вначале эти первобытные племена кочевали по горам, обширным плоскогорьям и долинам, собирали съедобные корни, занимались охотой и рыболовством. Об этом свидетельствуют наконечники стрел и остатки другого оружия: их находят вместе с костями мамонтов, бизонов, диких американских лошадей, верблюдов, мастодонтов и других давно вымерших животных, на которых охотились первобытные люди.

Позже в Америке стало развиваться земледелие. На сухом прохладном Мексиканском нагорье и в долинах у озер (Чалько, Шочимилко, Тескоко, Шалтокан, Сумпанго и др.) осели земледельческие племена. По мнению советского ученого академика Н. Вавилова, в Центральной Америке и на юге Мексики находился один из древних земледельческих центров. Именно здесь впервые появились кукуруза (маис) и родственное ей растение теосинте, здесь была родина фасоли, тыквы, перца и многих тропических плодовых деревьев (сапоте, мамеи, авокадо, дынного дерева папайи и др.), а также какао, помидоров, чии (масличного растения), агав — хенекена и магеи (использовавшихся для изготовления волокна и алкогольных напитков), табака и батата — сладкого картофеля. На юге произрастал особый сорт хлопка, впоследствии распространившегося по всему свету. Маис сыграл здесь такую же роль, как пшеница в земледельческих центрах Старого Света. Огромное значение этой культуры подчеркивалось многими учеными. По

мнению американского ученого Г. Паркса, возделывание маиса было первым решающим шагом на пути к цивилизации, и этот шаг был сделан примерно в четвертом тысячелетии до нашей эры где-то на Мексиканском нагорье или в Центральной Америке. Считают, что именно отсюда кукуруза распространилась на оба материка. Г. Паркс пишет: «Сажать маисовые семена на холмах, вскопанных остроконечными палками; ждать появления зеленых колосьев, разворачивания зеленых листков и роста зрелого колоса, собирать плоды в корзины; размалывать зерна в муку и печь тесто на углях — таковы, вероятно, в течение шести тысяч лет важнейшие занятия туземных народов Мексики, а ритмичное хлопанье рук женщин, изготавливающих тортильяс, — самый характерный звук во всей Мексике».

Известный американский ученый Л. Морган — автор книги «Древнее общество», подчеркивал, что маис содействовал прогрессу человечества больше, чем любой другой хлебный злак. Его можно было выращивать и в горах при искусственном орошении, употреблять в пищу как зеленым, так и созревшим; он давал высокие урожаи, и зерна его были очень питательны. То был замечательный дар природы, позволивший индейским племенам достичь значительного прогресса, несмотря на то, что Америка почти не знала домашних животных.

Благодаря своим высоким питательным свойствам, маис помог более развитым племенам освободиться от каннибализма. Людоедство, по словам Энгельса, сохранялось только в качестве религиозного акта или колдовства.

Дж. Вайян, рассказывая об американских центрах интенсивного земледелия — Центральной Америке и районе Анд, подчеркивает, что там почти всюду были распространены маис и бобы, а в нагорье Анд — еще и картофель. Ни одно из культурных растений, возделываемых индейцами, до завоевания Америки не было известно ни в Азии, ни в Европе, ни в Африке, и употребление их вдвое увеличило продовольственные ресурсы Старого Света.

Племена, возделывавшие маис, умели также готовить хлопчатобумажные ткани, глиняную посуду, украшая ее геометрическим орнаментом или натуралистическими рисунками, лепить из глины мужские и женские

фигурки. Женские фигурки являлись, очевидно, амулетами, которые должны были способствовать повышению урожая кукурузы. Это свидетельствует о том, что среди древних племен Америки был распространен культ богини плодородия.

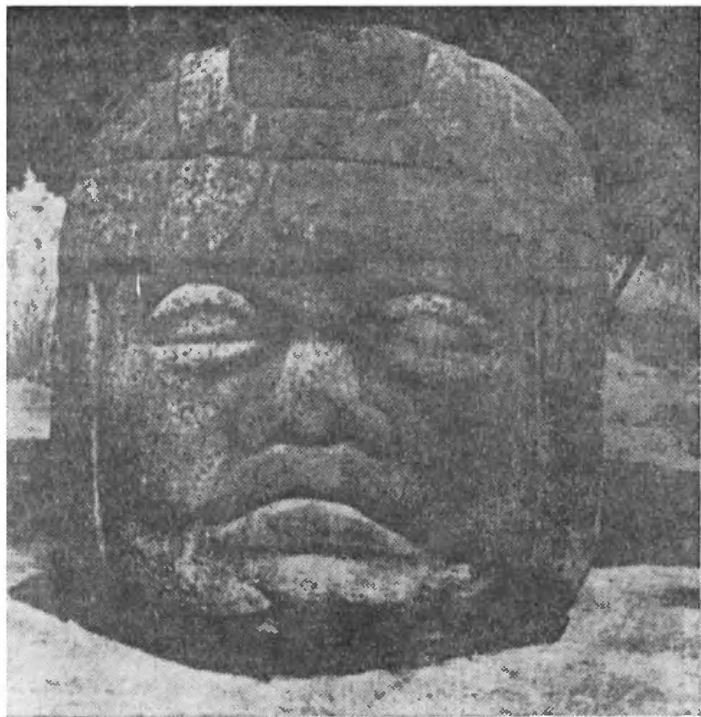
Земледельческие племена Мексики обрабатывали поля заостренными палками или мотыгами, ибо ни тягловых животных, ни плуга в Америке не знали: были приручены лишь собака (в Мексике) и лама (в Перу). Все же благодаря искусственному орошению на небольших полях, вернее огородах, созревали богатые урожаи, подобные тем, которыми славились древние речные центры цивилизации — в Египте и на берегах Тигра и Ефрата.

Мясо племена Мексики добывали охотой на птицу, мелкую дичь и оленей, занимались они и рыболовством. Орудия труда изготовляли из камня, дерева, кости, рога и вулканического стекла-обсидиана. На берегах Мексиканского залива в жарких, обильных осадками районах тропических лесов и в прибрежных долинах тоже образовались древние культурные центры. Особенно развитой культурой отличались поселения на территории теперешних провинций Веракрус и Табаско. Обитавшие там племена занимались подсечным земледелием и возили в центральное нагорье Мексики тропические плоды, какао, табак, хлопок, каучук, шкуры ягуаров и яркие перья колибри.

Еще задолго до пришествия ацтеков древние народы Мексики строили величественные здания и создавали замечательные произведения искусства.

Одним из таких древних народов были олмеки — «люди страны каучука», создатели «материнской культуры». Они изобрели точный календарь и иероглифическое письмо, разработали главные принципы архитектуры, заложили основы астрономии и математики, оставили после себя гигантские каменные скульптуры.

Наиболее известные творения олмеков — базальтовые головы. Это изображения первобытных воинов или вождей: суровые лица, широко открытые глаза и нахмуренные брови, широкие приплюснутые носы и толстые губы, глубокие складки на щеках и ямочки на подбородке. На голове воина шлем, закрывающий лоб и уши. Древние ваятели умели передать в камне человеческую красоту, мужество, отвагу и силу воли. Самая большая голова

*Каменная голова (олмекская скульптура) — двухметровой
вышины*

(около тридцати тонн весом) была доставлена на расстояние пятидесяти километров от каменоломни. Такой огромный труд могли совершить лишь тысячи людей, а строительные работы подобного масштаба могли быть организованы только государством.

Давно исчезли с лица земли эти древние цивилизации, и даже память о них почти совсем угасла.

«Материнская культура» олмеков погибла примерно за два тысячелетия до нашей эры, но от нее произошли новые цивилизации: на западе Мексики — сапотеков, на востоке — тотонаков, на севере, в Мексиканской долине, — Теотиуакана и тольтеков, на юге — самая

высокая из культур древней Америки — культура народа майя.

С олмекской культурой была тесно связана так называемая культура Лавента (800—400 лет до нашей эры), вестниками которой являются найденные в Лавенте, на побережье Мексиканского залива монументальные базальтовые скульптуры — алтари, гигантские головы и высеченные на камнях числа, письмена и барельефы с изображениями ягуаров.

В провинции Веракрус найдены развалины построенного тотонаками города Тахин с огромной пирамидой,

Олмекский бог луны

воздвигнутой в честь бога дождей. Пирамида имела 260 ниш соответственно количеству дней в году по древнему лунному календарю.

Предания рассказывают и о народности тольтеков, которую в древности привели сюда жестокие битвы с племенами диких кочевников. Здесь, в Мексиканской долине, и осел этот народ. Священный город тольтеков находился в Толане (нынешней Туле). Когда-то в нем возвышались огромные, похожие на дворцы, храмы, украшенные барельефами, изображавшими ягуаров, орлов, змей и других священных животных. Здесь найдены пятиметровые каменные статуи воинов, поддерживавшие крышу храма. Тольтеки были земледельцами, однако они научили другие народы не только выращивать полезные растения, но и изготавливать прекрасные ткани, великолепную утварь, строить прочные каменные здания и огромные пирамиды, высекать из камня грандиозные статуи (одно изображение бога дождя Тлалока весит 167 тонн), расписывать фресками стены храмов. Само слово «тольтек» на ацтекском языке означало «строитель». Кроме того, этот народ владел секретом получения металлов, умел плавить серебро и обрабатывать драгоценные камни.

В легендах тольтеков рассказывается о бородатом вожде Кецалькоатле, которому они поклонялись как богу. Он научил их строительному искусству и ремеслам. Жил вождь в роскошном дворце, выстроенном из зеленого камня чальчивитля, украшенном изумрудами, золотом, серебром, белыми и красными раковинами. Вождь был сказочно богат, и народ его не нуждался ни в еде, ни в питье, а маис давал там такой урожай, что человеку не под силу было поднять один початок. Маленькие же початки кукурузы тольтеки вовсе не употребляли в пищу, а топили ими бани. В этой стране выращивали также хлопок, переливавшийся на полях различными красками: белой, красной и оранжевой, желтой, зеленой и коричневой. В большом количестве росли там и какаовые деревья. В Толане разводили также птиц, яркое оперение которых использовалось для убранства помещений и изготовления праздничных одежд.

О мастерстве тольтеков-архитекторов свидетельствует огромный город Теотиуакан (по ацтекски — «Обитель богов»), расположенный восточнее озера Тескоко на

Развалины тольтекских храмов в Туле (Толлане) — пятиметровые каменные колонны

обширной плодородной равнине, со всех сторон окаймленной грядами гор. Город этот давно превратился в руины, но сохранились две грандиозные пирамиды, выстроенные в честь бога Солнца и его жены — богини Луны — гигантские многоступенчатые подножия, на которых в свое время возвышались храмы (город грандиозных храмов и гигантских пирамид тольтеки построили и в Чолуле).

Между мексиканскими и египетскими пирамидами имеется существенное различие. Египетские пирамиды служили местом погребения фараонов. Они возвышались

над усыпальницами, вызывая благоговение потомков. Пирамида — памятник могущества фараона — свидетельствовала о том, что он и в царстве смерти владеет драгоценными предметами и рабами, замурованными вместе с ним в усыпальнице. Мексиканские же пирамиды возносили к небу храмы, прославляя власть и могущество живых правителей и жрецов. Многочисленные ступени пирамид приглашали подняться на вершину. Здесь, а также на террасах устраивались пышные празднества и процессии. В военное же время или в случае восстания пирамида превращалась в неприступную крепость. Ее защитники, вооруженные копьями и палицами, сражаясь на отвесных ступенях, имели большие преимущества перед врагом. Их можно было победить лишь при огромном превосходстве сил.

По всей долине Теотиуакана длиною в пять и шириною в три километра возвышались огромные храмы, а площади между ними были покрыты гипсовыми плитами.

Границы древнего города пока еще точно не установлены, но одна лишь центральная часть Теотиуакана, где расположены наиболее важные памятники архитектуры, имеет длину два с половиной километра и ширину около километра. Ее пересекает широкая двухкилометровая магистраль, идущая с севера на юг, так называемая «Дорога смерти».

В северном конце «Дороги смерти» возвышается сорокадвухметровая пирамида Луны, сложенная из кирпича-сырца и облицованная камнем. Точно такую же, но еще больших размеров была Пирамида Солнца, высота которой достигала шестидесяти четырех с половиной метров. Стороны ее основания равнялись двумстам одиннадцати, двумстам семи, двумстам семнадцати и двумстам девяти метрам, а объем достигал почти миллиона кубических метров. Подсчитано, что для строительства такой пирамиды потребовалось бы не менее двадцати тысяч человек в течение двадцати-тридцати лет.

На юге «Дорогу смерти» заключал целый комплекс зданий, расположенных на одной гигантской платформе. Был среди них и храм Кецалькоатля.

На центральной магистрали города находилась также резиденция его правителя — дворец Кецальпапалотль (Дворец Крылатой улитки), уже очищенный в настоящее

время от мусора и обломков. Дворец украшали каменные пилястры с изображениями крылатой улитки. Он был великолепен. Сверкающие белизной стены были сложены из кирпича-сырца, облицованы алебастровой или гипсовой штукатуркой и украшены фресками. Жилые покои, склады и другие подсобные помещения группировались вокруг открытых внутренних дворов. Сами здания были приземисты и не имели окон.

Разумеется, ни город, ни дворец не могли соперничать в роскоши со столицами Древнего Египта или Ассирии и резиденциями их повелителей. Но дворец был удивительно красив, а планировка очень искусна. Улицы под прямым углом пересекали главную магистраль и, так же как и площади, были покрыты гипсовым раствором, который, затвердев, превратился в прекрасную мостовую. Проложенные под нею каменные желоба и трубы отводили дождевую воду в особые бассейны или каналы.

На обширных площадях перед храмами находились рынки, куда привозили товары из самых отдаленных областей: разноцветные перья птицы кецаль — из Гватемалы, бобы какао — из Гондураса и Табаско, нефрит — с берегов Тихого океана, амулеты и статуэтки — с побережья Мексиканского залива.

Центральную часть города тесно обступали жилища простолюдинов — глинобитные хижинки, одноэтажные домишки без окон с плоскими крышами. Улицы были прямыми, но узкими.

Этот город был не обычным индейским поселением, а крупным религиозным центром, где тольтеки воздавали хвалу Солнцу, Луне, богу дождей и другим богам. Тольтеки тоже поклонялись Кецалькоатлю — «пернатому змею» — богу воздуха и воды, богу утренней звезды, символом которого была змея с оперением птицы кецаль (птица эта водилась в горах Гватемалы и считалась у майя священной). Белокожий бог с пышной бородой был, по преданию тольтеков, зачинателем их культуры и прибыл в Мексику морем с востока. В Теотиуакане тоже был храм Кецалькоатля, лежащий теперь в руинах. От него осталось лишь подножие пирамиды — шесть террас, богато украшенных обсидиановыми фигурами пернатого змея и мотыльков, изображавших бога дождя Тлалока.

Позже сонм тольтекских богов пополнился верховным

богом Тескатлипокой и богом войны Уицилоночтли. Предания рассказывают о жестоких битвах между старыми и новыми богами: так в мифологии отразились междоусобные войны индейских племен.

Примерно в IX—X веках священный город, долгие столетия служивший центром торговли, паломничества и многократно перестраивавшийся, погиб — то ли в результате опустошительных войн, эпидемий и голода, то ли во время народного восстания. Противник разрушил его внезапно, одним ударом. Многие признаки говорят о том, что в городе свирепствовал опустошительный пожар. Больше город уже не восстанавливался. Под руинами остались не расхищенные грабителями богатства храмов, жилых зданий, товары купцов, изделия ремесленников.

Как гласят предания, повелитель тольтеков Кецалькоатль, прежде чем покинуть эту землю и удалиться вместе с приближенными на восток, объявил, что остается здесь законным государем и вернется сюда вновь.

Особенно сильно влияние тольтеков ощущалось на севере Юкатана — в Чичен-Ице. Повелитель тольтеков, называвшийся там Кукульканом, считался зачинателем культуры и здешнего племени. Храмы и поля для священной игры в мяч украшались здесь тоже изображениями пернатого змея.

Высокой культурой обладало и племя сапотеков, расцвет которого приходится на IX—XI века нашей эры. Об этом свидетельствуют руины Монте Альбано в юго-западной части провинции Оахака, имевшей тесную связь с Теотиуаканом и областями, населенными народом майя. Сапотеки, как и майя, ежегодно устанавливали календарные камни-стелы, испещренные иероглифами. В Монте Альбано найдены изумительные ювелирные изделия, свидетельствующие о тонком искусстве сапотекских мастеров: ожерелье, состоящее из 854 совершенно одинаковых звеньев, серьги, браслеты с рельефным орнаментом, нефритовые, изумрудные, коралловые, обсидиановые украшения, золотые маски.

Спустя еще три или четыре столетия в Мексиканскую долину из сухих полупустынных областей севера вторглись дикие кочевые племена, опустошили селения земледельцев и покорили тольтеков (около XI в.) и другие, жившие здесь племена. Позднее сюда пришли еще более

1

сильные воинственные племена чичимеков (диких). Это были охотники, они одевались в звериные шкуры, собирали съедобные корни, плоды и мед. Со временем, научившись обрабатывать землю, чичимеки осели на восточном берегу озера Тескоко. Там они столкнулись с пришедшими с юга племенами более высокой культуры.

Еще через несколько веков в Мексиканскую долину пришли новые племена с севера. Среди них были тепочки (племя вождя Теноча), которых другие народы называли ацтеками. Они долго странствовали в поисках плодородных земель и, по утверждению Л. Моргана, были одним из семи родственных друг другу племен.

Все эти семь племен, по свидетельству хрониста Акосты, появились в Мексиканской долине в разное время. Первыми пришли сюда шочимилки (народ цветочных семян), которые осели на южном склоне Мексиканской долины у озера Шочимилко.

Чальки (народ устья) пришли позднее и обосновались у озера Чалько. Тепанеки (народ моста) поселились к западу от озера Тескоко, а кулуа (кривой народ) — на его восточном берегу. Впоследствии это племя получило известность под именем тескоко. Тлатлуиканцы (люди Сьерры) нашли долину уже занятой и ушли в окружающие ее горы. Тласкальцы (хлебные люди) некоторое время жили вместе с тепанеками, а затем обосновались восточнее — в Тласкале.

В своих преданиях все эти племена называли себя одним именем — науа. Очевидно, происхождение их было общим и говорили они на сходных диалектах.

Последними из этих племен пришли в Мексиканскую долину ацтеки. Предание гласит, что после долгих скитаний они увидели у озера Тескоко на кактусе орла со змеей в когтях. Жрецы так истолковали увиденное: колючий кактус — тяжелая жизнь на этом свете, змея — злые силы, подстерегающие все живое, а победивший их орел — нескгибаемый дух человека. То было доброе знамение, свидетельствовавшее о том, что племя достигло земли, предназначенной ему богами, и должно здесь обосноваться.

И ацтеки решили подчиниться велению богов. Это были смелые и жестокие воины. Тепанеки с их помощью

покорили в XIV веке всю Мексиканскую долину, а потом поработили и самих ацтеков.

Пришедшим в долину ацтекам поначалу пришлось нелегко: лучшие земли были уже заняты, к тому же приходилось опасаться нападения более сильных племен.

Стараясь избежать столкновений, ацтеки нашли себе убежище среди болот, прудов и застывших потоков лавы — на небольшом острове (площадью около двенадцати квадратных километров) в юго-западной части озера Тескоко. Там они, по свидетельству Клавигеро, основали в 1325 году два поселения — Теночтитлан (по имени легендарного вождя Теноча) и Тлателолко, — которые долгое время существовали как два самостоятельных пуэбло (племенных поселения). Только около середины XV века оба селения слились в один большой город. Здесь находили убежище выходцы из многих других племен, населявших берега озера. Поэтому, по словам академика В. Струве, немногочисленное племя ацтеков представляло собой в какой-то мере искусственное образование, хотя в основном и состоявшее из близких друг другу родов.

Ацтеки удачно выбрали место поселения. Земли их обильно орошались: рядом были озера Шочимилко и Чалько, а с окрестных гор в озеро Тескоко стекали ручьи. Умелые строители, ацтеки знали толк и в искусственном орошении и с помощью плотин и каналов создали вокруг своего поселения большую запруду.

Как подчеркивал Морган, если бы ацтеки не вели этих строительных работ, вряд ли они смогли бы так возвыситься над другими племенами Мексиканской долины и многократно умножить свои силы.

В 1426 году ацтеки заключили союз с Тескоко и Тлакопаном (Такубой) и, разгромив тепанеков, свергли их иго. Теночтитлан стал самостоятельным городом-государством, членом тройственного союза племен, заключенного с целью обороны и грабительских нападений на другие племена.

Все три союзные племена выступали едино, когда дело касалось отношений с чужими племенами, но сами жили обособленно друг от друга и сохраняли обычаи родового строя. Группа семей составляла род, члены которого имели одного общего предка. Во главе рода стояли выборные старейшины. Роды объединялись

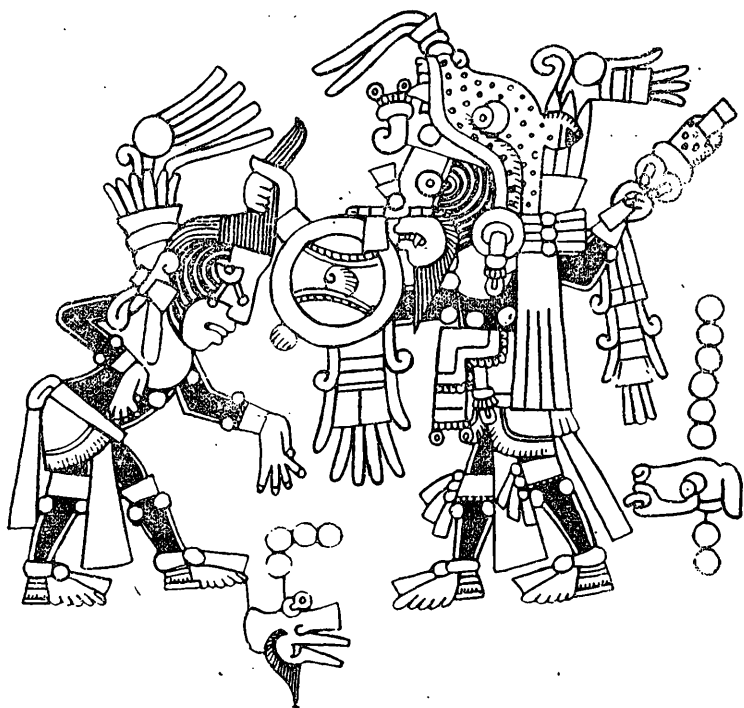
в племя, которым управлял совет, состоявший из представителей всех родов. Совет, в свою очередь, избирал двух вождей (касиков). Один из них руководил военными действиями, другой ведал внутренними делами племени и религиозными обрядами. Можно сказать, что государственным строем ацтеков была военная демократия. Земля еще не являлась частной собственностью и принадлежала всему племени или группе племен.

Каждое селение, в которое входило несколько родов, имело свои земли. На этих общинных землях каждый член рода мог охотиться, рубить лес (который вообще-то строго охранялся, чтобы не иссякли водные ресурсы), собирать травы, ловить рыбу. Обрабатываемые земли делились между родами, а внутри рода — между семьями, пропорционально числу едоков. Землю обрабатывали мужчины. Она переходила в наследство от отца к старшему сыну. Младшие же сыновья после вступления в брак получали наделы от общины и должны были их обрабатывать.

Девяносто четыре года, с 1426 по 1520 год, сохраняли племена свой союз и совершали бесчисленные набеги на соседей, главным образом к югу от Мексиканской долины до Тихого океана. В первую очередь они покорили ближайших и наиболее слабых соседей, но не остановились на этом и подчиняли себе все новые и новые племена и селения.

Каждое побежденное племя облагалось безжалостно взимаемой данью. Дань была непомерно велика (по некоторым сведениям — пятая часть урожая и десятая — убитой дичи). Брали также кукурузу, плоды, хлопок, какао, бобы, перец, мед, соль, каучук, драгоценные камни, золотой песок и украшения, морские раковины, рыбу, черепа, редких птиц и животных, ткани, плащи, медные топоры, щиты и копья, благовонные травы и смолу, перья птиц, звериные шкуры, ценную древесину и многое другое. Сбором дани у ацтеков ведали особые чиновники.

Победители жестоко эксплуатировали покоренные племена, использовали их на принудительных работах, заставляя таскать камни и деревья для постройки храмов и дворцов, обрабатывать свои наделы, снимали у них землю для нужд своих храмов, угоняли женщин и детей. Нередко их приносили в жертву богам. Все это вызывало

Повелитель убивает поверженного врага (из индейской рукописи)

ненависть у покоренных племен, и завоевателям постоянно приходилось опасаться восстания.

Ацтеки не стремились, да и не могли включить покоренные племена в свой союз и в систему своих социальных отношений. Это было невозможно из-за различия языков. Покоренными племенами по-прежнему управляли их собственные вожди, и жизнь их протекала по старым обычаям.

Союз сталкивался также с независимыми и враждебными ему племенами. То были мичоаки на западе, отоми на северо-западе, дикие чичимеки на севере, мексиканцы на северо-востоке, тласкальцы на востоке, чолулы на юго-востоке, а за ними табаски, чиапасцы и сапотекы.

В ходе этих войн первобытнообщинный строй ацтеков претерпел большие изменения и военная демократия стала распадаться.

Из успешных походов ацтеки приводили много пленных. Жизнь пленников принадлежала победителям. Ацтеки не обменивали и не освобождали их, а приносили в жертву богам или превращали в рабов — домашних и общинных. В первую очередь в рабство обращали тех пленных, кто владел каким-нибудь ремеслом: труд рабов становился уже экономически выгодным.

У ацтеков стали появляться рабы и из своего племени: преступников — изменников и воров — отдавали в рабство потерпевшим. Обращение в рабство как наказание существовало и при родовом строе. Но теперь появилось еще и долговое рабство: люди, обремененные долгами или страдающие от голода, продавали себя и членов своей семьи.

Возникла оживленная работоторговля. По свидетельству Берналя Диаса, в Теночтитлане продавали не меньше рабов, чем гвинейских невольников в Португалии. Рабы должны были носить ошейник, прикрепленный к гибкому пруту. Их дети оставались в неволе.

Возникло неравенство и в распределении земель. Воины, отличившиеся в боях, получали не только большую часть добычи, но и более крупные земельные наделы. Стали особо выделять землю для содержания вождей, знати и жрецов. Эти наделы обрабатывались простым людом и рабами. Богачи и знать прибрали к рукам самые большие и плодородные владения. Так возникла частная собственность на землю. Появились даже особые карты, на которых разными красками были обозначены земли, принадлежавшие общине, вождю и знати. Образовалась прослойка богатых и знатных, роль которой в жизни племени все более возрастала и которая стремилась к новым завоеваниям и обогащению.

Одновременно с военной аристократией возникла могущественная каста жрецов. В собственность храмов перешли большие земельные владения, и жрецы стали взимать подати с проживавших там крестьян. Каста жрецов пользовалась огромным влиянием и при решении политических вопросов.

Военная аристократия и жрецы были, по существу, классом рабовладельцев, эксплуатировавшим низшие касты.

Имущественное и социальное неравенство становилось все глубже. Свободные прежде члены родов превращались в безземельных крестьян и попадали в кабалу к богатым.

Помимо знати, жрецов, крестьян и рабов имелись еще ремесленники (изготавливавшие ювелирные изделия, оружие, посуду, прекрасные ткани) и купцы — почтеки, отправлявшиеся с большими караванами носильщиков на рынки в другие области и города — к берегам океана, на Юкатан и даже в Гватемалу. Хотя преобладала меновая торговля, появились уже и средства платежа: для этой цели на обширной территории пользовались стержнями гусиных перьев, наполненными золотым песком, кусочками меди, бобами какао.

Средневековый философ и историк Мартир расточал дифирамбы этим «какаовым» деньгам за то, что они якобы ограждали своих владельцев от скопидомства, так как их нельзя было ни копить, ни закапывать в землю.

Купцы были хорошо вооружены и могли отразить внезапное нападение. Дорогие подарки открывали им доступ на территорию любого племени.

С образованием классов возникло и государство. С помощью государственных органов власти господствующий класс навязывал народу свою волю и держал его в повиновении.

Рабство, имущественное и социальное неравенство, развитие частной собственности и меновой торговли привели к распаду родового строя и к преобразованию его в рабовладельческое общество. Между членами одного племени, еще недавно объединенного общими интересами, возник антагонизм, который все более углублялся.

Органы управления племенем — совет и вожди — превратились в органы государственной власти. Совет прислушивался теперь только к голосу богатых и знатных. Военный вождь ацтеков («тлакатекутли» — «глава мужей») стал фактическим повелителем племени, верховным вождем и, по утверждению Дж. Вайяна, стал ведать также гражданскими делами и религиозными обрядами. Таким образом, руководство племенем ацтеков, как в мирное, так и в военное время, концентрировалось в руках одного вождя, происходившего из

привилегированной семьи. Власть верховного вождя теперь передается по наследству. Совет играет все меньшую роль, к тому же члены его происходят из того же рода. Верховный вождь возглавляет уже весь тройственный союз Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана, а не только его вооруженные силы.

Между верховным вождем и жрецами царило полное согласие. Во время торжественной церемонии посвящения в сан верховный жрец смазывал нового вождя с головы до ног черным благовонным маслом, а толпы поданных распевали в честь него гимны. Четыре дня великий вождь не принимал пищи и молился богам. Затем его венчали украшенным пестрыми перьями золотым венцом, и приносили пленных в жертву богам. Верховный вождь считался воплощением бога на земле — живым богом. Никто не смел поднять на него взор, и в его присутствии все должны были ходить только босиком.

Верховный вождь жил в великолепном дворце. Там были сотни покоев, бассейны, большой гарем для услаждения повелителя. Вокруг шелестели листвой тенистые сады, где среди роскошных цветов били звонкие фонтаны, а по дорожкам и пышным травам бродили редкостные звери и птицы.

Неограниченная власть вождя и великолепие, его окружавшее, ввели испанцев в заблуждение. Они приняли государство ацтеков за империю, а их повелителя — за феодального монарха — короля или императора, и решили, что в Америке господствует такой же феодальный строй, как в Испании. По словам Моргана, они так ничего и не поняли в общественном строе ацтеков.

В начале XV века ацтеками правил верховный вождь Ицкоатль, совершивший ряд удачных военных походов. Захваченные богатства позволили ацтекам значительно расширить город Теночтитлан, построить роскошные храмы, соорудить дамбы, соединившие остров с берегами озера.

Когда в 1440 году Ицкоатль скончался, повелителем ацтеков стал Монтесума I («небесный стрелок»). Он был отважным военачальником и провел жизнь в непрерывных походах. Войска ацтеков пересекали пределы Мексиканского нагорья, преодолевали горы на востоке

и совершали набеги на побережье Мексиканского залива и походы на юг.

Город Теночтитлан продолжал расти. Руками рабов был выстроен огромный акведук, подававший в город по проложенным через озеро дамбам питьевую воду. Вода в озере была соленой и непригодной для питья. В период зимних дождей оно нередко выходило из берегов и затопляло город, поэтому вокруг него была сооружена дамба.

Сын Монтесумы I Аксаякатль, пришедший к власти в 1469 году, укрепил господство ацтеков над племенами и городами Мексики, а также попытался расширить свои владения к западу и югу, путем захвата Оахаки и Теуантепекского перешейка. Ацтеки совершили военный поход на тарасков, населявших западную провинцию Мичоакан на берегу Тихого океана. Здесь впервые за последние десятилетия ацтеки потерпели поражение, и тараски сохранили свою независимость вплоть до нашествия конкистадоров.

После Аксаякатля Теночтитланом правили два его брата (у ацтеков после смерти правителя ему наследовал не сын, а брат или племянник) — Тисок (1479—1486) и Ауицотль (1486—1503). Они продолжали политику завоеваний, и при них границы ацтекского государства раздвинулись еще дальше к северу и юго-востоку. Победы приносили с собою новые богатства и толпы новых рабов. В своих походах ацтеки продвинулись до Гватемалы на юге и до земли ваштеков на севере. Во время двухлетнего похода в Оахаку беспощадные ацтеки захватили огромное количество пленных и всех их принесли в жертву богу войны. Ацтеки считали, что эти кровавые жертвы умилят богов и отвратят беды и несчастья. Ацтекам нередко приходилось также предпринимать походы и для усмирения восстаний в подвластных им областях. Тласкала и Чолула не захотели подчиниться ацтекам и успешно отражали их нападения.

В то время в Теночтитлане было завершено строительство большого храма в честь бога войны Уицилопочтли. Освящение храма, состоявшееся в 1487 году, явилось свидетельством того, что могущество ацтеков достигло вершины. В жертву богу войны было принесено огромное количество пленных — по преданию, двадцать тысяч человек. Обреченные бесконечной гереницей тяну-

лись по улицам города и поднимались по ступеням пирамиды. Целая армия жрецов, облаченных в красные одеяния, в течение долгих часов совершала этот жуткий обряд.

В Теночтитлане был сооружен и второй акведук, так как с ростом населения быстро росла и потребность в питьевой воде. По расчетам историка Г. Паркса, население Теночтитлана в конце XV века составляло не менее ста тысяч человек, ряд авторов называют иные цифры: Суассо — шестьдесят тысяч, Вайян — двести тысяч. Гомара и Эррера утверждают, что в Теночтитлане было шестьдесят тысяч домов, Торкемада же —, что сто двадцать тысяч, а Солис отмечает, что в городе проживало шестьдесят тысяч семей (в таком случае население его достигало бы трехсот тысяч человек). Одним словом, в этом вопросе нет ни ясности, ни единства.

Л. Морган считает все эти данные сильно преувеличенными. По его мнению, население Теночтитлана не могло превышать тридцать тысяч человек. Как же, говорит он, народ, находившийся на ступени варварства, не имевший ни домашних животных, ни стад, не знакомый с полевым земледелием, мог бы на ничтожном клочке земли прокормить столь большое количество жителей.

В 1503 году правителем Теночтитлана стал сын Аксаякатля — Монтесума II, суровый, воинственный и коварный властелин, беспощадно расправлявшийся с врагами.

Он свысока относился к своим подданным и считал лишь одну знать достойной его милостей. Монтесума приказал удалить из дворцов всех людей низкого происхождения, боевых ветеранов, занимавших у его отца различные посты. У стола ему прислуживали только вельможи. Властелин наслаждался изысканными яствами и напитками, одевался в роскошные одежды, меняя их по нескольку раз в день, и никогда не надевал вторично одно и то же платье. Это требовало немалых затрат, но еще дороже стоило содержание двора, при котором кормилось множество чиновников и придворных, а также гарема, в котором жили сотни жен.

Монтесума не жалел также средств на строительство зданий и каналов. Но все эти средства надо было добыть, и Монтесума требовал с покоренных народов все большую дань, взимал с купцов подати в размере тре-

твей части приобретенных ими товаров, посылал в грабительские походы все новые и новые отряды. Умудренные опытом люди предостерегали повелителя, что подобная суровость может привести к недовольству и подорвать могущество ацтеков. Но Монтесума надеялся на милость Уицилопочтли и предпринимал бесчисленные грабительские походы и дальние военные экспедиции, до самого Гондураса и Никарагуа. Однако попытки покорить Тласкалу закончились неудачей. В одной из битв с этим отважным племенем пал сын Монтесумы.

Ацтекам было нелегко удерживать в повиновении подвластные им племена, но и покоренным народам приходилось тяжело. За малейшую провинность или неуплату дани непокорных осуждали на смерть, а города и селения, оказавшие сопротивление завоевателям, расплачивались юношами, которых ацтеки приносили в жертву богам.

Огромное государство ацтеков раздирали внутренние противоречия, оно держалось лишь на страхе и оружии. Этот конгломерат различных народов был вовсе не так силен, как показалось испанцам.

Ацтеки были искусными земледельцами. Землю обрабатывали главным образом мужчины, и хотя делалось это примитивным орудием труда — палкой, заостренной наподобие лопаты, ацтеки получали богатые урожаи, так как они широко применяли искусственное орошение и хорошо удобряли почву. Пашни в прямом смысле этого слова у ацтеков не было. Из-за недостатка земли они устраивали на озерах и лагунах искусственные плавучие огороды «чинампы». Делалось это так. На небольшие легкие плоты, сооруженные из дерева и тростника и привязанные к вбитым в дно озера сваям, накладывали толстый слой плодородного ила. Впрочем, «чинампами» назывались также длинные узкие полосы земли, с трех сторон окруженные водой. Их покрывали слоем водорослей и регулярно поливали водой. Получалось прекрасное удобрение — компост. Его смешивали с плодородным илом, вычерпанным со дна канала. Берега таких островков или полуостровов обсаживались деревьями — осинами, ивами, вербами, корни которых защищали «чинампы» от вымывания и обвалов. В сухое время года огороды поливались. «Чинампы» давали по несколько урожаев в год и на долгие века.

сберегали плодородие почвы. Каналы между ними позволяли поддерживать сообщение на плоскодонных челнах.

Теночтитлан был окружен широким поясом «чинамп», который свидетельствовал о трудолюбии и настойчивости земледельцев.

На своих огородах ацтеки выращивали главным образом помидоры, бобы, тыкву, кабачки, зеленый и красный перец, сладкий картофель — батат и различные цветы. Однако основной сельскохозяйственной культурой ацтеков, как и других племен Центральной Америки, был маис. Ацтеки строили обширные склады, где хранили маис на случай неурожая. После вторжения конкистадоров в Америку этот ценный злак начал отсюда свое путешествие в Старый Свет. От ацтеков и других индейских племен европейцы получили также какао, табак, помидоры, подсолнечник, бобы, картофель, тыкву, ананас, ваниль, земляной орех, каучуковое дерево и декоративные растения — георгины, бегонии, фуксии, опунции, орхидеи.

Некоторые хронисты полагают, что одной из важнейших продовольственных культур ацтеков были бананы, которые не требовали особого ухода и давали значительный урожай (хотя Овьедо, например, считает, что бананы были завезены сюда завоевателями).

Ацтеки возделывали также ямс — растение со съедобными клубнями, и чию — злак, зерна которого использовались для выделки масла и приготовления освежающего напитка.

Женщины размалывали маисовые зерна на муку и пекли пироги и тонкие лепешки. Из маисовой муки варили также похлебку.

Мясо варили и жарили, обильно приправляя зеленым и красным перцем. При изготовлении пищи употреблялись также мед и сахар. Сахар добывали из сока агавы, а из стеблей маиса, который заменял в этой стране сахарный тростник (завезенный сюда только после покорения государства ацтеков), получали сладкий сок. Любимым напитком ацтеков был шоколатль (шоколад, какао), который готовился из бобов какао и ванили. Пили его холодным.

По свидетельству хрониста Саагуна, ацтеки до и после еды тщательно мыли руки и чистили зубы. Они

Сбор сока агавы (со старинной гравюры)

курили трубки из серебра или черепашьей кости и сигары. Употребляли они и нюхательный табак.

Из перебродившего сока агавы ацтеки приготавливали алкогольный напиток октли (его называли также пульке), а из волокон этого растения делали веревки и грубую мешковину, которая шла на одежду беднякам. Хронист Эрнандес отмечает, что агава давала ацтекам еду, питье, одежду и волокно для изготовления бумаги.

Использовались даже шипы агавы, их употребляли в качестве гвоздей и игл.

Богатые ацтеки носили одежду из хлопка или тончайшей кроличьей шерсти.

На листьях кактуса особого сорта ацтеки разводили насекомое кошениль, из которого получали прекрасный краситель темно-красного цвета для ткани. По словам Эрнандеса, этот краситель мог соперничать с пурпуром Старого Света. У ацтеков были и другие яркие красители, которые они получали из различных растений и минералов.

Ацтеки разводили собак — главным образом на мясо, держали индюков, которых европейцы тогда еще не знали. Занимались они пчеловодством, рыбной ловлей и охотой. На охоту ходили с луком и стрелами или же с дротиками. Дротики метали далеко и с большой точностью, направляя их особой дощечкой атлатлом. Кроме того, ацтеки расставляли ловушки и капканы, а мелких зверей убивали глиняными шариками, выдувая их из трубки. Рыбу ловили по ночам, при свете факелов, сетями из волокон агавы хенекен.

Каждая семья изготовляла для себя все необходимое — глиняную и деревянную утварь, ткани, обувь, орудия труда. Но с развитием меновой торговли ремесло отделилось от земледелия. Появились искусные мастера — горшечники, ювелиры, ткачи, а также ваятели, каменотесы, живописцы, мастера мозаичных дел и резчики по дереву.

Ацтеки пользовались искусно сделанными каменными и деревянными орудиями. Постепенно стал входить в употребление и металл — похожий на бронзу сплав меди и олова, из которого изготовлялись топоры, ножи, наконечники стрел и копий. Железо ацтекам не было еще известно.

Пользуясь каменными орудиями, ацтекские мастера создавали замечательные скульптуры, шлифовали яшму, нефрит, обсидиан, горный хрусталь, опал, аметист, складывали великолепные мозаики. В мозаичном искусстве ацтеки не имели себе равных во всем мире. Сохранился щит, покрытый мозаикой из 15 тысяч сапфиров.

Больших успехов ацтеки достигли в обработке золота и серебра. Они отливали огромные сосуды, украшенные резным орнаментом и изображениями животных. Неко-

горые серебряные сосуды были так велики, что человек не мог обхватить их руками. Даже испанские хронисты Саагун, Эррера и Торкемада были вынуждены впоследствии признать, что ювелирные изделия ацтеков по тонкости отделки превосходили изделия испанских мастеров.

Как отмечает советский искусствовед А. Сидоров, золотые изделия мексиканцев вызывали в Европе всеобщее восхищение даже у таких знатоков, как итальянский историк Пьетро Мартир и немецкий художник Альбрехт Дюрер.

Золото у ацтеков ценилось невысоко, гораздо большими ценностями считались нефрит, бирюза, яшма и медь, чему испанцы не переставали удивляться.

Одним из замечательных изделий ацтекских ваятелей был так называемый календарный камень, имевший более 3,5 метра в диаметре. На нем были изображены история и строение Вселенной, согласно представлениям ацтеков. В центре рельефа находился лик бога солнца Тонатиу, окруженный четырьмя орнаментами, изображавшими четыре эры, прошедшие с момента создания Вселенной (каждая эра длилась от четырех до пяти тысяч лет и заканчивалась ужасной катастрофой: наводнением, ураганом, истребительной войной или пожаром. Пятая эра, в которой жили ацтеки, должна была закончиться землетрясением). Вокруг

Скульптура мальчика

Календарный камень ацтеков

центральной части календарного камня шли концентрические круги. Первый состоял из двадцати названий дней ацтекского календаря, затем следовал круг из иероглифов, обозначавших нефрит и бирюзу, которые символизировали небо. За этим поясом шли звездные знаки и солнечные лучи, а внешним обрамлением камня служили две большие огненные змеи, символизировавшие год и время.

Этот грандиозный камень, весивший более двадцати тонн, был высечен на дальних каменоломнях, доставлен по дамбам в столицу Теночтитлан и поднят на вершину пирамиды храма бога войны высотой в тридцать пять метров. После завоевания Мексики испанцы сбросили календарный камень на землю, где он пролежал под руинами храма два с половиной столетия, пока не был случайно обнаружен.

Хотя ацтеки и не имели гончарного круга, они изго-

товляли из глины прекрасную утварь, богато украшенную изображениями людей, богов, животных, растений или геометрическим орнаментом.

Ремесла у ацтеков были в большом почете, и дети наследовали ремесла своих отцов. В поучениях детям, найденных среди древних рукописей, говорится, что дети должны проявлять трудолюбие как в поле, так и на других достойных работах. Таковы заветы предков. Ведь никто не слыхал, чтобы знатное происхождение могло прокормить человека. Торкемада присовокупил к этому, что такие слова для испанских идальго звучали весьма необычно.

Из хлопка и волокон агавы ацтеки изготавливали с помощью веретена с пряслищем и примитивного станка прекрасные ткани ярких расцветок; они делали великолепные плащи и головные уборы из разноцветных перьев разнообразной окраски. Все это носили только богатые люди. Кроме того, они любили дорогие украшения из золота, опала и нефрита.

Одежда красноречиво свидетельствовала об имущественном положении человека. Мужчина из неимущих слоев ходил в набедренной повязке и короткой накидке из грубой ткани, а женщины носили узкие юбки и длинные белые рубашки без рукавов, покрытые разнообразной вышивкой, ноги же обували в сандалии из кожи или волокон агавы. И мужчины, и женщины раскрашивали тело и лицо черной, красной, желтой и синей краской. В ушах они носили серьги.

Испанцы считали ацтекских женщин красивыми. Свои длинные черные волосы женщины иногда покрывали тонкой вуалью, украшенной цветами или, у богатых, драгоценными камнями и жемчугом, добытым в Калифорнийском заливе. Женщины наравне с мужчинами участвовали во всех празднествах и пользовались большим уважением.

Юноши считались достигшими брачного возраста в двадцать лет, девушки — в шестнадцать. Заключать браки разрешалось только вне рода.

По утверждению хрониста Клавигеро, браки устраивались родителями жениха и невесты. Без согласия родителей брак не мог быть заключен. Юноши и девушки встречались очень редко, поэтому обоюдные симпатии между ними не возникали и не принимались в расчет.

Ацтекские женщины (из индейской рукописи)

Во время свадебного обряда жрец связывал полы одежд жениха и невесты и объявлял их мужем и женой. Нарушение супружеской верности каралось смертью, но разводы разрешались. Испанский хронист Эррера добавляет, что ацтеки старались сохранить в памяти все, что невеста приносила с собой в дом жениха, чтобы потом при разводе (что случалось довольно часто) снова поделить имущество. Если разводилась пара, имеющая детей, то при разводе дочери оставались у отца, а сыновья — у матери. Разведенные супруги могли вступить в новый брак. У ацтеков допускалось и многоженство, но оно было распространено, очевидно, только среди богатых и знатных.

Законы ацтеков вообще предоставляли богатым и знатым большие привилегии. Нанесение оскорбления знатному вельможе каралось смертной казнью. Такое же наказание грозило и за незаконное ношение знаков власти.

Законы предусматривали огромные различия между свободными и рабами. Убийство свободного человека

влекло за собой смертную казнь, а убивший раба сам становился рабом его хозяина. Рабы были совершенно бесправными.

Смертью каралось не только убийство свободного человека, но и передвижение пограничных камней на полях, грабеж на дорогах, подделка рыночных мер и весов. Воровство, в зависимости от тяжести проступка, влекло за собой смертную казнь или рабство, но не тюремное заключение.

Маисовые поля находились под охраной закона: только путнику разрешалось безнаказанно утолить голод маисовым початком, для других же это считалось тяжким преступлением, караемым смертной казнью или обращением в рабство.

Клеветникам отрезали губы и уши, пьяницам за злоупотребление напитком откли грозила смертная казнь: их забивали камнями или палками. Лишь старые люди могли безнаказанно предаваться этому пороку, остальным разрешалось употреблять алкогольные напитки только во время религиозных праздников.

Обширные сведения о религии ацтеков сообщил францисканский монах Бернардино де Саагун, современник конкисты, прибывший в Мексику для крещения язычников. По его свидетельству, у ацтеков имелось великое множество богов — добрых и злых, великодушных и мстительных. Они были повсюду и следили за каждым шагом человека, его делами и поступками. Они управляли силами природы, небом, землей и подземным миром. Человеку нужно было ладить с богами, заслужить их благосклонность молитвами, дарами, обрядами, жертвоприношениями, воскурением благовонных трав, добиваясь, чтобы боги оказывали ему помощь, отвращали беды и несчастья.

Наиболее почитались боги, покровительствовавшие земледелию: бог маиса, бог земли и плодородия. От них зависел урожай. Боги гор распоряжались дождями, громом и молниями, озерами, источниками. Были у ацтеков и боги времен года, юности, искусства, плясок, радости, жизни и смерти, был даже бог агавы, из которой получали пьянящий напиток. Бог солнца Тонатиу был защитником воинов. Каждая долина, каждый род и племя имели своего покровителя — Тлалока. Богом-покровителем ацтеков был Уицилопочтли — бог войны и охоты,

*Богиня кукурузы
с двумя змеями*

ацтекский Марс. По преданиям, он возглавил переселение теночков из северных областей в Мексиканскую долину. Храм этого бога в Теночтитлане и в других селениях ацтеков почитался главным храмом.

Этот жестокий бог, едва лишь явившись на свет, совершил ужасное преступление — отрубил головы своим братьям и сестре. Ему приносились бесчисленные человеческие жертвы.

Матерью Уицилопочтли была богиня земли, «Владычица в одежде из змей», с двумя змеями вместо головы. У четырехрукой богини жизни и смерти вместо головы был череп, а одежда состояла из переплетенных клубков змей. Образ этой богини символизировал единство и равновесие жизни и смерти.

Кецалькоатль (Пернатый змей) был богом культуры, но предания повествовали и о великом повелителе Кецалькоатле, который якобы принес культуру тольтекам и удалился на восток. Кецалькоатль считался добрым богом, однако и ему приносились человеческие жертвы.

Верховным божеством ацтеков был бог Тескатлипока (Дымящееся зеркало) — повелитель богов войны и охоты всех племен. То был очень жестокий бог, насылавший на людей голод и мор, требовавший бесчисленных человеческих жертв. Тескатлипоку изображали с магическим зеркалом из полированного обсидиана, в котором, по ацтекским повериям, отражался весь мир.

В честь этого бога ежегодно устраивалось большое празднество. Задолго до торжественного дня выбирали красивого юношу и оказывали ему почести как воплощению Тескатлипоки на земле, обладающему божественной властью. Юношу наряжали в пышные одежды, от-

Барельеф бога солнца

давали ему в жены четырех прекрасных девушек, и все оставшееся до праздников время он проводил среди развлечений и роскоши. В день празднества юношу на носилках доставляли в храм и приносили в жертву богу.

Богине земледелия жертвовали юную девушку, тело которой разрисовывали черной и желтой краской (символ кукурузы). Девушка исполняла в храме богини ритуальный танец, а затем погибала на жертвенном камне.

В честь бога огня в храме разжигался большой костер, куда бросали связанных пленников. Жрецы еще живыми вытаскивали их из огня и, вскинув на спину,

плясали с ними вокруг огня. Потом несчастных клали на жертвенный камень и убивали.

Во время засухи богам приносились в жертву маленькие дети. Их убивали также и в честь богини кукурузы, когда появлялись первые початки.

Венчание нового вождя тоже не обходилось без кровавых жертвоприношений. Монтесума в день своего посвящения лишил жизни двенадцать тысяч пленных. Обреченных на смерть согнали в переднее помещение храма. Верховный жрец в длинном кроваво-красном одеянии, с убором из зеленых и желтых перьев на голове, с вымазанным черной краской лицом и с острым широким обсидиановым ножом в руке руководил этим отвратительным обрядом.

Рядом с ним стояли еще пятеро жрецов. Нагие пленники один за другим подходили к жертвенному камню. Жрецы хватали очередную жертву и опрокидывали ее на камень. Двое жрецов держали пленника за ноги, двое других — за руки, а пятый — за кожаный ошейник. Шестой жрец ловко рассекал пленнику грудь, вырывал трепещущее сердце и поднимал его высоко, к солнцу.

Бормоча молитвы и заклинания, жрец обмазывал лицо идола сочащейся из сердца кровью. Остальные жрецы подхватывали бездыханный труп и сбрасывали его со ступенек храма.

Человеческие жертвоприношения достигли в стране ацтеков поистине гигантских размеров. Практиковалось и обрядовое людоедство. Жрецы съедали сердца принесенных в жертву людей, тела же их во время праздничных пиршеств съедались народом. Однако сообщения испанских хронистов о количестве жертвоприношений кажутся весьма преувеличенными.

При всей жестокости ритуала жертвоприношения он, по понятиям ацтеков, возвышал жертву, приближая ее к богам. Смерть на жертвенном камне равнялась смерти на поле боя. Нередко ацтеки добровольно избирали себе такую почетную смерть.

В Теночтитлане было огромное количество служителей культа. В одном лишь главном храме столицы служило около пяти тысяч жрецов разных рангов.

Жрецы облачались в черные или красные одеяния, носили головные уборы из перьев и никогда не подстригали и не расчесывали свои волосы.

Одни из них руководили пением и плясками, другие заботились об устройстве различных календарных празднеств, третьи занимались воспитанием юношей, четвертые устраивали жертвоприношения, пятые исповедовали ацтеков. Празднества устраивались часто (в году было восемнадцать главных праздников, длившихся по нескольку дней) и сопровождались живописными процессиями. Женщины и дети, с венками на головах, возлагали на алтарь плоды, маисовые початки и ароматические смолы.

Религия ацтеков, как и все другие религии, служила орудием угнетения как самих ацтеков, так и покоренных племен.

Существовали особые школы для подготовки жрецов, где обучались дети жрецов и аристократов. Будущие служители культа знакомились здесь не только с религиозными обрядами, но и с астрологией, астрономией, метеорологией, математикой, медициной, историей племен, мифологией.

Следует все же отметить, что в науке ацтеки не достигли больших успехов. Так, например, они знали лишь элементарную математику — четыре арифметических действия, причем система счета основывалась на числе «20».

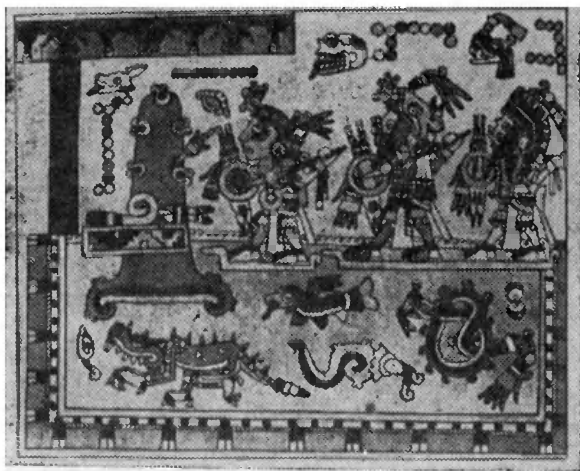
В большом почете была медицина. Ацтекские врачи лечили не только колдовством и заговорами, но и широко пользовались различными лекарственными растениями. Европейские медики лишь спустя несколько столетий переняли от индейцев некоторые лекарственные вещества: хинин — против лихорадки, наперстянку — для лечения сердечных заболеваний, кокаин, стрихнин. Переняли европейцы и некоторые диагностические методы.

Ацтекам были известны массаж, водолечение, паровая баня, общий наркоз и местная анестезия.

По свидетельству историка Торкемады, в больших городах имелись специальные здания, предназначенные для лечения больных, и убежища для раненых воинов.

Ацтекские врачи хорошо знали анатомию человеческого тела и функции его отдельных органов. Они делали сложные операции, сращивали переломанные кости, производили трепанацию черепа и кесарево сечение.

Ацтеки не изобрели алфавита, а остановились на

Образец пиктографического письма (миштекская культура)

пиктографическом письме — выражении мыслей с помощью рисунков.

Некоторые другие древние народы Америки (майя, сапотеки, олмеки, кечуа, аймара) пользовались иероглифами, которые, в отличие от пиктографии, воспроизводят отдельные звуки. Система иероглифов оказала большое влияние и на пиктографию ацтеков.

Рукописи ацтеков состояли из серии рисунков, каждый из которых представлял собой целый рассказ или — гораздо реже — отдельную фразу. Впоследствии основной пиктографический текст стал пополняться отдельными словами, записанными фонетическими знаками — иероглифами. Однако ацтеки никогда не записывали иероглифами целые фразы, а использовали их только для обозначения имен собственных, географических названий и дат.

Таким образом, у ацтеков были только зачатки иероглифического письма, дополнявшего пиктографию.

Писали ацтеки на хлопчатобумажной ткани или на коже, но чаще всего на бумаге, изготовленной из волокон агавы и подобной египетскому папирусу. С помощью рисуночного письма они записывали размеры дани, по-

лучаемой от покоренных племен, вели календарь, отмечали религиозные праздники, составляли хроники, записывали законы. Рукописи сворачивались в свитки или укладывались в деревянные футляры наподобие книг. Завоеватели восторгались красотой и художественным исполнением рисунков, но считали ацтекские письмена колдовскими знаками, «дьявольским наваждением», изображениями языческих идолов. Католики-фанатики сооружали огромные костры из рукописей и географических карт. Они так же безжалостно уничтожали эти бесценные памятники культуры, как уничтожили литературное наследие арабов после их изгнания с Пиренейского полуострова. По свидетельству хрониста, бесчисленное количество рукописей употреблялось на упаковку товаров, другие же время превратило в прах. И все же сохранилось немало ацтекских рукописей.

Детей ацтеки воспитывали в большой строгости: приучали их с самых ранних лет к прилежанию и труду, учили безропотно переносить лишения — голод и жажду. Много внимания уделялось физической закалке (точно так же, как в древней Спарте). Детей с восьми лет строго наказывали за любой проступок.

В Теночтитлане существовали особые школы для подготовки воинов, купцов и слугителей культа. Особенно строгий режим был в школах жрецов, где пост, жестокие телесные наказания и самоистязание были главными методами воспитания.

В торговых школах учились дети богатых и знатных. Их обучали математике, торговому делу, астрономии, метеорологии, религиозным обрядам, языкам и военному делу. Купцы разъезжали повсюду с товарами и заодно действовали как лазутчики и дипломаты, собирая различные сведения о соседних народах. Эти сведения использовались при подготовке военных походов.

В военных школах и домах молодежи мальчиков знакомили с обязанностями мужчин, учили владеть разного рода оружием: луком и стрелами, дротиками и секирами; лазать по деревьям и скалам, плавать и грести, бегать на дальние расстояния (свыше 100 километров в день). И не удивительно, что обученные и натренированные с детства скороходы очень быстро преодолевали расстояние в 450 километров от Теночтитлана до Мексиканского залива, даже с поклажей. На больших

дорогах повсюду были особые станции для смены гонцов. Монтесума обычно получал к столу свежую рыбу, пойманную накануне в Мексиканском заливе.

Спартакское воспитание и регулярные тренировки превратили ацтеков в самых ловких, выносливых и отважных воинов и охотников, и среди мексиканских племен никто не мог сравниться с ними.

При нападении ацтеки пользовались деревянными палицами, утыканными острыми кусками обсидиана, а также дротиками, луком со стрелами, пращей и копьем. Для защиты употреблялись плетеные щиты, обтянутые кожей, разрисованные орнаментом и украшенные перьями, а также стеганые ватные куртки такой плотности, что стрелы и копья не могли их пробить. Даже испанцы давали высокую оценку этим легким удобным доспехам ацтеков. Богатые касики под яркие плащи из птичьих перьев надевали тонкие золотые или серебряные кольчуги. Некоторые воины носили деревянные шлемы, сделанные в виде звериных масок и украшенные пышными пучками перьев, а касики надевали серебряные каски, отделанные золотом и драгоценными камнями. Каждому воину разрешалось украшать свою одежду соответственно доблести, проявленной им в бою. Главные вожди прикрепляли к спине огромные сооружения из перьев.

В каждом квартале города имелся особый «дом дротиков» — арсенал.

Войско состояло из крупных соединений по восемь тысяч человек в каждом, а они, в свою очередь, делились на меньшие — по четыреста человек, которые собирались вокруг своего боевого знамени. Воины смело, с громкими криками бросались навстречу врагу, стараясь расстроить его ряды, обратить в бегство и захватить как можно больше пленных, так как по числу пленников оценивалась воинская доблесть.

Таким образом, по свидетельству хрониста Саагуна, главной целью сражавшихся было не уничтожение врага, не получение его скальпа, а пленение его. Никакой выкуп не мог выволить человека из плена. Боевую славу ацтеки почитали выше жизни и верили, что павшие воины вознесутся в роскошные чертоги солнца, где вкусят полное блаженство.

Дисциплина у ацтеков почиталась очень строго: на-

падение на врага без сигнала к бою или любое другое нарушение приказа каралось смертью. Смерть ждала и воина, бросившего знамя.

По свидетельству хрониста чичимекского периода ацтека Икстлилксочитля, один из последних правителей Тескоко за нарушение дисциплины приказал казнить перед лицом врага двух своих сыновей, после того как они зацелили полученные в бою раны.

Вопросы войны и мира обсуждались на совете. Прежде чем объявить войну, совет отправлял к врагу послов с предложением признать ацтекских богов и платить дань. Послов, по индейским обычаям, принимали с почетом, они пользовались неприкосновенностью и повсюду получали кров и пропитание.

Если племя отклоняло предложение, следовало формальное объявление войны и войско ацтеков выступало в поход. Эти дальние походы были связаны с большими трудностями, так как воины несли на себе не только оружие, но и провиант.

Широко были распространены у ацтеков различные спортивные игры. Популярным развлечением были так называемые «гигантские шаги». Привязав себя к концам канатов, игроки крутились вокруг высокой мачты, исполняя различные акробатические упражнения чуть ли не на двадцатиметровой высоте.

Ацтекам была также известна игра в мяч. Мячи делали из каучука и были они очень твердыми и тяжелыми. В свое время еще народ майя научился собирать каучук и изготавливать из него не только мячи, но и рукоятки для орудий труда. Впоследствии игру в мяч от майя переняли тольтеки, сапотекы и ацтеки. Играли две команды от шести до двенадцати игроков в каждой. Работая локтями, бедрами или ногами, мяч надо было загнать в одну из двух узких каменных щелей или одно из каменных колец, расположенных на противоположных концах мощенного плитками поля (так называемая игра тлачтли, похожая на современный баскетбол). Эта игра была очень популярна, и в ней участвовали даже вожди. По их приказу покоренные племена ежегодно доставляли в Теночтитлан шестнадцать тысяч каучуковых мячей. В каждом городе и селении были оборудованы площадки для игры в мяч. Самых искусных игроков чествовали как народных героев.

Сапотекский бог радости, музыки и танца

Имеются сведения, что у ацтеков была также игра, похожая на современный футбол, но вместо мяча использовался тяжелый полированный шар из обсидиана.

В столице было много плавательных бассейнов, ацтеки прекрасно плавали и ныряли. Они устраивали также состязания в ходьбе и беге.

Ацтеки были жизнерадостными, трудолюбивыми, гостеприимными и добродушными людьми. Они любили развлечения, песни и массовые пляски, охотно смотрели выступления странствующих актеров и жонглеров, с удовольствием украшали себя гирляндами цветов.

Календарь ацтеков, состоявшийся жрецами путем длительных вычислений, был запутанным и сложным. Он состоял из двух разделов; один из них — солнечный календарь — делился на 18 месяцев по 20 дней в каждом (с прибавлением так называемых «несчастливых» дней, как это делалось и у древних египтян, чтобы получилось 365 дней). Каждый месяц этого календаря состоял из четырех пятидневных недель, причем, по словам Саагуна, каждый пятый день был базарным.

Второй раздел — священный календарь — охватывал период в 260 дней и делился на 20 недель по 13 дней в каждой.

Патер Саагун, ревностно обращавший язычников в христианство, проклинал календарь ацтеков, называя его мерзким, так как календарь этот, по его словам, не опирался ни на здравый смысл, ни на движение планет, а являлся лишь сплошным колдовством и чертовщиной. Однако ацтекские жрецы определили длину года гораздо точнее, чем их современники — европейцы. Ацтекам было уже известно, что ежегодно сверх этих 365 дней накапливается еще почти по шесть часов, поэтому через каждые 52 года они прибавляли по 12 или 13 дней.

Свое летоисчисление ацтеки вели не от какого-то события или даты, а через каждые 52 года начинали счет времени сызнова. Окончание цикла ознаменовывалось грандиозной церемонией. В пять «несчастливых» дней последнего года цикла люди гасили свои очаги и огни на алтарях храмов, разбивали утварь и идолов, разрывали на себе одежды и в посте и стенаниях смиренно ожидали ужасного бедствия. По ночам жрецы вопрошали звезды, стремясь узнать, продолжит ли мир свое существование. Когда созвездие Плеяды достигало зенита, жрецы с помощью деревянного сверла добывали новый огонь, скороходы факелами переносили его на алтари храмов, возвещая повсюду, что цикл окончился без катастрофы. Ликуя, народ нес огонь к своим очагам. Прибирали в домах, изготавливали новую утварь, а потом устраивали большое празднество, продолжавшее-

еся тринадцать дней. Празднично одетые, украшенные венками люди торжественными процессиями направлялись в храмы и приносили жертвы богам. Законы природы остались неизменны, мир не погиб и великое светило солнце по-прежнему будет дарить своему народу свет и тепло.

Жрецы тщательно изучали движение планет, знали причины затмений солнца и луны и пользовались для определения времени солнечными часами.

В основе числовой системы ацтеков лежало число «20». Числа до «19» они отмечали соответствующим количеством точек, а «20» — флажком. Двадцать в квадрате (400) изображалось в виде значка, похожего на ель или перо (так много, как волос на голове), двадцать в кубе (8000) изображалось в виде мешка с бобами какао (так много, что не сосчитать).

Высокого совершенства достигла архитектура ацтеков. Они создавали монументальные скульптуры, складывали из кирпича-сырца и камня большие общинные дома, подобные крепостям, грандиозные храмы, сооружали каналы и плотины.

Гигантские пирамиды строгих линий, гордо вздымавшие свои вершины к небесам, и грозные каменные идолы, которых ацтеки устанавливали не в мрачных и темных храмах, а под открытым небом, прекрасно вписывались в суровые, скалистые пейзажи этой горной страны. Идолы не боялись ни жгучего солнца, ни бурь, ни тропических ливней. То были могучие боги отважного народа. Таких богов могло создать лишь племя, любящее жизнь и красоту.

Можно только поражаться людям, сумевшим высечь из каменных глыб эти гигантские изваяния, доставить их при отсутствии тягловой силы на далекие расстояния и поднять на огромную высоту. Нельзя забывать, что народы Нового Света сравнительно недавно научились обрабатывать металлы — золото, серебро, медь и бронзу, железо им вообще еще не было известно, — они находились на уровне каменного века. Металл использовался главным образом для изготовления украшений.

Удивительная цивилизация ацтеков достигла своего расцвета, так и не узнав плавки металлов, колеса, выючных животных, сохи и гончарного круга — этих важнейших достижений древности, характерных для Европы.

И все же это была яркая, самобытная цивилизация, подарившая миру прекрасные произведения искусства.

Кортес ничего не знал обо всех этих достижениях ацтеков, да они вряд ли его интересовали. Он был твердо убежден в том, что святой долг завоевателей привить этим дикарям христианскую веру, изменить общественный строй наилучшим, по его мнению, во всех отношениях образом.

Европейцам впервые довелось увидеть своими глазами не остатки древней цивилизации, как в Египте, Ассирии или Индии, а цивилизацию в полном ее расцвете.

Могла ли быть еще более благородная задача, чем изучение этой новой культуры, ознакомление всего мира с достижениями неизвестных заокеанских народов, с их образом жизни и трудом, с их общественным строем и религией, наукой и искусством?

Но Кортес был не ученым, а завоевателем. Для него представляло интерес только то, что могло принести пользу лично ему, королю или хотя бы церкви, а отнюдь не науке...

ПЕРВЫЕ СОЮЗНИКИ

Голод и болезни в стане Кортеса. — Делегация тотонаков. — Под угрозой заговора. — Отказ Кортеса от поста главнокомандующего. — Конец дипломатической комедии. — Столица тотонаков — Семпоала. — Пленение сановников Монтесумы. — Победа двуличной политики. — Строительство крепости Веракрус. — Крещение новых союзников

В лагере испанцев дела шли все хуже и хуже: жизнь в раскаленных песках, под нестерпимым зноем, среди болотных испарений и туч moskitov была невыносимой.

Не было пресной воды. В колодцах накапливалась зловонная зеленоватая жидкость. Начинался голод. Солдаты были вынуждены питаться ракушками, червями, заплесневелыми сухарями, добывать пропитание охотой и рыбной ловлей, а также обменивать на продукты

взятые с собой стеклянные безделушки. Один за другим они заболевали малярией и желтой лихорадкой, которую никто не умел лечить, и вскоре от нее умерло более тридцати человек.

Чем дальше оставались испанцы в этой нездоровой местности, терпя лишения и страдая от различных болезней, тем громче становился ропот недовольных. А когда солдаты узнали о намерении Кортеса пойти дальше вдоль берегов Мексиканского залива, недовольство еще усилилось. По приказу Кортеса, Франсиско де Монтехо и кормчий Аламинос, отправившись вдоль берега на каравелле, разведали большой участок побережья и нашли тихую бухту. Кортес решил заложить на берегу этой бухты крепость и сделать ее опорным пунктом завоевания Мексики. Вождь конкистадоров убедился, что Монтесума боится горстки испанцев, и хотел во что бы то ни стало воспользоваться этим. Ведь если повелителя ацтеков не сковывал бы страх перед пришельцами, он давно собрал бы войско и стер захватчиков с лица земли.

Но и испанцы отнюдь не были уверены в своих силах. В стане конкистадоров нашлось немало осмотрительных или малодушных, сомневавшихся в успехе экспедиции.

— Пора возвратиться на Кубу и обо всем сообщить губернатору, — шептали тайные и явные приверженцы Веласкеса. — Нечего торчать у этих бесплодных берегов, ожидая, пока на нас обрушатся все вооруженные силы Мексики!

Они обвиняли Кортеса в авантюризме, который может свергнуть экспедицию в беду.

Кортес прекрасно знал о настроении конкистадоров и без труда мог избавиться от подстрекателей, вздернув их на первом же суку. Но столь суровая мера, к которой в свое время нередко прибегали Охеда и Никуэса, не сулила желаемых результатов.

Кортес был ловким дипломатом и неплохим психологом: он не спешил удовлетворить требования солдат, а старался убедить их, что нет никаких оснований для отчаяния и что после постройки крепости оживится обменная торговля.

Счастливый случай помог Кортесу осуществить его замыслы и выработать тактику дальнейших действий:

использовать междоусобную вражду индейцев, натравливая одни племена на другие.

Однажды к лагерю испанцев приблизились пятеро туземцев, своей одеждой и внешним видом сильно отличавшиеся от ацтеков. Их языка не понимала даже Марина. К счастью, двое из них говорили и на языке ацтеков — господствующего народа Мексики. Пришельцы назвались тотонаками и поведали, что их храбрый, воинственный народ недавно покорен ацтеками, которые наложили на тотонаков непосильную дань и всячески притесняют их. По их словам, Монтесума — могущественный, надменный, жестокий и мстительный государь, которого боятся и ненавидят все народы: тотонаки, табаски, тласкальцы и чолулы. Почти все они покорены ацтеками, за исключением героических тласкальцев. Тотонаки передали чужеземцам приглашение своих касиков посетить их столицу — Семпоалу, чтобы завязать с ними дружбу и помочь им свергнуть ненавистное иго ацтеков. Тотонаки-де наслышаны о победах испанцев в стране Табаско и высоко ценят храбрость белолицых людей.

Так Кортесу стало известно, что под игом ацтеков стонут многие племена и народы, что в Мексике свирепствуют междоусобные войны. И он понял, какими прекрасными союзниками в борьбе с Монтесумой могут стать покоренные народы, ибо можно разгромить даже самое сильное государство, если его раздражают внутренние противоречия. Одарив посланцев тотонаков, Кортес обещал им посетить Семпоалу.

Тем временем сторонники капитан-генерала старались уговорить воинов, чтобы они предоставили ему всю полноту власти и провозгласили его независимым от Веласкеса. Они понимали, что Кортес стремится завоевать Мексику отнюдь не для губернатора. Из-за своей алчности и скопидомства Веласкес не пользовался популярностью среди солдат.

— Возвращение на Кубу, — говорили сторонники Кортеса, — означало бы отказ от экспедиции. А ведь поход под началом такого командира сулит славу и невиданное богатство. Нам пришлось бы отдать этому скряге-губернатору даже то небольшое, что добыли мы с такими трудностями, подвергаясь лишениям и опасности. Остается одно: упросить капитан-генерала основать

здесь колонию с самоуправлением, на благо каждого из ее граждан. Правда, Веласкес не давал Кортесу таких полномочий, но того требуют интересы государя, о которых надо позаботиться прежде всего.

Все это говорилось ночами, на тайных сходках, но дошло и до приверженцев Веласкеса. Они обвинили главнокомандующего в попустительстве мятежникам и стали громогласно требовать немедленного возвращения на Кубу.

Кортес выслушал их, изобразив на лице удивление, и сказал, что хотя и не видит опасности, но отнюдь не собирается командовать ими вопреки их воле. Все, дескать, будет так, как пожелают солдаты. Сам он охотно остался бы здесь, чтобы продолжить выгодную торговлю с туземцами, но если войско потребует иного, он тут же отдаст приказ садиться на корабли.

По лагерю с быстротой молнии распространилась весть: каждый, кто хочет, может немедленно отправляться домой на Кубу!

Кортес был достаточно умен. Он знал, что его воины ни о чем так не мечтают, как о богатстве, а здесь к нему, казалось, достаточно было лишь руку протянуть. Теперь же все надежды рухнули, труды оказались напрасными — им придется вернуться домой еще более нищими, чем прежде. О таком исходе конкистадоры не хотели и думать, хотя еще так недавно выражали сомнения в благополучном конце экспедиции. Многие воины, даже из приверженцев Веласкеса, увидев, как легко Кортес исполняет их желание, горько пожалели о своем необдуманном поведении.

Кортес ни словом не возражал на горячие упреки. Наоборот, чтобы еще больше разжечь недовольство, он приказал своим приверженцам громко кричать, что из-за трусости командира все они лишатся чести, славы и богатства.

Лагерь конкистадоров клокотал. Сторонники Кортеса столпились вокруг его палатки, требуя, чтобы он немедленно вышел к воинам и отменил свой приказ об отплытии. Они кричали, что капитан-генерал обманул их.

— Мы прибыли сюда, — говорили они, — чтобы построить здесь колонию, а теперь нам заявляют, будто губернатор не давал на это полномочий! Но разве эти

земли принадлежат Веласкесу? Они — собственность короля, и поэтому необходимо поскорей заложить здесь колонию, а не тратить время на мелочную меновую торговлю или, что еще хуже, вернуться на Кубу ни с чем... Мы протестуем и обвиняем вас в измене интересам государя!

Они добавляли также, что если генерал колеблется и готов из трусости покинуть своих солдат, то им остается лишь избрать другого командира.

Кортес, сделав вид, что поражен этими упреками и не может от удивления прийти в себя, сказал, что ему и в голову не пришло бы отказаться от столь заманчивых надежд, если бы ему не показалось, что войско пало духом и жаждет отступления. Он же не хочет идти против воли солдат.

Тут все в один голос закричали, что несколько трусов — это еще не войско, что кастильцы народ храбрый и пусть Кортес ведет их, куда пожелает, хотя бы туда, где их ждут опасности и смерть.

Итак, все обернулось на пользу Кортесу. Веселый, энергичный, уверенный в счастливом исходе экспедиции, он похвалил солдат за отвагу, горячо поблагодарил за доверие, которое они ему вернули, и пообещал впредь считаться с их волей. А теперь-де надо немедленно приступить к строительству города и крепости, откуда затем можно будет с большей частью войска отправиться в глубь страны. Войско пришло в восторг от такого решения. В надежде на большую добычу, будущему городу дали имя Вилья-рика-де-ла-Вера-Крус (Богатый город истинного креста), или, короче, Веракрус.

Став гражданами города, испанские колонисты обрели права самоуправления и попали в непосредственное подчинение испанскому королю.

И тут в лагере конкистадоров наступил последний акт «заговора». Кортес понимал, что попал в полную зависимость от войска и должен оградить себя от смены его настроений, поэтому для управления новым городом он создал магистрат из преданных ему людей, не обойдя, однако, и приверженцев Веласкеса.

Явившись на первое заседание магистрата, Кортес снял шляпу и обратился к собравшимся с речью:

— Отныне, сеньоры, я считаю вас представителями нашего великого государя. Ваши решения будут для

меня святы. Вы, несомненно, сочтете нужным, чтобы во главе нашего войска стоял главнокомандующий, не зависящий от произвола солдат. С тех пор как губернатор Веласкес отозвал приказ о моем назначении, мои права на пост главнокомандующего могут быть подвергнуты сомнению. Поэтому я должен сложить свои полномочия и призываю вас, во имя короля, назначить главнокомандующим человека, который покажется вам достойным этого высокого поста. Я же готов как простой солдат с копьем в руке показать пример повиновения законно избранному командиру.

Поцеловав жезл — знак власти главнокомандующего — Кортес с благоговением вручил его верховному судье, положил на стол полномочные грамоты и покинул помещение.

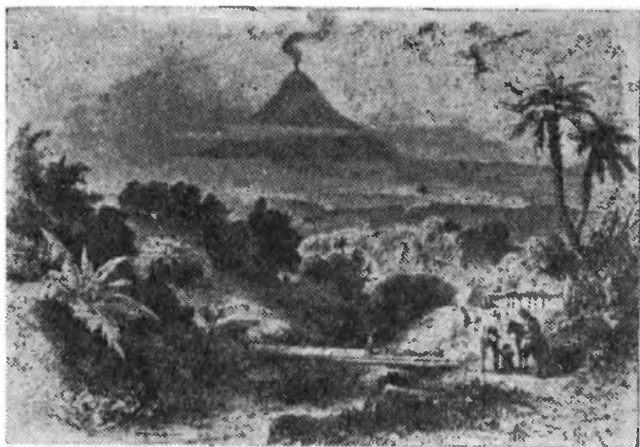
Приняв отречение Кортеса, члены магистрата долго еще совещались и наконец единодушно решили избрать его на пост главнокомандующего. Ему, как и королю, присвоили также право на пятую часть всякой добычи. Воины громкими возгласами одобрения приветствовали решение судей, хотя оно и ущемляло их собственные интересы, ведь за вычетом частей короля и Кортеса на долю солдат оставалось лишь шестьдесят процентов добычи.

Сторонники Веласкеса и опомниться не успели, как организованный Кортесом «заговор» закончился его блестящей победой. Они подняли крик, что избрание нельзя считать законным.

Однако Кортес при поддержке своих приспешников немедленно арестовал смутьянов — наиболее знатных идальго, остальных же ропшущих и недовольных переманил подарками и обещаниями на свою сторону. И не удивительно, ведь золото способно даже горы своротить. Во избежание ссор и разногласий Кортес простил потом приспешников Веласкеса и выпустил их на свободу.

Вскоре большую часть войска отправили на каравеллах на север вдоль берега Мексиканского залива, к бухте, у которой предполагалось заложить город. Кортес же во главе меньшего отряда направился туда сушей, решив по пути посетить столицу тотонаков Семпоалу.

Пустынное побережье постепенно перешло в цветущую зеленую долину, поросшую роскошным тропиче-

Вулкан Орисава (со старинной гравюры)

ским лесом, где под стройными пальмами то олень мелькал, то кролик или другие животные, где раздавалось птичье пение и крики пестрых попугаев.

Слева у горизонта уходила вдаль гряда вулканических гор, над которой возвышался могучий пик Орисава (более 5700 метров высотой) со сверкающим на солнце снежным венком.

В некоторых селениях, покинутых жителями, испанцы, заглянув в храмы, обнаружили языческих идолов со страшным оскалом зубов и свитки бумаги из волокон агавы, покрытые пиктографическими письменами.

Не доходя до Семпоалы испанцы увидели вышедших навстречу им тотонаков, нагруженных разной снедью и плодами. Они были посланы касиком Семпоалы, который просил извинить его за то, что сам он из-за слабого здоровья не мог встретить гостей.

На следующий день испанцы достигли столицы тотонаков. Толпы народа встречали конкистадоров цветами и приветствиями. Женщины украсили цветами боевого коня Кортеса, а к шлему главнокомандующего прикрепили венок из алых роз.

Увидев сверкающие на солнце дома Семпоалы, некоторые воины обрадовались, решив, что стены их из

чистого серебра, однако это была лишь гипсовая облицовка, отполированная до блеска. Вскоре ошибка обнаружилась и вызвала насмешки и громкое веселье, лишний раз подтвердив, что алчность может затуманить взор человека.

В Семпоале, население которой составляло около тридцати тысяч человек, было немало прекрасных домов и храмов, и она не уступала в великолепии многим испанским городам. Один из больших храмов гостеприимные тотонаки отвели испанцам под квартиру и щедро снабжали гостей продовольствием.

Несмотря на дружественный прием, Кортес приказал соблюдать величайшую осторожность: расставил караулы, велел зарядить пушки и запретил солдатам покидать лагерь без разрешения.

На следующий день он отправился с визитом к касику, который, оставив свою резиденцию, вышел навстречу чужеземцам. Испанцам стало ясно, почему касик не выступил за пределы города: он был настолько

Барельефы на стене Тахинского храма (тотонакская культура)

тучен, что с трудом передвигал ноги. Несколько приближенных несли его на носилках. Увидев этого толстого, неповоротливого человека, Кортес и его люди едва удержались от смеха и так и прозвали его — «толстый касик».

Приняв от касика богатые дары, Кортес заявил, что прибыл из-за моря от могущественного государя Востока и должен положить конец ацтекскому владычеству на этих землях. Услышав такие слова, касик воспрянул духом и, проливая горькие слезы, стал жаловаться на Монтесуму, называя его надменным, безжалостным и кровожадным тираном, под игом которого стонут народы. Ацтеки-де уводят тотонаков в рабство и многих из них приносят в жертву своим кровожадным богам.

Кортес успокоил касика, обещал ему защиту и помощь. Он сказал, что испанцы не допустят бесчинств ацтеков и, если тотонаки станут верными союзниками конкистадоров, последние свергнут ненавистное иго Монтесумы. Ведь один испанец сильнее целой армии ацтеков. Испанцы охотно помогут не только тотонакам, но и другим народам, которые захотят оказать сопротивление ацтекам.

Вскоре отряд Кортеса, щедро снабженный продовольствием, в сопровождении четырехсот носильщиков-тотонаков покинул гостеприимную Семпоалу. Вслед за Кортесом несли носилки с толстым касиком. Миновав плодородные долины, где в изобилии рос маис, пройдя сквозь лесные чащи, испанцы достигли другого крупного города тотонаков. Здесь их встретили так же дружелюбно.

Во время беседы Кортеса с касиками на площади города к ним подошли несколько индейцев и что-то тихо сказали. Касики пришли в смятение и, задрожав всем телом, поспешно удалились. Тут же выяснилась причина их волнения: мимо Кортеса и его командиров, окинув испанцев высокомерным взглядом, проследовали пять сановников Монтесумы, под огромными опахалами из птичьих перьев, в богатых одеяниях и в сопровождении большой свиты. Ацтекским сановникам, явившимся за данью, тотонаки поспешили приготовить еду и покой.

Вскоре сановники Монтесумы призвали к себе тотонакских касиков и обрушились на них с угрозами, обвиняя в нарушении клятвы и измене, упрекая за

гостеприимство, оказанное чужеземцам — врагам их великого государя. В наказание тотонаки должны были, помимо обычной дани, дать еще двадцать юношей и девушек для принесения в жертву оскорбленным богам ацтеков.

Узнав об угрозах ацтеков, Кортес пришел в ярость, но не дал воли своему гневу. Хитрый, двуличный военачальник быстро смекнул, что может извлечь пользу из этого инцидента. Он потребовал у касиков, чтобы они не подчинялись приказу ацтекских сановников, а схватили их и заковали в цепи.

Хотя касики по-прежнему боялись гнева Монтесумы, они все же задержали его посланцев, привязали их к столбам и уже готовились принести в жертву своим богам. Но Кортес приставил к пленникам испанскую стражу.

Ночью он приказал привести к нему двоих ацтеков и объявил им, что они свободны и могут вернуться к Монтесуме. Пусть передадут ему, что он, Кортес, очень сожалеет о происшедшем и питает к повелителю ацтеков самое глубокое уважение, невзирая на то, что Монтесума оставил своих гостей в чужой для них стране безо всякого пропитания. Кортес обещал позаботиться и об освобождении остальных пленных сановников.

Утром Кортес сообщил касикам, что двое пленников совершили побег, и лицемерно, для вида, даже наказал «нерадивых» испанских часовых. Остальных посланцев Монтесумы он велел перевести в испанский лагерь. Там пленников вскоре освободили и разрешили им вернуться в Теночтитлан, куда они донесли весть о хорошем обращении испанцев, спасших их от мятежных тотонаков. Касикам же Кортес заявил, что они не обязаны больше подчиняться Монтесуме — ни платить ему дань, ни отдавать своих людей для жертвоприношений. Испанцы, дескать, защитят тотонаков от нападения любого врага.

Это была тонкая, хитрая, вероломная политика. Испанский идадьго, вечно клявшийся своей честью, ставивший ее превыше всего на свете, действовал как настоящий двурушник. А буржуазные историки пели дифирамбы его изворотливости, превозносили хитрого конкистадора за его мудрость и даже благородство. Некоторые же уподобляли Кортеса странствующему

Тахинская пирамида в стране тотонаков (провинция Веракрус)

рыцарю, равному по отваге Ахиллесу, а по хитрости — Одиссею.

У тотонаков не было иного выхода, как союз с Кортесом, ведь их ожидала жестокая расправа Монтезумы. Его карательные отряды могли появиться со дня на день. Поэтому тотонакские касики охотно заключили с Кортесом договор о союзе и дружбе и отдали себя под защиту испанского короля.

Кортес сразу же отправился на побережье. Там конкистадоры вместе с новыми союзниками спешно возводили крепость Веракрус. Сам Кортес тоже участвовал в строительных работах, таская камни и копая рвы под

фундамент. Дымились печи для обжига кирпича и черепицы, стучали топоры, визжали пилы. Вереницы людей подносили бревна, доски и другие строительные материалы.

За несколько недель строительство Веракруса значительно продвинулось вперед: соорудили гавань, воздвигли крепость, склады и несколько жилых домов, словом, заложили первую колонию в Новой Испании — опорный пункт для развертывания дальнейших операций.

Тем временем освобожденные Кортесом сановники Монтесумы прибыли в столицу ацтеков и сообщили своему повелителю, какую услугу оказал им Кортес. Гнев Монтесумы смягчился. Он было приказал уже отправить карательные отряды и безжалостно уничтожить дерзких пришельцев и их пособников — мятежных тотонаков. Теперь же Монтесумой вновь овладел страх, и он решил еще раз попытаться добром избавиться от назойливых пришельцев.

Повелитель ацтеков опять послал испанцам ценные подарки с благодарностью за освобождение сановников и настойчивой просьбой, чтобы белолицые чужеземцы покинули его страну. Монтесума выражал также недовольство тем, что испанцы заступились за мятежных тотонаков.

Кортес ответил, что сожалеет о пленении посланцев ацтеков, вызвавшем гнев Монтесумы, однако должен заметить, что требования этих сановников действительно были чрезмерно жестокими. Испанцы, будучи христианами, больше не допустят варварских жертвоприношений. Что же касается тотонаков, то пусть, дескать, Монтесума умерит свой гнев, ибо они теперь находятся под защитой великого государя заморских стран. Кортес же не смеет вернуться на родину, не выполнив приказа своего короля — лично повидать повелителя ацтеков.

Посланцы Монтесумы были поражены спокойствием и властью белого вождя. Тотонаки также с удивлением взирали на то, что ацтеки не только не мстят чужестранцам, но по-прежнему шлют им богатые дары. Кортес казался им теперь равным по могуществу Монтесуме, они уверовали в сверхъестественную силу испанцев, поскольку даже сам повелитель ацтеков боялся их.

Слава испанцев росла не по дням, а по часам. Индейцы считали их справедливыми и неподкупными.

людьми, всемогущими, как боги, и выносили на их суд племенные раздоры, особенно по поводу границ. Кортес не раз разрешал такие споры и однажды даже, примирив враждующие стороны, положил конец кровопролитной битве.

После столь успешной дипломатической миссии благодарные тотонаки привели Кортесу и его офицерам в жены восемь дочерей касиков, разодетых в богатые уборы, в сопровождении многочисленных рабынь. Тотонакам хотелось породниться с всемогущими чужеземцами. Кортес принял девушек ласково, но потребовал, чтобы они сперва приняли христианство, ибо истинным сынам церкви не пристало жениться на язычницах.

После крещения Кортес раздал девушек своим приближенным. Хронист Диас добавляет, что себе капитан-генерал взял племянницу касика, которая была очень некрасива, но Кортес-де выбрал ее и глазом не моргнув, так как ему полагалось взять в жены самую знатную.

Из-за горячего желания обратить своих союзников в христианство испанцы чуть было не испортили дружеские отношения с ними. Кортес получил известие, что тотонаки в одном из храмов собираются совершить человеческое жертвоприношение. Взяв с собой несколько вооруженных воинов, он отправился в этот храм и, угрожая оружием, потребовал, чтобы тотонаки отпустили свои жертвы и разбили языческих идолов. Жрецы с воплями бросились в ноги Кортесу, умоляя о пощаде, но отказались выполнить его приказ.

Тогда Кортес велел своим воинам разбить идолов. Жрецы призвали тотонаков к оружию, и Кортеса с его людьми окружила огромная, возбужденная толпа.

Действуя, как всегда хладнокровно и энергично, Кортес приказал своим воинам схватить касика и нескольких верховных жрецов и потребовал, чтобы они немедленно успокоили возбужденную толпу. Первая же стрела, пущенная в испанцев, будет стоить жизни касику, жрецам и всему тотонакскому народу.

Марина помогла разъяснить касику, что теперь не время ссориться с белолицыми пришельцами, ведь тотонаки могут остаться без защиты и подвергнутся жестокой мести Монтесумы.

По приказу Кортеса вооруженные воины ворвались в храм, сбросили самого большого и страшного идола, и он покатился вниз по ступеням. За ним последовали и остальные, а затем алтарь и священная утварь. После того как каменные идола были разбиты, деревянные брошены в огонь и кровь принесенных жертв смыта со стен храма, испанцы установили в нем изображение святой девы Марии.

Испуганные тотонаки с трепетом ожидали, что за такое поношение богов разверзнутся небеса и пламя поглотит осквернителей храма. Но, к своему удивлению и разочарованию, они увидели, что белолицые оказались сильнее древних тотонакских богов. Испанские священники отслужили первое богослужение, на котором присутствовали и индейцы, не понимавшие ни слова. По словам хрониста, божественное слово привело испанцев и индейцев в такое умиление, что они проливали слезы радости и благодарности.

Вскоре всех тотонаков окрестили. Один из испанских воинов, инвалид, искалеченный в боях, взял на себя обязанности священника и остался с индейцами, чтобы приобщить их к таинствам церкви.

ПУТЬ К ОТСТУПЛЕНИЮ ОТРЕЗАН

Волнения и угроза бунта. — Король Карл Пятый. — На золото можно купить даже милость короля! — Каравелла спешит в Испанию. — Заключение экспедиции. — Снова заговор. — Уничтожение флота — шаг, продиктованный отчаянием. — Снова искатели новых земель

Ропот в войске конкистадоров не унимался: приспешники Веласкеса, напуганные трудностями, твердили, что эту страну не завоевать столь малыми силами. Они требовали возвращения на Кубу, сетовали на болезни и усталость, напоминали Кортесу, что он неоднократно обещал никого не удерживать силой.

Посоветовавшись с приближенными, капитан-генерал будто бы согласился выполнить требования недоволь-

ных и приказал готовить к отплытию один из малых кораблей.

Тогда срочно собрался военный совет с участием правителей города и судей и потребовал от Кортеса, чтобы он издал приказ, под страхом смерти запрещающий кому-либо покидать Мексику.

Кортес сделал вид, что он вопреки своей воле вынужден подчиниться, и подписал приказ. Тем, кто всеми силами стремился вернуться на Кубу, не поздоровилось.

Кортес старался поддерживать в войске строгую дисциплину, прибегая для этого к самым суровым мерам. Как-то раз он для всеобщего устрашения приказал вздернуть на обочине дороги солдата, укравшего у тотонаков курицу. Эта кара, назначенная в гневе, должна была продемонстрировать союзникам честность и справедливость белых чужеземцев. Однако один из приближенных Кортеса — капитан Альварадо, оказавшись рядом, успел разрубить веревку, пока солдат еще был жив, решив, что для устрашения вполне достаточно того, что он был повешен, и нет никакой надобности жертвовать ради туземцев жизнью хотя бы одного испанца.

В Веракрусе Кортес неожиданно получил пополнение — небольшое судно с двенадцатью воинами и двумя лошадьми на борту. Но еще важнее были привезенные воинами известия: губернатор Кубы Веласкес получил королевские полномочия на создание колоний во всех вновь открытых землях и готовит королю жалобу на самовольные действия Кортеса. Избрание Кортеса главнокомандующим без утверждения его королем не имело законной силы, и он, по испанским обычаям, считался самозванцем, узурпатором, государственным преступником. Кортес понимал, что вместо славы и золота его ожидает виселица.

Надо было во что бы то ни стало опередить Веласкеса, направить королю сообщение о новых богатых землях и испросить у него полномочия на дальнейшие действия. Кортес рассчитывал богатыми дарами добиться расположения короля: король может одобрить завоевания Кортеса в Мексике, назначить его вице-королем новых земель и сделать независимым от Веласкеса.

В то время Испанией правил король Карл I — внук католических королей Фердинанда и Изабеллы, вступивший на престол совсем юным после смерти Фердинанда

в 1516 году и управлявший страной вместе со своей матерью Хуаной Безумной (прозванной так за слабоумие). В 1519 году, после смерти Максимилиана Габсбурга, Карл унаследовал также и германский престол, и в качестве императора Священной Римской империи германской нации считался Карлом V. Под своим скипетром он объединял Германию, Нидерланды, Испанию и завоеванные испанцами заокеанские земли. Это могущественное государство — самое крупное в Западной Европе, в долголетней войне с Францией захватило также значительную часть Италии и стало еще сильнее.

Карл V был воинственным королем — из тридцати девяти лет своего царствования тридцать семь он провел в войнах. Грубое, неумное властолюбие толкало его на все новые и новые походы. Он мечтал стать самым могущественным монархом в мире и превратить династию Габсбургов в вершителя судеб государств Европы и главного поборника католицизма. Для финансирования бесконечных войн и содержания пышного двора требовались огромные средства, а королевская казна обычно была пуста.

Зная далекоидущие замыслы короля, Кортес надеялся соблазнить этого алчного властителя известием о возможности завоевать новые богатые земли.

Наилучшим средством для достижения этой цели были золото, серебро и жемчуг, свидетельствовавшие о богатстве новых земель. Поэтому нужно было немедленно отправить в Испанию дары, полученные от Монтесумы. Кортес объявил, что солдаты, офицеры и матросы должны отказаться от своей доли добычи в пользу короля, который даст тогда свое согласие на завоевание этой страны. Сам Кортес готов был первым отказаться от своей доли. Он разъяснил, что это временная потеря, которая будет возмещена сторицей. Был пущен подписной лист и не нашлось никого, кто отказался бы поставить на нем свою подпись, — так велико было влияние Кортеса и его власть над воинами, так ловко умел он воодушевлять людей и зажигать их сердца надеждой.

К дарам было приложено обширное послание Кортеса, в котором он красноречиво обрисовал свои открытия, сражения и меновую торговлю с индейцами, их нравы и обычаи, крещение язычников. Особенно ярко Кортес описал перенесенные трудности и опасности. Он

Каменный ритуальный топор тотонаков

заверял короля, что берется со своими отважными войнами завоевать для Кастилии огромное индейское государство.

То было знаменитое послание прославленного конкистадора: подлинник его затерялся в веках, но содержание сохранилось для потомков в пересказе капеллана Кортеса — Гомары, включившего его в свою хронику.

Кроме того, Кортес отправил в Испанию четырех индейцев-невольников, предназначенных тотонаками для жертвоприношения, а также несколько индейских рукописей.

Командиры и солдаты тоже написали большое послание, в котором превозносили заслуги Кортеса, просили короля признать его действия законными и утвердить его главнокомандующим. Магистрат Веракруса в своем послании королю расточал хвалы Кортесу и просил государя воспретить Веласкесу вмешиваться

в управление новой колонией, ибо губернатор Кубы, по их словам, хитрый и падкий на подкуп человек, настоящий вымогатель; он заботится лишь о собственной выгоде и не в силах управлять даже своим островом. Кортес же, писали они, настоящий военачальник и ему можно доверить управление страной, которую они вскоре покорят.

Доставить дары и послание ко двору Кортес поручил двоим идадьго — бывшему стороннику Веласкеса участнику экспедиции Грихальвы Франсиско де Монтехо, примкнувшему к Кортесу и вложившему в его экспедицию все свои средства, и Алонсо де Пуэртокарреро, которому Кортес в начале экспедиции великодушно помог приобрести боевого коня.

Кортес считал, что может вполне положиться на этих людей. В их распоряжение он отдал самую быстроходную каравеллу и пятнадцать матросов под командой кормчего Аламиноса. Корабль должен был идти прямо в Испанию, не заходя ни в один порт на островах.

26 июля 1519 года каравелла вышла в океан. Дорогой Монтехо, невзирая на строгое запрещение Кортеса и вопреки возражениям Пуэртокарреро, уговорил Аламиноса подойти к Кубе. Каравелла бросила якорь вблизи Гаваны, где находилось поместье Монтехо, чтобы принять на борт свежий провиант. Однако ночью один из матросов тайно уплыл на берег с письмом к Веласкесу.

Губернатор был страшно встревожен полученными известиями и особенно богатыми дарами королю. Он сразу же снарядил два быстроходных судна и послал их вдогонку, приказав во что бы то ни стало задержать каравеллу Кортеса и привести ее назад. Но каравелла была уже далеко в океане. Веласкес в бессильной ярости направил в Испанию жалобу на авантюриста и узурпатора, сам же принялся за организацию карательной экспедиции против Кортеса.

Между тем посланцы Кортеса прибыли в Испанию, но не смогли передать дары и послание королю. Король находился еще во Фландрии и только собирался — впервые после вступления на престол — посетить Испанию. Государя гораздо больше интересовали европейские дела, ведь он был недавно провозглашен германским императором.

Посланцев принял председатель совета по делам Ин-

дий бургосский епископ Фонсека, который говорил с ними очень сухо, даже оскорбительно и, отобрав у них письма и дары королю, приказал конфисковать каравеллу.

Оказалось, что капеллан Веласкеса успел прибыть первым и очернил при дворе Кортеса и его воинов как бунтарей и предателей.

Фонсека же, докладывая королю о событиях за океаном, расписал заслуги Веласкеса, даже не упомянув о Кортесе. Им руководили личные мотивы: Веласкес был его близким родственником.

Наконец посланцам капитан-генерала удалось с помощью его отца Мартина Кортеса отправить к королю курьера с дубликатами донесений и жалобой на Фонсеку. Так король узнал правду о событиях в Мексике.

Королю были доставлены также заморские дары, и придворные не могли на них надивиться: так роскошны и искусно сделаны были они. Наконец-то корабли Кастилии добрались до настоящей золотой страны — сказочной Индии! При дворе много дней только и говорили, что о подвигах Кортеса.

Однако государь, занятый срочными делами, в мае 1520 года снова отбыл из Испании, так и не успев разобраться в делах заморских колоний и разрешить спор Веласкеса с Кортесом. Поэтому последний больше не мог рассчитывать на милость короля и признание своих заслуг. Оставалось уповать на свой меч и счастливую звезду.

Вскоре после отправки каравеллы в Испанию Кортес совсем случайно раскрыл новый заговор сторонников Веласкеса, готовившийся столь тайно и успешно, что участники его успели оснастить каравеллу, доставить на борт продовольствие и пресную воду, собираясь пуститься за Монтехо вдогонку, перехватить его и отправить на Кубу к Веласкесу. Заговор был обширным, но Кортес приказал судить только зачинщиков.

Военный суд вынес им суровый приговор: двоих главных зачинщиков повесили, кормчему отрубили ногу, остальных же высекли розгами, — каждый получил по двести ударов. Подписывая приговор, капитан-генерал воскликнул: «Какое было бы счастье, не умей я писать!» Однако хронист к этому присовокупил, что такие лицемерные слова произносились не впервые: то же самое

говорил римский император Нерон, приговаривая к смерти своих соперников и врагов.

Заговор не на шутку испугал Кортеса: как же пресечь любую попытку его повторения? После долгих размышлений Кортес решил уничтожить корабли, чтобы даже самым трусливым стало ясно, что возврата на Кубу нет и надо идти только вперед.

Корабли постоянно искушали возвратиться в гавань, обещая там спасение в случае неудачи.

Очевидно, Кортес в Саламанке изучал историю античного мира и ему было известно, что уже в древности великие полководцы прибегали к подобному шагу. Так, в IV веке до нашей эры повелитель Сицилии Агафокл во время похода на Карфаген в Северную Африку приказал сжечь свой огромный флот. Сжигали свои корабли у чужих берегов и римские полководцы, и английский король Вильгельм Завоеватель, а по свидетельству Плутарха — отважные троянки после падения их города, стремясь удержать своих мужей от позорного бегства, сожгли корабли, на которых те собирались выйти в море.

И Кортесу также пришлось, как говорится, «сжечь свои корабли». Однако хитрый военачальник не хотел совершать этот шаг вопреки воле своих солдат, боясь вызвать этим новый взрыв недовольства. Поэтому он приказал снять с каравелл, якобы для осмотра, пушки и такелаж и выгрузить все запасы продовольствия. Подкупленные им кормчие доложили, что каравеллы будто бы пришли в негодность — днища их прогнили и изъедены червями, и эти повреждения исправить невозможно. Кортес сделал вид, что огорчен результатами осмотра, ибо, по свидетельству Лас Касаса, он прекрасно умел притворяться, если того требовала выгода. Он отдал приказ снять с кораблей все, что сможет пригодиться. Затем суда были посажены на мель, где их быстро разбили волны. Осталась лишь одна небольшая бригантина.

Вскоре весть о случившемся докатилась до войска, находившегося в Семпоале. Солдаты поняли, что они отрезаны от родины, друзей и родных, покинуты на чужом враждебном берегу — маленькая горстка воинов против населения огромной страны. Их охватило отчаяние, они громко кричали, что Кортес привел их сюда, как стадо баранов на убой, что они проданы и преданы.

Тогда Кортес отправился в Семпоалу и постарался пламенными речами поднять боевой дух солдат. Он сказал им, что пострадал больше всех, понеся огромные убытки, так как вложил в каравеллы все свое состояние, но войско от этого только выиграет, так как пополнится более чем сотнею моряков. Экспедиция, по его словам, прекрасно обойдется без флота. Ведь в случае победы флот ей не понадобится, а при поражении он был бы все равно слишком далеко, чтобы прийти на помощь. Отважным испанским воинам не следует помышлять об отступлении: беззаветная вера в себя и в своего командира является залогом победы.

«Моя судьба решена, — заключил, по словам хрониста Кстлилкочитла, свою пламенную речь Кортес. — Я остаюсь здесь и буду биться до тех пор, пока у меня останется хоть один соратник. Пусть трусы и малодушные, страшась опасностей, отправляются с богом домой — одно судно уцелело, они могут взять его и возвратиться на Кубу. Пусть расскажут всем, как они покинули своего командира и товарищей, пусть спокойно дожидаются, когда мы вернемся с золотом ацтеков!».

Однако никто не захотел признаваться в трусости. Сердца воинов вновь загорелись жаждой золота и славы, их подхватила и понесла волна восторга и ликования, и сотни голосов закричали: «Вперед! В Мексику, в Мексику!». Солдаты сами потребовали у Кортеса разобрать остовы кораблей, а доски и другие материалы использовать для строительства укреплений.

Уничтожение флота было одним из самых смелых предприятий Кортеса. Он поставил на карту все: достоинство, славу и жизнь, хотя надежда на успех была невелика. Этот смелый, энергичный человек надеялся привести к победе банду неистовых, жадных грабителей, кичившихся к тому же своим знатным происхождением. Иной из них, недавно еще бывший пастухом или погонщиком мулов, не зная грамоты, имел такую родословную, которой мог бы позавидовать сам король! И командир этих воинов, хотя и изучивший право, мог среди них быть лишь первым среди равных и с трудом удерживал в повиновении этих нищих идальго.

В Семпоале Кортес получил тревожное известие о том, что у побережья курсируют три неизвестных судна и не отвечают на сигналы. Капитан-генерал с неболь-

шим отрядом поспешно отправился в Веракрус, а оттуда на север. Там на берегу они встретили трех испанцев, которые рассказали, что прибыли в эту страну с Ямайки в составе экспедиции, посланной сюда губернатором острова Франсиско Гараем. После похода Грихальвы Гарай, услышав о новой «золотой» стране, испросил себе в Испании разрешение на колонизацию всех стран, расположенных к северу от открытой Грихальвой области. Получив разрешение, он снарядил экспедицию из трех кораблей с экипажем из двухсот семидесяти человек под командой Алонсо Пинеды. Экспедиция пересекла Мексиканский залив и прошла вдоль побережья вплоть до южной оконечности Флориды.

От Флориды Пинеда повернул обратно на запад, обследовав все северное побережье Мексиканского залива до реки Пануко (свыше двух с половиной тысяч километров).

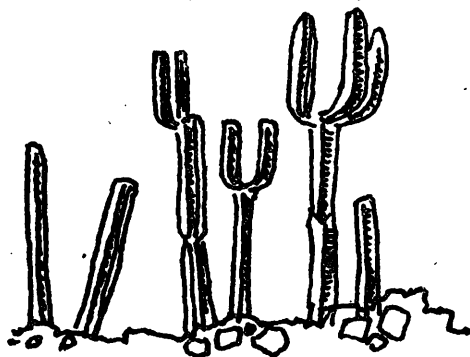
На реке Пануко Пинеда основал военный лагерь, то ли не зная, что Кортес уже приступил к завоеванию этой страны, то ли не посчитавшись с этим, и стал обследовать побережье дальше к югу. Тут-то и произошла встреча его людей с Кортесом.

Кортес немедленно переманил троих пришельцев на свою сторону, он охотно завербовал бы экипажи всех кораблей. Однако люди Пинеды вели себя осмотрительно и не высаживались на берег. Кортесу с его отрядом удалось захватить лишь одну лодку с моряками. Завидев на берегу вооруженных людей, моряки на кораблях поспешно подняли паруса, бросив своих товарищей на произвол судьбы.

Кортесу стало ясно, что к стране этой уже протягивают руки другие грабители и что с походом в столицу ацтеков следует поспешить.

ПОХОД В СТОЛИЦУ АЦТЕКОВ

Выступление экспедиции в поход 16 августа 1519 года. — Путь через горные хребты. — Пирамиды черепов. — Опасности манят. — Делегация к тласкальцам. — Свободолюбивое племя. — Первое столкновение

Наконец все приготовления были закончены и конкистадоры могли отправиться в резиденцию Монтесумы — Теночтитлан. В поход выступило около четырехсот пехотинцев и пятнадцать всадников, они имели на вооружении семь пушек. Кроме того, касик Семпоалы дал Кортесу тысячу триста воинов и тысячу носильщиков, которые тащили на себе пушки, провиант и другую поклажу. Кортес взял также с собой в качестве советников и проводников по незнакомой стране сорок знатных тотонаков. На самом же деле, как замечает хронист Гомара, это были заложники, которые должны были обеспечить покорность тотонаков и неприкосновенность гарнизона Веракруса. И действительно, в течение всего похода заложники оказывали испанцам неоценимые услуги.

В Веракрус оставался небольшой гарнизон — около пятидесяти воинов, главным образом раненых и инвалидов, под командой отважного командира Хуана Эскаланте. Им надлежало зорко следить за берегом, чтобы на него не высадились другие испанцы, которые не прочь были бы вмешаться в дела Кортеса, а также за тем, чтобы тотонаки не забывали своих обязанностей по отношению к новым союзникам.

Перед выступлением в поход, Кортес обратился к солдатам с речью. Он сказал, что наконец-то они берутся за дело по-настоящему и, без сомнения, спаситель дарует им победу в битвах во имя его. В этом спасение

и надежда, так как на другую помощь рассчитывать нечего!

— Мы готовы следовать за тобой! — в один голос воскликнули воины. — Наша судьба, наше счастье и погибель в твоих руках!

И маленькое войско, будущие подвиги которого Кортес сравнил в своей речи с легендарными походами легионов Древнего Рима, 16 августа 1519 года двинулось на Теночтитлан.

Вначале дорога шла по жаркой и сырой от тропических ливней прибрежной полосе, где круглый год цвели и плодоносили роскошные деревья, распространяя вокруг чудесное благоухание. В лесах щебетали пестрые птицы, порхали разноцветные бабочки и яркие колибри.

На второй день к вечеру экспедиция достигла горного селения Халапа. Справа возвышался темный хребет Сьерра Madre, поросший хвойным лесом, слева — южнее, в уборе из льда и вечного снега, сверкала могучая вершина вулкана Орисава. По узким извилистым тропинкам завоеватели взбирались на горный хребет, где возвышались вершины потухших вулканов. Позади остались леса и долины, местность вокруг стала голой и дикой. В мрачных ущельях дули холодные ветры, шел ледяной дождь, град. Мороз пронизывал до костей. Испанцы, защищенные толстыми ватными панцирями, легче переносили стужу, тотонаки же, непривычные к столь суровому климату, очень страдали от холода и некоторые из них погибли. Хорошо еще, что кое-где у дороги стояли пустые храмы, возле которых были сложены припасы дров.

Преодолев горный перевал, испанцы достигли обширной плодородной долины с тщательно возделанными полями майса и агавы, окруженными изгородями из кактусов.

Вскоре конкистадоры подошли к большому городу Хонакотлану, значительно превосходившему по величине Семпоалу. Здесь среди больших, блестевших штукатуркой каменных строений возвышались тринадцать храмов. Возле самого высокого из них на обширной площади высились пирамиды человеческих черепов, число которых, по свидетельству хрониста Диаса, достигало ста тысяч. Огромными грудами лежали и кости, а вся площадь была окружена частоколом с черепами на

остриях. Это страшное место охранялось тремя жрецами.

В подчинении местного касика находилось двадцать тысяч подданных, сам же он платил дань Монтесуме и содержал гарнизон ацтеков. Касик принял чужеземцев настороженно и усердно прославлял мощь и богатство государства ацтеков. По его словам, Монтесуме были подвластны не менее тридцати могущественных вассалов, каждый из которых мог выставить сто тысяч воинов. Вассалы платили Монтесуме дань, и богатства его были неисчислимы. Он содержал пышный двор, огромное войско и мощные гарнизоны во всех больших городах. Столица ацтеков Теночтитлан была, по словам касика, расположена на острове посреди озера, и попасть в нее можно было только через дамбы, пересеченные подъемными мостами. Каждая улица, каждый дом этого города могли стать неприступной крепостью.

Испанцам трудно было определить, что в этих рассказах правда, а что вымысел. Весть об огромной военной мощи ацтеков могла внушить страх даже самым отчаянным воякам, однако старый хронист Берналь Диас по этому поводу замечает: «Немало мы дивились этим рассказам. Но, странно, не страх они нам внушали, а великую жажду поскорее испытать свое счастье вопреки всяким укреплениям и съёмным мостам. Таков уж испанский солдат — нет для него невозможного, ведь на деле Мексика оказалась куда грознее этих рассказов».

Кортес спросил касика, богата ли эта страна золотом и нельзя ли получить у него в качестве образца немного драгоценного металла. Но касик, опасаясь гнева Монтесумы, отказался дать золото испанцам.

Индейцы, в свою очередь, заинтересовались собаками, лошадьми, ружьями и артиллерией чужеземцев. Такие чудеса они видели впервые. Переводчики рассказывали им, что лошади якобы являются сотоварищами испанцев, что они сами бросаются на врага и уничтожают его в мгновение ока.

Кортес простоял в городе несколько дней, предоставив своим голодным и уставшим от тяжелого перехода воинам заслуженный отдых. Спустя столетия туземцы показывали приезжающим кипарис, к которому был привязан боевой конь великого полководца.

Отдохнув, испанцы отправились дальше по цветущей

плодородной долине. Встречавшиеся им на пути города были обнесены стенами с башнями, окружены рвами и напоминали европейские крепости.

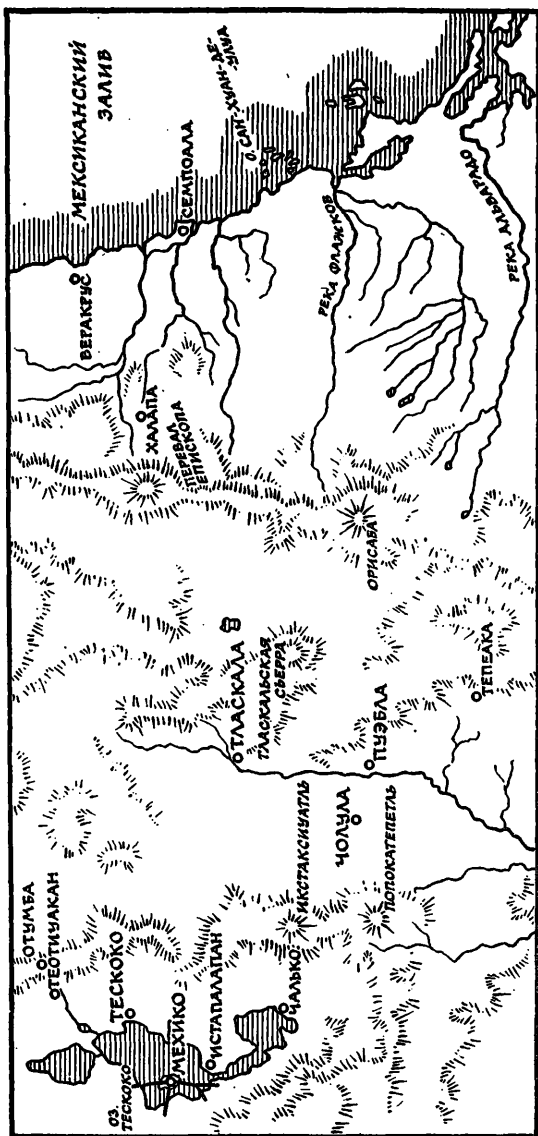
Куда же двинуться дальше? Ацтеки рекомендовали испанцам идти через древний город Чолулу, жители которого — подданные Монтесумы — отличались, по их словам, радушием и были настроены миролюбиво. Тотонаки же предостерегали Кортеса от этого пути, говоря, что люди Чолулы лживы и коварны. Они советовали испанцам идти через Хлебную страну — Тласкалу — небольшое государство, чьи отважные воины упорно отражали все атаки ацтеков и по сей день сохраняли независимость. Тласкальцы, по словам тотонаков, были мужественны, справедливы и состояли с ними в дружбе.

Достигнув границ Тласкалы, Кортес, по обычаям индейцев, отправил к ее правителям посольство из четырех знатных тотонаков, предлагая мир и союз. Послы держали в левой руке, словно щит, большую раковину, в правой же — опущенную вниз и украшенную белыми перьями стрелу — знак мира и дружбы. Стрела с пучком красных перьев означала бы объявление войны. Имеющие при себе такие знаки послы могли без опаски прийти в любое племя, так как им была обеспечена неприкосновенность.

Посланцы несли с собой и подарки Кортеса — шапку красного сукна, меч и арбалет (лук), вызывавший у индейцев восхищение, а также письмо, написанное по-кастильски, в котором была выражена просьба разрешить испанцам пройти через земли Тласкалы. Тласкальцы, конечно, не могли прочесть этого письма, поэтому Кортес изложил его содержание послам устно, надеясь в то же время, что непонятные, полные таинственности знаки европейского письма внушат тласкальцам уважение и страх.

По прибытии в Тласкалу послов пригласили на совет племени. В знак своего уважения к старейшинам тотонаки укутали головы плащами и, высоко подняв свои стрелы, пали ниц, ожидая разрешения говорить. Послание тласкальцам было составлено Мариной, которая помогла посланцам выучить его наизусть.

— Великая свободная страна! Отважный могучий народ! — обратились они к совету. — Ваши друзья и союзники касики Семпоалы и горной страны привет-

Область, по которой испанцы направились в Теночтитлан
(по У. Прескотту)

ствуют вас, желают вам обильного урожая и гибели ваших врагов. Они сообщают вам, что со стороны, где восходит солнце, прибыли невиданные чужеземцы — больше похожие на богов, чем на людей; в своих огромных дворцах они переплыли через океан и владеют громом и молнией — оружием, подвластным лишь небесам. Они утверждают, что служат одному высшему богу, более могущественному, чем наши, не признающему угнетения и человеческих жертвоприношений. Их вождь послан сюда великим государем, который, повинувшись своей воле, хочет положить конец злодеяниям и насилию Монтесумы. Этот вождь уже освободил нас от тяжелого ига ацтеков, теперь он по пути в Теночтитлан должен пройти через ваши земли и хочет знать, какие обиды нанесли вам Монтесума, чтобы защитить ваши права как свои собственные. Итак, он идет к вам с миром и не требует ничего, кроме свободного прохода через ваши земли. Верьте, что он желает вам только добра, что его оружие служит справедливости, он ведет с собой добрых и миролюбивых людей, которые не прибегнут к силе до тех пор, пока сами не подвергнутся нападению.

Совет приступил к обсуждению послания. До тласкальцев уже дошел слух о приближении чужестранцев. Никто не знал, кто они и в чем состоит цель их прихода: а вдруг это те бородатые заморские люди, появление которых давно уже предсказано жрецами. И если они враги ацтеков — им надо помочь. Но может быть, чужестранцы установили дружбу с Монтесумой? Они ведь получили от него богатые дары и теперь направляются в столицу ацтеков...

Мнения на совете разделились: одни призывали к миру и дружбе с пришельцами, другие — к войне. Сторонников войны возглавлял Хикотенкатль — молодой, отважный полководец. Его приверженцы получили в совете большинство. И тласкальцы старались под различными предлогами задержать посланцев Кортеса, не давая им вернуться, а сами тем временем стали готовиться к сражению.

Тласкальцы были родственным ацтекам, воинственным, свободолюбивым племенем. Они отлично стреляли из лука и метали копья. Их воины умели выпускать сразу по две или даже три стрелы из лука, ловко действовали копьем и палицей, усеянной острыми осколками обсидиана.

диана. Копье у них нередко было прикреплено к длинному ремню, чтобы, метнув, его можно было возвратить. То было опасное оружие. От вражеских стрел и копий воины оборонялись огромными щитами из дерева или кожи, обитыми ватой и украшенными фантастическими рисунками.

Ацтекам не удавалось покорить это свободолюбивое племя. На все угрозы, требования сдаться и платить ацтекам дань тласкальцы, по свидетельству хрониста Камарго, гордо отвечали: «Ни мы, ни наши предки никогда не платили дани и не покорялись чужому властелину, и это никогда не свершится. Если враг ворвется в нашу землю, мы сумеем встать на ее защиту и прольем кровь за ее свободу так же, как это сделали наши предки, когда разгромили ацтеков».

Между тласкальцами и ацтеками часто возникали войны. И были они жестоки. Обе стороны безжалостно приносили пленных в жертву богам. В этих стычках тласкальцам помогало воинственное племя отомы, которое охраняло горные перевалы у границ Тласкалы. Ацтекам все же удалось окружить эту суровую горную страну. Многие десятки лет тласкальцы не получали из прибрежных районов ни соли, ни хлопка, ни какао, ни других необходимых товаров. Хронист Камарго рассказывает, что потом несколькими поколениями тласкальцев пришлось заново привыкать к соли.

Прошло восемь дней, пока наконец Кортес понял, почему его посланцы не возвращаются, и приказал своему отряду выступить в поход по направлению к Тласкале.

Испанское войско, ежеминутно ожидая нападения, в строгом боевом порядке двигалось вперед: сначала всадники и легковооруженная пехота, потом артиллерия и воины в тяжелых доспехах. Ни днем ни ночью конкистадоры не снимали с себя тяжелых лат и даже во время сна держали под рукой оружие. Эта постоянная тревога изнурила их больше, чем сам трудный переход.

Однако завоеватели понимали, что внезапное нападение индейцев может оказаться для них роковым. По словам Берналя Диаса, Кортес стремился поддерживать боевой дух своих воинов. Он говорил: «Нас только горстка против неисчислимого врага, — поэтому ведите себя так, словно вы не только готовитесь к битве, но уже вступили в нее!»

Переправившись через реки, пересекавшие плодородную равнину, испанцы оказались в суровой гористой местности и там наткнулись на пограничные укрепления тласкальцев — высокую каменную стену, с обеих сторон упиравшуюся в крутые неприступные скалы. В этой стене, сложенной из огромных, тщательно обтесанных и поставленных друг на друга каменных глыб, был единственный узкий проход.

Хотя Кортеса и томили тяжелые предчувствия, ибо его посланцы еще не вернулись, он воскликнул: «Вперед, друзья! Святой крест — наше знамя и с ним мы победим!» Затем он повел свое войско через проход в стене, и испанцы ступили на землю Тласкалы.

Вокруг не было ни души. Кортес со своими всадниками отправился на разведку и вскоре наткнулся на группу вооруженных индейцев, которые обратились в бегство. Испанцы поскакали вслед за ними, но индейцы внезапно повернули и бесстрашно атаковали всадников. На помощь тласкальцам подошел отряд в несколько тысяч человек. Вскоре к месту сражения подоспела и пехота испанцев вместе с тотонаками. Разгорелся жестокий бой. Метнув свои копья, индейцы стали вырывать оружие из рук испанцев и стаскивать их с лошадей. Был смертельно ранен один из всадников. По свидетельству хрониста Гомары, атакующие убили двух лошадей, отрубив им головы мечом. Это была большая потеря, так как лошадей у Кортеса было очень мало.

Вскоре, однако, огонь артиллерии заставил индейцев отступить с большими потерями. Их легкие стрелы и острые секиры были бессильны против военного искусства европейцев, железного строя, оружия и доспехов.

Вечером к Кортесу воротились двое его посланцев, сопровождаемые двумя тласкальцами. Тласкальцы, представ перед командующим, сообщили, что в нападении виновато племя отоми, которое действовало самостоятельно, без ведома тласкальцев. Но потеряв в битве своих лучших военачальников, оно уже понесло жестокое наказание. Пришедшие утверждали, что белых людей ждет в Тласкале радушный прием.

Кортес любезно выслушал это сообщение, притворяясь, что поверил ему, однако приказал своим войскам ночью быть настороже. Все же ночь прошла спокойно,

так как индейцы не привыкли сражаться в темноте и не атаковали испанцев.

На следующий день к Кортесу явились остальные посланцы. Вид они имели самый жалкий. В слезах пали они к его ногам, жалуясь, что тласкальцы преступили святой обычай, заковав их в цепи. Лишь с трудом посланцам удалось бежать, и теперь они утверждали, что тласкальцы готовятся захватить всех испанцев и принести их в жертву своим богам.

ВОЙНА В ТЛАСКАЛЕ

На поле боя — сто тысяч тласкальцев. — Белых дьяволов надо откормить и потом принести в жертву! — Четыре сотни воинов среди бушующего моря врагов. — Дети солнца непобедимы даже ночью. — Безвыходное положение конкистадоров. — Оружие и свобода тласкальцев в руках у Кортеса. — Боги предков или католический крест?

Вскоре испанцев со всех сторон окружило огромное войско тласкальцев и их союзников, которым командовал молодой полководец Хикотенкатль. Кортес считал, что ему противостояли не менее ста тысяч индейцев. Многие хронисты называли цифру в тридцать, а Берналь Диас говорит о пятидесяти тысячах.

Надо заметить, что цифры, упоминаемые в хрониках, обычно сильно преувеличены. Да и кто в пылу сражения смог бы сосчитать толпы индейцев!

Со звонким боевым кличем, под бой барабанов огромная толпа индейцев яростно бросилась на испанцев. Конкистадоры сомкнутыми рядами, под прикрытием тяжелых доспехов, отражали одну атаку тласкальцев за другой. В пылу битвы индейцы заманили испанцев в узкое ущелье и стали сверху осыпать их градом стрел, копий и камней. Сыпали они и песок, чтобы засорить глаза чужеземцам.

Кортес тщетно пытался, используя конницу, проложить дорогу пехоте. Тласкальцы прежде всего старались захватить или убить лошадей. Один испанский кавалерист по имени Марон пробился так далеко в густую толпу индейцев, что оказался отрезанным от своих

и окруженным со всех сторон. У него вырвали меч и пиками нанесли смертельные раны. Конь же его пал от удара меча. Тласкальцы проворно отрубили голову убитого животного, надели ее на копье и торжественно носили повсюду как свидетельство того, что даже такое чудовище можно одолеть.

Гибель коня так вдохновила индейцев, что они ринулись в атаку с новой силой. Ряды испанцев дрогнули, и поражение их казалось уже неминуемым.

Но тут на помощь испанцам подоспели их союзники — индейцы из Семпоалы. По свидетельству хрониста Эрреры, они сражались с отчаянной отвагой, понимая, что вряд ли им суждено остаться в живых. Марина — женщина, не ведавшая страха, подбадривала их восклицаниями: «С нами истинный бог, и он проведет нас сквозь все невзгоды и опасности!».

Надо было во что бы то ни стало выбраться из коварного ущелья. Кортес крикнул своим воинам:

— Если мы теперь не победим, то святой крест никогда не будет воздвигнут в этой стране! Вперед, друзья! Где это видано, чтобы кастильцы показывали врагу спины?

Наконец конкистадорам с великим напряжением удалось выбраться на равнину. Кавалеристы оттеснили индейцев, и испанцы смогли пустить в ход артиллерию. От летевших один за другим снарядов индейцы валились, как скошенная трава. Гром пушек и огненные вспышки выстрелов повергали их в ужас и отчаяние. К тому же они по обычаю уносили с поля боя не только всех раненых, но и убитых, и это еще более увеличивало беспорядок и сумятицу в их рядах. Индейцы даже не прятались от огня артиллерии. Не имея представления о строе, они не умели концентрировать свои силы на решающих участках и преграждать путь противнику, а наступали беспорядочной толпой, давя друг друга. Фактически сражались только первые ряды, остальная же масса индейцев лишь беспорядочно наседала, мешая ходу боя.

Кроме того, тласкальцы, как и индейцы других племен, старались захватить как можно больше пленных, чтобы принести их в жертву богам. Благодаря этому обычаю, среди испанцев было мало убитых, что Кортес особо подчеркнул в письме королю.

Кровавое побоище закончилось внезапно. Погибло

несколько касиков, руководивших индейцами, и воины покинули поле боя. Хикотенкатль отправил военному совету голову убитого коня, а сбруя, подковы и войлочная шляпа, надевавшаяся на голову лошади для защиты от солнца, были принесены в дар богам.

Подобрав раненых, которых было довольно много, Кортес приказал разбить лагерь и предпринял попытку заключить с тласкальцами мир, отправив им несколько пленных с мирными предложениями. Однако посланцы должны были также передать, что если эти предложения будут отклонены, индейцам грозит страшное бедствие. Хикотенкатль пришел от этих предложений в такую ярость, что приказал выпороть посланцев и отправить их обратно в лагерь испанцев с сообщением, что он, Хикотенкатль, вскоре вернется во главе многочисленного войска, возьмет в плен всех испанцев и принесет их в жертву богам. Он также велел передать испанцам триста индюков и другие припасы, заметив с издевкой, что пусть, дескать, чужеземцы хорошо наедятся, прежде чем будут заколоты во славу богов. Испанцы, посмеиваясь над самоуверенными индейцами, устроили в ознаменование победы роскошный пир. Долго плясали они и пели, лишь поздней ночью лагерь погрузился в глубокий сон.

Весь следующий день испанцы отдыхали, чинили арбалеты, изготавливали новые стрелы. Затем Кортес обратился к воинам с речью:

— Смотрите, сеньоры, как бы тласкальцы не подумали, что с нас довольно одной битвы! Покажем им, что мы не ослабели. Пойдем в разведку!

Около двухсот воинов отправились в густозаселенную равнину и легко захватили там несколько десятков мужчин и женщин. Вернувшись в лагерь, они развязали пленных, щедро одарили и попытались внушить им, что белые — братья тласкальцев и пришли сюда, чтобы помочь в борьбе против ацтеков. Пленных отпустили, поручив передать касикам новое послание. Хикотенкатль приказал ответить на него следующим образом:

— Пусть попробуют белые дьяволы сунуться во владения моего отца! Там мы и помиримся, но лишь тогда, когда насытимся их мясом, а богов своих почтим кровью их сердец! Если же они почтут за лучшее остаться у себя в лагере, я их назавтра сам навещу.

Итак, битва с тласкальцами была неизбежна. Кортес решил встретить их в открытом поле. Всю ночь патер Ольмедо исповедовал и причащал солдат. Воины были в ужасе перед предстоящей битвой, ибо, как замечает Берналь Диас, «будучи людьми, мы боялись смерти».

Наступило утро 5 сентября. Капитан-генерал приказал пехоте биться сомкнутым строем, коннице — рысью двинуться на врага, с копьями наперевес, артиллеристам и мушкетерам — ни на миг не прекращать огня.

На поле боя собралось около пятидесяти тысяч тласкальцев. (По замечанию У. Прескотта, Кортес, с присущей ему склонностью к преувеличению, насчитал сто пятьдесят тысяч и эту цифру сообщил королю.) Индейцы расписали свои тела яркими красками, украсили головы огромными пучками перьев и так предстали перед врагом, держа в руках щиты, копья и боевые знамена с гербом Тласкалы — белой птицей с распростертыми крыльями.

Один воин огромного роста высоко над головой держал прикрепленный к длинному шесту священный знак Тласкалы — золотого орла, украшенного жемчугом и сапфирами.

Испанцы без промедления открыли огонь. Каждый выстрел попадал в цель, так что тласкальцы не успевали выносить с поля боя убитых. Но оправившись от мгновенного замешательства, они обрушились на испанцев как лавина, как горный поток, сметая все на своем пути.

«Наша горсточка в четыреста человек, — писал Диас, — среди которых было множество раненых и больных, была как бы вклинена в разъяренное вражеское море, и каждый из нас знал, что без победы он умрет либо на поле битвы, либо под ножом жреца».

Ряды испанцев дрогнули и смешались. Голос Кортеса потонул в диком шуме битвы. Однако отчаяние и казалось бы неминуемая гибель удесятирили силы конкистадоров. Рубя мечами что есть мочи, испанские пехотинцы приостановили атаку индейцев, артиллерия стреляла безостановочно, кавалеристы галопом бросались в самую гущу битвы.

Тласкальцы понесли большие потери и, несмотря на огромное численное превосходство, не смогли возобновить атаку.

После четырехчасовой битвы индейцы покинули поле боя. Между их военачальниками возникли распри, и ка-
сики один за другим увели своих воинов.

Однако поражение ничуть не уменьшило боевого за-
дора тласкальцев. Они лишь еще раз убедились в том,
что бледнолицые люди — великие волшебники, которых
обычными средствами невозможно одолеть. Индейцы
были поражены тем, что маленькая горстка чужеземцев
решилась вступить в бой с огромной армией тласкаль-
цев. При этом никто из белых не попал в плен, не был
убит или ранен. Испанцы ловко скрывали своих убитых.
Кортес приказал хоронить их тайно, и туземцам каза-
лось, что белые люди бессмертны, что их невозможно
ни ранить, ни убить.

Поэтому тласкальцы обратились к своим жрецам за
советом — что делать дальше. Те ответили уклончиво:
пришельцы, дескать, не боги, но дети солнца. Солнце —
их мать — своими живительными лучами вливает в них
силу, поэтому днем они непобедимы. Зато ночью, когда
на небе нет солнца, их сверхъестественная сила исчезает
и они становятся такими, как все.

Тласкальцы, не сомневаясь в правильности предска-
зания жрецов, решили ночью внезапно напасть с трех
сторон на испанский лагерь.

Но Кортес был опытным и прозорливым полковод-
цем. Выставленные им посты и патрули своевременно
предупредили лагерь о грозящей опасности. Солдаты
спали не раздеваясь, с оружием в руках и держали
лошадей под седлом. В мгновение ока испанцы были на
ногах, в полной боевой готовности и спокойно наблюдали,
как тласкальцы подкрадываются к лагерю. Головы их
в призрачном свете луны мелькали то тут, то там среди
густой кукурузы.

В ночной тьме неожиданно раздался боевой клич
конкистадоров. Прогремел дружный залп из пушек
и мушкетов, и испанцы бросились на оторопевших от
неожиданности индейцев. При свете луны всадники
и лошади казались еще более страшными, чем днем. Это
были сущие дьяволы — исчадия ада. Они врезались
в толпу индейцев, убивая и калеча сотни людей. Дети
солнца были непобедимы и ночью, при свете звезд
и луны. Они и впрямь казались бессмертными, ибо никто
из тласкальцев не видел, как они умирают. Огорченные

поражением тласкальцы принесли в жертву богам обоих жрецов, посовествовавших им совершить нападение ночью.

Но и положение конкистадоров было отчаянным. Одни едва держались на ногах от усталости и бессонных ночей, другие страдали от тяжелых ран. Во всем лагере не было ни одного человека, не получившего какого-либо ранения. Были ранены и лошади. Но во всей Тласкале нельзя было найти масла для врачевания ран. Испанцы смазывали раны жиром, вытопленным из трупов врага. Сам Кортес заболел лихорадкой. Не хватало одежды, пригодной для горного климата, и съестного. Голодные воины ловили собак, бродивших вокруг покинутых пепелищ, и питались их мясом, а порой совершали набеги на селения.

Среди солдат снова началось брожение. Чаша их терпения переполнилась. Добытая с таким трудом победа не приблизила их к желанной цели — золоту ацтеков. Весь лагерь, как сообщает Берналь Диас, потешался над идеей завоевать всю Мексику, ведь даже маленькую Тласкалу не смогли они покорить. «Не смешно ли нам, больным и ослабевшим, идти походом против великого Монтесумы с его многими армиями, даже если Тласкала нас и пропустит?»

Солдаты требовали, чтобы им разрешили вернуться в Веракрус и послать на Кубу судно за подкреплением. Они говорили Кортесу, что страдания их неописуемы. Погибло свыше пятидесяти человек, а у каждого из живых по две-три раны. Ни днем ни ночью они не ведают покоя. Даже выючные животные не мучаются так, как они.

Особенно недовольны были идальго, владевшие на Кубе землей и индейцами.

Кортес с непоколебимым спокойствием выслушивал жалобы. Он хорошо знал своих солдат и старался, не прибегая к резким упрекам и жестоким угрозам, убедить отчаявшихся, что тласкальцы скоро запросят мира и что отступление принесло бы испанцам неминуемую гибель. Ведь если испанцы повернут назад, тласкальцы возобновят свои атаки, а тотонаки покинут своих союзников, чтобы избежать мести ацтеков. Итак, вперед, только вперед! Христос не оставит своих воинов. И хотя их страдания превосходят страдания героев Греции

Эрнандо Кортес (с портрета XVI века)

и Рима, зато слава испанцев затмит подвиги воинов древнего мира.

Потеряв веру в победу, конкистадоры впали в уныние. Только Кортес и Марина не падали духом. Красавица-индианка, ни на шаг не отходившая от вождя, никогда не выказывала малодушия и тревоги, хотя отлично понимала всю опасность положения. Велико было ее влияние на индейцев. Переговоры с тласкальцами она вела таким тоном, словно испанцы держали в руках судьбу этого народа. Индейцы взирали на нее с суеверным страхом, не понимая, как эта женщина может изъясняться на языке чужеземцев.

Кортес пустил в ход весь арсенал своей коварной

дипломатии: то он грозил тласкальцам смертью и опустошением их земель, то предлагал им мир и дружбу, не скупясь на обещания.

Военное поражение погасило у тласкальцев последнюю искру надежды. Их войско было разбито. Не помогли ни отвага, ни хитрость. Касикам не хватало единодушия. Военный совет неоднократно запрещал Хикотенкатлю нападать на испанцев, но молодой вождь упорно отказывался подчиниться.

Кортес умело использовал эти разногласия и посылал в Тласкалу подарки. Касики начали думать о мире. Надеясь использовать белых чужеземцев в борьбе с Монтесумой, они прислали к испанцам посольство с мирными предложениями.

Послы, разодетые в праздничные одежды, в уборах из белых перьев — знаком мира — приблизились к лагерю испанцев, уже издали жестами выражая свое благоговение: коснувшись руками земли, они целовали затем свои руки, окуривали вал укрепления благовонными травами.

Испанский полководец принял послов торжественно и сурово, стараясь внушить им страх и благоговение и скрыть от них, как в действительности устали и измучены испанцы.

Послы сказали:

— Коли вы — злые и жестокие боги, то мы передаем вам пятерых рабов. Пейте их кровь, ешьте их мясо. Коли вы добрые боги, примите от нас благовонные травы для курения и пучки пестрых перьев. А коли вы люди, то утолите голод мясом, хлебом и плодами.

Послы заявили, что пришли просить прощения и мира.

Однако молодой вождь Хикотенкатль снова отказался подчиниться решению военного совета и не пустил свое войско; не веря коварным предложениям дружбы, он готовился к новым сражениям.

Испанские хронисты называли Хикотенкатля кровавым и жестоким варваром, на самом же деле нельзя не восхищаться его мужеством, стойкостью, дальновидностью и горячим патриотизмом.

Притворившись, что он якобы тоже готов заключить мир, Хикотенкатль послал к Кортесу другое посольство с дарами и съестными припасами. Часть посланцев

через несколько дней покинула лагерь, но около пятидесяти человек остались. Марина утверждала, что это лазутчики. Кортес велел их схватить. На допросе индейцы признались, что им было приказано разведать силы испанцев и по условному знаку поджечь лагерь. Вождь конкистадоров, стремясь в корне пресечь всякую попытку нападения, велел отрубить пленникам руки и отослать их обратно, сказав, что тласкальцы могут явиться сюда в любое время, и днем и ночью, но всегда найдут испанцев бодрствующими, в полной боевой готовности.

Надо отметить, что Кортес отнюдь не стыдился своей жестокости и впоследствии сам сообщил об этом королю.

При виде несчастных, искалеченных воинов, Хикотенкатль понял, что ему не справиться с жестокими и коварными чужестранцами, и оставил мысль о дальнейшем сопротивлении.

Спустя два дня к испанскому лагерю приблизилось торжественное шествие во главе с Хикотенкатлем, которого сопровождали пятьдесят старейшин. Полководец был в белом одеянии, украшенном белыми перьями и драгоценными камнями. Это был высокий и стройный человек, с гордой осанкой и умным лицом. Мужественно и открыто объявил он Кортесу, что один виновен во всех столкновениях, так как ослушался военного совета. Он-де думал, что испанцы — союзники злейшего врага Тласкалы Монтесумы, и из любви к своей родине старался защитить ее независимость. Он считает себя побежденным, сдается на милость Кортеса и надеется, что тласкальцы получают мир и прощение. Тласкала готова принять Кортеса со всем его войском и заключить с белыми дружеский союз.

Затем Хикотенкатль приказал принести подарки — простые украшения и ткани из перьев, сказав, что Тласкала бедная страна, у нее нет ни золота, ни тканей, ни соли. Повелитель ацтеков оставил тласкальцам только свободу и оружие, и они теперь отдают их в руки испанцев.

По словам хрониста Саагуна, Кортес великодушно принял подарки и с тонкой дипломатией заметил, что они имеют для него особую ценность, так как получены от тласкальцев, а не из другого, более богатого дома.

Кортес принимает тласкальских касиков с дарами (из старинной мексиканской рукописи)

Так закончилась война конкистадоров с отважной Тласкалой. Продержись индейцы чуть подольше, борьба закончилась бы гибелью завоевателей. Теперь же конкистадоры торжествовали победу, и их вера в Кортеса крепла с каждым днем. Росла и слава испанцев, ведь они одолели непобедимую Тласкалу, которую не смог победить даже сам Монтесума.

К Кортесу снова с богатыми дарами явились послы Монтесумы. Повелитель ацтеков выражал готовность подчиниться испанскому королю и ежегодно выплачивать ему большую дань золотом, серебром, драгоценными камнями. Он просил испанцев лишь об одном: отказаться от дальнего похода в Теночтитлан, ибо путь этот, по его словам, был тяжел, горист и безводен. Монтесума утверждал, что не может поручиться за своих людей и обеспечить гостям безопасность. Так

повелитель ацтеков вторично допустил ошибку — еще большую, чем в первый раз: дал понять испанцам, что владеет несметными богатствами, но бессилен их защитить.

Весть о победе испанцев над Тласкалой с быстротой молнии облетела всю Мексику. Монтесумой овладел суеверный страх, он решил, что белые и впрямь посланцы Кецалькоатля, а может быть, даже и боги, которых надо во что бы то ни стало умиловить. Лишь наиболее прозорливые военачальники и среди них племянник властелина — отважный Куаутемок — пытались убедить Монтесуму, что ацтеки не должны проявлять слабости и колебаний, а выступить с оружием в руках против коварного врага и сражаться не на жизнь, а на смерть, до победного конца. Однако Монтесума отклонил все их предложения.

Тласкальцы опасались, как бы посланцы Монтесумы не перетянули испанцев на свою сторону. Совет племени решил в полном составе отправиться к Кортесу и остаться там в качестве заложников. Знатных тласкальцев, одетых в белые одеяния, несли в паланкинах рабы. Самым почтенным из них был слепой отец Хикотенкатля. Он сел возле Кортеса, ощупал его лицо и тело, стараясь получить хоть какое-нибудь представление об удивительных пришельцах.

Затем старец сказал:

— Великодушный полководец! Смертен ты или бессмертен, верховный совет Тласкалы признал твою власть над нами и выражает глубочайшую покорность тебе. Мы не просим у тебя прощения за ошибку нашего народа, мы принимаем на себя всю ответственность, надеясь искренностью и прямоотой смягчить твой гнев. Никто иной, как мы решили идти на тебя войной, и мы же теперь просим у тебя мира. Мы знаем, что Монтесума во что бы то ни стало старается расстроить наш союз. Если ты слушаешься его, то помни, что он наш враг, и хотя ты еще не испытал на себе его тирании, но наверно почуял, как он коварен, ибо он пытался толкнуть тебя на несправедливые дела. Мы не просим у тебя помощи против него. Мы сами достаточно сильны, чтобы победить любого, кроме тебя. Однако нас огорчает, что ты веришь его посулам, ибо мы знаем коварство Монтесумы. Почему ты не внемлешь нашим

мольбам? Почему не желаешь почтить своим посещением наш город? Мы твердо решили снискать твою дружбу и доверие или же отдать в твои руки свою свободу.

У тласкальцев не было иного выбора: либо иго ацтеков, либо союз, вернее, зависимость от неведомых пришельцев, против которых была бессильна самая отчаянная отвага.

Кортес, этот коварный и ловкий политик, решил воспользоваться давнишней враждой между тласкальцами и ацтеками, добиться, чтобы оба народа стремились к дружбе и сотрудничеству с белыми. Главкомандующий охотно дал обещание посетить Тласкалу, но не торопился исполнить его. Он хотел предоставить отдых своим измученным воинам, хотел сам оправиться от лихорадки, а также ждал от Монтесумы новых важных вестей. И, действительно, Монтесума, обеспокоенный угрозой союза испанцев с тласкальцами, через несколько дней пригласил Кортеса в столицу ацтеков.

Вождь конкистадоров охотно принял приглашение, но велел передать Монтесуме, что он сначала посетит Тласкалу, взяв с собою послов Монтесумы, — пусть поглядят, какой прием окажут ему побежденные.

Вскоре в лагерь испанцев прибыло пятьсот тласкальцев-носильщиков, готовых нести самую тяжелую поклажу.

Испанцы с удовольствием приняли эту помощь. Они обессилели от множества тягот и невзгод, и теперь им не хотелось опять тащить на себе громоздкие пушки и амуницию.

Прибытие испанцев в Тласкалу 23 сентября 1519 года было поистине триумфальным. Улицы и плоские крыши домов были запружены народом. Под барабанный бой и звуки свирелей жрецы в белых одеяниях с курильницами в руках окуривали чужеземцев благовонными травами, девушки осыпали их цветами, а члены совета смиренно приветствовали победителей.

Тласкала была одним из крупнейших городов в этих высокоторных районах. Кортес в своем донесении королю сравнивал ее с Гренадой как по количеству домов, так и по плотности населения. Дома тласкальцев были сложены из камня, глины или кирпича-сырца.

Они строились без окон и дверей. Вход прикрывался плетеными циновками. Навешанные на них кусочки меди бренчали, когда кто-то входил в дом. Город был густо населен. Кортес сообщал, что на городской рынок каждый пятый день собиралось до тридцати тысяч человек. Особенно восхищались испанцы прекрасными изделиями тласкальских горшечников, не уступавшими лучшим образцам европейской керамики. За порядком на улицах и на рынке следили особые чиновники (испанцы называли их полицейскими). Тласкальцы пользовались также парикмахерскими и банями с горячей водой и паром.

Высокие каменные стены делили город на четыре района, каждый из которых занимало одно племя со своим вождем. Со всех сторон город обступали окутанная облаками Сьерра Тласкалы и другие горные хребты, поросшие темным сосновым лесом, кленовыми и дубовыми рощами.

Конкистадорам отвели под квартиры такой большой дворец, что всем было в досталь места. Кортес приказал немедленно выставить у входов и выходов караулы и потребовал от солдат соблюдения самой строгой дисциплины. Половина солдат бодрствовала, другая половина спала с оружием в руках. Тласкальцы видели, что испанцы не доверяют им, но Кортес успокоил индейцев, сказав, что таков уж воинский обычай европейцев — быть начеку и в мирное время.

Убедившись в преданности тласкальцев, Кортес решил, что пришло время обратить их в христианскую веру. Как рассказывает автор письменной истории тласкальцев, крещеный индеец Камарго, Кортес этим неразумным шагом чуть было не нарушил дружеские отношения и с таким трудом установленный мир. Когда он попытался уговорить жрецов и касиков отказаться от древних богов и уничтожить языческих идолов, тласкальцы ответили, что одного лишь испанского бога им будет мало, они, дескать, привыкли ко многим богам. Один оберегает их от бурь, другой — от наводнений, третий охраняет на поле боя. И есть еще много богов на всякие случаи жизни.

Не помогли и старания патеров: тласкальцы внимательно выслушали их, но попросили, чтобы они упоминали имя своего единого бога лишь у себя в лагере,

а то еще индейские боги услышат такие речи и в отместку уничтожат Тласкалу. Касики находили и другие отговорки.

— Чтобы распознать ваших богов и весь ваш обиход, — говорили они, — нужен немалый срок. Когда мы со временем все это узнаем, мы, конечно, выберем полезное и правильное. Если же теперь из любви к вам мы, старики, вдруг примем ваши обычаи, то что скажет наша молодежь? Жрецы и так уже грозят, что нас постигнут голод, мор и опустошительные войны.

По столь бесстрашному ответу можно было судить, что они предпочтут смерть отказу от своих богов.

Кортес готов был уже, как он это сделал в Семпоале, разбить идолов, уничтожить храмы и силой окрестить индейцев, но осторожный патер Ольмедо удержал разгорячившегося полководца от опрометчивого шага, сказав, что сначала следует завоевать всю Мексику. Монах яснее, чем сам капитан-генерал, понимал, что такой воинственный народ, как тласкальцы, не может быть силой обращен в чужую веру.

— Время еще не пришло, — увещевал он. — Хотя вы и сказали им много полезного, но все же этого недостаточно, чтобы они уверовали!

На одной из площадей города испанцы водрузили крест и каждый день отправляли возле него торжественное богослужение, на которое с большим интересом взирали тысячи ничего в нем не понимавших индейцев. По мнению хронистов, туземцы таким образом учились почитать религию завоевателей.

Хронисты Эррера и Солис утверждают, что само небо пришло на помощь конкистадорам: едва лишь они оставили Тласкалу, с неба спустилось светлое облачко и окутало покинутый крест ярким сиянием. Этот святой знак всю ночь излучал свет, подобно огненному столбу. То было знамение, которым небо подтвердило благородную миссию испанцев, несших христианское учение миллионам язычников.

Старый Хикотенкатль стал ближайшим советником испанцев и предложил им породниться с тласкальцами.

— Малинцин! — сказал он. — Чтобы окончательно утвердиться в нашей дружбе, прими еще один дар от нас: мы решили дать наших дочерей вам в жены, чтобы у нас с вами выросло общее потомство.

Сам он предложил Кортесу свою дочь. Невест вскоре окрестили. Дочь Хикотенкатля была названа Луизой, и Кортес, взяв ее за руку, подвел к Педро де Альварado, сказав, что это его младший брат и самый важный после него начальник. У Альварado были светлые густые волосы, и индейцы называли его «Тонатлиу», что означало «Солнце». С новыми союзниками породнились многие тласкальцы.

РЕКИ КРОВИ И ПЕПЕЛИЩА — ВОТ ПУТЬ КОРТЕСА

«Не верьте ацтекам — дружба их вероломна». — Прибытие в город храмов Чолулу. — Тайный план уничтожения чужеземцев. — Мартина раскрывает заговор. — Око за око, зуб за зуб! — Кровавая бойня в Чолуле

К Кортесу снова прибыли посланцы Монтесумы с просьбой не задерживаться у неотесанных и вероломных тласкальцев, а поспешить в Чолулу, расположенную всего лишь в шести лигах от Тласкалы. Послы сообщили, что их властелин приказал Чолуле оказать белым чужестранцам хороший прием и обеспечить их войско всем необходимым, хотя они и не знали о ходивших в то время слухах, будто какой-то кудесник предсказал Монтесуме, что Чолула станет могилой чужеземцев.

Тласкальцам это приглашение показалось подозрительным, они сказали, что чолульцы народ коварный и продались ацтекам. В Чолуле стоит сильный ацтекский гарнизон. Зачем же, дескать, самим лезть в пасть зверя? Да и поход в Теночтитлан вряд ли, по их мнению, был бы разумным шагом: столица ацтеков сильно укреплена и расположена на островах. Испанцы окажутся там, как в западне. Монтесума — хитрый, коварный властелин.

— Не верьте его любезным речам, — предостерегали тласкальцы конкистадоров, — не верьте его смирению и дарам! Слова его лживы, а дружба вероломна!

Тласкальцы советовали не щадить ацтеков — ни старого, ни малого.

Каменные барельефы с изображениями ягуаров и орла

Кортес, очевидно, и сам догадывался о грозящей опасности, но не хотел отказаться от похода на Чолулу, ведь опасность подстерегала его повсюду. Кортес хотел показать, что воины-европейцы ничего не боятся и не уклоняются от сражений. Конкистадоров сопровождали шесть тысяч тласкальцев.

Чолула была большим, чистым, красивым и благоустроенным городом.

Белые пришельцы были встречены населением города дружелюбно, с большим почетом. Зато тласкальцев — злейших врагов ацтеков — в город не пустили. По совету испанцев, они разбили свой лагерь за пределами города и обнесли его укрепленным валом.

Чолульцы толпами стояли на улицах, с любопытством разглядывая белых пришельцев. Те, в свою очередь, с удивлением взирали на этот народ, своим видом и богатой одеждой так сильно отличавшийся от всех ранее встречавшихся им индейцев, на чистые и широкие улицы, высокие дома и особенно на бесчисленные храмы. Чолула славилась как один из крупнейших религиозных центров Мексики. Это был город паломников, насчитывавший около двадцати тысяч домов. Его сравнивали с мусульманской Меккой и христианским Иерусалимом. Пирамиды Чолулы соперничали

с грандиозными пирамидами Египта. Древние легенды гласили, что здесь некогда царствовал светлый бог Кецалькоатль, в течение двадцати лет обучавший свой народ мудрости и строительному искусству. Ученики его оказались талантливыми. Это они построили грандиозные пирамиды из глины и кирпича (периметр основания самой большой из них вдвое превышал периметр основания пирамиды Хеопса, которая была также и ниже чолульской).

Пирамиды служили подножиями украшенных скульптурами чудесных храмов, где вечно горели священные огни алтарей. Кортес насчитал четыреста храмов, о них он рассказывал в своем втором письме королю. А историк Эррера сообщал, что во всех этих храмах в жертву богам ежегодно приносилось около шести тысяч человек.

Люди Чолулы славились как искусные ремесленники и предприимчивые купцы. Они изготавливали прекрасные ткани из хлопка и волокон агавы, делали великолепную глиняную посуду, не уступавшую лучшим образцам флорентийской керамики, обрабатывали металлы, камень, из которых делали не только прочные орудия труда, но и хрупкие украшения. Чолульцы также были искусными земледельцами. Вокруг их города раскинулась широкая равнина, где на тщательно возделанных и орошенных полях зеленел маис, сочные агавы, ацтекский перец и плантации кактусов, на листьях которых разводили кошениль для добывания красной краски.

Сначала у испанцев всего было вдоволь: их вкусно кормили и поили, щедро одаривали. Но вскоре они заметили, что гостеприимство чолульцев стало ухудшаться. Касики вели себя сдержаннее. Сказавшись больными, они отказались от приема у испанцев, и часто совещались с послами Монтесумы, поведение которых становилось все более высокомерным и вызывающим.

Вскоре испанцы перестали получать съестные припасы. Чолульские касики ссылались на то, что у них якобы иссякли запасы маиса. Чувствовалось, что индейцы что-то замышляют. Тотонаки отправились на разведку. Они обошли весь город и донесли Кортесу, что чолульские женщины с детьми поспешно покидают город, что в главном храме принесены в жертву богам шестеро детей, а мужчинам раздается оружие. Все свидетельствовало о подготовке к большому сражению.

И действительно: Монтесума приказал чолульцам тайно готовиться к нападению и обещал прислать свои войска, чтобы сражение не прекращалось ни днем ни ночью, и длилось бы до тех пор, пока испанцы совсем не обессилят. Были уже приготовлены колья, ремни и ошейники, чтобы покрепче связать пленников и доставить их в Теночтитлан. Касики получили богатые подарки и обещание, что двадцать белых чужеземцев будут в Чолуле принесены в жертву богам.

Случай помог Кортесу подробнее узнать о заговоре. Марине выболтала тайные планы чолульцев пожилая индианка — жена одного из касиков. Она подружилась с Мариной и открыла ей тайну, что близок час уничтожения испанцев: большое войско ацтеков — около двадцати тысяч человек — стоит в лесистых ущельях Чолулы и ждет лишь знака для нападения; на улицах устроены завалы и вырыты ямы, слегка замаскированные снаружи. Проваливаясь в них, лошади чужеземцев будут падать на острые колья. На крышах домов и храмов сложены запасы камней и бревен для метания их на головы испанцев. Гибель белолицых неминуема, пусть же Марина покинет их и ищет убежища у ацтеков.

Умная Марина, убедив старую женщину, что испанцы держат ее в плену силой, осторожно выведала все подробности заговора, и прикинувшись, что собирается последовать ее совету, стала укладывать вещи. Но едва женщина удалилась, Марина немедленно сообщила обо всем Кортесу.

В столь критический момент Кортес действовал очень решительно. Допросив жену касика, а также троих верховных жрецов и добыв у них новые сведения, он собрал военный совет. Узнав о грозящей опасности, офицеры пришли в смятение. Одни из них предлагали немедленно отступить и укрыться в Тласкале; по их мнению, нечего было и думать о походе на Теночтитлан. Другие же предлагали идти в столицу ацтеков кружным путем. Большинство же, как и сам главнокомандующий, считали, что нужно идти только вперед — другого выхода нет. Но прежде всего следует проучить чолульцев: предвосхитить их нападение и устроить кровавую бойню. Враг должен трепетать перед испанцами и сознавать, что их невозможно одолеть ни в открытом бою, ни хитростью, ни коварством.

Пригласив местных касиков, Кортес объявил, что испанцы уже вдоволь нагостились и пришло время собираться в дорогу. (К тому же чолульцы, по его словам, были не слишком гостеприимны.) Итак, испанцы завтра покинут город, и поэтому им нужны две тысячи носильщиков для пушек и другой тяжелой поклажи.

Касики охотно обещали выполнить это требование, считая, что носильщики явятся хорошей подмогой нападающим.

Затем главнокомандующий пригласил к себе послов Монтесумы и сказал им, что раскрыл заговор ацтеков. Он, Кортес, дескать, шел к Монтесуме как к другу, а теперь оказалось, что Монтесума замешан в заговоре. Послы отрицали это, по их словам, виновны были лишь чолульцы.

Кортес притворился, что поверил и рад такому ответу. Коварный дипломат воспользовался случаем, чтобы заверить послов Монтесумы в своей дружбе и сообщить им, что намерен жестоко расправиться с чолульцами, оскорбившими как испанцев, так и самого Монтесуму. Однако он также приставил к послам стражу, чтобы они не могли разгласить намерения испанцев.

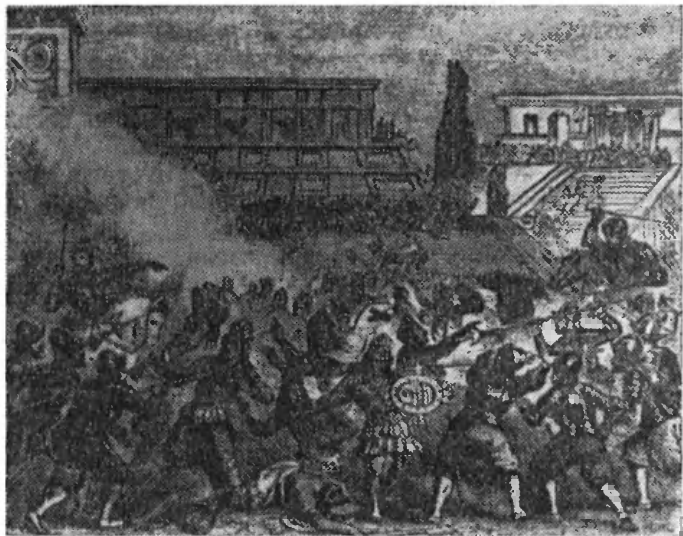
Испанцы бодрствовали всю ночь. Патрули зорко следили за окрестностью, главнокомандующий тоже не сомкнул глаз. Лошади стояли оседланными, оружие было наготове.

На рассвете в стане Кортеса все было готово к бою. Главная часть войска выстроилась на обширном дворе храма, окруженного постройками и высокой стеной. Сильные отряды охраняли трое ворот, ведущих во двор, а пушки были поставлены снаружи, чтобы обстреливать подступы к воротам.

Едва приготовления были закончены, к Кортесу явились касики Чолулы с тремя тысячами носильщиков. Их провели в занятый испанцами двор. Кортес, сидя на коне, гневно обратился к касикам, обвинив их в измене, и заявил, что по испанским законам они подлежат казни.

Чолульцам казалось, что чужеземцы прочли их сокровенные мысли. Они попытались было свалить вину на Монтесуму, но тщетно: раздался выстрел — условный сигнал для начала кровавой расправы.

Пули градом посыпались на людей, растерянно сгрудившихся во дворе храма. Солдаты рубили их

Битва в Чолуле (со старинного рисунка)

мечами, а дорогу к воротам им преградила охрана с длинными копьями. Спастись удалось лишь немногим — тем, кто сумел спрятаться среди груды трупов.

Тем временем другие чолульцы напали на храм снаружи, но под яростным огнем пушек вынуждены были отступить. Лошади топтали людей копытами, а копья всадников завершали кровавое дело.

Услышав сигнал к бою, тласкальцы, как было условлено, обмотали головы пучками камыша, чтобы их можно было отличить от чолульцев, и ударили по своим извечным врагам с тыла, мстя за старые обиды. Сопротивление чолульцев вскоре иссякло, войско Монтесумы не смогло им ничем помочь и поспешно отступило.

Испанцы, тотонаки и тласкальцы носились по улицам города, убивая всех, кто попадался им на пути. Многие воины и жители Чолулы в поисках спасения прятались в домах. Строения были деревянными, и испанцы легко их поджигали. Другие индейцы забаррикадировались в большом храме, с крыши которого бросали в наступавших камни и бревна, а также осыпали их горящими

стрелами, не приносившими, однако, закованным в латы испанцам никакого вреда. Кортес оцепил храм и предложил осажденным сдаться, обещая даровать им жизнь. Однако, по свидетельству хрониста Камарго, это предложение принял лишь один индеец. Остальные, решив, что лучше умереть, нежели сдаться, яростно защищались. Тогда Кортес приказал поджечь храм, и все, находившиеся в нем, сгорели заживо.

Боевой клич испанцев и вопли индейцев сливались с грохотом орудий, треском горящего дерева и гудением пламени. Из рушащихся зданий взлетали вверх тучи искр и горящие головни.

Когда сопротивление чолульцев было подавлено, победители бросились грабить жилые дома и храмы. Они хватали все ценное, что попадалось под руку: утварь, драгоценности, одежду и припасы.

Некоторые историки, как например Эррера, стремясь хоть как-то оправдать злодеяния Кортеса, утверждали, что испанцы якобы щадили женщин и детей, а тласкальцы хватали всех подряд, чтобы потом продать в рабство. Кое-кто из хронистов даже восхваляет Кортеса за его «милосердие», утверждая, что он вовсе не был жестоким, а просто был вынужден уничтожать препятствия на своем пути, но зато те, кто покорялся ему не сопротивляясь, могли рассчитывать на его милость.

Однако гуманный епископ Лас Касас правдиво изобразил эту расправу. По его словам, Кортес приказал посадить на кол сотню касиков для устрашения оставшихся в живых. Во время кровавой бойни в Чолуле погибло свыше шести тысяч жителей, а испанцы все до одного остались живы. Кортес прекратил резню, лишь когда испанцы уже не в силах были держать мечи.

По приказу Кортеса чолульцы понемногу стали возвращаться домой, хоронить убитых и разбирать развалины. Казалось, над городом пронесся огненный смерч. Теперь чолульцы знали, на какую месть способны посланцы белых богов, и дрожали перед ними.

Кортес потребовал от тласкальцев и чолульцев, чтобы они перестали враждовать и торжественно поклялись друг другу, что будут хранить мир и дружбу. Тласкальцам пришлось освободить всех своих военнопленных.

Покидая Чолулу, Кортес намеревался оставить здесь

союзников, которые могли бы в случае необходимости оказать ему поддержку и обеспечить тыл.

Монтесума, узнав о кровавой расправе в Чолуле, пришел в ужас и поспешил заверить испанцев, что он якобы ничего не знал о заговоре: войско ацтеков направлялось в Чолулу для предотвращения возможных беспорядков и не участвовало в кровавой схватке. Повелитель ацтеков чувствовал, что основы его владычества рушатся: несколько городов, узнав о судьбе Чолулы, направили к Кортесу посланцев с богатыми дарами — золотом и рабами. Монтесуме все чаще приходило на ум одно древнее предначертание, гласившее, что наступит день и на ацтеков сойдут гибель и разрушение, страна их будет покорена, разграблена, а люди ее превратятся в рабов.

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Страх и колебания Монтесумы. — Овеянные легендами вулканы. — Испанцы могут подняться даже на огнедышащие вершины. — Волшебный пейзаж. — «Можно ли сопротивляться, если сами боги против нас?» — Посольство ацтеков

На пути к Теночтитлану Кортес, как и прежде, повсюду слышал жалобы на Монтесуму и бесчинства его чиновников. Все встречавшиеся ему племена мечтали сбросить иго ацтеков. Испанцы все более убеждались, что их дерзновенный план — завоевать с горсткой солдат огромную страну — не так уж безрассуден, как казалось вначале. Кортес обещал всем этим племенам поддержку и помощь.

Монтесуму покинуло самообладание. Он отправил к испанцам посольство с богатыми дарами и приглашением прибыть в Теночтитлан, а через некоторое время послал гонцов, которые должны были отменить приглашение и приказать испанцам остановиться. Но и этот приказ был вскоре отменен.

Невзирая ни на запреты, ни на разрешения, Кортес вел свое войско вперед к столице ацтеков. Лишь тото-

наки, испугавшись гнева Монтесумы, попросили позволения вернуться в Семпоалу и получили его.

Путь экспедиции пролегал через плодородные долины с тщательно возделанными полями. Потом снова появились горы. Дойдя до развилки дорог, испанцы увидели на одной из них заграждение из камней и бревен. Ацтеки объяснили, что дорога завалена по приказу Монтесумы, так как она опасна для движения. Однако это наиболее прямой и короткий путь к столице. Кортес приказал расчистить завал и идти по опасной дороге, ибо испанцы, по его словам, готовы преодолеть любые преграды. На самом же деле осторожный командир надеялся таким образом избежать засады.

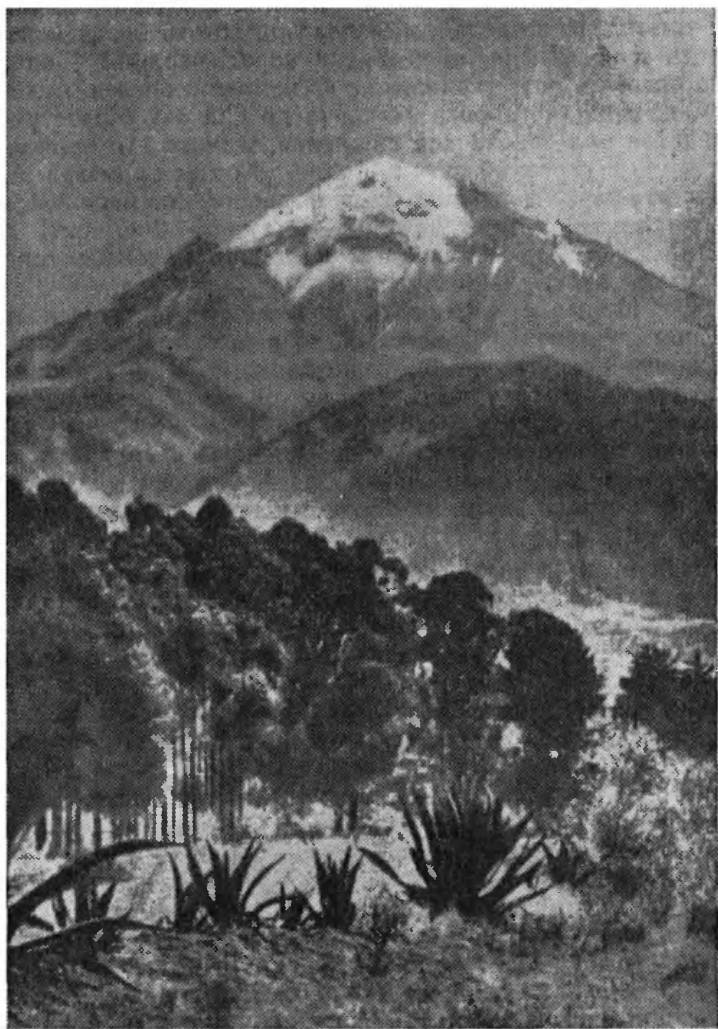
Он приказал соблюдать величайшую осторожность, а сам, деятельный и веселый, то и дело появлялся там, где его присутствие было необходимо, и подбадривал слабых и малодушных. По ночам командующий сам проверял караулы. Однажды это едва не стоило ему жизни: Кортес слишком близко подошел к караульному, тот уже поднял было свой арбалет. Эта так и не выпущенная стрела могла на какое-то время отдалить гибель Теночтитлана.

Чем выше в горы поднимались испанцы, тем суровее и пустынное становилась местность, тем студенее становились ветры, дувшие с покрытых вечным снегом гор.

Вскоре испанцы оказались меж двух горных вершин — действующим вулканом Попокатепетлем (Дымящая гора) и потухшим вулканом Икстаксиуатлем (Белая женщина). Обе вершины были покрыты снегом и окутаны облаками. Над высоким кратером Попокатепетля стоял густой столб дыма, в лучах восходящего солнца казавшийся красным, как кровь. Очертания вулкана Икстаксиуатля напоминали белую женщину, голова которой покоилась в облаках, а волосы раскинулись по склонам. Это впечатление создавали белые отроги гор, покрытые вечными снегами. На самой вершине кряжа ясно обозначался женский профиль — голова и грудь. На рассвете и в часы заката, когда долины лежали в глубокой тьме, спящая женщина казалась парящей в розовом сиянии зари.

Ацтеки считали оба эти вулкана мужем и женой и сложили о них поэтические легенды.

Прекрасная, нежная, робкая дочь повелителя ацтеков

Вершина Попокатепетль — выше пяти тысяч метров над уровнем моря

Икстаксиуатль и храбрейший из воинов Попокатепетль верно и преданно любили друг друга. Прошли годы, отец девушки стал немощен. Враги его, решив, что старого вождя нетрудно будет одолеть, двинулись походом на страну ацтеков.

Собрав своих воинов, старец пообещал тому, кто победит врагов, отдать свою страну и дочь. Отважный Попокатепетль повел воинов в бой. Они сражались не на жизнь, а на смерть, и яростнее всех сражался сам Попокатепетль. Враг не устоял под ударами ацтеков и обратился в бегство. Победа была уже близка, но тут соперники Попокатепетля послали во дворец гонца с ложным известием о гибели молодого героя.

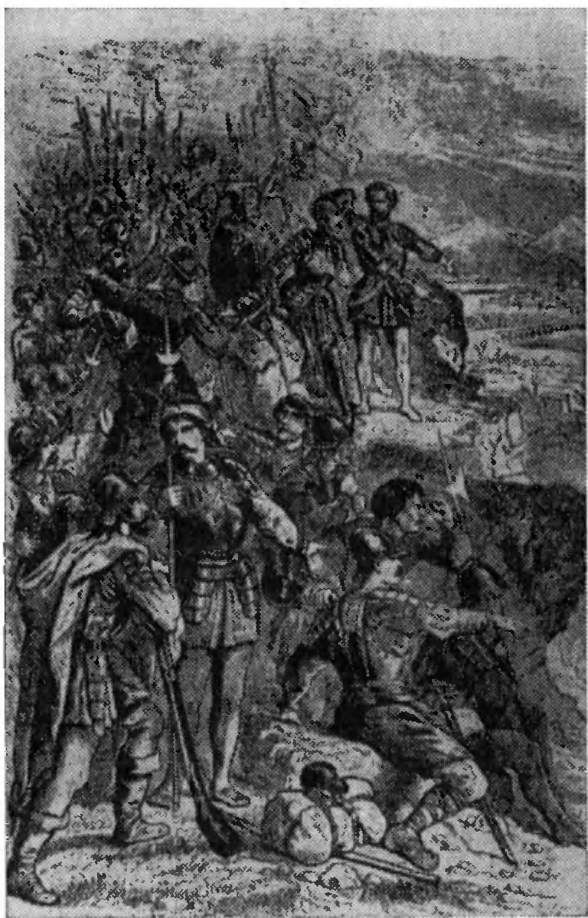
Эта ужасная весть до глубины души потрясла дочь вождя. С горя она заболела и уснула вечным сном.

Вернувшись домой с победой, Попокатепетль узнал о смерти невесты. Тогда он построил огромную пирамиду и положил на ее вершину безжизненное тело своей возлюбленной. Затем рядом с этой пирамидой построил вторую — для себя, и с факелом в руках поднялся на ее вершину, чтобы неугасимое пламя вечно освещало могилу любимой.

Молодых влюбленных укрыли вечные льды и снега, но факел Попокатепетля пылает и поныне...

Несколько испанцев пожелали взобраться на эти вершины, но индейцы утверждали, что человеку такое не под силу: там текут огненные реки, клубятся удушливые газы, падают камни, идет дождь из пепла, и никто еще не возвращался оттуда живым. Кортес горячо поддерживал смельчаков, желая показать индейцам, что для испанцев нет ничего невозможного.

Капитан Ордас, взяв с собою девять солдат и нескольких тласкальцев, начал восхождение на Попокатепетль. Вулкан в это время действовал довольно активно, вершина его дымилась и была окружена заревом. С трудом пробравшись сквозь дремучие леса у подножия вулкана, путники вышли к потокам застывшей лавы. Индейцы, испуганные подземным гулом, покинули испанцев. Вскоре горстка конкистадоров достигла границы вечных снегов. Со всех сторон зияли пропасти, ноги скользили по льду, иссеченному глубокими трещинами; на большой высоте не хватало воздуха, кружилась голова. Однако испанцы продолжали взбираться все выше и выше, пока

*Кортес показывает конкистадорам столицу ацтеков
(со старинного рисунка)*

не оказались вблизи кратера вулкана. Здесь, в облаках газа и пепла, низвергавшихся сверху, смельчаки едва не задохнулись и не ослепли. Им пришлось отказаться от намерения добраться до самого кратера. К великому удивлению индейцев, они вернулись в долину невредимыми, принеся с собой несколько больших кусков льда.

Ордас был первым испанцем, поднявшимся на Попокатепетль, за что впоследствии получил право вписать в свой герб изображение этого вулкана.

Переход через горы на пути в Теночтитлан был очень тяжелым. Из ущелий налетали резкие, холодные ветры со снегом и градом, причиняя испанцам более жестокие страдания, чем тласкальцам, с детства привыкшим к суровому климату гор. К счастью, конкистадоры находили себе убежища в удобных строениях на краю дороги. То были гостиницы для торговцев, гонцов и военных отрядов, построенные ацтеками на важнейших магистралях страны.

Наконец испанцы достигли перевала, и тут перед ними открылась картина, повергшая их в немой восторг и изумление: в предутреннем тумане внизу расстиралась огромная, прекрасная Мексиканская долина.

Туман постепенно рассеялся, и под лучами солнца засверкала зеркальная гладь озер Чалько, Шочимилко и Тескоко. По всей долине зеленели густые массивы дубовых, кипарисовых и кедровых лесов и рощи смоковниц, за ними расстилались необозримые майсовые поля и цветущие сады. Темное кольцо скалистых гор обрамляло эту чудесную долину, словно оправа — драгоценный изумруд. В голубых водах озер отражались многочисленные города и селения, прекраснейшим из них была столица Мексики Теночтитлан — раскинувшийся на островах город с несметным количеством дворцов, храмов и белых башен — прославленная «ацтекская Венеция».

Зачарованные испанцы в первое мгновение даже усомнились: а вдруг это мираж, который исчезнет, лишь только они приблизятся к прекрасной долине. Увиденное ими походило на фантастическую картину из рыцарских романов, возникшую по мановению жезла могущественного волшебника. Конкистадоры понимали, что они вступают в страну чудес и что никому больше не суждено будет открыть такое сказочное царство!

По свидетельству хрониста Торкемады, из уст их вырвались восхищенные возгласы: «Вот она, земля обетованная!».

Прескотт замечает, что полководец Карфагена Ганнибал во время одной из пунических войн с Римом после тяжелого перехода через Альпы точно так же взирал со

своими войнами на чудесные низменности Италии, где карфагенян ожидала богатая добыча.

Многие из испанцев, хорошо понимая, как велика мощь этой страны, какое огромное войско может выставить против них Монтесума, потребовали возвращения в Веракрус. Но командующий и думать не хотел об отступлении. Желанная цель была близка!

По словам Гомары и Овьедо, Кортес был готов, словно орел, ринуться с гор на добычу и не скупился ни на заманчивые обещания, ни на угрозы, уговаривая конкистадоров без промедления следовать за ним.

Испанцы двинулись вперед. Оказалось, что даже в селениях этой долины индейцы жалуются на гнет и несправедливость Монтесумы. Это недовольство было ярким свидетельством того, что государство ацтеков раздирают глубокие противоречия и долго сдерживаемая ненависть может внезапно вырваться наружу, подобно лаве во время извержения вулкана.

И снова Монтесума отправил к испанцам послов с просьбой повернуть обратно. По свидетельству Клавигеро, он обещал за это наградить Кортеса четырьмя мерами (около восьмидесяти килограммов) золота, а каждого из его капитанов — одной мерой. Он обязался также ежегодно выплачивать испанскому королю дань, какую тот пожелает. Монтесума предостерегал чужеземцев, что в городе не хватит для них съестных припасов и что ацтеки готовы взяться за оружие.

Ответ Кортеса был краток: Монтесума слишком великий монарх, чтобы так часто менять свои решения; он также слишком мудр, чтобы не понять, как разгневается испанский король, если не будет выполнен его приказ — побывать у повелителя ацтеков; в любой миг, по первому же приказу Монтесумы испанцы будут готовы покинуть столицу, к тому же они не столь изнежены, чтобы беспокоиться о съестных припасах.

Монтесуму сковал страх, ведь белолицые чужеземцы вплотную подошли уже к столице. Он заперся в своем дворце, отказался от пищи, погрузился в молитвы и приносил бесчисленные жертвы богам, но так и не смог найти никакого выхода. Тогда он созвал военный совет. Там племянник Монтесумы Какамацин — повелитель второго по величине города Мексики Тескоко, до сих пор выступавший за вооруженное нападе-

Властелин ацтеков — Монтесума (с испанского портрета XVI века)

ние на испанцев, предложил встретить их с почетом как представителей могущественного государства; другой же племянник Монтесумы — Куаутемок и брат повелителя Куитлауак настаивали на том, что надо собрать войско, изгнать испанцев или же героически погибнуть, защищая родную землю.

*Процессия именитых сановников оказывает почести
Монтесуме (со старинного рисунка)*

Монтесума снова направил к Кортесу посольство, на сей раз с приглашением посетить Теночтитлан.

Огромные массы туземцев, желая взглянуть на невиданных чужеземцев, теснились на обочинах дорог, по которым шагали конкистадоры. Некоторые даже пытались ночью проникнуть в места ночлега испанцев, но зоркая стража убила не один десяток любопытных.

И снова в лагерь испанцев прибыли посланцы ацтеков, возглавляемые племянником Монтесумы Какамацином. Этого двадцатилетнего юношу несли восемь вельмож, паланкин был изукрашен золотом и драгоценными камнями, а балдахин соткан из зеленых перьев. Юношу сопровождала огромная свита — свыше тысячи сановников в белых длинных мантиях, украшенных пучками перьев. Какамацин низко склонился перед Кортесом и, правой рукой коснувшись земли, а потом головы, вручил капитан-генералу подарок Монтесумы — три огромные жемчужины.

В ответ Кортес одарил Какамацина ожерельем из шлифованного стекла. Юноша произвел на испанцев большое впечатление. Берналь Диас с удивлением заметил:

— Если таков племянник Монтесумы, каков же он сам!

Какамацин, по словам Гомары, внимательно присматривался к испанцам и вскоре убедился, что они отнюдь

не боги и не посланцы богов, а такие же смертные люди, как ацтеки, только белокожие и хорошо вооруженные. Нужно было начать с ними борьбу еще на побережье, чтобы опрокинуть их в море, но теперь было поздно размышлять, — сам Монтесума приказал сопровождать гостей в столицу.

Испанское войско продолжало свой путь к южному берегу озера Чалько сквозь тенистые леса и фруктовые сады, деревья которых гнулись под тяжестью тропических плодов. На пути все чаще встречались плодородные, хорошо возделанные и орошенные поля.

Вскоре испанцы достигли длинной дамбы, пересекавшей озеро. Сложенная из песка, дерева, извести и камней, она была так широка, что по ней могли ехать рядом восемь всадников. Однако продвижению испанцев мешала масса любопытных, толпившихся на дамбе. По озеру сновали бесчисленные пироги, которые Берналь Диас сравнил со стаями лесных лебедей, скользящих по волнам. Историк Эррера рассказывает, что для доставки в столицу продовольствия ацтеки использовали пятьдесят тысяч пирог.

Кортес с тревогой следил за тем, чтобы колонна его воинов не слишком растянулась и не смешалась с толпой, а то в случае нападения невозможно станет обороняться.

Вскоре испанцы достигли живописного города Истапалапана, где радовали взор великолепные сады, роскошные дворцы, каналы и искусственные бассейны. В нем было двенадцать — пятнадцать тысяч домов, многие из которых не уступали лучшим зданиям Испании. Они были сложены из камня, потолки покрыты благовонным кедровым деревом, а стены пестрыми тканями. Правитель города, брат Монтесумы Куитлауак, оказал гостям торжественный прием.

ХИТРОСТЬ И КОВАРСТВО

Прибытие в прекрасную столицу ацтеков. — Торжественная встреча. — Радующие Монтесумы. — «Будьте как дома у своих братьев!» — Конкистадоры — потомки Кецалькоатля. — «...есть лишь один истинный бог!..» — В храме бога войны. — Человеческие жертвоприношения

Переночевав в Истапалапане, где ему был оказан царский прием, Кортес со своим войском ранним утром 8 ноября 1519 года выступил по направлению к Теночтитлану.

Сквозь белесый туман, окутывавший озеро, мерцали лишь священные огни алтарей бесчисленных храмов, пока, наконец, солнце не рассеяло туман и перед взорами испанцев не возник во всей своей красе так привлекавший их город.

По словам хрониста Берналя Диаса, перед ними словно ожила сказочная картина из рыцарского романа Амадиса Галлийского. Эта книга, как и другие описания рыцарских приключений, пользовалась в то время в Испании большой популярностью; подобные сочинения были так переполнены всяческими небылицами, что великому Сервантесу вскоре довелось высмеять их в своем «Дон Кихоте». Однако все эти вымышленные приключения и картины вряд ли могли состязаться с истинными приключениями конкистадоров и с грандиозной картиной, которая в то утро предстала перед ними.

Воинам казалось, что они уже владеют этой страной и ее богатыми городами. Их прежние опасения развеялись как утренний туман. Они были готовы ко всему и уверенно шагали навстречу близкой победе.

Кортес с горсткой кавалеристов ехал во главе колонны. За ними следовали пехота, загоревшая под

Встреча двух миров, двух цивилизаций (со старинного рисунка)

лучами тропического солнца, и индейцы с поклажей. Колонну замыкали воины-тласкальцы. Всего было около семи тысяч человек, из них испанцев — немногим более четырехсот.

«А мы — кучка из четырехсот пятидесяти человек, затерянные среди этого моря чужих народов!.. Да, были ли когда-нибудь мужи, бросившиеся столь же отважно в подобную авантюру!» — писал старый солдат Берналь Диас.

Некоторое время колонна двигалась по перешейку, отделявшему озеро Тескоко от озера Шочимилко, затем она свернула на широкую, прямую, как стрела, дамбу длиной в несколько миль, которая вела через соленые воды Тескоко прямо к воротам Теночтитлана и там переходила в основную магистраль столицы.

В город вели еще две такие же дамбы, перегороженные укреплениями — стенами с воротами и подъемными мостами. По обе стороны дамб над водой возвышались

небольшие города и селения на сваях, плавучие сады на плотках, покрытых тонким слоем почвы.

Когда испанцы подошли к месту скрещения главной дамбы с меньшей, где в полулиге от города находились укрепления Холоки — каменные стены и башни, сыгравшие впоследствии большую роль в сражениях, путь им преградила огромная процессия: то были ацтекские сановники, вышедшие из города навстречу испанцам. Историк Саагун подробно описывает их роскошные одежды: хлопчатобумажные пояса на бедрах, ниспадающие до пят плащи, украшенные яркими перьями, ожерелья и браслеты из бирюзы и перьев; уши, нижнюю губу, а у некоторых и нос украшали драгоценные камни или тонкие золотые полумесяцы.

В почтительном безмолвии вельможи приблизились к испанцам, приветствовали Кортеса и сообщили ему, что сам Монтесума вышел навстречу гостям.

Вскоре показалось двести служителей в одинаковых одеждах, украшенных пучками перьев. Они шли по двое и, поравнявшись с испанцами, остановились по обе стороны дамбы. Посреди этого почетного караула четверо самых знатных ацтеков в сопровождении блестящей свиты, медленно ступая босыми ногами, несли на плечах золотой паланкин, где восседал повелитель ацтеков Монтесума; другие же сановники держали над его головой балдахин из ярких зеленых перьев.

Впереди этой торжественной процессии, по свидетельству Суасо, двигались трое знатных сановников с золотыми жезлами в руках, которые они то и дело поднимали вверх. По этому знаку простые люди падали ниц и закрывали лица руками, чтобы не осквернить своим взглядом повелителя. Никто, кроме четырех вельмож — ближайших родственников Монтесумы, не смел смотреть ему в глаза, все встречали его, опустив голову.

Как только торжественная процессия приблизилась, Кортес соскочил с коня, бросил поводья пажу и поспешил навстречу Монтесуме, который, увидев испанского главнокомандующего, в свою очередь сошел с паланкина и, опираясь на плечи своего брата Куитлауака и племянника Какамацина — правителей Истапалапана и Тескоко, — величественной походкой медленно двинулся навстречу испанцу. Свита расстилала перед

властелином драгоценные ткани, чтоб не касалась земли его стопа.

Кортес приветствовал Монтесуму глубоким поклоном. Повелитель ацтеков ответил на это приветствие, коснувшись рукой земли и затем поцеловав свою руку. В стране ацтеков этот жест являлся выражением самого большого почтения.

Ацтеки в немом молчании, взирали на церемонию, решив, должно быть, что перед ними и впрямь не люди, а боги, раз сам повелитель относится к ним с таким благоговением.

На шее у Кортеса поверх доспехов висело ожерелье из граненого стекла, которое он собирался преподнести Монтесуме. После приветствий командир конкистадоров надел это ожерелье на шею сверкавшего драгоценностями Монтесумы и хотел было обнять его, но приближенные не позволили: объятие могло осквернить их властелина. Этот эпизод ярко описан самим Кортесом в его втором письме к королю.

По свидетельству Берналя Диаса, Гомары, Овьедо и других хронистов, Монтесума был сорокалетним мужчиной среднего роста, худощавым, величественного вида, с гладкой черной шевелюрой, редкой бородкой и сверкающими глазами. На плечи его был накинут нарядный плащ из хлопчатобумажной ткани, украшенный золотом, жемчугом и несметным количеством драгоценных камней, среди которых были крупные изумруды и зеленые чальчивитли (нефриты), ценившиеся у ацтеков выше всего. Голову Монтесумы венчал высокий убор из ярких зеленых перьев — символ военной славы властелина, а к ступням ремнями с золотыми пряжками были прикреплены сандалии — толстые золотые пластины, усеянные жемчугом.

Монтесума поручил своему брату сопровождать испанцев до столицы, сам же снова сел в паланкин и отбыл в сопровождении свиты.

С развевающимися знаменами, под звуки труб конкистадоры вступили в Теночтитлан. Ацтеки толпами стояли на улицах, площадях и дамбах, теснились на крышах и балконах домов, на плотках и в пирогах. Берналь Диас в своих воспоминаниях писал: «И сейчас я вижу перед собой всю эту величественную картину так ясно, будто она происходила лишь вчера!».

Вступление конкистадоров в Теночтитлан (со старинного рисунка)

Эти массы ацтеков внушали конкистадорам страх — то были люди, слепо подчинявшиеся Монтесуме, готовые по первому его зову взяться за оружие.

А что же испытывали ацтеки, глядя на пришельцев в сверкающих доспехах с оружием из блестящего, не известного им металла, слыша громкие звуки труб и стук копыт невиданных чудовищ — лошадей? Наверное, тот же страх, благоговение и восхищение, какие сами они вызывали у конкистадоров.

Здесь повстречались два мира, две эпохи, две культуры и цивилизации, и пока еще никто не предполагал, в какое страшное побоище выльется эта встреча, какие бедствия и разрушения принесет она стране ацтеков...

Ацтеки бросали угрюмые, враждебные взгляды на своих

Теночтитлан (фрагмент стенной росписи Диего Риверы)

злейших врагов тласкальцев, которые вступили в Теночтитлан как победители, вызываяще поглядывая вокруг и в то же время не переставая дивиться невиданному великолепию города.

Каменные дома Теночтитлана с их плоскими крышами напоминали крепости. Город пересекали бесчисленные каналы с подъемными мостами. Было ясно, что в уличных боях ацтеки смогут отрезать испанцам все пути к отступлению, окружить их и уничтожить, или же уморить голодом.

«Наше ничтожество сознавалось нами все сильнее, но сильнее же мы вознадеялись на мощь и помощь Христа», — отмечает хронист.

В Теночтитлане, согласно описаниям того времени, было от двадцати до шестидесяти тысяч домов, а также большое количество храмов и дворцов. Таких больших городов и таких роскошных зданий испанцы еще не встречали в Новом Свете.

Одноэтажные и двухэтажные дома были сложены из красного пористого камня или кирпича-сырца и украшены белыми гипсовыми барельефами. На плоских крышах за каменными перилами росли цветы. Дома, в каж-

дом из которых проживало до двухсот человек, окружали роскошные сады. А бедняки ютились в тростниковых и глинобитных хижинах. Там и тут расстилались обширные площади, высоко вздымались пирамиды огромных храмов с остроконечными башнями и алтарями.

Для испанцев и сопровождающих их тласкальцев был отведен громадный дворец покойного отца Монтесумы Аксаякатля, состоявший из множества построек, дворов, каменных стен и башен. По свидетельству Диаса и Кортеса, там легко разместилась армия испанцев и их союзников.

На пороге дворца чужеземцев встречал сам Монтесума. Вынув из сосуда тяжелое золотое ожерелье, состоявшее из звеньев редкой красоты, изображавших рака, он собственноручно надел его на Кортеса, и ацтеки вновь подивились неслыханной чести, оказываемой их властелином чужеземцу.

Помещения, предназначенные для воинов, были очень удобны. Каждый получил мягкий матрац, подушку и одеяло. По словам хрониста, они спали, как принцы. Гостям были предоставлены большие запасы продовольствия.

Пожелав гостям хорошего отдыха и попросив их чувствовать себя как дома, у своих братьев, Монтесума удалился.

Кортес прежде всего осмотрел все помещения и приказал превратить дворец в крепость. Сделать это не составляло труда: дворец был обнесен стеной с башнями, а плоские крыши строений — каменными барьерами. Дворец, предоставленный испанцам, был расположен в самом центре столицы, возле большой площади напротив огромного храма, выстроенного в честь бога войны.

Главнокомандующий по своему обыкновению установил у всех ворот и дверей надежную стражу с мушкетами и пушками и приказал проявлять величайшую бдительность. Понимая, как важно для маленького гарнизона сохранять добрые отношения с населением и избегать случайных стычек, Кортес объявил, что за самовольные отлучки будет карать смертной казнью.

Лишь после этих мер было разрешено сесть за праздничные столы. Белолицых гостей обслуживали многочисленные рабы, отданные в их полное распоряжение.

Вблизи находился дворец Монтесумы, и вечером того же дня вождь ацтеков в сопровождении роскошной свиты вновь навестил Кортеса.

Главкомандующий почтительно встретил властелина и провел его в один из залов.

После сердечного приветствия Монтесума, как передает Берналь Диас, произнес торжественную речь, поставившись прежде всего опровергнуть нелепые слухи, которые Кортес, дескать, мог слышать о нем.

— Одни будут тебе говорить, что я бессмертный бог, другие постараются очернить меня, изобразив высокомерным и жестоким правителем... Но оба этих утверждения одинаково далеки от истины. Я не бог и не обитаю в золотом или серебряном дворце. Мой дом хоть и просторен, но, как у всех, построен из камня и дерева; и вы сами видите, что тело мое состоит из той же плоти и костей, что и ваше.

Так Монтесума пытался убедить чужеземца в том, что он — простой смертный и не так уж богат и могуществен, как об этом говорят некоторые касики. Потом он попытался убедить гостей в том, что слухи о притеснениях и насилии тоже якобы не имеют под собой никакой почвы.

Наконец Монтесума высказал свои взгляды на происхождение испанцев и цель их прибытия:

— Мы знаем из старинных легенд, с незапамятных времен и до наших дней передаваемых из поколения в поколение, что предки наши прибыли сюда из дальних стран и завоевали землю, которой я правлю. Их вождем был великий Кецалькоатль. Основав ацтекское государство, он покинул эту землю и отправился в страну, где восходит солнце. Уходя, он объявил, что настанет день, когда потомки его вернутся и отменят все законы и порядок нашего государства. Из всего того, что я слышал до вашего прихода и вижу теперь сам, мне стало ясно, что вы и есть те самые потомки великого Кецалькоатля. Поэтому я принял вас не как чужеземцев, а как кровных сородичей, братьев по племени. Хочу, чтобы и вы сообщили мне волю вашего государя — великого

повелителя страны восходящего солнца, его воля станет для нас священным и непреложным законом.

Кортес, впоследствии изложивший эту беседу в письме к королю Испании, обрадовался словам Монтесумы и не только не постарался разубедить его, а наоборот, подтвердил правильность его взглядов.

Монтесума объяснил также, почему он так долго не разрешал чужестранцам посетить его столицу: до него, дескать, дошли недобрые слухи, будто пришельцы убивают людей громом и молнией, топчут их ногами своих страшных чудовищ. Теперь же он убедился, что испанцы — добрые и великодушные люди, что они хоть и смертны, но мудрее и отважнее ацтеков.

Властелин пообещал испанцам по-братски поделиться с ними своим богатством и исполнить их волю, признав над собой власть заморского государства. Он приказал одарить всех испанцев ценными тканями и золотом, так что даже на каждого воина пришлось по две золотых цепи. О необыкновенной щедрости Монтесумы свидетельствуют все историки того времени: Эррера, Гомара и Овьедо, а также Берналь Диас и, конечно, сам Кортес. Весь лагерь только и говорил о радушии, прекрасных манерах и щедрости повелителя ацтеков.

Монтесума подробно расспросил Кортеса об Испании, ее государе, законах и особенно о цели прибытия испанцев в его страну.

Кортес ответил, что испанцы давно стремились навесить могущественного повелителя ацтеков и обратить его в истинную христианскую веру. Монтесума спросил еще, не были ли испанцами люди, высадившиеся в прошлом году в Табаско, о чем сообщили разведчики, не состоят ли они тоже в родстве с испанским королем.

Кортес ответил, что все высадившиеся здесь — братья друг другу и подданные своего государя, причем происхождение у них самое знатное. А их государь Карлос — могущественнейший монарх на свете.

Вечером испанцы устроили шумный пир и произвели артиллерийский салют. Грохот пушек слышался по всему городу, а меж стен дворца вспыхивали языки пламени. Дым валил как при извержении вулкана.

Ацтеки дрожали в суеверном страхе: грозные чужеземцы, об ужасных делах которых все уже были наслы-

Беседа Кортеса с Монтесумой (из старинной мексиканской рукописи)

шаны, теперь находились в самом городе вместе со своим страшным оружием. Кортес всячески старался усилить этот страх и убедить ацтеков в сверхъестественной силе испанцев.

На следующий день главнокомандующий, взяв с собой четырех офицеров — Альварадо, Сандовалья, Веласкеса и Ордаса, а также нескольких воинов, отдал визит Монтесуме. Дворец повелителя ацтеков был так велик, что, по словам конкистадоров, на его плоской крыше можно было устроить турнир для тридцати рыцарей по всем правилам военного искусства. В его многочисленных дворах били прозрачные фонтаны. Вода, поступавшая по акведуку из водохранилища на склонах Чапультепека (по-ацтекски Гора кузнечиков), наполняла свыше сотни бассейнов этого грандиозного дворца. Этой же водой снабжался весь город. В местах, где акведук пересекал мосты, в нем были отверстия, из которых заполняли питьевой водой лодки, стоявшие внизу, а затем воду развозили по всему городу. На улицах было очень чисто — тысячи специальных смотрителей подметали их и поливали водой.

В залах дворца Монтесумы, на стенах, сложенных из

благовонных пород дерева, висели драгоценные ткани, не уступавшие красотой прославленным фландрским гобеленам, звериные шкуры и великолепные украшения из птичьих перьев, изображавшие птиц, насекомых и цветы. Полы были покрыты циновками из пальмовых листьев, над жаровнями вился дымок благовонных курений. Испанцы, по словам хронистов, подробно описавших все это великолепие, едва могли поверить, что находятся в Новом Свете, в гостях у вождя варваров, а не в роскошном дворце утонченного восточного деспота.

Монтесума приветливо встретил Кортеса и его спутников и усадил их рядом с собой, к великому удивлению своих сановников, привыкших к рабской покорности. За исключением ближайших родственников Монтесумы, придворным полагалось стоять перед ним босыми, в простых грубых одеяниях, с низко склоненными головами.

Монтесума подробно расспрашивал Кортеса о странах и народах Европы, об их образе жизни, нравах и обычаях. Кортес же старался перевести разговор на религиозную тему.

— Великий государь земли восходящего солнца, чьим покорным слугой я являюсь, — говорил Кортес, — имеет законное право на все твои земли, но он пребывает вдали отсюда и не желает использовать свое право. Он ничего не требует от тебя и твоего народа, лишь чтобы вы для своей же пользы отказались от заблуждений и обратились к истинной вере, проповедывать которую он нас и прислал. Так знайте же, что ваша вера ложна, вы поклоняетесь мертвым изваяниям, сделанным руками человека, хотя ваши жрецы приписывают им божественные свойства, все эти идолы — дьявол в различных его ипостасях, и дьявол этот требует человеческих жертвоприношений. Он погубит тебя и твой народ, государь, и обречет твою душу на вечные муки. Есть только один единственный бог — создатель всего сущего. С чувством братской любви мой государь и повелитель призывает тебя и твой народ признать этого истинного бога и поклоняться ему. Мой государь хочет заключить с вами, для вашего же благополучия, вечный союз и дружбу.

Кортес попытался также в своей речи изложить основы христианского учения, и Марина, в меру своего

разумения, перевела его слова, однако хронист замечает, что эта прекрасная речь из-за наивного перевода потеряла свою убедительность и что темному уму варвара не было дано постичь великое учение Христа.

Монтесума не мог спокойно слушать Кортеса, поносившего его богов, и ответил ему, что готов заключить с потомками Кецалькоатля договор о дружбе, но пусть каждый народ поклоняется своим исконным богам. Боги ацтеков для него священны, они всегда были добры к его народу и не раз даровали ему победу над врагами и богатый урожай на полях.

Прошло целых четыре дня после прибытия испанцев в Теночтитлан, но Кортес все еще не наметил определенного плана действий. Он попросил у Монтесумы разрешения посетить храмы, рынок и несколько наиболее высоких точек столицы: ему хотелось с высоты птичьего полета обозреть все пространство, где вскоре должны будут развернуться бои. Ведь конкистадоры пришли сюда не для мирной жизни и развлечений, а для кровавой расправы над туземцами.

Повелитель ацтеков не отказал ему в просьбе и даже сам отправился в главный храм, чтобы показать его чужеземцам. Взяв с собою отряд воинов Кортес последовал за касиками. Сначала они посетили большую рыночную площадь Тлателолко в западном районе города. Здесь, по подсчетам испанцев, в рыночные дни собиралось не менее сорока тысяч человек (по свидетельству Суасо, даже до восьмидесяти тысяч) и продавалось огромное количество товаров.

Историк Клавигеро сообщает, что рыночная площадь была втрое больше площади в знаменитом испанском городе Саламанке. Свои товары здесь продавали люди, прибывшие со всех концов страны, — горшечники и ювелиры, рыбаки и земледельцы, охотники и садоводы, плетельщики корзин и столяры, ткачи и золотых дел мастера, живописцы и каменотесы, пекари и оружейники и многие другие искусные мастера.

То здесь, то там свое искусство демонстрировали жонглеры и акробаты. Эти чудесные артисты были такие ловкие и проворные, что Кортес потом отослал некоторых из них в подарок Папе Римскому.

На рыночной площади находилось здание, где вершили суд над преступниками и тут же приводили приго-

Ворота храма Уицилопочтли (со старинного рисунка)

вор в исполнение. На площади работали цирюльники, которые бритвами из обсидиана брили редкие бороды индейцев.

Осмотрев рынок, испанцы направились к храму бога войны Уицилопочтли, находившемуся неподалеку. Храм этот представлял собой гигантскую усеченную пирамиду, точнее, пять усеченных пирамид, поставленных уступами друг на друга. Он был настоящей крепостью, окруженной высокой каменной стеной с четырьмя воротами. В обширном дворе стояли еще два десятка храмов. Тут же были размещены десять тысяч ацтекских воинов — гарнизон столицы, и над каждым воротами крепости в особом помещении хранилось большое количество оружия.

На вершину храма, находившуюся на высоте тридцати пяти метров, вела грандиозная лестница в сто сорок четыре ступени, состоявшая из пяти пролетов.

Поднявшись на один пролет, надо было по плоской террасе обогнуть пирамиду, чтобы попасть на следующий пролет лестницы. Таким образом, процессия, поднимающаяся на вершину пирамиды, должна была обойти вокруг нее четыре раза.

Наверху испанцев встретил сам Монтесума, которого возносили на вершину в паланкине. А когда и Кортесу предложили сесть в паланкин, он с гордостью отклонил такую честь, сказав, что испанцы не ведают усталости и для них взобраться на такую высоту не представляет никакого труда.

С вершины пирамиды перед Кортесом открылась грандиозная панорама — город на острове посреди озера Тескоко в обрамлении горных цепей, многочисленные храмы, дома, каналы и дамбы. Отсюда Теночтитлан казался огромной крепостью, которую невозможно захватить извне.

На вершине пирамиды, посреди мощенной камнем площадки, находился жертвенник, а по бокам его две трехэтажные башни-святилища, перед которыми на алтаре горел священный огонь ацтеков. В храме находился огромный барабан змеиной кожи. Его удары сзывали народ на жертвоприношение и были сигналом тревоги при нападении врага.

Кортес попросил разрешения посмотреть ацтекских богов в их святилищах. Монтесума сам провел испанцев в священнейшее место ацтеков — к идолу бога войны Уицилопочтли. Тело этого огромного истукана было покрыто золотом, обвито змеей из жемчуга и драгоценных камней, украшено цепями из золотых, серебряных сердец и черепов. В руках идол держал лук и стрелы. На алтаре, стоявшем перед ним, лежали на золотом блюде три только что вырванных человеческих сердца: кровавый бог, по представлениям ацтеков, требовал постоянных жертвоприношений, и жрецы приносили ему в дар военнопленных, рабов и людей покоренных племен. Чтобы добыть как можно больше жертв, ацтеки часто устраивали военные набеги на соседние племена.

Если же войн долго не было и пленных не хватало, жрецы докладывали верховному вождю, что боги голодают. Тогда по приказу вождя по всей стране передавалась весть, что боги жаждут угощения, и эта весть становилась сигналом к новой войне.

Жертвы добывались и иным способом: ежегодно в уловленном месте устраивались поединки ацтеков и воинов из покоренных племен, где боролись врукопашную, безо всякого оружия. Победжденных брали в плен, отправляли в храмы и приносили в жертву богам.

В древности многие народы мира совершали человеческие жертвоприношения. Не были исключением и ацтеки. Но религиозные ритуалы ацтеков казались варварскими по сравнению с высокой культурой этого народа, о которой свидетельствовали их города, крепости, мосты, оросительные системы, плавающие сады, прекрасные дороги, развитые ремесла и торговля, централизованное управление государством. Многочисленные жрецы обладали огромной властью, а повелитель ацтеков одновременно являлся и верховным жрецом.

Храм и идол Уицилопочтли внушали испанцам страх. Конкистадоры понимали, что в случае поражения и они окажутся на этом жертвенном камне. Жрецы со свирепыми лицами, в темных окровавленных одеяниях казались испанцам настоящими слугами дьявола, а сами ацтеки — диким варварским племенем. У подножия пирамиды испанцы увидели гору человеческих черепов, аккуратно нанизанных на деревянные подставки. Этот ужасающий памятник был подобен огромной лестнице. По утверждению хрониста, здесь находилось сто тридцать шесть тысяч черепов. Все это свидетельствовало о необыкновенной жестокости ацтекской религии.

Но разве проповедники христианства пролили меньше крови? Разве их религия была милосерднее? Несчетное множество людей во всем мире было сожжено на кострах во имя милосердного христианского бога, тысячи тысяч погибли в застенках святой инквизиции, многие были заживо замурованы в стенах монастырей да к тому же подвергались унижению, объявлялись еретиками, которым нет и не будет спасения и которые даже после позорной смерти обречены на вечные муки. Между тем у ацтеков ритуал жертвоприношения не только не унижал, а наоборот, возвышал жертву: согласно их верованиям, жертва, подобно павшему в бою воину, сразу же возносилась к сверкающим чертогам солнца...

Осматривая храм Уицилопочтли, главнокомандующий и его спутники не могли удержаться от насмешливых замечаний в адрес страшного идола. Как рассказывает

хронист, они громко смеялись, хотя только что обещали Монтесуме не позволять себе ничего неподобающего в священном для ацтеков месте.

Выйдя из храма, Кортес снова начал убеждать Монтесуму, чтобы тот разрешил поставить на вершине храма крест и алтарь. Ему, дескать, непонятно, как может славный и мудрый властелин верить в дьяволов. Христианский крест вмиг низвергнет всех этих языческих идолов с их пьедесталов.

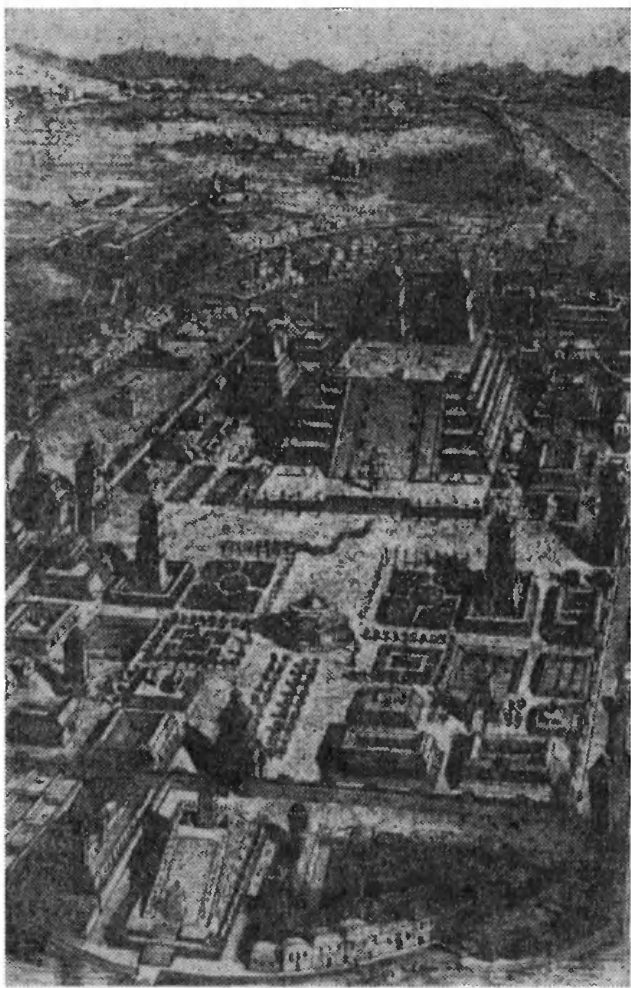
Повелитель ацтеков выслушал Кортеса с большим неудовольствием и заметил, что в этом священном месте гостям следовало бы вести себя более пристойно — и не осмеивать богов. Пусть, дескать, испанцы возвращаются на свои квартиры, он же останется в храме вымаливать у богов прощение за свою чрезмерную терпимость и за то, что он дозволил испанцам осквернить святыню. Хотя оружие чужеземцев и приводило Монтесуму в трепет, он не мог разрешить им поносить богов и осквернять храмы.

ДЕРЗКИЙ ПЛАН АВАНТЮРИСТОВ

Картина из «Тысячи и одной ночи». — Дьявольский план. — Стычка ацтеков с гарнизоном Веракруса. — Визит предателей. — «Прикончим его на месте!» — Монтесума в плену

Убедившись в том, что ацтеки не собираются принимать христианство и не позволят превратить свои храмы в католические церкви, испанцы решили устроить часовню в одном из залов своего дворца. Во время этой перестройки они нечаянно обнаружили должно быть совсем недавно замурованную в стене дверь. Конкистадоры слышали уже о том, что Монтесума в этом древнем дворце якобы тайно хранит сокровища своего отца. Отослав прочь ацтекских мастеровых, испанцы взломали дверь и убедились, что слухи соответствовали истине.

В большом зале хранились несметные сокровища — роскошные ткани, плащи из ярких перьев колибри, укра-

Центральная часть Теночтитлана (реконструкция)

шенные крупными жемчужинами, блюда, наполненные драгоценными камнями, чудесные ювелирные изделия, золото и серебро в виде пластин, слитков, самородков, песка, ожерелий и браслетов.

Казалось, перед испанцами отверзлась пещера Алла-

дина из «Тысячи и одной ночи». «Я в то время был еще молодым, — пишет в своих воспоминаниях Диас, которому тоже посчастливилось увидеть этот тайник, — и мне показалось, что здесь, в этом зале, собраны сокровища всего мира».

Кортес приказал ничего не трогать, заделать снова дверь и никому не говорить ни слова. Еще не пришло время завладеть этими сокровищами: все равно невозможно было вывезти их из столицы на глазах у ацтеков, так как не была решена главная задача экспедиции — завоевание Мексики. Эта задача казалось такой же невыполнимой, как и в начале похода.

Первые радостные дни в Теночтитлане, когда испанцы после тяжелого перехода предавались отдыху и удовольствиям, промелькнули очень быстро. Кортес все яснее понимал опасность своего положения. Вождь конкистадоров пошел на огромный риск, вверив свою судьбу и судьбу своих воинов повелителю ацтеков, который в любой момент мог дать сигнал к нападению и, окружив и отрезав чужеземцев от всего мира, уничтожить их. И ни военное искусство, ни пушки, ни отвага не помогли бы испанцам устоять под натиском несметных полчищ ацтеков.

Кортес не тешил себя иллюзиями: он знал, что находится в кратере вулкана, извержение которого может начаться с минуты на минуту.

Все зависело от настроений Монтесумы, его касиков и жрецов. Последние всячески старались восстановить народ против чужеземцев. Появление потомков «светлого бога» угрожало могуществу служителей культа, ибо древние легенды сообщали, что Кецалькоатль не нуждается в кровавых жертвоприношениях, а довольствуется ароматом цветов и благовоний. Бог войны и его служители потеряли бы свое огромное влияние.

Кроме того, ежеминутно могла вспыхнуть ссора между грубыми, неукротимыми конкистадорами и жителями Теночтитлана или между ацтеками и воинственными тласкальцами, вражда которых никогда не угасала и могла вновь вспыхнуть пламенем войны.

Что же предпринять? Мнения конкистадоров разделились. Одни предлагали быстро и тайно покинуть город, не дожидаясь нападения ацтеков, другие же требовали

удалиться с ведома Монтесумы под каким-нибудь благо-
видным предлогом.

Однако Кортес понимал, что такого рода действия были бы похожи на бегство и свидетельствовали о том, что у испанцев не хватило ни сил, ни отваги. Они потеряли бы даже союзников тласкальцев. Да и на что могли рассчитывать конкистадоры, отступив к побережью? Ведь опасность подстерегала их повсюду!

Может быть на побережье их уже поджидает войско Веласкеса, чтобы схватить как мятежников. Возвратиться на побережье значило признать, что весь поход был одним бахвальством и не дал никаких результатов и что они были вынуждены отказаться от завоевания Мексики и оставили свою добычу другим. А этого конкистадоры боялись больше всего на свете.

Хронист Берналь Диас рассказывает, что к командиру явились представители его войска — четыре капитана с предложением взять в плен Монтесуму. Они убеждали Кортеса, что нельзя верить ни одному слову вождя ацтеков. Его щедрость и радушие — лишь приманка в западне. За горами золота притаилась смерть, которая подстерегает их повсюду. Надо схватить Монтесуму и сделать его заложником. Ведь им уже не раз случалось видеть, как индейцы прекращали сопротивление, лишь только вождь их попадал в плен.

Кортес ответил:

— Уважаемые сеньоры! Не думайте, что я усыплен безмятежным покоем! Нет! Но достаточно ли мы сильны, чтобы предпринять неслыханное дело: схватить могучего государя в его же собственном дворце, на глазах множества телохранителей и неисчислимого войска? Как нам устроить это так, чтобы Монтесума не успел позвать на помощь и этим разрушить все наши планы?

Офицеры долго совещались, пока наконец не был принят дерзкий, коварный, дьявольски трудный и в то же время удивительно простой план, с помощью которого можно было бы взять в плен могучего государя ацтеков в его собственной столице, сделать его заложником и использовать для обеспечения безопасности испанцев, завоевания Теночтитлана и покорения всей Мексики.

И действительно, ведь ацтеки боготворили своего повелителя и не осмелились бы напасть на испанцев,

сознавая, что те могут его убить. Они будут беспрекословно исполнять все приказы Монтесумы. А тот под угрозой смерти превратится в послушное орудие испанцев и сделает все, что им будет угодно.

Чтобы хоть как-то оправдать наглое нападение на гостеприимного монарха, Кортес решил использовать в качестве предлога недавнюю стычку ацтеков с гарнизоном Веракруса. Весть об этом печальном событии капитан-генерал получил еще в Чолуле, но скрывал ее даже от ближайших соратников.

Причина столкновения была такой.

По примеру Семпоалы соседние с нею племена тотонаков отвернулись от ацтеков, перестали принимать их чиновников и платить им дань. В ответ начальник ближайшего гарнизона ацтеков, касик Куаупопока, объявил, что любое селение, не платящее дани, будет немедленно разрушено, и начал жечь поля. Перепуганные тотонаки попросили помощи у испанцев.

Переговоры с ацтеками не дали никаких результатов, и комендант Веракрусского гарнизона Эскаланте, выбрав из своей инвалидной команды сорок человек покрепче, а также призвав около двух тысяч воинов-индейцев, попытался дать ацтекам отпор.

Однако испанцы и их союзники потерпели поражение. Шестеро тяжелораненых испанцев, в том числе и сам Эскаланте, умерли от ран. На поле боя осталась павшая лошадь и один раненый испанец — человек большой силы, с огромной лохматой головой и густой вьющейся бородой. Ацтеки отрубили пленнику голову и возили ее на показ по городам, а затем отослали Монтесуме, которого она очень испугала.

После этой стычки многие тотонаки и все горные племена отвернулись от испанцев. Даже жители Семпоалы заколебались и прекратили доставку продовольствия гарнизону Веракруса, индейцы-рабочие, трудившиеся на строительстве крепости, разбежались. То было первым поражением испанцев в Новой Испании.

Эта потрясающая весть вызвала у Кортеса большую тревогу. Он получил также сведения о том, что жрецы подстрекают народ против чужеземцев, что ацтеки собирают войско, а на дамбах разведены мосты. Пора было действовать.

Кортес провел беспокойную ночь, шагая по комнате. На следующий день, после утренней молитвы, получив благословение патера Ольмедо на предстоящее опасное предприятие, конкистадоры приступили к исполнению своего плана. За какое бы дело ни брались испанцы, они должны были, по словам хрониста, прежде всего укрепить свои сердца верой, что господь-бог и все святые не оставят их. Берналь Диас рассказывает, что испанцы и перед этим черным делом всю ночь молились богу.

В тот утренний час, когда испанцы обычно наносили визит Монтесуме, Кортес с пятью храбрейшими офицерами — Педро де Альварадо, Гонсало де Сандовалем, Франсиско де Луго, Веласкесом де Леоном и Алонсо де Авиллой — направился к властелину. Все они были с головы до ног закованы в латы и хорошо вооружены. Воины же в боевой готовности собрались на большом дворе дворца Аксаякатля, чтобы по первому зову командира броситься на помощь. Несколько отрядов поменьше патрулировали улицы, примыкавшие к резиденции Монтесумы. Это не вызвало у ацтеков подозрений, ибо они привыкли видеть на улицах вооруженных испанцев.

Во время переговоров Кортеса с Монтесумой еще около тридцати отборных и хорошо вооруженных воинов должны были постепенно, маленькими группками по два-три человека, проникнуть к Монтесуме.

Кортеса встретили как всегда почтительно и вместе с офицерами и переводчиками провели к Монтесуме. Верховный вождь ацтеков принял гостей приветливо и по своему обыкновению одарил их золотом и драгоценностями. На сей раз он даже предложил Кортесу в жены одну из своих дочерей, однако командующий отказался от такой чести, объяснив, что у него уже есть жена на Кубе, а его религия запрещает многоженство.

Убедившись, что во дворце собралось уже немало испанских воинов, Кортес заговорил вдруг суровым голосом. Он стал упрекать Монтесуму за вероломное нападение Куаупопоки на испанцев и тотонаков, находившихся под защитой испанцев. Командующий заявил, что у одного пленного испанца отрубили голову и возили ее напоказ по всей стране. Все эти злодеяния совершены с ведома и по наущению Монтесумы, который еще в Чолуле пытался уничтожить испанцев. Поэтому Кортес

вынужден потребовать удовлетворения, ибо оскорбление нанесено его государю Карлу V.

Побледнев от волнения, Монтесума заявил, что никогда не давал приказа об уничтожении испанцев и ничего не знает о досадном инциденте. В доказательство своей невинности он готов был тотчас вызвать в Теночтитлан Куаупопоку и других провинившихся военачальников.

Кортес ответил, что сам он, может быть, и удовлетворился бы таким объяснением, но ради своих воинов, которые крайне возмущены и озлоблены, он вынужден потребовать большего. Ведь воины ни за что не поверят, будто такие злодеяния могли быть совершены без ведома и согласия государя, пока своими глазами не убедятся в его преданности и искренней дружбе. Свое дружелюбие Монтесума должен ясно и недвусмысленно доказать, проведя несколько дней в штаб-квартире испанцев, где ему, как верховному правителю ацтеков, будут по-прежнему оказываться все почести.

Эти слова привели Монтесуму в такое смятение, что он не мог вымолвить ни слова и лишь молча слушал Кортеса, утверждавшего, что желание испанских солдат якобы вполне правомерно и не является нарушением дворцового этикета, так как государь будет находиться в одном из своих дворцов, где он и раньше нередко проводил по несколько дней.

По свидетельству автора истории чичимеков Икстликсочитля, а также Диаса, Эрреры и других, ярко описавших эту драматическую сцену, Монтесума, оправившись наконец от неожиданности, возмущенно воскликнул:

— Никогда еще властелин ацтеков не сдавался на милость врагов и, если бы он это сделал, его подданные не допустили бы такого позора!

Кортес стал объяснять Монтесуме, что это будет не плен, а шаг для обеспечения мира и что повелитель ацтеков будет у испанцев в большей безопасности, нежели среди своих подданных, подстрекаемых жрецами.

Чтобы избавиться от позорного плена, Монтесума предложил в заложники своего сына и дочь. Переговоры затягивались, не приводя ни к какому результату. Кортес

хотел избежать насилия: он то льстил Монтесуме, то угрожал ему, но тщетно.

После двухчасовых бесплодных препирательств, один из капитанов — Хуан Веласкес де Леон, потеряв терпение, в сердцах воскликнул:

— К чему тратить столько слов на этого варвара! Возьмем его силой, а если он будет упираться, прикончим на месте! Скажите ему все это! Пусть поторапливается! Ведь и наша жизнь на волоске!

Монтесума спросил, чего хочет этот сердитый испанец, хотя звон шпаг о ножны яснее ясного объяснял значение слов Веласкеса. Марина перевела слова капитана, добавив, что, если государь не выполнит немедленно требования белолицых, она не ручается за его жизнь.

Тут мужество покинуло Монтесуму. Он понял, что находится во власти злобных, коварных людей и жизнь его в опасности. Гордый повелитель не видел иного выхода, как стать заложником у подлых, бесчестных пришельцев.

Если бы Монтесума понял, что героическое сопротивление хоть и сулило ему неизбежную гибель, но вызвало бы жестокую схватку ацтеков с конкистадорами и развязало бы народную войну, которая смела бы ничтожную горстку завоевателей, то у ацтеков оставалась бы еще надежда немного отдалить нашествие испанцев.

Но повелитель ацтеков покорился своей судьбе и сдался на милость завоевателей. Он призвал к себе придворных и объявил им, что по важным причинам решил на несколько дней поселиться у своих гостей. Как громом сраженные, придворные, не веря своим ушам, молча выслушали неожиданную весть, но никто не осмелился возразить хоть словом. Ацтеки сами отнесли своего вождя во дворец чужеземцев. На протяжении всего пути паланкин охраняла испанская стража.

Весть о пленении повелителя с быстротой ветра облетела Теночтитлан. Взмолвленные жители высыпали на улицы. Еще издали завидев кортеж с Монтесумой, окруженный испанцами, ацтеки с плачем и стенаниями падали перед ним ниц. Однако верховный вождь успокаивал своих подданных, приветственно махал им рукой, стараясь казаться веселым и спокойным. Так испанцы вместе с пленником без каких-либо препятствий прибыли в свой дворец.

Несколько успокоившись, Монтесума послал придворных на улицы города, чтобы разъяснить народу, что государь по собственному желанию отправился в гости к испанцам. Он приказал всем разойтись по домам и под страхом смерти запретил устраивать какие-либо беспорядки.

Затем Монтесума отправил нескольких своих приближенных за касиком Куаупопокой и велел привезти его вместе с другими военачальниками в Теночтитлан.

ПОВЕЛИТЕЛЬ АЦТЕКОВ В ПЛЕНУ

Мнимое уважение и почет. — «Хоть бы этот пес язычник поскорее окошел!» — Сожжение касиков на костре. — Монтесума в цепях. — Строительство бригаantin. — Иллюзия свободы. — Разведчики отправляются на поиски золота

Пленному властелину ацтеков испанцы продолжали оказывать мнимое уважение и почет. Ему отвели самое лучшее помещение, пригласили туда его жен и слуг, велели накрывать ему столь же роскошный стол, как и прежде. Вождь принимал ванну, если ему это было угодно, курил. Он по-прежнему строго соблюдал обычаи и этикет, принимал ацтекских сановников, правда, только с разрешения Кортеса и не в очень большом количестве. Посетители, как обычно, входили в маленькую дверь, накинув поверх роскошных одеяний грубые плащи, снимали обувь и, низко склонив головы, приближались к повелителю.

Сам Кортес, как свидетельствует Берналь Диас, никогда не позволял себе садиться в присутствии вождя без его приглашения. Коварный конкистадор понимал, как выгодно для испанцев сохранять видимость независимости пленника, распоряжаться от имени Монтесумы и, понемногу усиливая свое влияние, захватить управление страной. Кортес каждое утро справлялся о здоровье Монтесумы и старался угадать все его желания.

Однако эти знаки внимания и почета не могли скрыть от ацтеков того факта, что Монтесума находился

в плену: день и ночь у дворцовых ворот стояли на страже вооруженные отряды испанцев. Особенно строго охранялись покои государя. Кортес самолично проверял посты. Эта неусыпная бдительность была очень тягостна для солдат, однако без нее нельзя было обойтись, ведь если бы Монтесуме удалось бежать — всем испанцам пришел бы конец. Кортес велел наказать палками трех солдат, покинувших без разрешения пост. Их прогнали сквозь строй, а это было почти равносильно смертной казни.

Как-то один из караульных с возмущением воскликнул:

— Хотел бы я, чтобы этот пес, этот язычник: Монтесума скорее околел, тогда нам, добрым христианам, не пришлось бы так мучиться!

Грубый тон, громкий голос встревожили Монтесуму, и он, казалось, даже понял смысл сказанного. Кортес наложил на солдата суровое взыскание (говорят, он даже приказал его повесить и помиловал лишь по просьбе Монтесумы) и строго следил, чтобы подобные проявления неуважения больше не повторялись.

Казалось, Монтесума покорился своей судьбе и делал вид, что не считает плен позором:

— Плен — не беда, тем более, что боги допустили это, — говорил он.

Заключенный часто беседовал со своими тюремщиками, одаривал их драгоценностями, играл с ними в ацтекские игры. Монтесума ставил на кон драгоценный камень или золотую безделушку и не слишком огорчался, если проигрывал, а выигрыши раздавал офицерам и солдатам. Чтобы скрыть свой позор, он притворялся веселым и, будучи настоящим воином, с удовольствием наблюдал за учениями испанцев.

Но вот в столицу в сопровождении своего сына и пятнадцати старейшин прибыл касик Куаупопока. Его провели к Монтесуме. Вождь принял его сурово, приказал заковать в цепи и передал обвиняемых испанцам для расследования и суда. Кортес созвал военный совет, который заслушал показания ацтеков и признал их виновными в нарушении мира и прав народов. Все семнадцать обвиняемых были приговорены к сожжению на костре. Касики упрямо отрицали, что действовали по приказу Монтесумы, но, узнав о смертном приговоре, пали духом

и заявили, что нападение совершено с ведома их повелителя: это Монтесума приказал им приступить к сбору дани и, если чужеземцы вмешаются, — истребить их.

Тогда Кортес распорядился на глазах у всего народа опустошить арсенал Монтесумы, где хранилось множество стрел, копий, щитов и другого оружия. Из всего этого испанцы сложили гигантские костры.

Когда осужденных повели на костер, Кортес с искаженным от ярости лицом в сопровождении нескольких офицеров вошел к Монтесуме. Приблизившись к испуганному пленнику, вождь испанцев крикнул ему, что злодеи сознались: именно он, Монтесума, являлся вдохновителем их преступления. Суд и справедливость требуют, чтобы и он понес наказание.

Сказав это, Кортес отвернулся, а его воины надели на Монтесуму железные оковы. Монтесума словно оцепенел от позора и даже не сопротивлялся, а только громко рыдал, полагая, что его тоже поведут на костер. Верные слуги верховного вождя, заливаясь слезами, пали к его ногам. Они старались приподнять оковы и обложить их мягкой тканью, чтобы они не давили на божественную плоть повелителя.

Но, по словам летописца, никто не мог облегчить тех оков, которые тяготили душу Монтесумы: он понимал, что отныне перестал быть властелином и повелителем страны ацтеков.

Тем временем во дворе свершалась ужасная казнь. Вооруженные испанцы окружили площадь и готовы были в любой момент отразить нападение народа, но ацтеки молча взирали на горящие костры, будучи уверены, что приговор вынесен самим Монтесумой.

Осужденные, привязанные к столбам, безропотно покорились своей ужасной участи, ибо, как и все ацтекские воины, они презирали смерть и страдание.

Приговорив касиков к казни, Кортес хотел повергнуть в ужас всю страну. Испанцы неприкосновенны — таков был смысл этой расправы.

Опозорив Монтесуму, унизив его в глазах ацтеков и в его собственных глазах, Кортес лишил гордого властелина поддержки народа и заставил его искать защиту у чужеземцев.

Конкистадоры могли гордиться своей удачей. Хронист Берналь Диас даже на закате дней своих не переставал

удивляться случившемуся: «Стар я теперь, а события того времени живой стеной теснятся вокруг меня! — писал он. — Да и где это было слыхано, чтобы четыреста воинов в тысяче четырехстах часах от родины сперва уничтожили свои корабли — единственное средство их спасения, затем двинулись бы в громадную укрепленную столицу врага, хорошо зная, что именно там он им готовит верную смерть; затем пленили бы местного властителя, выхватив его из собственного дворца, охраняемого тысячами людей; затем публично казнили бы его генералов, а самого его продержали бы в цепях! Великое это чудо!».

Вернувшись с казни, Кортес снова вошел к Монтесуме и, объявив ему, что справедливость восторжествовала и его преступление искуплено, приказал снять с него оковы. Монтесума бросился обнимать своего мучителя и горячо благодарил его за освобождение.

После такого унижения дух Монтесумы был совсем сломлен, и, казалось, власть и безопасность испанцев как в Теночтитлане, так и во всей Мексике полностью обеспечены. Все же осмотрительный Кортес продолжал беспокоиться о путях отступления из расположенной на островах столицы.

С этой целью он стал рассказывать Монтесуме об удивительных кораблях европейцев и вызвал у него желание самому их увидеть.

Вскоре по приказу Монтесумы целый полк носильщиков отправился в Веракрус, чтобы доставить оттуда к берегам озера оснастку, паруса, железные и другие части, оставшиеся от уничтоженных кораблей испанцев, а тем временем другие индейцы начали заготовку леса.

В помощь корабельным мастерам — Мартину Лопесу и Алонсо Нуньесу — отрядили плотников-ацтеков, которые ловко и искусно работали по изготовленным испанцами моделям. В кратчайший срок — всего за две недели — они построили, проконопатили и просмолили две бригадины, поставили на них мачты, рей и паруса. Затем испанцы привезли на суда пушки.

Кортес воспользовался кораблями прежде всего, чтобы обследовать окрестности Теночтитлана и берега озера Тескоко. Кроме того, он надеялся в случае опасности уйти на них из столицы.

Кортес время от времени давал Монтесуме возможность насладиться иллюзией свободы. Так, повелителю ацтеков было разрешено в сопровождении ста пятидесяти вооруженных испанцев посетить главный храм и помолиться богам, но его предупредили, что любая попытка к бегству будет напрасной.

Когда Монтесума, страстный охотник, выразил желание побродить по густым лесам противоположного берега озера, где находились его охотничьи угодья, Кортес посадил его вместе с роскошной свитой и двумястами испанских воинов на бригантину и отправил по глади широкого озера на другую сторону. На всякий случай испанцы взяли с собой четыре пушки и изрядный запас пороху.

Монтесума был восхищен корабельным искусством белых людей. Подхваченная попутным ветром бригантина оставила далеко за собой индейские пироги.

Властелин провел на охоте целый день, но за пленником неусыпно следили притаившиеся в лесу испанские воины.

Историк Эррера рассказывает, что на кроликов и птиц Монтесума охотился с особым оружием — трубкой, из которой выдувались небольшие шарики, оленей убивал стрелами из лука, а остальную дичь загонщики гнали в большие сети.

Впоследствии Монтесума не раз еще совершал поездки по озеру Тескоко.

Между тем Кортес не сидел сложа руки, а старался использовать благоприятную ситуацию для постепенного захвата власти над Мексикой. Он разослал по стране небольшие отряды испанцев, которых сопровождали ацтекские чиновники. Отряды должны были собрать сведения о величине различных областей, количестве и богатстве их населения и установить места нахождения золотых и серебряных россыпей. Среди испанских воинов было несколько опытных золотоискателей. Вскоре разведчики принесли хорошие вести: золота было вдоволь, но ацтеки добывали его слишком примитивно. Некоторые области были как бы созданы для животноводства.

Кортес под различными предлогами уговорил Монтесуму отстранить от должностей его наиболее умных и храбрых сановников, а вместо них назначить покорных испанцам людей. Все это делалось от имени Монтесумы.

СОКРОВИЩА В РУКАХ У КОНКИСТАДОРОВ

Неудавшийся заговор. — Монтесума клянется в верности испанскому королю. — Груды золота и серебра. — Дележ добычи. — Да прольется на язычников свет веры христовой! — Возмущение ацтеков. — Кортес обещает построить корабли и отплыть на родину

Кортес уже в течение полугода правил Мексикой, прикрываясь именем Монтесумы. Тем временем среди вождей ацтекских племен зрел заговор. Они горели ненавистью, тяжело переживая позор Монтесумы, ибо вождь чужеземцев стал полновластным хозяином их страны. Во главе заговора стояли племянник Монтесумы отважный Какамацин — повелитель Тескоко и брат властелина Куитлауак — повелитель Истапалапана, а также правители крупнейших городов Мексиканской долины.

Какамацин призывал ацтеков взяться за оружие и освободить Монтесуму, однако у заговорщиков не хватало единодушия, и некоторые касики даже полагали, что Какамацин сам стремится к захвату власти.

Несмотря на то, что замысел хранился в строгой тайне, Монтесума вскоре узнал все его подробности. Не желая превратить свою столицу в место побоища, а возможно, и опасаясь за свою жизнь, он поспешил рассказать обо всем Кортесу.

Испанский главнокомандующий хотел было выступить против Тескоко, разрушить город и схватить заговорщиков, но Монтесума отговорил его от такого рискованного шага. Какамацин, по его словам, был отважным военачальником и победу над его большим войском можно было добыть лишь в ожесточенных, кровопролитных боях. Монтесума пообещал сам схватить заговорщиков.

Сначала он попытался вступить с ними в переговоры и отправил касикам дружеское послание, но получил лишь надменный ответ. Кортес, в свою очередь, пригрозил Какамацину и потребовал, чтобы тот признал над собой верховную власть испанского короля. Какамацин отказался, заявив, что он и знать ничего не желает о заморском властелине и его народе.

Правитель Тескоко (из старинной индейской рукописи)

Тогда Монтесума попытался заманить племянника в Теночтитлан, чтобы ликвидировать конфликт при помощи испанцев. Однако повелитель Тескоко проявил осторожность. По рассказу историка Гомары, Какамацин ответил, что если он и придет в столицу, то лишь затем, чтобы освободить город и его повелителя от рабского ига. И придет он не с пустыми руками, а с копьем и прогонит наглых чужестранцев, опозоривших его родину.

Монтесума решил действовать окольным путем: покончить с заговором хитростью, подкупом и науськиванием касиков друг на друга, не прибегая к кровопролитию. Пленник Кортеса сохранял еще большую власть и влияние на ацтеков.

Верные Монтесуме люди заманили Какамацина в засаду, связали его и доставили на пироге в столицу. Вскоре были схвачены и остальные главные заговорщики. Кортес приказал заковать их в цепи и бросить в темницу.

Вскоре Кортес уговорил Монтесуму публично объявить своему народу, что отныне вся Мексика стала вассалом Испании. Что ж поделаешь — жизнь и свобода властелина были в руках у испанцев, и ему волей-неволей пришлось согласиться. Монтесума послал гонцов по всей стране, и через несколько дней в столице собрались вожди племен, правители городов и областей, чтобы вместе со своим повелителем дать клятву верности испанскому королю.

Монтесума обратился к собравшимся с речью и, сославшись на древнее пророчество, призвал их подчиниться посланцам Кецалькоатля.

— Долгие годы, — сказал он, — пока я восседал на престоле моих предков, вы были покорными мне вассалами. Теперь я ожидаю, что вы послушаетесь меня в последний раз и признаете над собой власть великого восточного государя. Вы будете платить ему дань точно так же, как платили ее мне.

Монтесума закончил свою речь дрожащим от волнения голосом и не мог удержать слезы — так тяжела была эта жертва. Касики сочувствовали великому горю своего повелителя, но слово его по-прежнему было для них святым и непреложным законом.

Берналь Диас, в отличие от других конкистадоров тепло отзывавшийся о повелителе ацтеков, заметил, что даже среди испанцев не нашлось ни одного, кто равнодушно взирает бы на Монтесуму, доверие которого было так подло обмануто. Вскоре после этого Кортес, считая, что Монтесума превратился в послушное орудие в его руках, объявил повелителю ацтеков, что он может при желании вернуться в свой дворец. Монтесума отказался, объяснив, что его придворные не раз просили у него позволения с оружием в руках выступить против испанцев, и в своем дворце ему будет гораздо труднее помешать их намерениям.

Возможно, Монтесума опасался за свою жизнь, понимая, что его трусость вызвала презрение ацтеков, или он просто покорился своей судьбе, веря, что все происходит по воле богов. К тому же переводчики дали ему понять, что испанские офицеры все равно не допустят его возвращения во дворец.

Берналь Диас рассказывает, что главнокомандующий, услышав ответ Монтесумы, от радости обнял своего пленника и сказал, что любит его как брата и что каждый испанец будет заботиться о благополучии Монтесумы так же, как тот заботится о испанцах. Старый мудрый солдат присовокупляет, что то были лишь красивые слова, цену которых умный Монтесума понимал отлично.

Вскоре Кортес дал понять Монтесуме, что наилучшим доказательством преданности ацтеков явится щедрая уплата податей и налогов испанскому королю. Монтесума немедленно разослал во все области сборщиков налогов в сопровождении испанских солдат. Через несколько недель они вернулись с богатой добычей: золотой и серебряной посудой, украшениями и дорогими тканями. Кроме того, Монтесума, зная уже, что алчные испанцы нашли сокровищницу его отца, решил подарить испанскому королю все ее богатства.

— Возьми себе все, пусть в ваших писаниях будет упомянуто, что Монтесума подарил все это твоему государю, — сказал он и даже выразил сожаление, что драгоценностей осталось не так много, ибо часть их он уже роздал раньше белым людям.

Конкистадоры принялись за сортировку несметных сокровищ. Одного золота набралось три большие кучи: золотой песок, зерна, слитки, посуда и ювелирные изде-

Золотая маска мексиканского бога смерти

лия тончайшей работы, изображавшие птиц, насекомых, цветы. Чудесные ожерелья, браслеты, веера были сделаны из золота и ярких перьев, украшены жемчугом и драгоценными камнями.

Немало было и серебра, главным образом посуды и предметов роскоши. Впоследствии Мексика прославилась именно своими серебряными рудниками, ибо в недрах этой земли таится гораздо больше серебра, нежели

золота. Однако в те времена ацтеки еще не умели плавить серебряную руду и очищать серебро от примесей, золото же они находили в чистом виде. И золото и серебро не очень высоко ценились у ацтеков; их использовали лишь для изготовления украшений, посуды и не старались добывать в больших количествах.

Американский историк прошлого века Уильям Прескотт утверждает, что стоимость сокровищ, которыми завладели испанцы, превышала шесть миллионов долларов. Таким богатством в то время не обладал ни один из государей Европы.

После того как драгоценности были рассортированы, Кортес приказал все самородки, песок и украшения, кроме изделий тончайшей работы, переплавить в слитки толщиной в три пальца и опечатать их печатью с королевским гербом.

Он старался как можно дольше оттянуть дележ добычи, но солдаты запротестовали, ибо с каждым днем кучи драгоценностей таинственным образом таяли. Не хватало уже доброй трети, и подозрения падали на Кортеса и его приближенных.

Дележ происходил так. Прежде всего из всей добычи (стоимость которой Берналь Диас оценивает в шестьсот тысяч песо де oro) была взята одна пятая доля для короля, другая — для Кортеса (как решило солдатское собрание, когда Кортеса избрали капитан-генералом). Затем Кортес потребовал покрыть всю сумму его расходов на Кубе при снаряжении экспедиции, а также возместить стоимость уничтоженных судов Веласкеса, за которые ему якобы придется уплатить, и наконец покрыть все издержки, понесенные при отправке делегации в Испанию, стоимость павших коней и найм для семидесяти человек гарнизона Веракруса (куда недавно командиром был назначен Сандоваль).

Лишь после этого наступил черед участников экспедиции, причем оба патера, офицеры, всадники, арбалетчики и мушкетеры получили по двойному паю, на долю же простых воинов пришлось всего по сто песо де oro — ничтожная сумма по сравнению с их радужными надеждами. Многие даже отказались от своего пая и громко роптали:

— Неужто мы покинули свои семьи и родину, не раз ставили на карту свою жизнь, переносили голод и опас-

Выплата паев (фрагмент стенной росписи Диего Риверы)

ности лишь для того, чтобы получить эти жалкие гроши?! Уж лучше бы мы остались на Кубе и довольствовались верным и легким заработком! Когда мы в Веракрусе отдавали свою долю золота, нас уверяли, что в Мексике мы получим за нее щедрое вознаграждение. Теперь же, когда мы наконец нашли обещанные богатства, их прибирают к рукам люди, которых мы облекли доверием.

Недовольные открыто обвиняли офицеров в том, что они втихомолку прикарманивали самые ценные сокровища.

Большинство офицеров, обратившись к ювелирам, превратили свои пай в увесистые золотые цепи, а Кортес, помимо того, велел изготовить для себя золотой сервиз. Но и воины, особенно те из них, которые сумели обеспечить себя еще до дележа сокровищ, увешали себя золотыми цепями.

Началась азартная игра по высоким ставкам, особенно после того, как один из воинов изготовил из кожи старого барабана карты и разрисовал их так удачно, что их невозможно было отличить от карт, сделанных в Испании.

Кортес, зная, конечно, о недовольстве, собрал всех и сказал им, что у него болит душа оттого, что они забыли о долге воинов христовых и, как простые грабители, ссорятся из-за золота. Дележ был произведен по справедливости и закону. Он не требовал от них пятой доли, солдаты сами решили выделить ее для него; он немедленно готов помочь всякому, кто в том нуждается; поделенные богатства — ничто по сравнению с ожидаемой добычей; теперь солдаты знают, как богаты здесь города и как велики золотые россыпи, все это будет принадлежать испанцам, и они станут обладателями несметных богатств. Он и сам, дескать, любит золото, но оно никогда не было для него главной целью. Теперь не время для ссор и взаимной ненависти — враг только того и ждет, чтобы уничтожить испанцев.

Так сладкими речами, которых, по словам Берналя Диаса, у Кортеса было немало в запасе, главнокомандующему удалось успокоить недовольных. Кроме того, он дал кое-кому из них по драгоценному камню, другим — по слитку золота, иным посулил золотые горы.

Так родилась легенда, подхватив которую кое-кто из историков стал противопоставлять скупому, завистли-

вому Колумбу якобы щедрого, даже расточительного Кортеса: он, дескать, умел делиться своей добычей с солдатами и поэтому завоевал их горячую любовь и уважение.

Офицеры по-прежнему продолжали тащить золото из причитавшейся королю части, грызться между собой и даже пускали иногда в ход оружие.

Однажды подобная ссора вспыхнула между королевским казначеем и любимцем Кортеса — Хуаном Веласкесом де Леоном. Казначей обвинил рыцаря в том, что он якобы стащил дорогие серебряные блюда раньше, чем на них была поставлена печать. Оба схватились за шпаги и нанесли друг другу по нескольку ударов. Эта стычка закончилась бы плачевно, не подоспей Кортес. Он приказал арестовать обоих и заковать в цепи.

Когда Хуан Веласкес де Леон, гремя оковами, расхаживал по своей камере, Монтесума услышал звон цепей и спросил, кто там посажен. Узнав, что это тот самый офицер, который недавно командовал его охраной, Монтесума попросил Кортеса освободить его. Кортес сначала отказался, объяснив, что Веласкес арестован за то, что хотел самовольно захватить драгоценности. Кортес старался показать себя справедливым и строгим командиром. Тогда Монтесума пообещал дать золото из своей казны, лишь бы выпустили Веласкеса. Кортес притворился, что делает это ради Монтесумы, и, немного помедлив, освободил Веласкеса, властелин же щедро одарил его золотом.

Казалось, цель экспедиции была уже достигнута и все задачи выполнены, к тому же без единого сражения: Монтесума признал себя вассалом испанского короля, а власть и сокровища ацтеков перешли в руки Кортеса.

Однако оставалось еще одно, к чему стремились воины христовы: обратить ацтеков в христианскую веру. Все уговоры Кортеса и красноречие патеров были тщетны. Ацтеки не желали отказываться от своих древних богов и продолжали совершать человеческие жертвоприношения.

Тогда Кортес, взяв с собой нескольких офицеров, явился к Монтесуме и сказал ему, что христиане-де не желают больше молиться своему богу тайно, за дворцовой стеной. Они хотят, чтобы святая католическая вера пролила свет на весь народ ацтеков. Поэтому испанцы

просят отдать им большой храм, чтобы их богослужение происходило на виду у всей столицы.

Монтесума с волнением выслушал это предложение. Ведь он покорился белолицым пришельцам только потому, что пришествие их было предсказано жрецами, но осквернение храма должно было, по его мнению, прогневить богов, вызвать возмущение жрецов и всего народа. Однако Кортес и слышать не хотел возражений Монтесумы и пригрозил применить оружие, если испанцам не будет отдано хотя бы одно святилище.

— Мы не боимся за свою жизнь, — добавил он. — Хотя мы и малочисленны, но нас ведет десница истинного христианского бога.

Кортес в своих письмах королю утверждает, что он якобы силой ворвался в храм и приказал выбросить из него статуи языческих богов, однако его приближенные иначе описали это событие.

Посовещавшись со своими жрецами, Монтесума решил наконец завоевателям устроить на вершине храма часовню. Вскоре испанцы отслужили там торжественную мессу. Солдаты и офицеры, упав на колени, со слезами на глазах возносили хвалу всевышнему, даровавшему им победу. И, как рассказывает хронист, сладостные звуки песен любви и милосердия смешивались с дикими песнопениями ацтекских жрецов в честь кровавого бога войны. Столь противоестественный союз не мог долго существовать.

Ацтеки считали величайшим кощунством и надругательством над народной святыней устройство чужого храма в святилище бога войны. Их гнев был так велик, что жрецы сообщили Монтесуме: разгневанные боги намерены покинуть столицу. Боги требуют изгнания из Мексики наглых и высокомерных чужестранцев или же их уничтожения. Ацтекские боги не могут оставаться в храме, где стоят христианские алтарь и кресты. Пришельцы — насильники и святотатцы, они держат пятых касиков в цепях, а священную посуду и маски переплавили в слитки.

Жрецы и касики все чаще собирались на тайные совещания у Монтесумы и убеждали его, что необходимо отомстить чужестранцам за оскорбление древних богов. Историк Эррера пишет по этому поводу, что сам дьявол толкал Монтесуму на черные дела, и даже приводит

якобы слышанную им беседу повелителя ацтеков с дьяволом.

Монтесума долго колебался, не зная что предпринять: поднять ли народ на восстание и погибнуть от меча завоевателей, либо оставаться на стороне белокожих.

Наконец повелитель ацтеков выбрал золотую середину, показавшуюся ему наиболее приемлемым выходом. Он пригласил к себе Кортеса. Капитан-генерал, встревоженный тем, что жрецы и касики часто посещают Монтесуму, был настороже и явился к властелину в сопровождении двенадцати храбрейших воинов. Пленник встретил испанцев как никогда мрачно и, отозвав Кортеса в сторону, грозным тоном объявил ему, что гнев народа велик и жизнь испанцев висит на волоске. Ацтеки ждут лишь сигнала Монтесумы. Стоит ему пошевелить пальцем, как они бросятся в бой. Но, поскольку испанцы выполнили уже все приказы своего заморского властелина, Монтесума надеется, что теперь они скоро отправятся домой.

Это неожиданное заявление, угрюмый вид и суровый тон пленника поразил Кортеса, однако он не показал и виду и, обернувшись к своим, с непоколебимым спокойствием и так, чтобы повелитель ацтеков ничего не понял, отдал приказ: всему испанскому войску немедленно взяться за оружие и занять оборонительные позиции. Затем с тем же безразличным видом он снова обратился к Монтесуме и ответил ему, что сам, дескать, ничего так горячо не желает, как быстрее вернуться на родину. Но каравеллы его разбиты, и потому он просит у повелителя ацтеков помощи в постройке новых кораблей.

Монтесума, словно малый ребенок, обрадовался этому ответу коварного испанца. Он обнял Кортеса и воскликнул, что боги ацтеков и народ будут довольны такой вестью. Он сделает все, чтобы удержать ацтеков в повиновении, и даст Кортесу людей и все необходимое для постройки кораблей.

Кортес распорядился начать в Веракрусе строительство судов, однако тайно он наказал своим мастерам делать все возможное, чтобы подольше затянуть работу, ибо хотел дожидаться пополнения из Испании.

Монтесуме он объявил, что повелителю ацтеков при-

дется отправиться с испанцами за океан, чтобы предстать там перед королем Карлом. Это заявление крайне встревожило Монтесуму, но он по-прежнему старался ускорить постройку судов.

Кортес прекрасно отдавал себе отчет в настроении жрецов и народа и понимал, какой опасности подвергаются испанцы. По его приказу воины ни днем ни ночью не снимали доспехов и даже во время еды не расставлялись с оружием. Усиленные патрули и зоркие часовые ни на миг не оставляли своих постов. Лошади стояли оседланными и пушки были нацелены на главные улицы. Гарнизон, словно во время осады, все время находился в боевой готовности.

Хронист Берналь Диас уже в преклонном возрасте пишет в своих записках, что после завоевания Мексики он никак не мог привыкнуть к постели и до конца дней своих сохранил привычку вставать по ночам и выходить на улицу, чтобы посмотреть на звезды. «Я упоминаю об этом для того, чтобы мир узнал, какова была закалка у нас — истинных конкистадоров, и насколько мы свыклись с оружием и караульной службой», — с гордостью замечает хронист.

Как раз в это время — в начале мая 1520 года — пришло новое известие, доставившее Кортесу гораздо больше волнений, нежели ожидаемое восстание ацтеков.

ТУЧИ НАД ГОЛОВОЙ КОРТЕСА

Карательная экспедиция. — Посланцы Монтесумы у Нарваэса. — Невиданный караван. — Заманчивые обещания. — Патер Ольмедо — «лиса в сутане». — Навстречу Нарваэсу. — Поверх лохмотьев — золотые цепи. — Ночной бой. — Бывшие враги становятся друзьями

Получив известие о событиях на Мексиканском побережье, губернатор Кубы Веласкес стал поспешно снаряжать карательную экспедицию против Кортеса, вложив в нее большую часть своего состояния. Веласкес рассчитывал на поддержку председателя совета по делам Индий Фонсеки.

Между тем королевский суд — «аудиенсия» в столице Эспаньолы Санто-Доминго — возражал против посылки такой экспедиции. По мнению суда, завоевать Мексику можно было лишь объединенными усилиями, не растрачивая энергию на раздоры и братоубийственную войну. Надо было, чтобы обе стороны забыли о своих разногласиях и прежде всего позаботились о выгоде короля и государства. Однако Веласкес не пожелал следовать добрым советам.

Восемнадцать каравелл, девятьсот солдат (среди них восемнадцать всадников, восемьдесят мушкетеров и сто пятьдесят арбалетчиков), множество пушек, тысяча кубинских индейцев — таковы были силы экспедиции, отбывшей с Кубы в начале марта 1520 года в Мексику для расправы над Кортесом.

Такой огромный флот еще не появлялся в водах Карибского моря (если не считать армады нового вице-короля Эспаньолы Овандо, прибывшей в Новый Свет в 1501 году), не бывало здесь и такого большого войска. Оно вдвое превосходило силы Кортеса. Мексиканское золото так притягивало к себе, что, казалось, все колонисты покинули Кубу. Экспедицию возглавил любимец Веласкеса капитан-генерал Панфило де Нарваэс, закаленный в боях, ловкий и жестокий воин, покоривший в свое время Ямайку и сражавшийся с индейцами на Кубе.

Берналь Диас в своей хронике изображает его сильным и отважным воином, ловким наездником. По словам хрониста, это был человек огромного роста, с крупной головой и бородой рыжего цвета, приятный в обращении, со столь низким, сочным голосом, что казалось, он раздастся откуда-то из подземелья.

Корабли Нарваэса, претерпев в пути жестокий шторм, лишь во второй половине апреля прибыли к острову Сан-Хуан-де-Улуа.

Этот громадный флот был замечен несколькими испанцами, по приказу Кортеса добывавшими золото на берегу залива. Трое из них переправились на судно Нарваэса. Их хорошо накормили и напоили, и они стали громко выражать свою радость по поводу того, что наконец-то избавятся от тирании Кортеса и неминуемой гибели, которая грозила им в столице Мексики.

— Вот это жизни! — воскликнули они. — Стакан доброго вина вместо рабского труда у Кортеса. Ведь при нем и рта открыть нельзя и покоя нет ни днем ни ночью!.. Ну и счастливчик же ты, Нарваэс! Знаешь ли ты, что приходишь как раз вовремя: предатель Кортес накопил изрядную сумму — семьсот тысяч песо, а солдаты страшно злы на него, потому что он их жестоко обманул при дележе.

«Вот что болтали эти подлые, бесчестные дезертиры, — писал Берналь Диас, — а Нарваэс все это мотал на ус. Узнал он также, что в восьми часах пути находился вновь построенный город Веракрус, в котором не более шестидесяти человек гарнизона, все старики и инвалиды...»

Нарваэс узнал и про жестокие битвы, про пленение Монтесумы, несметные сокровища, попавшие в руки испанцев, и был поражен, услышав, что Кортес правит этой страной, как король, и что каждый испанец, даже безоружный, может пройти всю Мексику, не опасаясь за свою жизнь.

Монтесума был вскоре извещен о прибытии флота и, ни словом не обмолвившись Кортесу, отправил на побережье посланцев с золотом и прочими подарками. К тому же властелин приказал прибрежным туземцам снабжать пришельцев продовольствием.

Посланцам Монтесумы Нарваэс обрисовал Кортеса и его приспешников как предателей, бежавших из Испании без ведома короля. Теперь эта кучка разбойников, совершающих неслыханные злодеяния, задумала поработить мексиканцев.

Все это якобы стало известно королю Карлу, и он послал Нарваэса с большим флотом, чтобы освободить Монтесуму, положить конец злодеяниям и схватить Кортеса, которого в Испании ожидает справедливый суд.

Поэтому Нарваэс призывает Монтесуму и весь его народ, оскорбленный Кортесом, действовать общими силами, чтобы захватить разбойников.

Получив такие вести, Монтесума пригласил к себе Кортеса и сообщил ему, что теперь испанцы могут наконец вернуться на родину. На побережье прибыл большой испанский флот, в котором предостаточно судов.

*Гонсало Сандоваль — один из знаменитых соратников
Кортеса (со старинной гравюры)*

Повелитель ацтеков даже показал Кортесу зарисовки ацтекских художников на полотне, где были изображены восемнадцать каравелл и множество испанских солдат. Он сказал, что это сообщение ему только что доставили гонцы с побережья.

Кортес сразу смекнул, что флотилию прислал Веласкес, но быстро овладел собою и ничем не выказал своей тревоги. Как раз наоборот, — с довольным видом он радостно воскликнул:

— Слава спасителю нашему милосердному!..

Он сказал также, что это прибыли его друзья из Испании.

Конкистадоры приняли известие с ликованием и дали залп из пушек. Монтесума был озадачен — он не знал кому верить.

Командир гарнизона Веракруса, храбрый капитан Сандоваль, узнав о прибытии испанской эскадры, подготовил крепость к бою и разослал разведчиков, которые должны были следить за каждым шагом Нарваэса. Для того чтобы у защитников крепости не оставалось никаких сомнений в готовности командира сражаться до последней капли крови, Сандоваль велел воздвигнуть на главной площади города большую виселицу.

Вскоре в Веракрус прибыли посланцы Нарваэса — па-тер с четырьмя спутниками, и потребовали немедленной сдачи крепости. Посланцы перевозносили Веласкеса, Кортеса же и его приверженцев называли мятежниками.

Сандоваль выслушал их угрозы, но отказался исполнять приказы Веласкеса и добавил, что лучше всего будет, если посланцы отправятся в столицу ацтеков и там зачитают свое сообщение Кортесу. По приказу Сандовалья тут же появились индейцы-носильщики. Посланцев Нарваэса связали, взвалили носильщикам на плечи и отправили в сопровождении вооруженных испанцев в Теночтитлан. Этот невиданный караван, сменяя по пути носильщиков, уже через четыре дня прибыл к озеру Тескоко.

Оставив пленников на окраине города, один из людей Сандовалья отправился к Кортесу. Тот приказал немедленно освободить арестованных и дать им коней, чтобы они могли в достойном виде явиться в столицу.

Кортес ласково встретил прибывших, извинился за грубость Сандовалья, устроил богатое угощение и по-королевски одарил их. Посланцы не могли надивиться богатству страны, завоёванной Кортесом, великолепию столицы, радушию и щедрости Кортеса.

Они рассказали, что солдаты Нарваэса вовсе не желают сражаться с Кортесом и предпочитают сами завоевать здесь богатство, но скупой и кичливый Нарваэс, которого солдаты совсем не уважают, гонит их в бой.

Кортес смекнул, что прибывшие пойдут за тем, кто им больше заплатит. Отпустив делегацию, он послал с ней Нарваэсу любезное письмо, в котором, как сооб-

щает историк Овьедо, предлагал ему мир и дружбу. Не следует, писал Кортес, показывать варварам, что испанцы враждуют между собой, это укрепляет и без того уже бунтарский дух ацтеков и погубит все, достигнутое нами с таким трудом. Вооруженная стычка между испанцами повредит обеим сторонам и даже победителю в конце концов принесет поражение. Лишь единодушие и сотрудничество принесут успех.

Кортес готов был назвать Нарваэса своим достойным союзником, делить с ним власть и добычу и даже признать его главенство, если тот предъявит ему полученные от короля полномочия. Он, конечно, знал, что таких у Нарваэса не было.

Посланцы вернулись к Нарваэсу совсем в другом настроении: они стали горячими сторонниками Кортеса. Хронист Берналь Диас замечает: «Наш главнокомандующий произносил им такие красивые речи и так щедро помазал им руки золотом, что они совсем присмившимися отправились домой, хотя прибыли сюда рыча, как львы».

Вскоре Кортес отправил к Нарваэсу и своего представителя — патера Ольмедо — хитрого и ловкого дипломата — «лису в сутане», как его прозвали современники. Священник вез с собой несколько секретных писем, адресованных офицерам Нарваэса, среди которых было немало друзей Кортеса, а также золото — лучшее средство воздействия на воинов.

Прочитав письмо, Нарваэс и его ближайшие приспешники стали осыпать мятежников руганью и проклятьями. Один из офицеров даже пригрозил, что отрежет Кортесу уши и поджарит их к завтраку.

Однако воины жадно внимали рассказам посланцев о Кортесе, о его приветливости и щедрости, не шедших ни в какое сравнение со скупостью и надменностью Нарваэса. Посланцы рассказывали также о том, что в богатой столице ацтеков любой из воинов Кортеса черпает золото пригоршнями и даже играют там только на золото. Жизнь испанцев у ацтеков — сплошной праздник и ликование, и ходят они, обвешанные золотыми цепями и драгоценностями. Патер Ольмедо, не скупясь на золото и посулы, постепенно подтачивал боевой дух войска Нарваэса, сеял сомнения, вызывал ссоры и раздоры. Наконец

его прогнали, но брошенные им семена дали буйные всходы.

Нарваэс прибег к суровым наказаниям и приказал схватить и заковать в цепи каждого, кто осмелится обмолвиться добрым словом о Кортесе.

Посланник губернатора Кубы восстановил против себя также и тотонаков: переселился в Семпоалу и начал грабить город. Кое-кто из его офицеров перешли на сторону Кортеса и направились в Веракрус.

Кортес долго раздумывал, что делать дальше. Дождаться Нарваэса в Теночтитлане? Но тогда соперник сможет привлечь на свою сторону ацтеков, пообещав освободить их повелителя. Поэтому Кортес решил оставить в столице гарнизон и всю артиллерию, а самому с небольшим отрядом из семидесяти наиболее преданных ему людей выйти навстречу Нарваэсу. Он рассчитывал одолеть Нарваэса хитростью, подкупом или внезапным нападением.

Монтесуме, которому предстояло остаться пленником в столице, пришлось пообещать Кортесу, что он будет послушен его заместителю Педро Альварадо, так же как ему самому. Капитан-генерал пригрозил повелителю ацтеков, что в случае малейшего ослушания его подданных он будет наказан первым.

В середине мая 1520 года, после шестимесячного пребывания в столице, Кортес торжественно, но с тяжелым сердцем, покинул ее. На сей раз ему предстояла битва с соотечественниками.

По пути к Мексиканскому заливу Кортес зашел в Чолулу. Там его ожидал Веласкес де Леон с отрядом в сто двадцать человек. (Этот отряд в свое время был послан Кортесом на побережье для создания там новых опорных пунктов.) Теперь силы Кортеса возросли втрое. Приближаясь к Тласкале, испанцы встретили патера Ольмедо, возвращавшегося из лагеря Нарваэса. Святой отец имел при себе грозное послание Нарваэса, который объявлял себя капитан-генералом всех испанских военных сил в Мексике и требовал от Кортеса немедленной сдачи; в случае отказа изменникам грозила смертная казнь.

Тласкальцы радушно приняли Кортеса и даже дали ему в помощь шестьсот своих воинов. Однако последние,

пройдя с испанцами небольшое расстояние, стали один за другим поворачивать обратно. Ведь на сей раз тласкальцев не гнала в бой ненависть, как во время войны с ацтеками. Увидев, как ненадежны его союзники, Кортес отпустил их домой в Тласкалу — пусть они лучше покинут его теперь, нежели в суровый час испытания.

Вскоре к Кортесу со своим гарнизоном присоединился Сандоваль, оставивший Веракрус на попечение индейцев. Теперь у Кортеса было уже двести шестьдесят шесть человек, но среди них всего пятеро всадников; этого было слишком мало, чтобы победить Нарваэса в открытом бою (в войске Нарваэса особенно сильной была конница). Лишь немногие воины Кортеса были вооружены аркебузами, мушкетами и арбалетами, а железных доспехов не было ни у кого, пушки же остались в Теночтитлане. На войнах были легкие хлопчатобумажные панцири — неплохая защита против индейских дротиков и стрел, но весьма слабая — от пуль, мечей и шпиг солдат Нарваэса. Поверх этих, превратившихся в лохмотья ватников висели тяжелые золотые цепи, которые испанцы в этот момент охотно обменяли бы на стальные доспехи и шлемы.

В пятидесяти лигах от Семпоалы, где стоял лагерь Нарваэс, к Кортесу явилась новая делегация. Ее возглавлял бывший секретарь губернатора Кубы Веласкеса Андреас де Дуэро, давнишний друг Кортеса, в свое время посовествовавший назначить его командиром экспедиции. Друзья обнялись и долго беседовали, прежде чем Дуэро передал Кортесу послание своего командира.

На сей раз тон его был уже не так грозен. Нарваэс требовал только, чтобы Кортес признал его власть над Новой Испанией, и даже предлагал дать ему корабли для отправки домой или на Кубу, если того захотят солдаты. Разрешалось также взять с собой все добытое золото. Тогда, писал Нарваэс, можно будет обойтись без суда и следствия. Очевидно, Дуэро приложил все силы, чтобы уговорить посланника губернатора пойти на известные уступки, теперь же он советовал Кортесу принять великодушное, по его мнению, предложение Нарваэса. Он считал это единственным выходом: как ни отважны люди Кортеса, но у противника такой перевес сил, что выиграть битву им не удастся.

Однако Кортес не дал себя запугать. В ответ он направил Нарваэсу предложение, чтобы тот признал его наместником короля и законным правителем этой страны. Ни Веласкес, ни Нарваэс-де не имеют права ему приказывать, ибо он подчиняется одному лишь королю Испании. Испанцам нельзя вести братоубийственную войну в стране, где индейцы ежеминутно могут взяться за оружие.

Посланцы Нарваэса, щедро одаренные Кортесом, вернулись в свой лагерь, где стали рассказывать всем и каждому, что люди Кортеса носят поверх лохмотьев золотые цепи, жемчужные ожерелья и драгоценности. Эти тяжелые украшения висят у них на груди и шее даже в несколько рядов.

Еще дважды посылал Кортес гонцов к своему сопернику, пытаясь сломить его хитростью и посулами, решить дело миром или снять с себя ответственность за кровь испанцев, которая может быть пролита в предстоящей битве. Однако Нарваэс отверг все его предложения.

В то же время Кортес старался подкупить офицеров Нарваэса, обещая им щедрое вознаграждение за голову их командира. Он снова направил в стан Нарваэса патера Ольмедо с ложным известием, что часть воинов Кортеса якобы готова перейти к Нарваэсу. Обрадованного командира покинула всякая осторожность, Ольмедо же продолжал раздавать золото его солдатам и офицерам. Теперь можно было рассчитывать, что во время боя они не будут упорно сопротивляться.

Переговоры затягивались, а тем временем в стане Нарваэса увеличивалось число сторонников Кортеса. Капитан-генерал тоже не сидел сложа руки. По его заказу оружейники одного из индейских племен выковали триста длинных обоюдо-острых копий — грозное оружие против конницы.

В один из ненастных дней отряд Кортеса под потоками ливня и жестокими порывами ветра приблизился к Семпоале. Дорогу ему преградила разбушевавшаяся река.

Отыскав брод, Кортес разрешил усталым воинам немного отдохнуть, а когда стемнело и сквозь несущиеся облака лишь изредка стал пробиваться тусклый

свет луны, капитан-генерал заявил отряду, что решил нынче же атаковать спящего противника, ибо ночная тьма, буря и ливень позволят незаметно подкрасться к его лагерю. Час мести пробил, сказал Кортес, бог не оставит своих верных воинов, которых Нарваэс представляет королю изменниками родины и хочет лишить славы и богатства, добытых в сражениях. Однако им не раз уже доводилось побеждать намного превосходящие силы противника. И если их даже ждет поражение, то все же лучше погибнуть в бою, нежели позорно умереть на виселице.

Это был веский аргумент. Солдаты, несмотря на усталость и голод, громкими криками приветствовали своего вождя.

Тогда командующий разделил войско на отряды и каждому дал задание. Сандоваль, командовавший шестьюдесятью людьми, должен был захватить Нарваэса живым или мертвым. Воинам Олиды предстояло овладеть орудиями противника.

Вздувшаяся от дождей река ревела и клочкотала, но люди Кортеса, не раздумывая, бросались в воду, ибо их командир, невзирая на опасность, первым прыгнул в бурлящий поток.

В тот день Нарваэс, предупрежденный одним из касиков, тоже достиг этой реки, но, не обнаружив Кортеса, отвел своих промокших до нитки людей обратно в город. Из предосторожности он выставил несколько постов и выслал навстречу Кортесу около сорока всадников. Теперь же войско Нарваэса спало крепким сном, даже не подозревая о приближении противника.

Неслышно продвигаясь вперед, воины Кортеса неожиданно наткнулись на часовых и схватили их. Одному все же удалось бежать, и он поднял тревогу. Однако солдаты Нарваэса, да и сам командир, решили, что видимо часовому в вое ветра и шуме деревьев почудились человеческие шаги. Не станет же Кортес темной ночью да в такую непогоду переправляться через бушующую реку!

Кортес же, уверенный, что убежавший часовой поднял тревогу, дал приказ своему отряду быстрее продвигаться вперед, но, вступив в город, они, к своему удивлению, не обнаружили там никаких признаков жизни. Шум бури по-прежнему заглушал стук торопливых шагов.

Вскоре, однако, отряд был замечен и весть о его прибытии дошла до Нарваэса. Тут же заиграли трубы, всадники вскочили на лошадей, артиллеристы бросились к своим орудиям. Но воины Кортеса уже достигли лагеря противника. Артиллерия Нарваэса открыла по ним огонь, но ядра, посланные второпях, пролетели над головами нападающих, не задев почти никого из них.

Действуя своими длинными копьями, люди Кортеса быстро захватили пушки; другой отряд, во главе с Сандовалем, поднялся по лестнице в храм, где засели главные силы Нарваэса. Атакующих встретил град пуль и стрел, которые однако в ночной темноте не достигли своей цели. Нападающие вмиг оказались наверху и вступили с врагом в рукопашный бой. Здесь сразу же выяснилось преимущество длинных копий Кортеса. Нарваэс дрался отчаянно, но вскоре ему острием копья выкололи левый глаз.

Раненого командира, который не мог больше сражаться и только кричал, изнемогая от боли, его люди отнесли в одно из помещений храма и стойко защищали вход в него. Тогда солдаты Кортеса подожгли соломенную крышу храма и огонь выгнал защитников наружу. Нападающие бросились к Нарваэсу, стащили его по лестнице вниз и заковали в цепи. Солдаты, видя, какая судьба постигла их командира, побросали оружие.

Тем временем Кортес разбил отряд всадников, тщетно пытавшихся прорваться сквозь густой лес длинных копий. Затем капитан-генерал приказал нацелить захваченные пушки на два других храма, в которых находились люди Нарваэса, отказавшиеся сдаться. После первого же залпа гарнизон Нарваэса полностью капитулировал.

Берналь Диас рассказывает, что Кортесу якобы очень помогли светящиеся жуки — кокайос, которые в ту ночь стаями летали над полем боя (эти жуки излучают столь яркий фосфоресцирующий свет, что при нем можно даже читать). Испуганные солдаты Нарваэса, увидев эти трепетные огоньки, приняли их за тлеющие фитили мушкетов и орудий и решили, что окружены огромным войском, которое сейчас откроет по ним жестокий огонь.

При свете утренней зари неравенство сил противников стало очевидным. Солдаты Нарваэса, увидев горстку

оборванцев, победивших благодаря внезапной атаке, не могли скрыть своего разочарования, стыда и гнева.

Сдались и всадники, посланные Нарваэсом навстречу Кортесу. Капитан-генералу удалось также без борьбы захватить каравеллы. Чтобы никто не смог вернуться на Кубу и сообщить о случившемся Веласкесу, он приказал снять с них паруса, оснастку, компасы и рули.

Кортес потерял убитыми всего шесть человек, Нарваэс же — двенадцать (по другим сведениям — соответственно двоих и четверых). Командующий приказал тщательно ухаживать за многочисленными ранеными, в том числе и за Нарваэсом, которого он отправил потом в Веракрус, где содержал под строгой охраной.

Однако дальновидный Кортес относился к Нарваэсу не как гордый победитель: он дружески беседовал со своим пленником и старался помириться с ним, подчеркивая, что на все божья воля и что эта победа и пленение Нарваэса кажутся ничтожными по сравнению с другими его военными успехами в Новой Испании.

Пленным солдатам Нарваэса было приказано немедленно сдать оружие судьям в знак покорности Кортесу, а затем присягнуть ему на верность как верховному судье этой страны и капитан-генералу всех испанских вооруженных сил.

После этой церемонии Кортес велел вернуть воинам Нарваэса захваченные у них во время боя оружие, коней и другое имущество. Он роздал им также большую часть золота, добытого по дороге из Теночтитлана в Сempoалу. Все это он делал для того, чтобы любой ценой привлечь на свою сторону войско Нарваэса.

Это вызвало гнев и возмущение среди ветеранов капитан-генерала. Как отмечает хронист, «наш главнокомандующий предал своих друзей, чтобы расположить к себе прежних врагов. Мы стояли за него в горестный час, но наградой нам были лишь удары шпаг и раны, военная же добыча была роздана врагу». Однако хитрый Кортес знал, что делает. Теперь было не время для ссор — надо было действовать объединенными силами.

Золото и заманчивые посулы сделали свое дело — людям Нарваэса захотелось попытать счастья под командой столь ловкого и отважного командира.

Итак, Кортес получил такое подкрепление, о котором не мог и мечтать. Теперь в его распоряжении была целая

армия — свыше тысячи человек, среди них около сотни всадников, более восьмидесяти арбалетчиков и почти столько же мушкетеров. Капитан-генерал решил разбить их на отряды, добавив к бывшим солдатам Нарваэса по несколько своих ветеранов, а во главе поставить опытных командиров и разослать их по всей Мексике для создания новых опорных пунктов и колоний, рассчитывая в дальнейшем заняться расширением завоеванной территории.

НАРОДНАЯ ВОЙНА
ПРОТИВ ЧУЖЕЗЕМНЫХ
ЗАХВАТЧИКОВ

*Ужасная весть. — Кровавая резня во время
весеннего праздника. — Ограбление трупов. —
Испанцы в осаде. — Возвращение Кортеса. —
Куитлауак — наместник Монтесумы. — Взрыв
народного гнева. — Начало сражения*

Сразу после окончания битвы капитан-генерал направил гонца к Альварado с известием о победе над Нарваэсом. И теперь, спустя неполных две недели, когда Кортес уже считал себя неограниченным властелином всей Мексики и ему казалось, что все враги повержены в прах, из Теночтитлана возвратился гонец с ужасным известием: Альварado писал, что ацтеки напали на дворец, где жили испанцы, и, осыпая гарнизон тучей стрел, дротиков и камней, пытались захватить его. Многие испанцы убиты и ранены. Ацтеки сожгли также бригантины на озере Тескоко. Альварado слезно просил командира поспешить на помощь осажденным.

Нельзя было медлить ни минуты. Потерять прекрасный из городов Нового Света — означало потерять всю Мексику. Поэтому Кортес послал гонцов к отрядам, уже выступившим в намеченные районы, с приказом немедленно возвратиться. Оставив в Веракрусе небольшой гарнизон, а в Семпоале — больных и раненых, Кортес поспешил в Теночтитлан. По пути, в Тласкале, испанцев снова щедро снабдили продовольствием и дали им с собою две тысячи воинов. Томимый мрачными предчувствиями, Кортес поспешно пересекал страну ацтеков.

Вскоре, однако, его опасения были несколько рассеяны новым гонцом Альварado, перебравшимся в лодке из столицы на другой берег озера Тескоко и доставившим сообщение, что ацтеки уже две недели как прекратили атаки на дворец Аксаякатля, хотя не сняли осаду.

Очевидно, они отведут свои войска лишь после прибытия в столицу Кортеса.

Вскоре явился гонец и от Монтесумы с уверениями, что властелин не виновен в этих столкновениях и что они произошли вопреки его воле и приказам.

23 июня 1520 года Кортес верхом на коне во главе своего войска вступил в Теночтитлан. Испанцы двигались по дамбе, шедшей от южного берега озера. Звук труб, проносясь над озером, возвестили осажденным конкистадорам, что помощь близка. Испанский гарнизон ответил мощным артиллерийским салютом. Солдаты Кортеса прибавили шаг и, перейдя большие разъемные мосты, вскоре вступили в город.

Кортес с тревогой заметил, что многие мосты разведены, а на улицах и площадях совсем не видно людей. Никто не приветствовал белых чужеземцев, хотя и не оказывал сопротивления, лишь на лицах случайных прохожих можно было прочесть холодную ненависть и презрение. В немой тишине глухо раздавался стук лошадиных копыт. Распахнулись тяжелые ворота дворца Аксаякатля, и ликующие солдаты бросились обнимать друг друга.

Кортес немедленно приступил к расследованию причин мятежа. Одни утверждали, что ацтеки хотели освободить своего повелителя, другие — что они намеревались использовать отсутствие Кортеса для уничтожения гарнизона.

Однако постепенно выяснилось, что виной всему был сам Альварадо. Он не обладал дипломатическим тактом и несокрушимым спокойствием Кортеса. Ацтеки, по видимому, готовились к борьбе с чужеземным гарнизоном, но вели себя мирно. Альварадо решил опередить их и нанести им сокрушительный удар, но просчитался.

Ежегодно в мае, по обычаю ацтеков, устраивался весенний праздник. Это был веселый праздник, с песнями и плясками, в которых участвовали представители всех знатных ацтекских родов. Как подчеркивает в своей хронике Берналь Диас, безрассудный капитан решил использовать праздник, чтобы проучить ацтеков, которых он считал дикарями, внушить им ужас и благоговение и отбить всякую охоту бунтовать.

В назначенный день в храме собралось около шестисот ацтеков, разодетых в праздничные наряды, украшенных

Статуя ацтекского бога весны и цветов

золотыми ожерельями, браслетами и драгоценными камнями. Альварado и его воины пришли на торжественную церемонию в качестве гостей. В самый разгар веселья, когда ацтеки были поглощены пением и плясками,

испанцы, по условленному сигналу, бросились на них со шпагами в руках. Несчастные индейцы, не имея оружия для защиты, один за другим падали под ударами жестоких убийц и никому из них не удалось спастись. В этот день погибла большая часть ацтекской знати. Охранявшие ворота воины пронзали празднично одетых ацтеков копьями, а тех, кто пытался перелезть через стены, настигали стрелы, пущенные из арбалетов.

И все это, по свидетельству хрониста Томары, конкистадоры проделали жестоко и хладнокровно. Как пишет Саагун, кровь текла по мостовой, словно вода от обильного дождя. Затем испанцы, бродя по лужам крови, стали грабить убитых, срывая с них драгоценности. Кровавая резня завершилась мародерством. Епископ Лас Касас пишет, что в тот день погибло две тысячи человек, и сообщает, что индейцы долго еще пели печальные баллады об этой кровавой драме.

Весть о неслыханном злодеянии быстро облетела весь город. Ацтеки не верили своим ушам. Все, что они пережили до сих пор: осквернение храмов, пленение и позор их повелителя, — не шло ни в какое сравнение с этим жутким событием. В их сердцах загорелась такая ненависть, такая жажда мести, что жители столицы все до одного тут же взялись за оружие. На рассвете следующего дня ацтеки атаковали дворец, в котором укрылись испанцы. Они карабкались на стены, делали подкопы, пытались поджечь деревянные постройки.

Испанцам грозила гибель. Пути к отступлению тоже не было: ацтеки сожгли бригантины. Тогда Монтесума, по просьбе гарнизона, взошел на ступени дворца и возвестил народу, что жизнь его в опасности и, если штурм дворца не прекратится, испанцы его убьют. И ацтеки, все еще послушные воле Монтесумы, приостановили штурм.

Однако они продолжали держать крепость в осаде и возвели вокруг нее широкую полосу укреплений. Ацтеки знали, что съестные припасы у испанцев должны скоро иссякнуть и гарнизон под угрозой голода будет вынужден сдаться. Не хватало питьевой воды (ацтеки позаботились, чтобы конкистадоры не могли брать воду из акведуков). Но тут, к радости испанцев, на территории дворца неожиданно был открыт прекрасный источник. Да и запасы продовольствия были еще немалые.

Выслушав все эти сообщения, Кортес понял, что поступил опрометчиво, оставив вместо себя Альварадо. Он резко осудил капитана, действовавшего столь безрассудно, и в гневе повернулся к нему спиной. Но теперь было не время для упреков и наказаний: испанцев могло спасти лишь единодушие.

Возможно, что Кортес хитростью и ловким дипломатическим маневром, используя влияние Монтесумы, сумел бы еще добиться примирения с ацтеками. Но в его распоряжении были теперь значительно большие силы, чем раньше, и он самонадеянно решил, что сумеет сломить сопротивление ацтеков. Об этом свидетельствовало его обращение с Монтесумой.

Кортес в тот же день принял властелина ацтеков, но держался с ним так холодно и сурово, что Монтесума, оскорбленный и огорченный, немедленно вернулся в свои покои. Кортес не скрывал своего гнева по поводу того, что ацтеки еще не возобновили доставку продовольствия. Он сказал, что Монтесума повинен в этом, ибо разрешил закрыть рынки, прекратил доставку воды и съестных припасов. Угрожая касикам виселицей, капитан-генерал потребовал от ацтеков полного повиновения, к тому же он не скупился на оскорбления. Монтесума, эта мексиканская собака, сказал Кортес, сначала хотел расправиться с испанцами при помощи Нарваэса, теперь же собирается уморить их голодом.

Кортес освободил из-под стражи обвиненного в участии в заговоре брата Монтесумы Куитлауака, надеясь, что тот в этой сложной ситуации будет ему полезен и постарается успокоить возбужденный народ. Но это было величайшей ошибкой, ибо Куитлауак больше не вернулся к испанцам.

Монтесума возглавлял союз ацтекских племен, был главнокомандующим и верховным жрецом бога войны. Но у ацтеков имелся еще один верховный орган власти — совет племен, который, согласно древнему обычаю, имел право избирать нового верховного жреца и главнокомандующего из членов царствующей семьи. Куитлауак — ближайший наследник Монтесумы — созвал этот совет и был избран наместником властелина на то время, пока Монтесума находится в плену. Отважный касик, воспринявший свое заключение как тяжелейшее оскорбление, стал немедленно собирать войска. Кортес же, нимало

не сомневаясь в том, что ему удастся снова покорить ацтеков, отправил в гарнизон Веракруса известие о своем счастливом прибытии в столицу.

Однако не прошло и получаса, как испуганный гонец, весь покрытый ранами, вернулся и сообщил, что вся столица взялась за оружие, мосты разведены и дворец Аксаякатля окружен. Вскоре раздался глухой гул, похожий на далекий рокот моря. Гул становился все сильнее: по улицам, которые вели ко дворцу, словно волны бушующего моря, двигались несметные полчища ацтеков. На всех террасах и крышах тоже появились толпы вооруженных ацтекских воинов.

Лагерь испанцев был защищен невысокими каменными стенами с неравномерно расположенными на них башнями. По сигналу тревоги испанцы и тласкальцы, ютившиеся на площади в палатках и шалашах, схватились за оружие и бросились к крепостным стенам, в которых были пробиты большие амбразуры для пушек и маленькие — для мушкетов и аркебуз.

Нападающие быстро приближались. Они шли сомкнутыми рядами и знамена развевались над ними. Выше всех реяло древнее боевое знамя Мексики с изображением орла, держащего в когтях змею.

То были уже не беспорядочные толпы индейцев, какие конкистадоры привыкли видеть в сражениях с другими племенами. Ацтекские воины выступали крупными отрядами во главе с касиками и жрецами.

Большинство воинов шли голые, в одних только набедренных повязках, и оружие их было самым разнообразным: у одних — длинные копья с медными или кремневыми наконечниками, у других — луки и стрелы, у третьих — дубинки или палицы, усеянные шипами из обсидиана. Самым же страшным оружием для испанцев были трехзубые копья с острыми наконечниками.

Знатные ацтекские воины отличались пышными одеяниями: их грудь прикрывали круги из металла, поверх которых были накинuty плащи из ярких перьев. На головах красовались украшенные яркими перьями маски хищных зверей и других лесных животных.

Пронзительный боевой клич ацтеков заглушил звуки труб и бой испанских барабанов. Из колонн осаждающих, с балконов и крыш домов на конкистадоров обрушился град стрел, дротиков и камней. По утверждению

хрониста, во время этой битвы на дворцовую площадь упало такое количество стрел, что осажденным испанцам негде было даже ступить и они собрали и сожгли сорок возов стрел.

Конкистадоры подпустили ацтеков поближе и огнем из пушек и мушкетов уложили их первые ряды. Ошеломленные индейцы в ужасе остановились, а затем, снова сомкнув ряды, устремились вперед. Залп следовал за залпом, но наступательный порыв индейцев не ослабевал. Ненависть и жажда мести снова и снова гнали их через груды трупов вперед.

Ацтеки рассчитывали на свою многочисленность: если даже тысячи падут в бою, оставшиеся все равно уничтожат белых дьяволов. Полчища наступавших ацтеков были так велики, что, по свидетельству Гомары, артиллеристы едва успевали заряжать и стреляли не прицеливаясь. Атакующие, невзирая на огромные потери, взбирались друг другу на плечи, карабкались на стены, пытались захватить ворота. Испанцы копьями сталкивали их со стен, но место раненых и убитых тут же занимали другие.

Воинственные крики сливались с громом пушек, свистом копий и треском охваченных огнем зданий: ацтеки горящими стрелами подожгли несколько деревянных построек в лагере испанцев. Воды не хватало даже для питья, и осажденные тщетно пытались песком затушить бушующее пламя. Справиться с огнем удалось только после того, как испанцы разобрали часть стены, проделав таким образом опасную брешь в своей защите. По приказу Кортеса эту брешь тут же прикрыли своим огнем батарея пушек и закованные в латы стрелки.

Тяжелый урон причиняли испанцам и особенно тласкальцам ацтекские лучники, которые стреляли с крыш близлежащих домов.

Кортес не ожидал такой упорной и яростной атаки. Он вскоре убедился, что ацтеки готовы сражаться до конца и командуют ими опытные военачальники. Ацтеки, любившие, очевидно, свою родину более горячо, чем их повелитель Монтесума, поднялись на решающий бой.

Сражение было прервано лишь с наступлением темноты. Индейцам, как утверждают хронисты, было запрещено воевать после захода солнца. Однако испанцы

не могли даже думать о сне и отдыхе. Они должны были возводить укрепления, готовить боеприпасы, чинить оружие, заботиться о многочисленных раненых и, главное, думать о том, как выбраться из страшной западни, в которую их заманило золото, этот желтый дьявол.

СМЕРТЬ МОНТЕСУМЫ

Из пушек по баррикадам. — Непрерывные бои в кольце пожаров. — «Ножи наточены, жертвенные камни ждут!» — Монтесума на дворцовой стене. — Смерть трусу и предателю! — Резня в храме бога войны. — Провал переговоров о перемирии

С рассветом битва возобновилась. Испанцы убедились, что ряды осаждавших не поредели. Сея смерть, раздался первый залп пушек и мушкетов. Распахнулись дворцовые ворота и оттуда стремительно вылетели испанские всадники, с ног до головы закованные в железные латы. За ними следовали пехота и тласкальские воины. С копьями наперевес и поднятыми шпагами лавина испанцев налетела на ацтеков, сметая их со своего пути.

Ацтеки отступили и укрылись за баррикадами: на главных улицах города были заранее устроены завалы. По каналам к месту сражения подходили все новые пироги с ацтекскими воинами, и, казалось, конца им не будет.

Кортес приказал стрелять из пушек по завалам, но все-таки испанцы почти не продвинулись вперед — вспомогательные силы ацтеков нападали на них из каждого переулка. Ацтекские воины, пренебрегая смертью, отважно бросались под ноги лошадей и стаскивали всадников на землю. С крыш швыряли огромные камни, поражавшие всадников и лошадей. Испанцев не спасали от камней ни щиты, ни доспехи.

Тогда Кортес приказал поджечь дома ацтеков. Это не составило труда: хотя дома и были сложены из

камня, но внутри имелось немало легковоспламеняющихся материалов — тростниковых циновок, деревянных изделий. Вскоре дома запылали один за другим. Испанцы не успокоились до тех пор, пока не подожгли несколько сотен зданий. Многие защитники города сгорели заживо.

День клонился к закату. Казалось, испанцы могут уже торжествовать победу. Однако противник был только отброшен, но не уничтожен. Ацтеки собирались за завалами или в переулках и тут же снова бросались в бой, пока огонь орудий не разносил завалы и не освобождал путь испанским всадникам. Атаки чередовались с отступлениями. Обе стороны понесли большие потери. Хотя ацтеки и потеряли во много раз больше воинов, чем испанцы, к ним все время прибывали новые пополнения. Ряды же завоевателей постепенно таяли.

Наконец испанцы были все же вынуждены вернуться во дворец, от которого отошли уже довольно далеко. Ацтеки следовали за ними по пятам, не давая усталым и голодным конкистадорам ни минуты передышки.

Боевой дух и отвага ацтеков приводили испанцев в ужас, даже многоопытным ветеранам не доводилось видеть такой ярости и ожесточения.

Отступая, Кортес заметил в одном из переулков своего друга Дуэро, окруженного толпой индейцев. Его стащили с коня, и он яростно оборонялся длинным кинжалом. Кортес, не раздумывая, подлетел на своем боевом скакуне, разогнал ацтеков и отбил у них коня Дуэро, а затем посадил своего друга в седло, и оба они, рубя мечами налево и направо, прорвались сквозь толпу индейцев и присоединились к своим главным силам. Этот дерзкий поступок, засвидетельствованный историком Эррерой, Кортес считал ярчайшим подвигом своей жизни и очень гордился им. И, надо сказать, что вождь конкистадоров в самых тяжелых ситуациях действительно проявлял величайшую отвагу.

Ацтеки снова окружили дворец Аксаякатля. Всю ночь напролет вокруг лагеря испанцев раздавались их угрозы и проклятия. Наконец-то, кричали они, боги отдали белых дьяволов в их руки, ножи наточены, жертвенные камни ждут и хищные звери рычат в ожидании своей

пищи. Тласкальцев же перед жертвоприношением придется еще хорошенько откормить.

Эти страшные угрозы чередовались с горькими сетованиями по поводу пленения и позора Монтесумы.

Капитан-генерал, раненный стрелой в левую руку, испытывал сильную боль, но это было ничто по сравнению с мучившими его угрызениями совести: он не сумел разобраться в ацтеках, не понял, как горячо любят они родину, как они отважны, как велико их презрение к смерти. Теперь же надежды на спасение почти не было: вокруг конкистадоров бушевал океан народного гнева.

Кортес решил снова попытаться использовать влияние Монтесумы и с его помощью усмирить ацтеков. Тогда испанцы воспользовались бы перемирием и вырвались из окружения.

Однако повелитель ацтеков, глубоко потрясенный всем происходившим, отказался от посредничества в мирных переговорах. Целый день он с ужасом следил за ходом битвы и, по свидетельству Берналя Диаса, отказался принять и выслушать Кортеса. Он сказал, что желает только смерти, и на все уговоры испанцев отвечал:

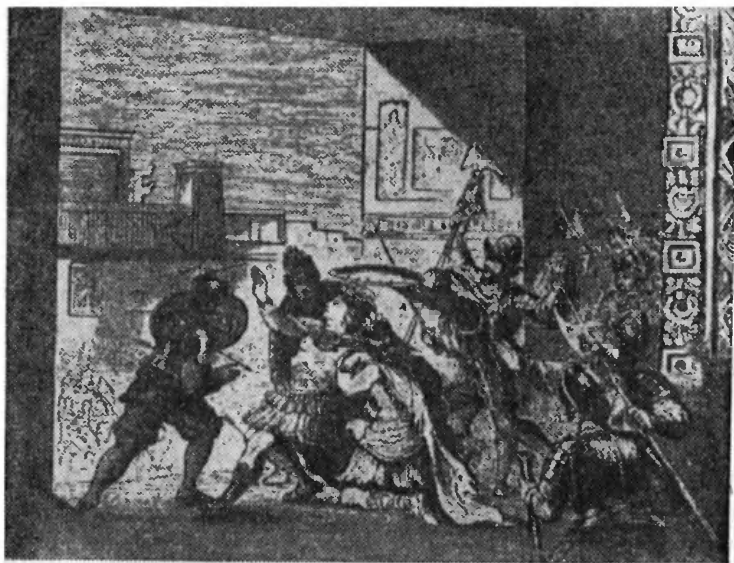
— Это бесполезно. Они не поверят мне так же, как и лживым словам Малинцина. Все вы найдете в этих стенах свою смерть.

И все же Монтесума удалось убедить. Испанцы обещали ему после прекращения огня немедленно покинуть Теночтитлан, и он ради спасения своих подданных согласился выступить посредником.

Облачившись в парадную одежду — белоголубую мантию, усеянную драгоценными камнями, Монтесума в сопровождении своей свиты и конкистадоров поднялся на стену дворца.

Сражение мгновенно затихло. Ацтекские воины, увидев своего повелителя, пали ниц, не смея поднять на него глаза. Казалось, Монтесума снова обрел власть над своими подданными. Он заговорил с ними тихим, но твердым голосом.

Называя по имени знатных ацтеков, которых разглядел в толпе, он говорил, что ацтеки преданно сражались за свободу своего вождя, но заблуждались, считая его пленником белых чужеземцев. Он-де по своей соб-

Ранение Монтесумы (со старинного рисунка)

ственной воле оставался так долго у испанцев, стараясь лучше ознакомиться с их нравами и обычаями и оказать уважение их великому государю. Теперь же он решил позволить чужеземцам покинуть Теночтитлан. Он прощает ацтекам все их заблуждения, но требует, чтобы они сложили оружие и мирно разошлись по домам. Он просит об этом также от имени своих гостей и друзей — испанцев.

Едва ацтеки услышали, что повелитель снова называет себя другом ненавистных пришельцев, как их охватили гнев и презрение к Монтесуме. По толпе прокатился ропот. С каждым мгновением он становился все сильнее и наконец перерос в яростный рев. Любовь, благоговение, слепое преклонение перед вождем мгновением улетучились. На голову Монтесумы посыпались проклятия. Ацтеки кричали, что он больше не повелитель Мексики, а жалкий трус, преступник и изменник родины. Как повествует Клавигеро, со всех сторон раздавались возгласы:

— Молчи, негодяй, баба, рожденная лишь для того, чтобы прясть и ткать! Ведь эти собаки держат тебя в плену, ты, трус!

Взметнулись вверх пращи и луки, град стрел и камней полетел в несчастного Монтесуму. Испанцы, защищавшие своими щитами повелителя ацтеков, не ожидали такого взрыва. Опешив, они на миг ослабили внимание, и в это мгновение в Монтесуму вонзилось несколько стрел, а тяжелый камень ударил его по голове. Один из хронистов рассказывает, что якобы первую из этих стрел метнул в боготворимого повелителя его племянник Куаутемок.

Как только ацтеки увидели, что Монтесума упал, их охватил суеверный ужас и они в панике разбежались, ожидая, что небо разверзнется и языки пламени настигнут и покарают их. На площади остались одни лишь трупы.

Потерявшего сознание Монтесуму служители унесли во дворец. Осмеянный и отвергнутый своим народом, он лишь теперь осознал свою трагическую роль и не захотел больше жить, хотя испанцы всеми силами старались спасти его. Он отказывался от лекарств, не принимал пищи, срывал с ран повязки.

Видя, что конец знатного пленника недалек, испанцы попытались убедить его в необходимости спасти свою душу и приобщиться к вере христовой. Но Монтесума с угрюмым безразличием отклонял все предложения конкистадоров, говоря, что в смертный час он сохранит верность богам своего народа. И вскоре (29 или 30 июня) повелитель ацтеков скончался.

«Так умер несчастный Монтесума, — писал хронист тласкальского происхождения Камарго, — управлявший с такой мудростью и достоинством, что его боялись и почитали более чем кого-либо, равного ему по рождению, и во много раз больше, нежели любого когда-либо восседавшего на престоле в этом западном мире».

Так во время взрыва народной ненависти и презрения погиб один из могущественнейших властелинов того времени. С его смертью порвалась последняя нить, связывавшая испанцев с ацтеками.

Тело Монтесумы его приближенные унесли из дворца и предали огню, а пепел с глубокой скорбью был погребен в усыпальнице его предков. Берналь Диас вспоми-

Борьба за храм Уицилопочтли (из старинной мексиканской рукописи)

нает, что Монтесуму оплакивали и испанцы. «Мы все любили его как родного отца, — пишет Диас. — И в этом нет ничего удивительного, ибо мы видели, что это был за добрый человек!»

Некоторые хронисты утверждают, что испанцы якобы задушили раненого Монтесуму, а также касиков Тескоко и Тлателолко и сбросили их трупы со стен дворца. Однако это мало похоже на правду.

Бои продолжались, жестокие и кровавые. Напротив дворца Аксаякатля стоял огромный храм бога войны. С высоких террас этого храма ацтекские военачальники могли как на ладони видеть весь лагерь испанцев. Около пятидесяти или шестидесяти ацтекских воинов, скрываясь за стенами храма, метко обстреливали осажденных испанцев, которые ни на миг не могли покинуть свои укрытия. Единственной защитой против

стрел были щиты. Ацтеки же, стоявшие на высоких террасах храма, были недосыгаемы даже для пуль.

Кортес решил штурмом занять храм и поручил это Хуану де Эскобару, дав ему сотню солдат. Ацтеки трижды отражали атаки конкистадоров, обрушивая на испанцев град стрел, камней, тяжелых бревен и сбрасывая испанцев вниз с крутых ступеней храма.

Видя, что штурм храма ослабевает, Кортес приказал привязать щит к его раненой левой руке (о чем он не забыл упомянуть в своем пространном письме королю), и сам повел на приступ отряд из трехсот лучших испанских воинов, сопровождаемых тласкальцами. Во дворе храма они атаковали ацтеков, яростно оборонявших вход. Лошади скользили и спотыкались на гладких каменных плитах двора, поэтому испанцам пришлось спешиться и они бросились вверх по лестницам храма. Впереди всех бежал Кортес, громким голосом подбадривая своих людей.

Ацтеки яростно оборонялись на первой террасе и в бесчисленных переходах. Атакующих испанцев настигали стрелы и дротики, тяжелые камни и горящие бревна, которые скатывались вниз, насмерть поражая закованных в латы конкистадоров.

Хотя испанцы и несли большие потери, все же они, под прикрытием мушкетного огня, оттеснили ацтеков на верхнюю террасу. То была просторная, выложенная плоскими каменными плитами площадка с жертвенным камнем и двумя святилищами.

Наверху столпилось несколько сот ацтекских воинов. Отступление или бегство для них были невозможны. Началась беспощадная резня, на которую с ужасом взирал весь город. Каждый старался продать свою жизнь подороже. Многие ацтеки, как свидетельствует Саагун, видя, что испанцы убивают пленных, сами бросались с высокой террасы вниз и разбивались о мостовую. Большинство же сражалось с невиданной отвагой и погибло под шпагами испанцев. Случалось, что ацтекский воин, сцепившийся в смертельной схватке с врагом, увлекал его в пропасть.

Такая участь чуть не постигла и самого Кортеса. Двое ацтекских воинов, жертвуя собой, пытались погубить вождя ненавистных чужестранцев. Они устремились

Ацтекские воины пытаются сбросить Кортеса с террасы пирамиды (со старинного рисунка)

к Кортесу, сделав вид, что хотят просить пощады, но, оказавшись рядом, вцепились в него и потащили к краю площадки, не имевшей ограждения. Повиснув на Кортесе, они старались броситься вниз вместе с ним. Однако сильный и ловкий Кортес успел столкнуть одного из воинов и спастся. Этот случай описан историками Эррерой и Торкемадой. Но сам Кортес, как ни странно, о нем не упоминает.

В ожесточенной битве, продолжавшейся три часа, пали все защитники храма — около пятисот человек, не считая двух или трех жрецов, захваченных испанцами в плен. Но и испанцы потеряли сорок пять человек убитыми, а те, кто остался в живых, почти все были ранены.

Ацтеки в ужасе взирали на победителей, которые с дикими криками вытащили из святилища изваяние бога войны Уицилопочтли и сбросили его с лестницы а затем подожгли святилище. Столб пламени взвился над городом. Ужасное знамение! Кровавый бог войны не смог защитить ни себя, ни народ ацтеков!

Ночью, под покровом темноты, воины Кортеса подожгли еще около трехсот домов в окрестностях испанского лагеря.

В надежде, что захват храма и ужасный ночной пожар сломят сопротивление ацтеков, Кортес пригласил их военачальников на переговоры. Когда те во главе с Куитлауаком и Куаутемоком собрались у крепостных стен дворца, Кортес со своей переводчицей Мариной поднялся на возвышение и обратился к ацтекам с речью. Он сказал, что боги их повержены в прах, алтари разрушены, дома сожжены и войска разбиты. Испанцы готовы прекратить эту страшную бойню, если ацтеки сложат оружие, иначе он, Кортес, сотрет город с лица земли и не оставит ни одной живой души — некому будет даже оплакивать столицу.

Однако капитан-генерал просчитался: ему не удалось запугать ацтеков. В ответ на речь Кортеса ацтекские вожди предложили ему посмотреть на улицы города, которые запружены неисчислимыми полчищами воинов. Вожди сказали, что будут сражаться не на жизнь, а на смерть, и даже если за каждого убитого белого придется погибнуть тысяче ацтеков, все равно чужеземцам живыми отсюда не уйти: мосты разобраны, дороги заграждены. Осажденные погибнут от голода, жажды и болезней, и их останется так мало, что такой ничтожной жертвой навряд ли удастся умиловить разгневанных богов, жаждущих мести.

Не успела Марина перевести этот ответ, как в испанцев полетели стрелы и дротики, — свидетельство того, что ацтеки не бросают слов на ветер.

Положение испанцев было незавидным: запасы продовольствия подходили к концу и изнуренные тяжелыми боями воины, по словам Эрреры, получали в день лишь по маленькой кукурузной лепешке. Не хватало и воды. Порох тоже был на исходе. Конкистадоры страдали от ран, а еще больше от сознания того, что их ожидает смерть на жертвенном камне.

Снова начались ропот и смута, особенно среди солдат Нарваэса. Они не могли себе простить, что совершили такую глупость: покинули Кубу и прибыли сюда, в эту страну людоедов. Где же обещанное ацтекское золото?! Выходит, солдат согнали сюда на убой, как стадо баранов... И они требовали, чтобы командир немедленно вывел их из предательской западни.

Однако Кортес, казалось, не терял присутствия духа. Хладнокровно разрабатывал он план быстреего отступления самым коротким путем — по тлакопанской (такубской) плотине всего лишь в две мили длиной. А как же мосты? Как перебраться через каналы? Это предстояло еще выяснить: произвести боевую вылазку, восстановить мосты. Для защиты воинов от стрел и копий испанцы соорудили три движущиеся боевые башни — сколоченные из досок и бревен двухэтажные коробки с бойницами со всех сторон.

Эти башни надежно защищали мушкетеров от стрел. Отсюда воины Кортеса могли беспрепятственно вести огонь по крышам и террасам домов. А выбросив мостки, даже спускаться на крыши и вступать с индейцами в рукопашный бой. Башни были поставлены на колеса и целые толпы тласкальцев, ухватившись за канаты, с трудом тащили эти тяжелые махины.

У первого же разобранного моста башни пришлось остановить. Под градом стрел и камней испанцы заваляли прорыв в дамбе, и затем всадники погнались ацтеков дальше, до следующего прорыва. Так за два дня испанцам удалось с нечеловеческим напряжением сил в непрерывных боях завалить семь каналов, пересекавших дамбу. Ацтеки же старались разрушить наведенные испанцами переправы.

Нередко испанцам приходилось отступать, но и тогда Кортес, смелый и бесстрашный воин, удивлял всех самообладанием и отвагой. Поговаривали, что на поле боя якобы появлялся апостол Яков на белом коне с огненным мечом в руках. А в самые тяжелые минуты рядом с капитан-генералом видели деву Марию в сверкавшем белизной облачении, которое ослепляло неверных и не давало им нанести вред христову воину — Кортесу.

Однако ни мать божья, ни святые апостолы не могли вывести войско испанцев из осады язычников. То была истинная кара божья.

Совет астролога. — Как унести награбленное золото? — Отступление во тьме. — Битва на дамбе и паническое бегство. — Груды трупов вместо мостов. — Грабители не расстаются с золотом даже в свой смертный час. — Полный разгром

Военный совет испанцев долго не мог решить, когда же лучше уйти из города — днем или ночью. Наконец Кортес призвал к себе некоего Ботельо. Этот солдат был родом из Италии и занимался предсказанием судьбы по звездам. В минуту такой опасности мог оказаться полезным и его совет.

Ботельо пользовался в войске Кортеса уважением. По свидетельству историка Овьедо, он уже раньше предсказал Кортесу, что того постигнут ужасные невзгоды, затем же он заслужит всеобщий почет и обретет большое счастье.

Астролог предложил покинуть цитадель этой же ночью, хотя у конкистадоров не было надежды ускользнуть незамеченными. Ботельо заявил, что верит в счастливый исход отступления больше, чем в свою собственную звезду, которая сулит ему гибель. Последующие события показали, что в отношении себя астролог не ошибся, ибо он пал в битве за дамбу.

Кортес, смеявшийся в свое время над Веласкесом за его веру в астрологов (предсказавших, что губернатор будет обманут Кортесом), внял совету Ботельо, учитывая к тому же, что ацтеки до сих пор обычно воздерживались от ночных сражений.

Капитан-генерал сделал все, что мог, чтобы вывезти из Теночтитлана награбленные у ацтеков сокровища. Многие солдаты все еще носили при себе свою часть добычи — золотые цепи, ожерелья и другие драгоценности. Причитающуюся же королю пятую долю и большую часть золота, захваченного Кортесом и офицерами, перелитого в золотые слитки, снесли по приказу капитан-генерала в один из залов дворца. Командующий поручил офицерам охранять королевское золото и велел навьючить его на восемь лошадей и восемьдесят тласкальцев.

Но и после этого осталась немалая груда золота и се-

ребра, для которой не хватало ни лошадей, ни носильщиков. Тогда Кортес, по свидетельству Берналя Диаса и Овьедо, разрешил солдатам взять из этой груды кто сколько захочет, лишь бы драгоценности не остались этим ацтекским собакам. Однако он посоветовал соблюдать меру и не брать слишком много: в темную ночь, полную опасностей, трудно будет идти с тяжелой ношей.

Бывалые ветераны послушались совета командира и взяли с собою лишь небольшие, но ценные предметы. Люди же Нарваэса, увидев наконец драгоценности, о которых столько слышали, не могли побороть своей алчности. Они не только увешали себя тяжелыми золотыми цепями, но и набили золотом карманы, сумки и мешки.

Похоже, разумнее всех поступил хронист Берналь Диас: он давно уже приметил, что ацтеки превыше всего ценят не золото и серебро, а чальчивитль — нефрит. Поэтому бывалый солдат засунул за пояс четыре зеленых камня. Впоследствии, добравшись до Тласкалы, он смог получить в обмен на них все, что хотел, в том числе и золото.

Кортес установил строгий порядок отступления. Впереди во главе с Сандовалем шли двести испанских пехотинцев. Их задача была расчищать путь войску. Затем следовал отряд из четырехсот тласкальцев и ста пятидесяти испанцев, одни из них несли на себе сооруженный накануне переносный мост, другие охраняли его. Тлакопанская дамба была прорвана в трех местах, но для постройки трех мостов не было ни времени, ни возможностей. Этот же мост предполагалось разбирать каждый раз после того, как по нему пройдет войско, и переносить к месту следующей переправы.

Сам капитан-генерал командовал отрядом из отборных солдат — ветеранов и отважнейших офицеров, который охранял лошадей и носильщиков с золотой поклажей, тяжелую артиллерию и знатных пленников — сына и двух дочерей Монтесумы, правителя Тескоко Какамацина и других ацтекских вельмож, которых Кортес хотел использовать в качестве заложников во время переговоров с ацтеками.

Замыкали шествие конница, артиллерия и большая часть солдат Нарваэса. Арьергардом командовали Педро Альварадо и Веласкес де Леон.

Темной дождливой ночью 1 июля 1520 года конкистадоры, сотворив молитву, вышли на главную улицу города, где еще недавно бушевал жестокий бой. Вокруг не видно было ни души. Казалось, город погружен в глубокий сон и никто не слышит ни стука копыт, ни грохота колес. Испанцы решили уже, что им удастся беспрепятственно выбраться из столицы. Авангард достиг дамбы и начал наводить мост через первый прорыв.

Однако конкистадоры просчитались. Ацтекские часовые из своих укрытий зорко следили за противником и дожидались, пока он отойдет подальше от своего укрепленного лагеря. На узкой плотине испанское войско теряло свои боевые качества, лишалось маневренности и не могло использовать для защиты пушки и лошадей. А это только и нужно было хитроумным ацтекским военачальникам.

По другой версии, отступающих испанцев лишь случайно заметила ацтекская женщина, которая в этот поздний час стирала белье в озере у дамбы.

Как бы там ни было, ацтеки объявили тревогу лишь в то время, когда испанцы наводили мост. По улицам с громкими криками побежали гонцы, с высоких пирамид раздались звуки труб, сделанных из раковин, в храме бога войны загудел барабан из змеиной кожи. Проснулся весь Теночтитлан.

Испанцы поспешили начать переправу. Сандоваль с отрядом всадников испытал прочность возведенного моста, за ними последовали пехота и тласкальцы, затем Кортес с конницей и тяжело груженными лошадьми, повозки с порохом и часть орудий. Тем временем послышался глухой гул, похожий на шум бури в лесу. Он становился все сильнее. Это со всех сторон к дамбе бежали вооруженные ацтеки. Над темной гладью озера раздавались бесчисленные всплески весел.

Грянул страшный боевой клич индейцев. Он несся отовсюду: с глади озера, с его берегов. Со всех сторон в испанцев полетели копья, стрелы и камни. К дамбе одна за другой приближались лодки: ацтеки хотели захватить чужеземцев живьем — разгневанные боги требовали жертв. Наступление ацтеков проходило широким фронтом по обе стороны дамбы.

Испанцы думали лишь о своем спасении. Торопливо отражая атаки, они прямо по трупам двигались вперед.

Отход испанского войска, состоявшего теперь не из сотен, а из тысяч человек, продолжался несколько часов. Передовые отряды достигли второго канала, пересекавшего дамбу, и остановились, так как не могли переправиться через него. Ацтеки атаковали непрерывно, и Кортес посылал гонца за гонцом, торопя арьергард разобрать переносный мост и доставить его ко второму каналу.

Между тем на мосту продолжалась неопиcуемая сутолока: люди, кони, орудия — все сбилось в кучу. Стремясь пробиться вперед, испанцы падали в воду, а там их ожидала смерть или ацтекский плен.

Наконец конкистадорам удалось перейти мост. Под градом стрел они попытались разобрать его, но напрасно: опоры моста под тяжестью людей, орудий и лошадей столь глубоко ушли в грунт, что их невозможно было сдвинуть с места. А ацтеки и здесь не прекращали атаки. В конце концов испанцы вынуждены были оставить мост.

Весть об этом несчастье быстро разнеслась по всему войску испанцев, узнали о нем и союзники. Вопли отчаяния заглушили шум битвы. Где же укрыться? Путь к отступлению отрезан и пробиваться можно только вперед.

Началась страшная паника. Дисциплины как не бывало, каждый думал лишь о своем спасении. Сильные, прорываясь вперед, сбивали с ног и топтали слабых и раненых.

Бой бушевал на всем протяжении дамбы, и темная толпа испанцев была прекрасной мишенью для ацтекских стрел и дротиков. Индейцы жаждали мести и, тесня друг друга, бросались на ненавистных чужеземцев, стараясь уничтожить их всех до единого или погибнуть в бою. Испанцы тщетно пытались отбить эти яростные атаки. В такой толчее да еще в кромешной ночной тьме их военное искусство, железный строй и огнестрельное оружие теряли свои преимущества. Сколь бы много ацтеков ни было убито — места их в строю сразу же занимали другие. Все слилось в какой-то фантастический клубок, где каждый рубил вслепую, не задумываясь, сразил ли он друга или врага.

Ацтекские лодки на полном ходу подлетали к дамбе и многие суденышки разлетались вдребезги. Ацтеки из

них бросались в бой. Враги тесно сплетались в рукопашной схватке и порой скатывались с дамбы в воду, где решалась судьба испанцев: смерть от ацтекской палицы или же плен и гибель на жертвенном камне.

В ночной темноте раздавался гром пушек и мушкетов, выбрасывавших языки пламени, свистели стрелы и дротики, слышались глухие удары палиц, ржание раненых лошадей, боевые кличи индейцев, предсмертные стоны раненых и плач женщин (конкистадоров сопровождали жены — испанки и индианки. Хронист Торкемада упоминает об одной из испанок — Марии де Эстраде, которая в эту ужасную ночь, не отставая от мужчин, отважно сражалась с мечом в руках).

Ушедшие вперед отряды испанцев были прижаты ко второму каналу. Сандоваль, Ордас и несколько других рыцарей и офицеров, стараясь показать пример, первыми бросились на лошадях в воду. За ними последовали и остальные воины. Некоторым удалось укрыться на другой стороне, другие утонули, а третьих на берегу поджидали сотни ацтеков, которые сбрасывали несчастных обратно в озеро.

Во время этой схватки прорыв в дамбе заполнился трупами людей и лошадей, пушками, повозками и тюками с вещами, и постепенно образовался переход, по которому испанский арьергард перебрался на другую сторону канала. Кортес, въехав на лошади в воду, пытался навести хоть какой-то порядок, но голос его тонул в воплях отчаяния.

Наконец Кортесу удалось догнать передние отряды, достигшие уже третьего канала — самого широкого и глубокого. Офицеры, стараясь ободрить людей, снова первыми бросились верхом на лошадях в воду, и многие солдаты вплавь последовали за ними, держась за хвосты и гривы лошадей или за доски и бревна. Легче всего было переправиться тем, у кого не было ни поклажи, ни тяжелых доспехов. Многих же, по свидетельству Овьедо, увлекли на дно золото и серебро, с которыми они даже в свой смертный час не пожелали расставаться.

Битва не утихала всю ночь. Массы людей непрерывно двигались по дамбе и казалось, что насыпь колышется, как во время землетрясения. И точно так же по обе стороны дамбы на темной глади озера колыхались бесчисленные ацтекские челны. По словам хрониста Камарго,

Битва на дамбе (со старинного рисунка)

поток испанцев и тласкальцев на дамбе напоминал огромного червя, который, извиваясь, старается сбросить с себя свирепых муравьев, облепивших его со всех сторон.

«И все же мы продвигались вперед! — вспоминает старый солдат Берналь Диас. — Трудно сказать, что случилось бы с нами, если бы все происходило не ночью, в темноте, а при дневном свете! Несомненно, не спасся бы ни один человек!»

Со всех сторон раздавались отчаянные вопли:

— Помогите, тону! Помогите, меня хватают, убивают!

Яростные проклятия смешивались с воплями и мольбами о помощи. Однако в этот страшный час конкистадоры тщетно зывали к своей покровительнице деве Марии и всем святым.

Наконец Кортес со своими ближайшими сподвижниками благополучно перебрался на другую сторону канала. Шум битвы остался позади. Но тут пришло известие, что арьергард испанцев окружен и погибнет, если никто не придет на помощь.

Кортес с офицерами, невзирая на страшную опасность, поскакал обратно, снова перебрался на лошадях через канал и напал на ацтеков. Альварадо, командовавший аррьергардом, потерял коня и лишился всей артиллерии. Огонь пушек в самом начале битвы еще как-то сдерживал ацтеков, но из города к ним подходили все новые и новые пополнения. Подобно неукротимому потоку, они крушили все на своем пути, разметали пушки и теснили испанских воинов, сбивая их с ног.

Хотя Кортес со своими людьми и приостановил волну наступления, однако долго продержаться не мог.

Конкистадорам еще раз пришлось вплавь преодолевать третий канал. Альварадо в нерешительности остановился перед ним — пешим броситься в воду, где сновали лодки с ацтеками, означало верную смерть. В одно мгновение этот могучий человек, которому отчаяние придало сверхъестественную силу, уперся длинным древком своего копья в дно канала и перемахнул на другой берег. Канал был очень широк и никому не приходила в голову мысль, что его можно преодолеть таким образом. Ацтеки просто остоленели от изумления, они еще не видывали подобного прыжка.

— Этот человек настоящий сын солнца! — впоследствии говорили индейцы. Один из историков даже сравнил этот прыжок с удивительными подвигами греческих богов и героев.

Уже светало. Ночь, получившая в истории испанских походов название «Ночи печали» или «Ночи ужасов», подходила к концу. Кортес с всадниками следовал за остатками своей армии, беспорядочно покидавшей роковую дамбу. К счастью, испанцев преследовали лишь немногие ацтеки: внимание туземцев привлекли богатые трофеи, оставшиеся на поле боя.

Испанцы и тласкальцы, едва волоча ноги и даже не перевязав кровоточащие раны, спешили миновать пригород Теночтитлана. Остановились они лишь у большого храма, где почти все испанцы нашли себе убежище. В храме оказались также дрова и небольшие запасы продовольствия. (Хронисты упоминают, что в тот день конкистадоров снабдили продовольствием также некоторые селения дружественного испанцам племени отоми.)

Конкистадоры побросали на поле боя свои знамена,

оружие, боеприпасы и золото. Это была настоящая катастрофа: погибло две трети войска — от четырехсот пятидесяти до восьмисот испанцев (согласно донесению Кортеса королю — сто пятьдесят, по утверждению другого историка — около тысячи двухсот), а также от двух до четырех тысяч тласкальцев (по другим источникам, их погибло восемь тысяч); были уничтожены почти вся конница и вся артиллерия — главные ударные силы испанцев.

Конкистадоры в панике побросали мушкеты, потеряли почти все награбленные ценности. Погибли дневники и документы Кортеса. Испанской власти над могущественным государством ацтеков пришел конец, развеялся миф о волшебной силе и непобедимости белых пришельцев.

В «Ночь печали» погибли и все знатные ацтекские заложники: дети Монтесумы, Какамацин и другие касики.

По данным историков, которые, однако, нельзя считать достаточно достоверными, Кортес выступил из крепости с войском, насчитывавшим тысячу двести пятьдесят испанцев, шесть тысяч тласкальцев и восемьдесят лошадей. Теперь же у него осталось лишь около пятисот испанцев, две тысячи тласкальцев и двадцать лошадей.

Сойдя с усталого коня, Кортес сел на ступеньки храма и печально взирал на своих воинов. Он недосчитался многих. Всадники, оставшиеся без лошадей, смешались с пехотой. Доспехи испанцев были изуродованы, и из-под них виднелись опухшие от ударов тела с кровоточащими ранами. Одежда превратилась в лохмотья, была мокра и запятнана кровью. Ранены были все до единого: один ковылял, опираясь на копье, у другого рука висела на перевязи, у третьего была разбита голова. Отовсюду слышались стоны, рыдания и жалобы.

Измученные солдаты растянулись на земле, лишь некоторые из последних сил пытались разжечь огонь, чтобы просушить одежду и хотя бы перевязать свои раны. Но усталость была сильнее боли, голода и жажды.

Даже Кортес, привыкший подавлять и скрывать свои чувства, на сей раз не смог совладать с собой и, закрыв лицо руками, горько заплакал. Что случилось с его мечтой о покорении ацтеков, с надеждой на славу, богатство и власть? Куда девалось то блистательное войско, с которым несколько недель назад он вступил в Теночтитлан?..

Но тут взгляд Кортеса упал на некоторых оставшихся в живых офицеров, с которыми он всегда связывал большие надежды. По-прежнему рядом с ним была и Марина — его подруга и переводчица. Уцелел и второй переводчик — Агилар, спасся от гибели Лопес. — корабельных дел мастер. Все это несколько утешило Кортеса.

Однако оставшееся войско — эта разгромленная банда разбойников, являлась теперь для него скорее обузой, чем опорой. И другой на его месте, очевидно, прежде всего позаботился бы о своем собственном спасении и поскакал бы к побережью.

Но слишком крепкие узы связывали Кортеса с конкистадорами, он был верен им до конца и даже в эти страшные дни не только не помышлял покинуть свое войско, но, напротив, старался вселить бодрость в своих израненных и удрученных воинов. Как всегда, он спокойно отдавал краткие и ясные приказания, собственноручно проверял оставшееся оружие, осматривал тяжело раненых, подбадривая их то похвалой, то шуткой.

После ужасной ночи нужно было во что бы то ни стало передохнуть, добраться до союзников — индейцев, до гарнизона Веракруса, заново собраться с силами и тогда опять попытаться счастья. Иначе в Испании неудачливого авантюриста поднимут на смех и будут показывать на него пальцем, а то еще и повесят по приказу короля.

ЧУДО ПРИ ОТУМБЕ

Голодный поход. — «Спешите туда, где вас ожидает возмездие!» — Двести тысяч воинов в долине Отумбы. — Островок конкистадоров в океане ацтеков. — Смерть вождя рождает панику. — Неожиданная победа. — Отдых на земле тласкальцев. — Недовольство солдат

После короткого отдыха конкистадоры снова двинулись в путь. Теперь их преследовали только окрестные жители: к счастью для испанцев, главные силы ацтеков задержались в Теночтитлане, где они хоронили павших, делили меж собою добычу и приносили пленных

в жертву богам. Так конкистадоры получили небольшую передышку. Теперь они спешили на север. Двигались обходным путем, вокруг озера Сумпанго, стараясь миновать густо населенные ацтеками районы.

Посередине колонны тласкальцы несли тяжелораненых воинов. Конница охраняла фланги. Всадники с трудом отражали атаки ацтеков, снова и снова нападавших на испанцев, но преследовать их не могли, так как местность была гористая. Стоило кому-нибудь отстать или отправиться на поиски провианта, как он попадал в руки индейцев. Те же, завидев приближающуюся колонну, покидали города и села, унося с собой все съестное. Вскоре главным врагом испанцев стал голод.

Конкистадоры угрюмо плелись вперед, оставляя на горных тропинках умирающих.

Питалось войско ягодами, кореньями и незрелыми початками кукурузы. Павшая лошадь, которую они съели вместе с внутренностями и кожей, показалась им невиданным деликатесом.

Историк Овьедо заметил по этому поводу, что голод придал конине вкус знаменитой неаполитанской колбасы и телячьего жаркого из Сарагоссы.

Единственным спасением для испанцев могла стать союзная Тласкала, где они надеялись получить пищу, защиту, отдых и пополнение. Но будут ли тласкальцы верны своим белым союзникам после их ужасного поражения?

Во время этого страшного похода даже золото, ради которого конкистадоры еще недавно рисковали жизнью, потеряло для них всякую ценность. Многие побросали свои сокровища, которые таскали на себе даже в «Ночь печали», лишь теперь поняв, что это никому не нужный груз. Эррера упоминает о воине, выбросившем по совету Кортеса золота на сумму в три тысячи песо де оро.

— К черту твое золото, — сказал ему Кортес, — если оно угрожает твоей жизни!

Этот страшный поход продолжался уже несколько дней, и страданиям испанцев не видно было конца,

Кортес же, как всегда, был бодр, несокрушим и вместе со своими офицерами всячески старался ободрить солдат. И надо сказать, что закаленные в боях ветераны

и впрямь преодолевали все трудности, чем дали хронисту Гомаре повод написать, что нет на свете такого народа, который может так переносить голод, как испанцы, и что никому еще не выпадали на долю более суровые испытания, чем солдатам Кортеса. Не менее выносливы были и тласкальцы. Всех окрыляла надежда поскорее добраться до Тласкалы. Но повсюду их преследовали громкие крики ацтеков:

— Вон из нашей страны, подлые грабители! Спешите туда, где вас ждет заслуженное возмездие! Все равно вам его не избежать!

Марина перевела эти угрозы, но конкистадоры не понимали, что ацтеки имеют в виду. Лишь одолев крутые склоны гор и выйдя к долине Отумбы, они с ужасом увидели, что вся она заполнена ацтекскими воинами. По словам Эрреры, казалось, что долина устлана снежным покровом — повсюду белели пучки перьев и светлые хлопчатобумажные панцири, развевались знамена, сверкали копья и щиты.

Оказалось, что преемник Монтесумы Куитлауак отдал приказ касику Сиуаке собрать воинов окрестных племен, особенно из густонаселенного района Тескоко, преградить испанцам отступление и уничтожить их прежде, чем они успеют добраться до Тласкалы.

Даже самые отважные из испанцев содрогнулись, не веря больше в свое спасение. Однако вождь их и тут сохранил спокойствие и мужество. Он заявил измученным солдатам, что у них нет выбора: либо победа, либо смерть, и что всевышний их не покинет.

Кортес не знал колебаний и не ведал отчаяния. Но и впрямь нельзя было медлить ни минуты. Отступать было некуда, оставалось тут же вступить в бой и проложить дорогу в Тласкалу или же погибнуть.

К счастью для испанцев, и сами они и их кони несколько отдохнули за последние дни. По приказу Кортеса пехота развернулась широким фронтом, всадники с длинными копьями прикрыли фланги. Кортес велел солдатам не рубить, а колотить врагов, целясь им прямо в голову, топтать их лошадьми и прежде всего стараться убивать вождей.

Конкистадоры с отчаянной решимостью двинулись навстречу необозримым полчищам врага. Индейские стрелы и камни на мгновение затмили солнце. Конница

врезалась в гущу ацтеков, за нею ринулись пехота и тласкальцы. Вскоре испанцы оказались в окружении и, защищая свои фланги и тылы, сомкнутым строем, словно железный островок, прокладывали себе путь сквозь бушующее море ацтеков, волны которого, по живописному выражению хрониста Саагуна, разбивались об это препятствие.

Спасали конкистадоров главным образом успешные контратаки конницы, но все же положение их было слишком тяжелым, чтобы надеяться на победу. Множество тласкальцев и немало испанцев пало в этом неравном бою. Почти все получили новые ранения. Кортес был ранен в голову, а конь его так изрублен, что главнокомандующему пришлось сменить коня.

Однако ацтеки, хотя и заполнили всю долину, не были в состоянии использовать свое огромное численное превосходство и бросить в бой одновременно тысячи воинов. Лишь немногие вступали в соприкосновение с противником, но не могли одолеть защищенных доспехами чужеземцев.

Бой шел уже несколько часов под палящими лучами солнца. Силы испанцев были на исходе. Солдаты едва держались на ногах, и от усталости не могли больше разить шпагами. Ацтеки же подтянули свежие силы, бросались в бой с прежней яростью.

И в тот миг, когда, казалось, все уже потеряно и испанцам оставалось лишь умереть с оружием в руках, Кортес заметил в отдалении вождя ацтеков — касика Сиуаку — в великолепных одеждах, усеянных драгоценными камнями, и богатым уборе из перьев. Над ним реял боевой штандарт с изображением золотой сети. То был традиционный символ власти ацтекских полководцев. Сиуака, окруженный своими воинами, сидел в паланкине, который держали на плечах юные ацтеки.

Кортес, взяв с собой Альварадо, Сандовалю, Олиду и еще нескольких отважнейших офицеров, пробился сквозь густые ряды индейцев. Ошеломленные неожиданной атакой индейцы отпрянули в испуге, тех же, кто не дрогнул перед врагом, закованные в латы всадники пронзали копьями, рубили шпагами. По словам хрониста, испанцы, подобно молнии, рассекли тесные ряды туземцев, усеяв землю ранеными и убитыми, и прорвались к паланкину Сиуаки. Кортес смял своим конем

его свиту, а самого касика сбросил копьем на землю. Сопровождавший командующего молодой рыцарь Хуан де Саламанка, соскочив с коня, заколол Сиуаку и, подхватив боевой штандарт ацтеков, в знак победы передал его Кортесу.

Весть о гибели касика и потере знамени мгновенно облетела ацтекское войско. Раздались ужасающие вопли, началась паника, ацтеков охватил суеверный ужас, и все их огромное войско обратилось в бегство. Боги предков отвернули свой лик от ацтеков и не даровали им победы! Воины бежали с поля боя, бросая оружие и давя друг друга.

Испанцы не верили своим глазам: они — горстка усталых, обессиленных людей, не имея артиллерии и мушкетов, — победили врага, обладавшего несметным войском. Эта битва была названа «чудом при Отумбе».

Испанские историки утверждают, что в тот день конкистадорам противостояли двести тысяч ацтеков и двадцать тысяч из них погибли на поле боя. Хотя эти цифры и кажутся преувеличенными, все же они дают некоторое представление о масштабах битвы и потерях ацтеков. Немалые жертвы понесли они и во время своего панического бегства.

Испанцы и тласкальцы немедленно воспользовались переломом в ходе сражения. Горя жаждой мести и забыв про усталость, голод, жажду и раны, они беспощадно преследовали бегущего врага. Затем победители вернулись на поле боя, чтобы собрать трофеи, которых было немало. Готовясь к сражению, индейцы надели свои лучшие одежды, золотые украшения и драгоценные камни. Много часов подряд испанцы обирали мертвых, снимая с них браслеты, серьги, кольца, ожерелья и головные уборы. Особенно много драгоценностей было снято с убитых касиков.

Когда воины таким образом возместили часть утерянного ими в «Ночь печали», Кортес собрал их под знамена. Все в крови, увешанные золотом грабители вознесли господу краткую молитву, поблагодарив его за чудесное избавление. Хронист Камарго утверждал, что сам видел на поле боя покровителя испанцев святого Якова на белом коне, помогавшего воинам христовым; другой же историк упоминает о помощи, которую оказали испанцам в этом кровавом деле свягой Петр и дева

Мария. И даже старый солдат Берналь Диас, обычно подтрунивавший в своей хронике над подобными рассказами, на сей раз сам говорит о якобы виденных им чудесах. Очевидно, и он не мог иначе объяснить такую поразительную победу.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда конкистадоры достигли какого-то храма. Это был удобный и безопасный ночлег, к тому же с немалыми запасами воды и продовольствия.

Так 8 июля 1520 года закончилась знаменитая битва под Отумбой — «чудо», которое испанцы объясняли лишь милостью всевышнего, избравшего Кортеса своим орудием для наказания язычников.

На рассвете войско покинуло место ночлега. Ацтеки, казалось, больше не пытались собрать свое рассеявшееся войско. Лишь изредка появлялись отряды лазутчиков. Они осыпали испанцев стрелами, но держались на почтительном расстоянии.

Спустя еще один день конкистадоры достигли границы Тласкалы и остановились в небольшом селении, где отдыхали два-три дня. Тласкальцы приняли испанцев очень радушно, однако, по некоторым сведениям, гостеприимство их было не совсем бескорыстным: они надеялись получить часть военных трофеев.

Весть о грандиозном сражении уже достигла столицы Тласкалы. Кортес прекрасно понимал, что тласкальцы теперь его единственная опора. Поэтому он строго-настрого запретил своим солдатам обижать местных жителей. Кортес не без оснований опасался, что тласкальцы после «Ночи печали» нарушат договор о дружбе с испанцами и заключат союз с ацтеками.

Однако тласкальцы знали о чудесной победе под Отумбой: а ведь там белые чужеземцы победили объединенные силы ацтеков! Касики Тласкалы, немного помедлив и посоветовавшись, решили, что ацтеки все равно не простят им измены и единственный выход для Тласкалы — по-прежнему быть с белыми. Касики явились к Кортесу и поздравили его с прибытием на землю Тласкалы, выразив испанцам глубокое сочувствие по поводу понесенных ими потерь.

— Мы и впредь будем действовать вместе с вами, — сказали касики. — Цель у нас одна — отомстить врагу за наши общие обиды. И будьте спокойны: что бы ни

случилось, мы будем вам верны, без хитрости и лукавства мы готовы биться рядом с вами до последней капли крови.

Это заявление развеяло все сомнения Кортеса и он принял приглашение прибыть в Тласкалу. Больных и раненых положили на носилки, и гостеприимные тласкальцы несли их на плечах. Жители встречали колонну музыкой и ликованием. Однако то тут, то там слышались вопли и рыдания — индейцы оплакивали гибель близких и друзей, ведь многие тласкальцы не вернулись из далекого похода.

По прибытии в Тласкалу Кортес со своими приближенными поселился в просторном дворце касика, солдат же разместили в домах местных жителей. Почти все испанцы были ранены, и тласкальцы должны были ухаживать за ними. Сам Кортес тоже едва держался на ногах. У него были раздроблены два пальца левой руки и ушиблена нога. Кроме того, оказалось, что в битве при Отумбе Кортесу проломили череп. Пришлось срочно сделать операцию и удалить осколки кости. Перенесенные тревоги и волнения еще усугубляли тяжелое состояние Кортеса. Несколько дней он лежал в бреду, между жизнью и смертью, но его крепкий организм победил болезнь.

В то время как испанцы залечивали свои раны и приходили в себя после пережитых потрясений, одно за другим прибывали известия. Оказалось, что поражение в Теночтитлане было не единственной бедой, свалившейся на них: ацтеки вместе со своими союзниками совершили целый ряд нападений на другие испанские отряды.

Кортес еще во время похода против Нарваэса оставил в Тласкале большое количество золота, которое спустя некоторое время забрал с собой испанский отряд из пяти всадников и сорока пехотинцев, направлявшийся из Веракруса в Теночтитлан. Ацтеки напали на этот отряд и полностью уничтожили его.

Такая же участь постигла и другой отряд из двенадцати солдат. Пришли известия о гибели еще нескольких групп конкистадоров. Эррера упоминает о надписи, вырезанной на коре дерева одним из испанских воинов, попавших в беду: «Здесь прошел Хуан Хусте и его несчастные товарищи, которые так страдали от голода, что

сочли возможным отдать золотой стержень, стоимостью в восемьсот дукатов, за несколько кукурузных лепешек».

То были недобрые вести. Необходимо было во что бы то ни стало продержаться в Тласкале, чтобы дать разбитому войску возможность подлечиться, отдохнуть и подкормиться. За это Кортес богато одарил тласкальских касиков и военачальников: отдал им часть богатых трофеев, а также великолепный плащ, головной убор и боевой штандарт Снуаки.

И все же Кортес, памятуя о поражении конкистадоров в Теночтитлане, сомневался в верности своих союзников. Испанские солдаты тоже доставляли ему немалое беспокойство. Среди них началось брожение. Они считали, что после такого разгрома участь похода уже решена и капитан-генерал обязан отложить исполнение своих планов до лучших времен. У побережья целая эскадра стоит наготове, так почему бы не вернуться на Кубу к своим семьям.

Но плохо солдаты знали своего командира. Еще лежа больным в постели, он строил новые планы, мечтая вернуть потерянную им власть и завоевать Мексику. И едва здоровье Кортеса стало улучшаться, он послал гонцов в Веракрус с приказом доставить в Тласкалу солдат, оружие и порох.

Это встревожило конкистадоров, в особенности бывших солдат Нарваэса: они поняли, что не попасть им на Кубу, в свои поместья, где индейцы возделывают для них землю, а придется оставаться воевать здесь, где не обрели они ни славы, ни богатства. Волнение солдат все возрастало, но Кортес, казалось, ничего не замечал.

Тогда недовольные подали письменный протест. В нем они заявляли, что считают безумием заставлять горстку безоружных солдат вести военные действия против огромных сил противника, и потребовали немедленного возвращения в Веракрус. Протест, вернее ультиматум, скрепленный печатью королевского нотариуса, подписали несколько сот испанских солдат. Кортес понимал тяжесть своего положения, ведь под ультиматумом стояли подписи даже его ближайших соратников, как например Дуэро, а возвращение в Веракрус, где стояли наготове корабли, означало конец экспедиции.

Но капитан-генерал оставался непреклонным. Он сделал ловкий маневр: призвал солдат не позорить имя

кастильских рыцарей, не останавливаться на полпути, а завершить экспедицию, которая прославит их имя на весь мир и принесет им несметные богатства. К тому же, говорил Кортес, теперь никак нельзя сставлять союзных тласкальцев: они могут перейти на сторону ацтеков, и тогда силы и отвага противника возрастут многократно. Кортес просил еще раз оказать ему доверие, добавив, что трусы и малодушные могут немедленно покинуть лагерь, он-де обойдется без них: лучше иметь меньше воинов, только чтобы они были отважны. Смелым принадлежит мир, и только им улыбается счастье.

Капитан-генерал также ловко воспользовался помощью своих сторонников — закаленных в боях ветеранов. На общей солдатской сходке они поклялись ему в верности и объявили, что не отпустят домой ни одного солдата, а потребуют у командующего строго наказывать каждого труса, смутьяна, предателя и нарушителя дисциплины.

Войско раскололось на два лагеря, и солдаты Нарваэса, оставшиеся в меньшинстве, приутихли.

ПАДЕНИЕ ТЕНОЧТИТЛАНА

Куитлауак ищет союзников. — Тласкальцы помогают конкистадорам. — Набеги на соседние племена. — Неожиданное подкрепление. — Постройка бригадин. — Эпидемия оспы. — Послание королю Карлу V. — Снова на Теночтитлан!

Едва Кортес предотвратил мятеж и несколько оправился от ран, как возникла новая опасность: между испанцами и тласкальцами начался разлад. Правда, касики обещали белым дружбу и поддержку, но простые тласкальцы относились к гостям менее дружелюбно, ведь белые принесли их стране так много горя и страданий! Тысячи индейцев отдали свои жизни, сражаясь за белых завоевателей. Зачем же еще кормить этих чужестранцев?

Кортес с тревогой следил за поведением тласкальцев, но все же рассчитывал на их вековую вражду с ацтеками. Разделять и властвовать, натравливать племена друг на друга, использовать их взаимные распри — такова была испытанная политика Кортеса.

Ацтеки, в свою очередь, делали попытки заключить союз с тласкальцами, чтобы объединенными силами изгнать испанцев из Мексики.

Новый повелитель ацтеков — Куитлауак — был энергичным человеком и опытным военачальником. Это он командовал сражением в «Ночь печали», и по его приказу собрались воины в долине Отумбы. Теперь он делал все, чтобы подготовить Теночтитлан к оборонительным боям и объединить индейские племена для борьбы с захватчиками. Богобоязненный патер Саагун, описывая в своей хронике патриотические действия Куитлауака, замечал, что этого индейского вождя якобы вдохновлял сам сатана — повелитель нечистой силы, заправлявший до прихода испанцев всеми делами Мексики.

Однако старания Куитлауака были тщетны. Многие племена, особенно из отдаленных районов, считали, что пришло время свергнуть иго ацтеков, другие в нерешительности колебались. И только в районах и городах, расположенных поблизости от Теночтитлана, взял верх страх перед ацтеками.

В Тласкалу к вековым врагам ацтеков тоже прибыло посольство из Теночтитлана с дарами — солью и хлопчатобумажными тканями. Такое смирение ацтеков было необычным.

Военный совет Тласкалы внимательно выслушал ацтекских послов, которые предлагали забыть прошлое, заключить союз и объединить свои силы против испанцев. Ведь белолицые за гостеприимство и дружбу отплатят тласкальцам черной неблагодарностью и снова воспользуются разобщенностью мексиканских племен. Так не лучше ли заключить союз с племенами, говорящими на одном с ними языке и почитающими тех же богов, нежели довериться жестоким чужеземцам, которые признают одного лишь бога — золото.

Молодой Хикотенкатль, уже водивший тласкальцев на битвы с испанцами, и некоторые другие военачальники считали, что предложение ацтеков надо принять. Но старые касики, среди них и отец молодого полководца — слепой старец Хикотенкатль — выступили против этого союза. Они говорили, что на устах у ацтеков мед, а в сердцах злоба, что теперь ими владеет страх, но потом они вернутся к вековой вражде и мести. Долгие годы ацтеки совершали набеги на тласкальцев, не позволяя им покупать соль и другие товары. Теперь же они стали подозрительно щедры. Надолго ли? А ведь белые, сражаясь с ацтеками, защищали и интересы тласкальцев. К тому же чужеземцы находятся сейчас под защитой святого закона гостеприимства, и боги жестоко покажут тех, кто нарушит этот закон.

После долгих горячих споров молодой Хикотенкатль был изгнан из военного совета. Сам отец осудил своего сына, который предвидел дальнейший ход событий.

Совет отверг предложения ацтеков, и их послы поспешно покинули Тласкалу. Для испанцев такой исход переговоров был неожиданным даром, ибо в противном случае участь их экспедиции была бы уже окончательно решена.

Кортес без промедления вместе с многочисленными отрядами тласкальцев совершил набеги на соседние племена, в свое время обещавшие ему помощь и поддержку, а теперь присоединившиеся к ацтекам. Капитан-генерал считал это изменой и жестоко расправлялся с племенами, опустошая целые районы и обращая в рабов взятых в плен воинов. На теле пленников каленым железом выжигали клеймо и раздавали их испанцам и тласкальцам. Кортес снова забрал себе большую часть добычи, еще раз обманув своих товарищей.

Первый набег был совершен в Тепеаку. В ожесточенных боях испанцы и тласкальцы захватили город, который стал потом опорной базой Кортеса в его дальнейших военных операциях вблизи границ Теночтитлана.

Историк Эррера описывает пир победителей, не жалея красок и давая волю своей фантазии. Тласкальцы якобы ели мясо своих врагов, нанизанное на вертела, в пятидесяти тысячах котлов было приготовлено жаркое из человеческого мяса. Прескотт присовокупляет, что вряд ли запах этого жаркого был приятен Кортесу.

Жестокие набеги следовали один за другим. В некоторых городах испанцы перебили всех жителей, и Кортес в письме королю лицемерно оправдывался, заявляя, что он якобы охотно взял бы их живыми в плен, но ему редко удавалось спасти кого-нибудь. Испанцы преследовали убежавших индейцев, как свора кровожадных псов. За два месяца Кортес снова покорил обширную территорию, захватил много рабов и, главное, добился того, что индейцы сами убивали друг друга. Даже молодой Хикотенкатль водил тласкальцев в походы на другие индейские племена.

Касики многих городов и селений сами стали просить у испанцев защиты и отдавались во власть Кортеса, надеясь таким путем спастись от оружия заморских дьяволов.

Чувствуя, что власть его уже достаточно окрепла, Кортес решил снова отправиться в поход на Теночтитлан, чтобы завоевать его вторично. Он понимал, что с захватом столицы падет все ацтекское государство, и потому особенно старательно вербовал себе союзников среди индейских племен.

После успешных походов большая часть испанцев, казалось, примирилась со своей судьбой. Но немало было

богатых и влиятельных идальго, которым, как и Дуэро, война надоеда по горло. Они осаждали Кортеса просьбами разрешить им вернуться домой, и на сей раз командующий не чинил им препятствий, отдал лучший корабль и любезно простился с ними.

Однако армия его благодаря нескольким счастливым случайностям не только не стала меньше, но даже увеличилась. Кортес неожиданно получил подкрепление от своего врага Веласкеса. Ведь капитан-генерал был настоящим баловнем судьбы!

Веласкес все еще ничего не знал о крупном поражении, которое потерпел Нарваэс. Не получая от Нарваэса никаких известий, губернатор на всякий случай послал ему на помощь еще два корабля с солдатами и оружием. Командир гарнизона Веракруса заманил корабли в гавань, захватил в плен экипажи и уговорил солдат поступить на службу к Кортесу.

Вскоре в Веракрус прибыли также два корабля с Ямайки. Губернатор этого острова Гарай снарядил три каравеллы в поход к Мексиканскому побережью, чтобы основать колонию в районе реки Пануко.

Экипажи этих кораблей перенесли много невзгод: не раз пришлось им сражаться с воинственными племенами, обитавшими на побережье, и в этих схватках погибло немало их товарищей; а однажды застиг их злой шторм и они лишились одного из кораблей. В Веракрусе экспедиция была принята очень радушно. Прибывших обеспечили всем необходимым и так пленили рассказами об успехах Кортеса, что эти сто пятьдесят хорошо вооруженных солдат, у которых, кроме всего прочего, было двадцать лошадей, решили остаться в Мексике и сражаться под знаменем капитан-генерала.

Потом в Веракрусе появилась каравелла с Канарских островов, груженная оружием и военным снаряжением. Комендант Веракруса купил ее вместе с грузом, а команда, узнав о больших видах на богатую добычу, вступила в армию Кортеса. Казалось, слово его обладает магической силой, и каждый, как свидетельствуют Эррера и Овьедо, лишь однажды услышав Кортеса, спешил стать под его знамена.

Получив такое мощное подкрепление, вождь конкистадоров мог теперь снова помышлять о больших военных операциях.

*Доспехи Эрнандо Кортеса (зарисовка экспоната
из Мадридского оружейного музея)*

Опыт подсказывал Кортесу, что в предстоящем сражении за Теночтитлан недостаточно завладеть дамбами, а нужно добиться господства над всем озером Тескоко. Но для этого необходимы боевые корабли. К счастью, после «Ночи печали» остался в живых Лопес, искусный мастер корабельных дел. Кортес отправил его в Тла-

скалу с приказом построить там тринадцать бригантин, в разобранном виде доставить их при помощи индейцев-носильщиков к берегам озера Тескоко и там собрать и спустить на воду.

При постройке бригантин не обошлось без помощи тласкальцев. Они валили лес, пилили бревна, доставляли на себе из Веракруса паруса, такелаж, железные части кораблей, якоря, канаты и оружие, вытапливали смолу для обмазки корпусов.

Пока шло строительство судов, испанцы отправились на Попокатепетль за серой, которая нужна была для изготовления пороха. Вулкан был спокоен, и они смогли в корзине, привязанной к веревке, спуститься в кратер и собрать там серу.

В то время в Тласкале свирепствовала эпидемия оспы. Это был один из печальных даров, которыми европейцы осчастливили население других материков. Болезнь началась в Семпоале. По рассказу хрониста Торрибио, оспу в Мексику завез раб-негр, прибывший с экспедицией Нарваэса.

Индейцы не умели лечить эту ужасную болезнь. Больные, стараясь унять жар, купались в холодной воде, отчего их состояние еще больше ухудшалось. Оспа унесла и правителя Тласкалы, верного союзника испанцев. Патер Ольмедо успел окрестить умиравшего касика, и испанцы порадовались, что спасли душу язычника от вечных мук.

Эпидемия перекинулась на Теночтитлан, и жертвою ее пал правитель ацтеков Куитлауак. Его преемником единодушно был избран двадцатичетырехлетний Куаутемок — храбрый, самоотверженный вождь, один из организаторов битвы в «Ночь печали».

Куаутемок — зять Монтесумы II и племянник Куитлауака (сын его брата Ауицотля, правившего до Монтесумы и умершего в 1503 году) — вступил на престол в тот месяц, когда в стране ацтеков устраивались празднества в честь главного бога Уицилопочтли. Недолгое правление Куаутемока и впрямь проходило под знаком бога войны, в непрерывных боях с испанцами, и таково уж было веление судьбы, что Куаутемок, согласно своему имени (сраженный орел), был низвергнут с вершины славы и могущества подобно подстреленному на лету орлу.

По свидетельству хрониста Берналя Диаса, это был молодой человек привлекательной наружности со светлой кожей и пропорциональным сложением; глаза его то казались строгими, то светились лаской, но никогда в них не отражались ни хитрость, ни злоба. Он женился на своей двоюродной сестре — дочери Монтесумы, красавице Текичпо. Но молодым супругам не суждено было изведать семейное счастье — у порога стоял неумолимый враг.

Готовясь к новому походу, Кортес снова отправил длинное послание испанскому королю Карлу V. Он описал все события, происшедшие после ухода испанцев из Веракруса, и уверял, что, несмотря на неблагоприятные условия, многочисленные потери и страшные опасности, испанцы в короткий срок вернут себе все утраченное. Страна эта во что бы то ни стало будет подчинена Испании, и для достижения этой цели никакие усилия и опасности не кажутся непомерными. Кортес подчеркнул, что Мексика — прекрасная, богатая страна, в некоторых отношениях напоминающая Испанию, и предложил после покорения назвать ее Новой Испанией (хотя Грихальва уже ранее присвоил имя Новой Испании Юкатану).

Кортеса угнетала неизвестность: он не знал, как король относится к походам конкистадоров. Он не знал даже, достигло ли Испании его первое письмо, отосланное еще в прошлом году. Ведь Мексика находилась на другом конце света, далеко от всего цивилизованного мира.

Вместе с письмом Кортеса королю было отправлено и другое послание, скрепленное подписями почти всех солдат. Они обвиняли Веласкеса и Нарваэса в попытках расстроить экспедицию Кортеса, вопреки интересам короля, и превозносили заслуги капитан-генерала. Солдаты просили короля назначить Кортеса своим наместником — вице-королем Мексики и запретить кому-либо вмешиваться в завоевание этой страны.

Помимо этого, Кортес направил послание королевскому суду в столицу Эспаньолы Санто-Доминго, а также снарядил туда четыре корабля для закупки оружия.

Хорошо зная жадность и корыстолюбие конкистадоров, живших на Эспаньоле, прозорливый командир приказал

отвезти туда ацтекские украшения, золото и драгоценные камни. Он не сомневался, что искатели счастья, увидев такую приманку, толпами повалят в Мексику, под его знамена.

Завершив наконец все приготовления к новой экспедиции и позаботившись о признании своих заслуг и власти, Кортес в декабре 1520 года вернулся в Тласкалу.

Хотя не прошло еще и полугода после «Ночи печали», марш Кортеса через земли Чолулы и прибытие его в Тласкалу были настоящим победным шествием. По словам Берналя Диаса, вся Тласкала — мужчины, женщины и дети с гирляндами, музыкой, песнями и танцами — вышла встречать Кортеса. Один из приветствовавших, восхваляя Кортеса, назвал его «народным мстителем». Командующий и его офицеры пришли на эту торжественную встречу в траурных одеждах, чтя память недавно скончавшегося от оспы правителя Тласкалы.

Кортес первым делом позаботился, чтобы новым правителем Тласкалы был избран двенадцатилетний сын умершего касика, и уговорил молодого властелина, который был первым из индейцев посвящен в рыцари, принять христианство. Этот подросток впоследствии стал послушным орудием в руках Кортеса. В тот же день патеры окрестили и старого Хикотенкатля.

Строительство бригаantin успешно продвигалось вперед. Вскоре Кортес устроил пышный парад своих войск. В нем приняли участие двадцать пять тысяч тласкальцев (некоторые историки называют цифру в сто или даже сто пятьдесят тысяч) и свыше шестисот испанцев, в том числе сорок всадников и около ста мушкетеров и канониров с девятью пушками. Помимо шпиг и щитов у многих испанцев были длинные копья. Вооружение тласкальцев состояло из луков со стрелами, палиц, усеянных острыми шипами, и дротиков. С этими силами Кортес начал свой второй поход на столицу Мексики Теночтитлан.

Перед походом Кортес издал приказ по войску. В нем было сказано, что солдаты выступают в поход против мятежников, признавших ранее над собой власть испанского короля, против дикарей — врагов истинной веры. Испанские воины должны смыть с себя позор, которым запятнали они себя в день поражения, отом-

стить за товарищей, погибших в боях и принесенных в жертву языческим идолам. Испанцы отправляются на богоугодное дело — обращать язычников в веру христову. Это их главная цель, и без нее любая война будет несправедливой, любое завоевание — грабежом.

Всегда и повсюду захватчики старались замаскировать свои злодеяния благородными целями, и в этом отношении Кортес не изобрел ничего нового. Однако он понял и кое-что иное: в сражении за Теночтитлан конкистадоры будут биться не на жизнь, а на смерть, и здесь огромное значение будет иметь дисциплина и добрые взаимоотношения с союзниками.

Поэтому командующий отдал строгие приказы. Солдатам запрещалось оставлять без особого на то разрешения лагерь, они должны были спать сдетыми и держать оружие под рукой и в исправности. Строго воспрещалось поносить бога и святых, играть в азартные игры (очевидно, для того чтобы игроки не вздумали поставить на карту свое оружие или лошадей), запрещены были ссоры и поединки. Нельзя было обижать союзников — отнимать у них трофеи. Все взятое у противника золото, серебро, ткани, рабов следовало тут же сдавать офицерам, ничего не оставляя себе. За нарушение этого приказа грозили конфискация имущества и смерть. Смертью карались также ослушание в строю, сон на посту, бегство с поля боя и нападение на врага без приказа, что нередко совершали своевольные рыцари.

В КОЛЬЦЕ БЛОКАДЫ

Тескоко — опорная база конкистадоров. — Битва за Истапалапан. — Наводнение обращает победу в поражение. — Бригантины по суше доставляются к озеру Тескоко. — Оборона Шалтокана. — Черная тень смерти над цветущей долиной

28 декабря объединенный отряд Кортеса с развевающимися знаменами, под музыку выступил из Тласкалы по направлению к Тескоко. Этот богатый город находился на полдороге между Тласкалой и столицей ацтеков Теночтитланом, сразу же за границей тласкальских земель. В нем были удобные дома и жило много ма-

стеров. Здесь капитан-генерал намеревался разбить свой лагерь.

Кортес боялся, что Тескоко придется брать с бою. В свое время испанцы взяли в плен повелителя Тескоко Какамацина, и он погиб в «Ночь печали». Кортес назначил вместо него правителем Тескоко его брата Куикуицка. Куикуицк полностью зависел от испанцев и теперь шел вместе с ними в Тескоко.

Между тем власть в этой области захватил другой брат Какамацина — Коанако, тесно связанный с ацтеками. Он даже уничтожил один из небольших испанских отрядов. Когда Куикуицк несколько месяцев назад сделал было попытку возвратиться из Тласкалы в Тескоко, Коанако приговорил его к смерти. Не приходилось рассчитывать, что Тескоко примет испанцев с распростертыми объятиями.

Конкистадоры избрали самый тяжелый путь к Мексиканской долине — через горные перевалы, надеясь, что в этих труднопроходимых районах враг будет меньше тревожить их. Медленно, с величайшими предосторожностями двигались они сквозь густые сосновые леса по узким ущельям, остерегаясь засад и неожиданных атак. Но ацтеки не появлялись. Лишь изредка путь преграждали лежавшие поперек тропы стволы огромных деревьев, а над головами захватчиков, словно злые духи, летали в ожидании кровавого пира стаи стервятников.

Вскоре, миновав суровые и холодные горы, испанцы оказались в долине, где пышно зеленели лиственные леса. Здесь росли дубы, клены и другие деревья, и стволы их были обвиты лианами. Эту обширную, прекрасную долину конкистадоры должны были во что бы то ни стало завоевать. А впереди уже дымились сигнальные костры ацтеков, возвещая о приближении врага. «Мы чувствовали, что у нас нет иного выхода: победа или смерть. И так как решение наше было твердым, мы шли вперед таким легким шагом, точно впереди нас ждали одни увеселения», — писал Кортес в письме к королю.

Ацтеки собрали своих воинов, разрушили мосты, но в сражение не вступали.

Кортес обрадовался, когда к нему явились посланцы

касихов Тескоко с просьбой пощадить эту землю и поселиться в их городе — они-де согласны признать над собой верховную власть испанского короля. Конкистадорам был отведен просторный дворец, который они немедленно укрепили. Кортес, всегда отличавшийся большой осторожностью, опасался нападения горожан. Испанцы заметили, что в городе мало женщин и детей, многие жители тайно уходят из Тескоко. Покинул город и его повелитель Коанако.

Кортес немедленно назначил правителем города послушного ему туземца, согласившегося принять христианство.

Через город протекал ручей, впадавший в озеро Тескоко. Кортес решил углубить его и превратить в канал длиной в пол-лиги — до самого озера, чтобы потом спустить здесь на воду бригаантины, построенные в Тласкале. По приказу капитан-генерала за работу немедленно взялись восемь тысяч индейцев. Они трудились дни и ночи, и за два месяца был готов канал глубиной в двенадцать футов, с несколькими шлюзами.

Тем временем многие соседние города направили к испанцам посольства и обещали покориться. Кортес потребовал, чтобы эти города выдали ему ацтеков, прибывших из Теночтитлана. Так многие ацтекские вельможи попали в руки Кортеса. Капитан-генерал, воспользовавшись этим, отправил пленников к Куаутемоку с посланием, где выразил сожаление по поводу враждебных операций, к которым он вынужден прибегнуть против своей воли. Ведь тех, дескать, кто больше всех вредил испанцам, нет уже больше в живых. Он, Кортес, готов забыть прошлое и предлагает ацтекам подчиниться ему заблаговременно и тем самым спасти свою столицу от ужасов осады. Однако этот дипломатический ход не имел никаких последствий. Единодушие ацтеков было непоколебимо.

Куаутемок готовил свою столицу к обороне: он отсылал прочь всех, кто не способен был участвовать в сражении, собирал и обучал воинов, готовил оружие и пламенными речами вдохновлял борцов. Он назначил большую награду за каждого убитого испанца, и еще большую — за убитую лошадь и за воина, взятого в плен живым. Вождь ацтеков призывал все племена объединиться и взяться за оружие.

Приближался час решающей битвы — битвы не на жизнь, а на смерть. Обе стороны не собирались отступать от своих намерений.

Кортес решил планомерно, шаг за шагом, покорить все окрестные города, заключить Теночтитлан в кольцо и тогда взять его штурмом.

Прошло не более недели после прибытия Кортеса в Тескоко, когда он, оставив гарнизон на попечение Сандоваля, с двумястами испанских пехотинцев, восемнадцатью всадниками и тремя-четырьмя тысячами тласкальцев выступил в Истапалапан — один из крупнейших культурных центров Мексиканской долины с населением около пятидесяти тысяч человек.

Путь конкистадоров лежал вдоль восточного берега озера Тескоко, мимо многих прекрасных городов и селений, сквозь густые кипарисовые и кедровые рощи. Сам же прославленный город Истапалапан узкой косой вдавался в озеро и был расположен частью на его пологом берегу, частью на сваях. Высокая дамба предохраняла город от соленых вод озера.

Уже на дальних подступах к городу противника поджидали войска ацтеков. Разгорелся жестокий бой. Победу одержали хладнокровие испанцев и дикая злоба тласкальцев. Оказав отчаянное сопротивление, ацтеки вынуждены были в беспорядке отступить. Преследуя их, испанцы заметили где-то посреди озера у дамбы несколько лодок с индейцами, но не придали этому значения и, ворвавшись в город, принялись убивать и грабить жителей. Прибрежные дома были покинуты. Индейцы ушли, бросив свое имущество. Тласкальцы тут же завладели им и были буквально увешаны богатой добычей. Ацтеки укрылись в свайных постройках, в зарослях тростника и камыша. Здесь же они спрятали своих жен и детей.

Испанцы добрались и до них, хотя идти пришлось по пояс в воде. Ацтеков разгромили, и всех их — будь то воин, женщина, ребенок или седовласый старец, постигла одна участь — смерть. Погибло более шести тысяч человек, как об этом сообщал Кортес в своем третьем послании королю.

Наступила ночь. Место побоища освещалось лишь призрачным светом горящих домов.

Перебив ацтеков, солдаты принялись за грабеж. Вдруг

до них донесся шум ревущего потока. Тласкальцы закричали, что вода прорвала дамбу. Кортес лишь теперь понял, чем занимались индейцы в лодках возле дамбы: они разрыли ее, озерные воды хлынули в город, расположенный в низкой впадине, и поднимались все выше и выше.

Кортес поспешно собрал свой отряд и покинул Истапалапан. Конкистадоры и их союзники-тласкальцы, обвешанные тяжелой добычей, переходили озеро вброд. Добравшись до прорыва в дамбе, они погали в мощный поток воды. Тласкальцы, жители гор, не умели плавать, и многие из них утонули. Конкистадоры потеряли всю свою добычу, оружие и порох отсырели. Люди, промокшие до нитки, мерзли на ночном холодном ветру.

С рассветом озеро покрылось бесчисленными челнами: ацтеки напали на продрогших испанцев. Однако те не приняли боя, а постарались быстрее добраться до своего лагеря в Тескоко.

Впоследствии Кортес писал, что, если бы испанцы задержались в городе еще часа на три, никто из них не выбрался бы оттуда живым.

Кортес был удручен исходом этого похода, начавшегося так успешно, а закончившегося нелепым поражением. Он столкнулся с твердой решимостью народа, готового затопить родной город, но не отдать его врагу.

Однако командующий не падал духом. К тому же он получил и радостное известие: бригантины были наконец построены и могли быть доставлены в Тескоко. Для охраны каравана Кортес отправил в Тласкалу двести испанских пехотинцев и пятьдесят всадников под командой Сандовалья.

Бригантины, построенные испанскими и тласкальскими плотниками под руководством корабельного мастера Лопеса, были сначала подвергнуты испытанию, а затем, в разобранном виде, водружены на плечи восьми тысяч носильщиков и под охраной двадцати тысяч испанских и тласкальских воинов отправлены через горы в Тескоко. Длина этого тяжелейшего перехода составляла не менее двадцати лиг (свыше ста километров). Небольшие отряды врага не решались нападать на сильную охрану. Лишь позднее, когда бригантины стали собирать на берегах вырытого канала, ацтеки сделали три неудачных попытки поджечь их.

Теперь Кортес мог приступить к захвату всех городов и селений, окружавших столицу ацтеков. Одни города в страхе перед испанцами сдались без боя, как например Отумба и Чалько, другие Кортес захватил, умело используя распри между племенами и щедро раздавая их касикам обещания.

Но большинство городов и селений оказывали конкистадорам вооруженное сопротивление. Особенно яростно оборонялся город Шалтокан. Он был расположен на острове в северной части одноименного озера, и сообщение с сушей поддерживалось там по таким же дамбам, как в Теночтитлане.

Кортесу, отправившемуся со своими всадниками в город, неожиданно путь преградил широкий канал, пересекавший дамбу. Мощное течение потока не могли преодолеть ни кони, ни люди. Ацтеки в челнах со всех сторон устремились на помощь защитникам города и, прикрываясь огромными щитами, стали забрасывать дамбу камнями и дротиками, обстреливать ее из луков.

Град стрел и камней нанес конкистадорам немалый урон. Ряды их смешались, и они вынуждены были отступить. Ацтеки проводили испанцев громкими и презрительными криками.

Но тут капитан-генерал узнал от перебежчика, что в озере есть брод, по которому можно проникнуть в город. Следуя за предателем, испанцы и тласкальцы двинулись через озеро, то и дело проваливаясь в воду по шею и стараясь уклониться от ацтекских стрел. Выбравшись на берег, они, не щадя никого, с лихвой рассчитались с горожанами. Когда сопротивляться было уже бесполезно, жители Шалтокана стали спасаться в челнах. Победители, захватив богатые трофеи и большое количество пленных, подожгли город со всех сторон.

Затем, обогнув озеро, войско Кортеса заняло еще три города, уже покинутые перепуганными жителями. Весть об опасности черной тенью нависла над цветущей долиной, и все, кто только мог, брались за сружие или бежали. Многие укрылись в Теночтитлане. Нередко испанцы вступали в совсем безлюдные города и селения.

Конкистадоры проводили ночи под открытым небом, зорко следя, не появится ли враг: по всей долине горели сигнальные огни, возвещавшие тревогу, и ацтекские воины собирались в огромные полчища.

Затем Кортес двинулся на древний город ацтеков Тлакопан (Такубу). Под его стенами находился военный лагерь ацтеков. Конница испанцев с ходу врезалась в расположение врага. Стрелки и мушкетеры открыли яростный огонь с флангов, а пехота, вооруженная шпагами и длинными копьями, при поддержке индейцев бросилась в атаку. Вскоре ацтеки были вынуждены обратиться в бегство.

Наутро Кортес увидел, что ацтеки снова собрались на поле боя. В короткой жестокой схватке испанцы наголову разбили их, остатки ацтекского войска укрылись в городе. Победители штурмом заняли Тлакопан и, по своему обыкновению, полностью разграбили его. Вдобавок тласкальцы сожгли часть города; по рассказам испанцев, это были дикие и свирепые союзники, которых невозможно было обуздать в бою. Тщетно пытался Кортес потушить пожары.

Борьба испанцев с ацтеками не прекращалась. Особенно тяжело испанцам приходилось в горах, окружавших Мексиканскую долину. Индейцы сбрасывали на захватчиков камни и куски скал. От них не было спасения. Однажды, как рассказывает хронист Диас, камнями было убито восемь одетых в доспехи испанских воинов и в клочья разорвано знамя в руках знаменосца.

Все же конкистадоры повсюду преодолевали сопротивление индейцев. С огнем и мечом прошли они через многие долины по ту сторону горных хребтов и заняли там немало городов, в том числе Куэрनावак (на некоторое время ставший резиденцией Кортеса). Затем войско Кортеса вернулось к Теночтитлану.

В одной из стычек ацтекам удалось заманить Кортеса в западню. Преследуя противника, командующий скакал с группой воинов по дамбе, уже знакомой ему по «Ночи печали». Ацтеки отходили все дальше и дальше, но вдруг, получив пополнение, повернули обратно. На озере немедленно появились тысячи челнов. Разгорелся ожесточенный бой, в котором многие конкистадоры были ранены или убиты. Лошадь Кортеса споткнулась и упала вместе с ним. Какой-то ацтек изо всей силы ударил Кортеса по голове, другие кинулись на него и с радостными криками потащили своего пленника прочь. Но тут, как рассказывает Берналь Диас, один храбрый тласкалец и несколько испанцев вырвали Кортеса из рук ацтеков.

На сей раз испанцы были вынуждены позорно отступить. Кортес спрашивал после своего чудесного избавления об отважном тласкальце, но никто его не знал. Поэтому главнокомандующий, по словам Эрреры, утверждал впоследствии, что спасением он обязан своему покровителю святому Петру.

Испанцы продолжали штурмовать другие города. Кольцо блокады все туже охватывало столицу ацтеков. Со всех сторон дымились развалины покинутых и разрушенных городов. Урожай в цветущей долине снимали завоеватели под охраной своих войск. Им досталась огромная добыча: хлеб, золото и драгоценности, ткани и оружие.

Одержав столь блестящие победы, Кортес все же хотел взять столицу без кровопролитных боев, сделав ловкий дипломатический ход. Он неоднократно делал попытки вступить в переговоры с ацтеками. Так, однажды противники случайно встретились по обе стороны разобранного моста. Выехав вперед, Кортес стал знаками приглашать ацтеков на переговоры. При помощи переводчика он спросил, нет ли среди них знатного касика, который мог бы вести мирные переговоры. Ацтеки ответили с издевкой, что они все — касики и что если он хочет что-то сказать, пусть говорит открыто. Кортес промолчал. Тогда ацтеки спросили, почему он не отправляется в гости в Теночтитлан, и насмешливо добавили, что он, наверное, не надеется встретить там еще одного Монтесуму, столь же покорного, каким был первый.

Ацтеки насмехались над тласкальцами, называя их бабами, что у индейцев считалось самым большим оскорблением. По их словам, тласкальцы без защиты белых никогда не осмелились бы подойти так близко к столице ацтеков.

Касики враждующих индейских племен чуть ли не ежедневно вызывали друг друга на поединки. Иногда с каждой стороны сражалось по несколько человек, и нередко ни один из них не оставался живым — так велика была ярость сражавшихся.

Вскоре из Чалько прибыли гонцы с просьбой о помощи против напавших на них ацтеков. Сандоваль с сильным отрядом выступил в Чалько и, выдержав несколько сражений, рассеял ацтекских воинов, после чего торжественно возвратился в Тескоко. Однако Куаутемок снова

послал в Чалько большой отряд индейцев. Хронист Берналь Диас отмечает, что туда на двух тысячах лодок прибыло двадцать тысяч ацтекских воинов.

И жители Чалько снова запросили о помощи. Сандоваль одержал блестящую победу, однако испанцы не чувствовали себя в безопасности — ацтеки с отчаянной решимостью защищали родную землю и без конца совершали внезапные набеги.

Тем временем силы конкистадоров снова возросли: в Веракрус прибыли три корабля с Эспаньолы. Они привезли двести хорошо вооруженных солдат и восемьдесят лошадей.

Среди прибывших были также королевский казначей и доминиканский монах. Последний привез папские индульгенции — грамоты об отпущении грехов. Воины христовы, руки которых были обагрены кровью, покупали их, не торгуясь, за тяжелые золотые слитки. Эти убийцы и грабители получили от церкви отпущение всех грехов, даже будущих.

Наконец кольцо блокады вокруг Теночтитлана сомкнулось. Испанцы уже видели очертания столицы. Пришло время начать осаду этой цитадели ацтеков.

НАЧАЛО РЕШАЮЩЕГО СРАЖЕНИЯ

*Заговорщики не унимаются. — Всевидящее око
раскрывает тайный заговор. — Скорый суд. —
Смотр войскам. — Расправа над Хикотенкат-
лем. — Разрушение водопровода. — Битва за
дамбы. — Бригантины — главное средство бло-
кады города. — Бои на каждом шагу*

В канун решающего сражения над головой Кортеса снова сгустились черные тучи.

Весной 1521 года председатель совета по делам Индий епископ Фонсека отдал приказ королевскому суду на Эспаньоле направить в Веракрус особого уполномоченного, освободить Нарваэса и расследовать преступления Кортеса, а также позаботиться о восстановлении в Новой Испании власти губернатора Кубы Веласкеса. Однако отправка уполномоченного задержалась, и Кортесу пока еще ничто не угрожало.

Но тут неожиданно обнаружился новый заговор против капитан-генерала и его соратников. Возглавлял заговор один из солдат Нарваэса — Антонио Вильяфана с группой своих единомышленников. По выражению одного из историков, венец победы, не принесшей никаких осязаемых благ, был для этих людей слишком ничтожным вознаграждением за их труды и старания; им не хватало того благородного рыцарского духа, который был присущ ветеранам Кортеса.

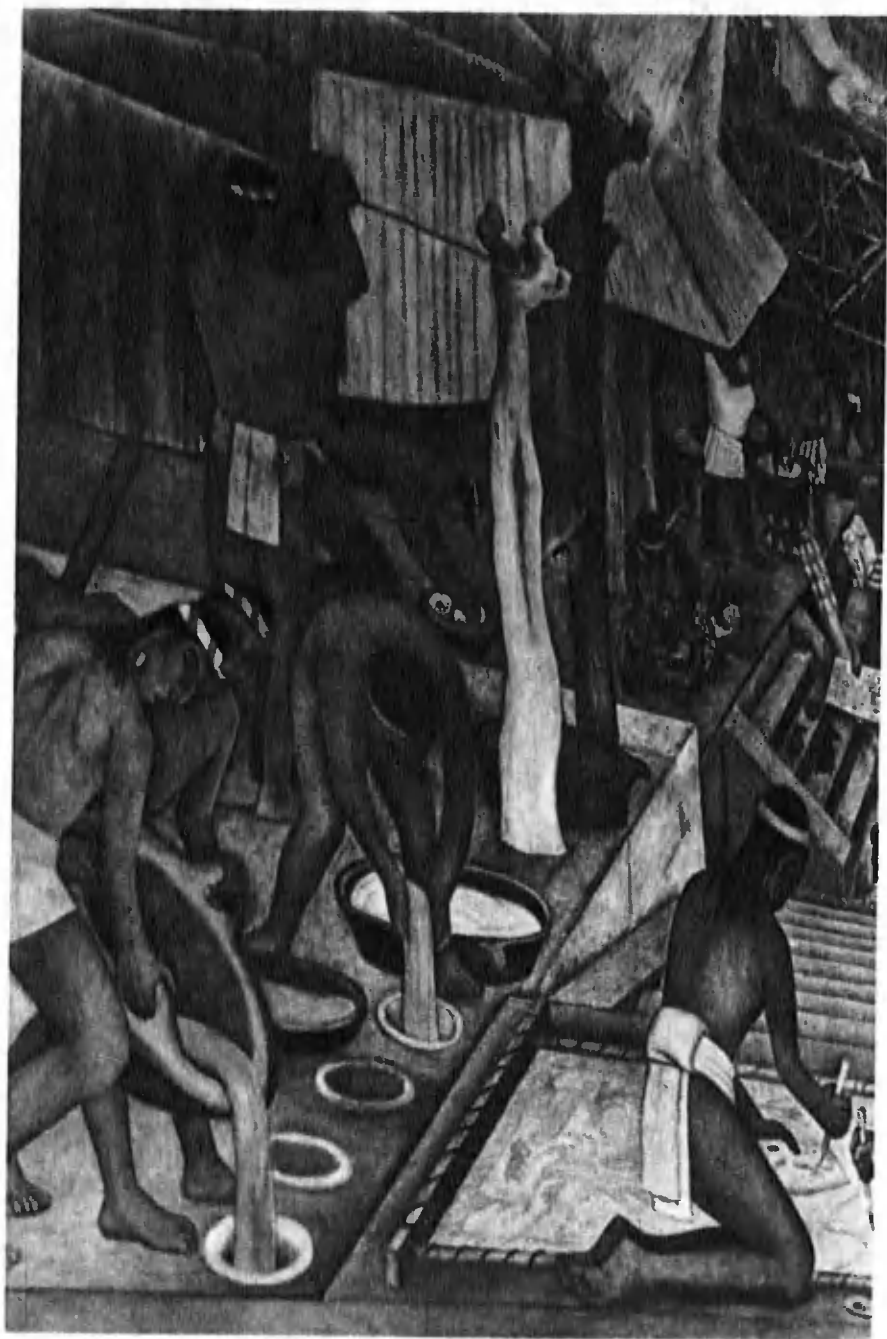
К заговорщикам примкнули и другие недовольные. Они больше не хотели рисковать своей жизнью ради интересов капитан-генерала.

Все они охотно возвратились бы на Кубу, но знали, что Кортес никогда не согласится на это. Оставался лишь один путь — убить Кортеса и преданных ему офицеров, назначить нового командующего и объявить, что каждому предоставляется свободный выбор: оставаться здесь или отправляться домой. Заговорщики рассчитывали таким образом завоевать симпатии конкистадоров и заслужить признательность и заступничество Веласкеса.

Но Кортес и впрямь родился в рубашке. «Наступил вечер, — писал один из историков, стремившийся доказать, что сам бог охранял этого разбойничьего вождя, — и спустившаяся тьма окутала своим покровом последнее сборище убийц, сокрыв от людей задуманное ими злодеяние. Но не дремало лишь одно всевидящее око, для которого и тьма являлась светом и чей внимательный взор проник в сокровенные тайны человеческих сердец... Господь бог видел, как зреет этот кровавый замысел, и этого было достаточно, чтобы его разгадать. Один миг, и словно пелена спала с глаз испанцев, и тайное стало явным...»

Одного из заговорщиков, старого соратника Кортеса, вдруг стали одолевать страх и сомнения. Чем ближе подходил миг, когда командующего должен был сразить предательский удар, тем страх этот становился все сильнее и сильнее. Заговорщик поспешил к Кортесу и, пав к его ногам, сообщил все подробности заговора. Командующий, как всегда, действовал быстро и решительно.

Взяв с собою нескольких преданных ему офицеров и судей, он отправился к Вильяфане, который в то время совещался со своими друзьями-заговорщиками.

Мексиканские маляры и художники (фрагмент стенной росписи Диего Риверы)

**Ацтекские женщины за работой (фрагмент стенной росписи
Диего Риверы)**

**Индейцы дружелюбно встречают конкистадоров (из книги
Б. Лас Касаса «История Индии»)**

Водонос. Керамика майя

Горбун. Сосуд майя

«Дама с собачкой».
Скульптура майя

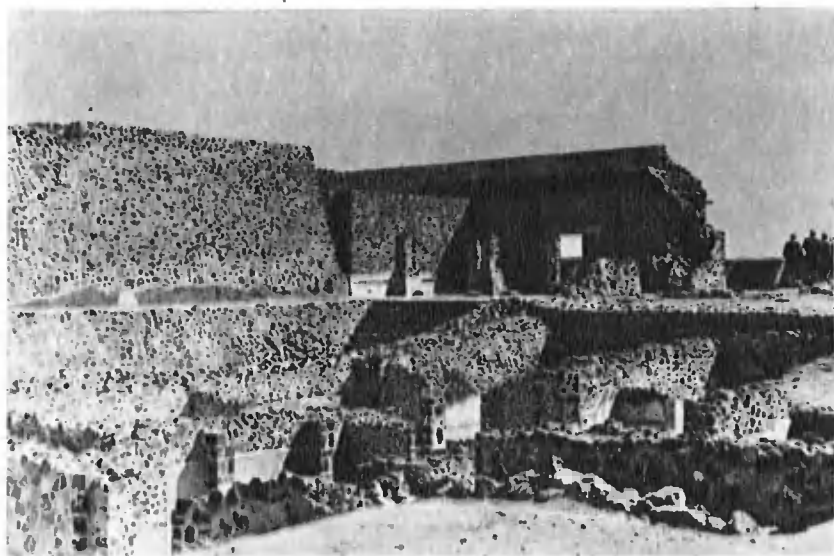
Девочка. Скульптура майя

Площадь трех культур в Мехико, где рядом с руинами ацтекских храмов и собором конкистадоров вздымаются современные здания

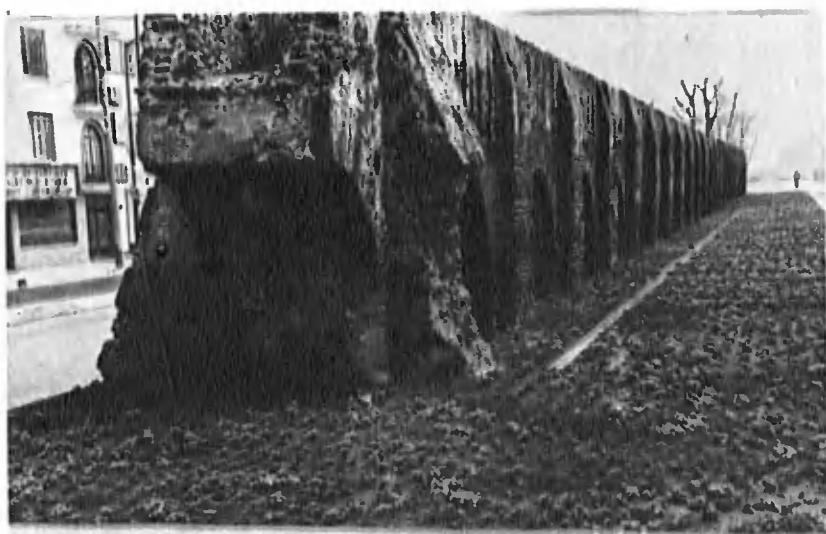
**«Плавучие сады» — чинампы и мексиканский челн
на канале Шочимилко**

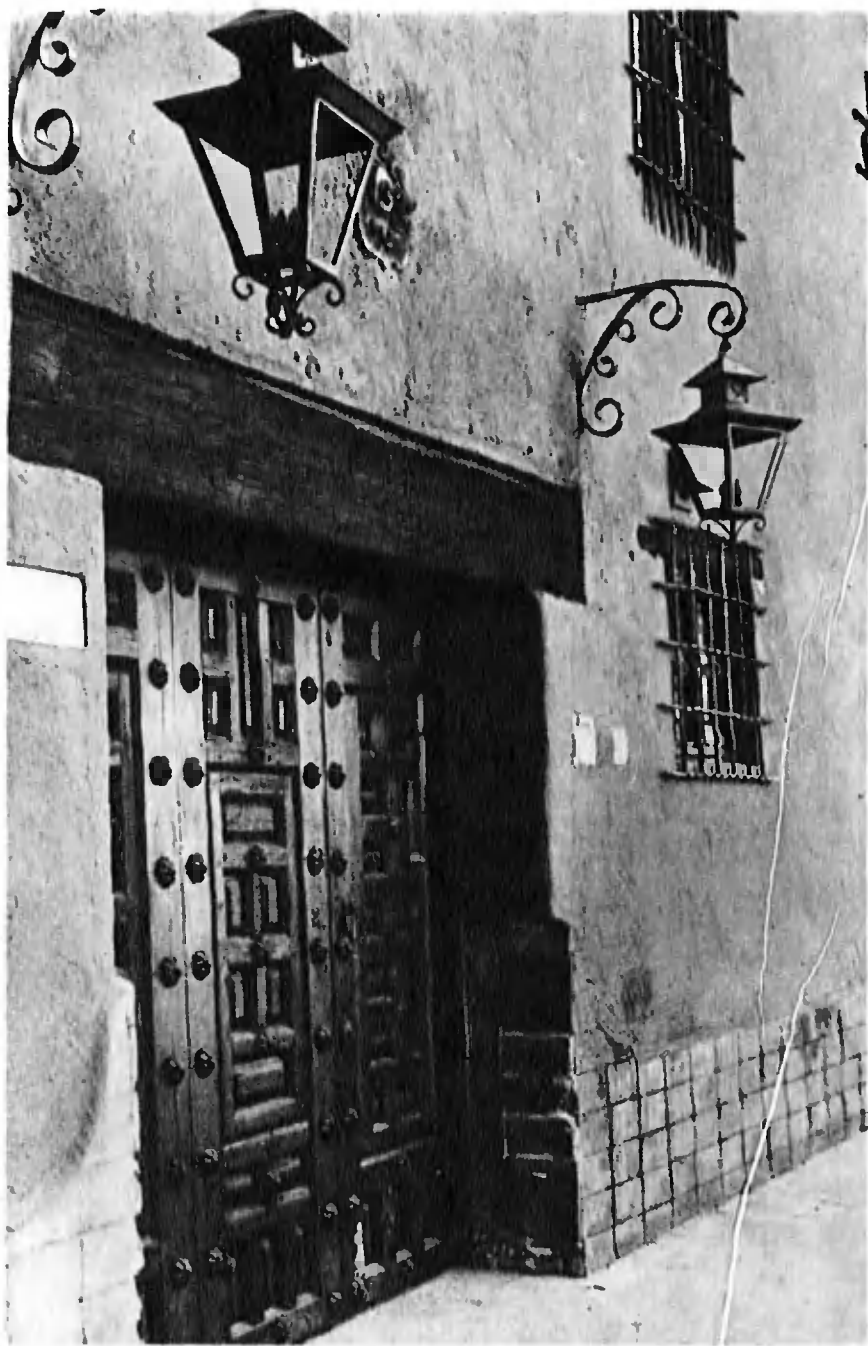
Раскопки в Теотиуакане

**Кафедральный собор конкистадоров, воздвигнутый на месте
храма Унцилопочтли**

Остатки древнего акведука в Мехико

Фрагмент здания времен конкистадоров

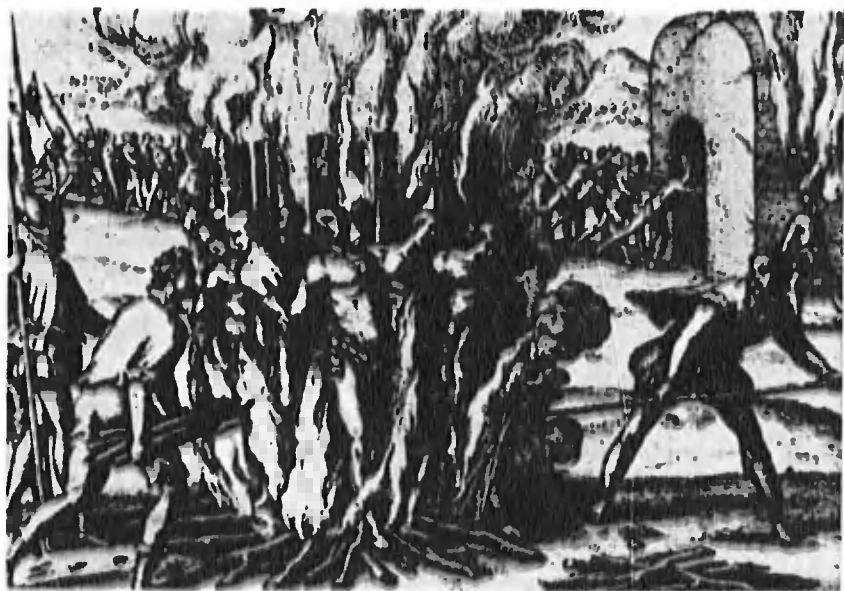
Пленение Монтесумы (медный барельеф на памятнике)

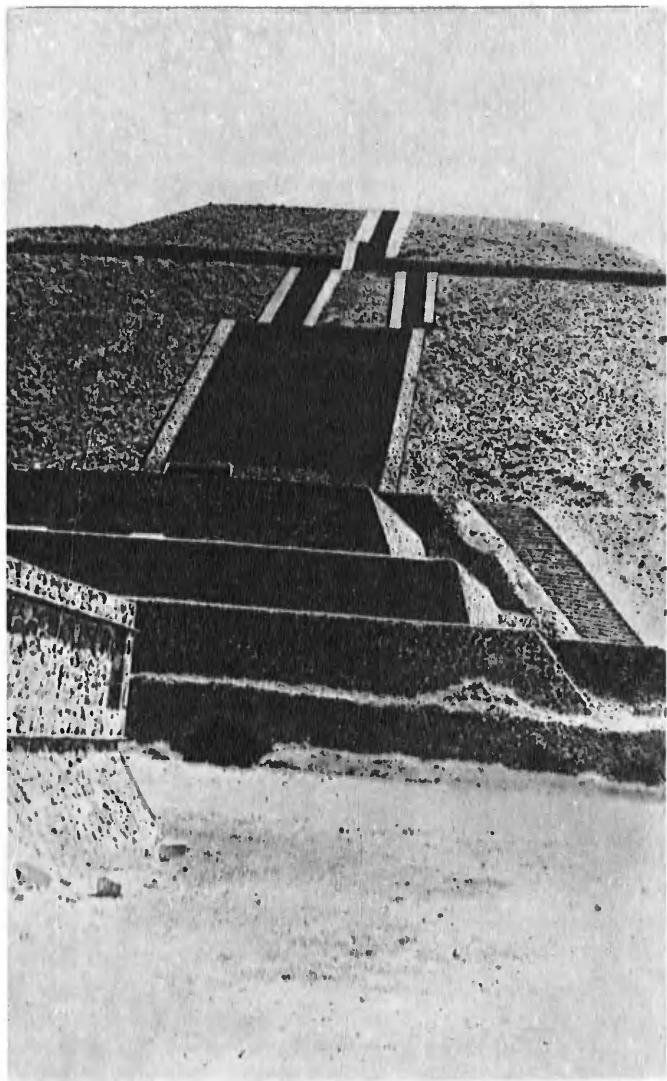
Расправа конкистадоров с сановниками Монтесумы
(из книги Б. Лас Касаса «История Индий»)

Истязание Куаутемока (медный барельеф на памятнике)

Казнь пленных (из книги Б. Лас Касаса «История Индии»)

Пирамида Солнца в Теотihuакане

Памятник вождям ацтеков, павшим во время борьбы с конкистадорами (статуя Куаутемока)

Статуя бога дождя Тлалока (возле Национального музея антропологии в Мехико)

Прибытие послов с дарами (фрагмент стенной росписи
Диего Риверы)

Завоевание Мексики (с фрески Диего Риверы из дворца Кортес в Куэрнавাকে)

Ацтекские воины во время битвы (с фрески Диего Риверы
в Национальном дворце в Мехико)

Вильяфана попытался было уничтожить список заговорщиков, но Кортес ловко вырвал у него из рук бумагу и, пробежав ее глазами, с удивлением убедился, что там много близких ему людей — храбрых воинов и офицеров. Разорвав лист на мелкие куски, командир приказал немедленно предать Вильяфану военному суду и, взяв на себя роль председателя, приговорил его к смерти. Мятежника повесили на окне дома, где он квартировал.

Солдаты, ничего не знавшие о случившемся, были поражены картиной ужасной казни, заговорщики же дрожали от страха. Однако Кортес не стал разматывать нити заговора, ибо в нем было замешано слишком много людей. Он собрал войско и, сообщив о случившемся, заметил, что преступник даже под пыткой не выдал ни одного сообщника и якобы унес в могилу тайну преступления. Он, Кортес, очень сожалеет, что среди солдат оказались такие подлые изменники. Он, правда, не припомнит случая, чтобы кого-нибудь обидел. Если же это не так, то пусть обиженные заявят свои претензии и подадут жалобы. Никто, конечно, не пожелал открыть рта, радуясь втихомолку, что неудавшийся заговор так и остался нераскрытым — никому не хотелось разделить участь Вильяфаны.

Кортес был достаточно умен и дальновиден, чтобы перед решающим сражением сдержать свой гнев: солдат и офицеров, замешанных в мятеже, по закону должно было предать смерти, а это могло восстановить против Кортеса большую часть отряда.

Эта шайка разбойников уважала своего атамана — отважного и сурового воина, не страшившегося никаких опасностей. Они понимали, что судьба всей экспедиции неразрывно связана с его судьбой. Поэтому ветераны решили выделить командующему телохранителей, которые должны были оберегать его дни и ночи, в бою — от ацтеков, а дома — от предателей.

28 апреля 1521 года бригаантины были спущены на воду.

После торжественного молебна воины исповедались, и патер Ольмедо испросил у всевышнего благословения на новый поход. Затем раздался пушечный залп — знак для спуска бригаантин. Патер освятил каждую из них и дал им имена. Бригантины, одна за другой, засколь-

зили к озеру Тескоко по каналу, стенки которого были укреплены сваями и камнями.

Как рассказывает Эррера, корабли, украшенные флагами Кастилии, вызвали у зрителей — конкистадоров и индейцев — такой восторг, что крики радости и восхищения заглушили музыку и грохот артиллерийского салюта. Испанцы запели «Те Деум», вознося хвалу всевышнему. Более всех был растроган сам Кортес. Его переполняла радость, ибо теперь он владел силой, способной разгромить твердыни гордого Теночтитлана.

Затем состоялся смотр войск. Свыше восьмисот пехотинцев (среди них восемьдесят аркебузирова и мушкетеров) и около девяноста всадников — таково было войско испанцев. Его вооружение составляли три большие и пятнадцать легких пушек (фальконетов), большое количество пороха и много пуль и стрел с медными наконечниками по индейскому образцу. Боевую технику дополняли еще тринадцать бригантин. На каждой из них была установлена пушка, а экипаж их составлял триста человек.

При укомплектовании экипажей Кортес столкнулся с немалыми трудностями, ибо испанские идальго считали унижительной работу на кораблях, и никто добровольно не хотел браться за нее.

Командующий попытался было подобрать гребцов из уроженцев портовых городов Испании, но их было мало, и пришлось заставить идальго выполнять эту тяжелую работу. Командование флотилией взял на себя сам Кортес.

После смотра войск командующий разослал гонцов, которые должны были сообщить всем союзникам, что скоро начнется решающее наступление на Теночтитлан и обещанные вспомогательные войска должны прибыть к месту сбора в течение десяти дней. Тласкальцам надлежало явиться в Тескоко, остальные должны были направиться в Чалько и оттуда начать боевые операции в южной части ацтекской долины.

В Тескоко прибыло пятьдесят тысяч тласкальцев во главе с Хикотенкатлем. В лагере неожиданно вспыхнула ссора между воином-испанцем и одним из тласкальских касиков. Касик был опасно ранен и немедленно отправлен обратно в родной город. Кортесу ничего не сообщили об этом неприятном инциденте.

Раненый касик был близким родственником Хикотен-

катля. Гордый и смелый вождь, глубоко переживая случившееся, на первом же привале покинул войско конкистадоров и вместе со своими приближенными отправился обратно в Тласкалу.

Узнав об уходе Хикотенкатля, Кортес послал ему вдогонку отряд тласкальцев и индейцев из Тескоко с приказом задержать беглецов и уговорить их сейчас же вернуться. Капитан-генерал прекрасно понимал, какие последствия для испанцев может иметь бегство Хикотенкатля.

Но тласкальский вождь не захотел слушать гонцов, восхвалявших благоразумие его соплеменников и отца, поддерживавших с испанцами дружеские отношения.

— Тем хуже для тласкальцев, — промолвил он. — Если бы они вняли моему совету, они никогда не стали бы игрушками в руках коварных чужестранцев.

Узнав, что эта миссия не увенчалась успехом, Кортес решил действовать беспощадно.

— Хикотенкатль всегда был врагом испанцев, — заявил он, посылая всадников для поимки беглеца. — Он выступал против нас и открыто и тайно: сначала в бою, а затем на военном совете. Не стоило даже тратить время на переговоры с этим коварным индейцем.

Кортес тотчас же сообщил о случившемся военному совету Тласкалы, добавив, что испанцы за дезертирство карают смертью. Совет и даже отец Хикотенкатля были согласны выдать конкистадорам молодого вождя.

Всадники схватили Хикотенкатля, заковали его в цепи и привезли обратно в Тескоко, где его ожидал суровый суд. После объявления приговора он был повешен на городской площади. Все его имущество — земля, рабы и золото — было конфисковано в пользу испанского короля.

По замыслу Кортеса, сначала надо было захватить все три дамбы, которые вели через озеро в Теночтитлан, и таким образом отрезать столицу от внешнего мира. Поэтому Кортес разбил свое войско на три отряда: Сандоваль должен был атаковать столицу с юга, а Олид и Альварадо — обогнуть озеро с севера, снова взять Тлакопан, от него двинуться к Чапультепеку и разрушить там водопровод, снабжающий Теночтитлан водой.

Решающее сражение за Теночтитлан началось 13 мая 1521 года.

Свои первые боевые операции Альварадо и Олид провели успешно. Город Тлакопан был уже покинут населявшими его тепанеками: они то ли ушли к ацтекам, то ли укрылись в горах. Испанцы заняли город без боя и двинулись затем к Чапультепеку. Отсюда брал начало городской водопровод. Сложенный из кирпичей акведук шел по узкой дамбе через все озеро. По нему из горных источников и озер поступала в столицу прекрасная питьевая вода. Ацтеки яростно защищали акведук, но не смогли отразить натиск испанцев, и водопровод был разрушен.

На следующий день испанцы направились к дамбе с намерением захватить ближайший мост.

Как и в незабываемую «Ночь печали», дамба была сплошь заполнена ацтекскими воинами. Во многих местах ее пересекали баррикады, поэтому испанцы продвигались вперед лишь с большим трудом. По озеру сновали бесчисленные пироги с ацтекскими воинами. На челнах были установлены огромные щиты, и оружие испанцев не причиняло ацтекам особого вреда.

После длительного и ожесточенного боя, потеряв около пятидесяти человек убитыми и тяжелоранеными, испанцы позорно отступили. Они не отваживались возобновить атаку до прибытия Кортеса с бригаантинами.

Тем временем Сандоваль отправился в Истапалапан. Путь его пролегал по местности, населенной дружелюбно настроенными племенами. К небольшому отряду испанцев в Чалько присоединилось огромное количество индейцев (число союзников-индейцев в войске Кортеса достигло впоследствии ста двадцати пяти тысяч человек). Под Истапалапаном завязался бой, и Сандоваль занял расположенную на суше часть города, жители которого укрылись на озере в свайных постройках.

Получив известие о том, что его офицеры заняли на берегах озера выгодные позиции, Кортес приказал флотилии поднять паруса. На высоком скалистом островке (со времен Конкисты носящем название Маркизовой скалы) укрепился ацтекский отряд, осыпавший градом стрел и камней следовавшие мимо бригаантины. Кортес с отрядом из ста пятидесяти воинов высадился на этом острове и вскоре уничтожил всех его защитников. Однако ацтеки успели разжечь на вершине скалы большой костер — сигнал о приближении флотилии конкистадо-

Куаутемок, последний властелин ацтеков (с рисунка мексиканского художника Л. Мендеса)

ров. Не успел Кортес вернуться на судно, как на озере появились сотни индейских челнов (Кортес пишет, что их было пятьсот, а Берналь Диас — что свыше четырех тысяч). По спокойной глади озера челны стремительно двинулись навстречу испанским судам.

Кортес считал бригаантины своим главным козырем и надеялся в первой же битве нанести противнику решительное поражение на воде. Но, как на зло, в самый ответственный момент ветер утих и паруса беспомощно повисли на мачтах бригаантин. Ацтекские гребцы тоже остановились, со страхом и удивлением взирая на неви-

данные чудовища с огромными белыми крыльями. И тут опять налетел ветер и наполнил паруса. Впоследствии кое-кто из историков усмотрел в этом (в который уже раз!) божье провидение и счел доказательством помощи всевышнего воинам христовым. Бригантины стремглав понеслись вперед и врезались в гущу ацтекских челнов, дробя и опрокидывая их, расстреливая из орудий. Вскоре озеро покрылось обломками челнов и тонущими индейцами.

Ацтеки пытались обстрелять бригантины, но тщетно. Тогда они обратились в бегство и гребли изо всех сил, стараясь укрыться от ядер. Но спасения не было: корабли, сея ужас и смерть, настигали их, и грохот орудий разносился по всему побережью.

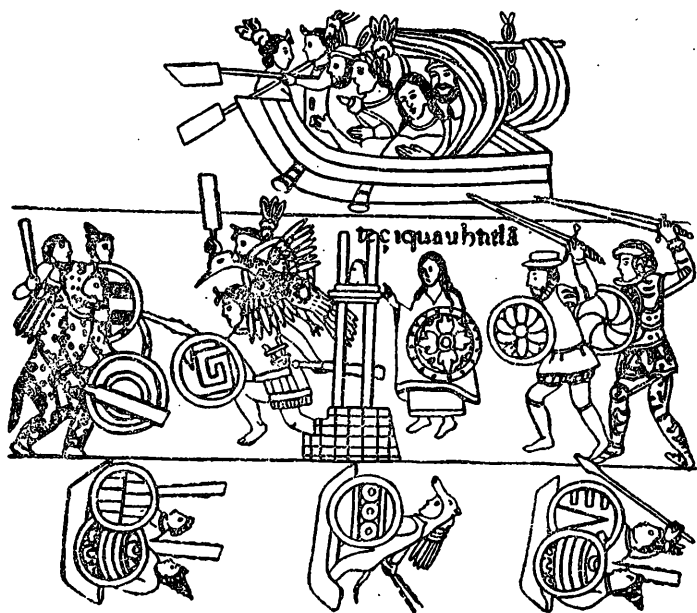
Победа эта превзошла самые смелые ожидания Кортеса, и теперь он окончательно убедился, что при взятии столицы бригантины будут иметь огромное значение: они станут прикрывать сухопутные войска и поддерживать их в битве за дамбы, помогут и в осаде города.

К вечеру бригантины встали на якорь у Холоки — населенного пункта, расположенного в полулиге от Теночтитлана, при пересечении западной дамбы с главной. Здесь у ацтеков были укрепления — две каменные башни, окруженные стенами. То была выгодная позиция, и Кортес взял ее стремительным штурмом, а затем разбил там свой главный лагерь.

В течение пяти-шести дней после взятия Холоки ацтеки, против обыкновения, тревожили испанцев днем и ночью. По ночам ацтекские воины подкрадывались к конкистадорам, осыпая их градом стрел, таким густым, что стрелы сплошь покрывали землю.

Многие индейцы закрепились на западном склоне дамбы, недоступном для испанских бригантин, и оттуда обстреливали захватчиков так метко, что конкистадорам пришлось прорыть канал в дамбе и перетащить по нему две малые бригантины, чтобы прикрывать дамбу и с другой стороны. По озеру по-прежнему сновали лодки, но держались они на почтительном расстоянии от бригантин.

Итак, испанцы захватили уже две дамбы, ведущие к Теночтитлану — южную и западную. Оставалась еще третья дамба — северная. Она переходила в главную магистраль, пересекавшую центр города. В случае по-

Бригантина спешит на помощь пехоте (из старинной мексиканской рукописи)

ражения осажденные могли отступить по ней. Пока же она служила для связи с побережьем и доставки в город продовольствия. Это заметил Альварадо со своего наблюдательного пункта в Тлакопане и доложил капитан-генералу.

Кортес приказал Сандовалю занять северную дамбу и оттуда начать наступление, чтобы взять Теночтитлан в кольцо. Однако командующий отнюдь не собирался спокойно ожидать, пока голод и жажда заставят ацтеков сложить оружие. Он приказал начать энергичное наступление со всех сторон, согласуя атаки судов и пехоты. Бригантины двигались по обе стороны дамбы за пехотой, поддерживая ее огнем, заходили в тыл ацтекам, нападали на них с флангов.

Ацтеки укреплялись у мостов и каналов и упорно защищали каждую позицию. Они сражались мужественно и, казалось, не ведали страха. Их боевые кличи

и ярость повергали конкистадоров в ужас. Сам Кортес был вынужден признаться, что земля и небо содрогались от этого дикого воя.

Ацтеки быстро возводили на дамбе крепкие каменные стены и, прячась за ними, отражали атаки испанцев. Однако пушки разрушали эти укрепления, и испанцы овладевали все новыми и новыми участками дамбы. Ацтеки не могли противостоять артиллерийскому огню, — ядра падали на них со всех сторон. Время от времени испанцы высаживали с кораблей десанты на дамбу. Тласкальцы и воины других союзных племен засыпали каналы, срывали укрепления, чинили мосты, чтобы всадники и артиллерия могли смело двинуться вперед, а в случае опасности — отойти без помех.

Однако у испанцев не хватало людей, чтобы по ночам охранять захваченные ими участки дамб, и они обычно возвращались в свой лагерь. Под покровом ночи ацтеки снова захватывали дамбы и возводили укрепления, которые назавтра вновь приходилось брать с боем.

Защитники города нашли также средство борьбы с бригаантинами. Они забивали в дно озера невидимые в воде сваи, и корабли, наскочив на них, получали пробоины или застревали между ними. Тогда на озере немедленно появлялись индейские челны, которые старались захватить попавшее в западню неподвижное судно. Иногда ацтеки заманивали бригаантины на сваи, шныряя на своих легких челнах под самым их носом до тех пор, пока бригаантины не бросались за ними вдогонку.

ЗАТЯНУВШАЯСЯ ОСАДА

Вторжение в центр города. — Штурм храма бога войны. — Паническое бегство и неожиданное спасение. — Поджигатели. — Конкистадоры изнурены битвами и дождями. — Разоренный город продолжает защищаться

Наконец пришел день, когда Кортес смог прорваться в столицу. Как всегда, перед наступлением отслужили торжественный молебен. По словам Овьедо, союзники-индейцы серьезно взирали на эту пышную и трогательную церемонию. Они не могли надивиться благоговению,

с каким испанцы относились к своему богу, ибо просто-душно считали самих чужеземцев богами.

После молебна пехота во главе с Кортесом двинулась по дамбе в Теночтитлан. Вскоре нападающих остановил широкий канал в том месте, где раньше был мост. На противоположной его стороне возвышалось укрепление, за которым прятались ацтеки, осыпавшие испанцев градом стрел. Нечего было и думать оттеснить защитников баррикады лишь огнем мушкетов и арбалетов.

Тогда Кортес приказал двум бригаантинам следовать по обе стороны дамбы за наступающим отрядом, поддерживая его артиллерийским огнем. Солдаты прыгали с бортов кораблей на склоны дамбы и прогоняли оттуда ацтеков. Отряд Кортеса тоже бросился в воду, переправился через канал и стал преследовать противника. Ацтеки, яростно защищаясь, отступили к следующему каналу и залегли за укреплением.

И снова пушечный огонь бригаантин сломил сопротивление ацтеков, а победные крики конкистадоров разнеслись далеко над долиной. Вслед за пехотой шли тласкальцы, засыпая каналы камнями. Так, высаживая на дамбу десанты и разрушая укрепления, испанцы постепенно добрались до предместья Теночтитлана.

И вот они снова на той широкой улице, по которой однажды уже вступали в город. Вдали виднелись несметные ряды ацтекских воинов. Они заполнили плоские крыши зданий по обе стороны магистрали и непрерывно обстреливали нападавших. Бригантины из-за большой осадки не могли войти в мелководные каналы и оказать поддержку пехоте.

Вскоре испанцы остановились перед широким каналом, мост через который был разрушен. На другом берегу, за каменным укреплением сверкал лес ацтекских копий. Мушкетеры, прячась за щитами товарищей, открыли огонь, но пули не долетали до укрепления.

Лишь когда подвезли тяжелые пушки, Кортесу удалось разрушить укрепление и рассеять его защитников. Тогда испанцы бросились в воду, быстро переправились через канал и погнали ацтеков к дворцу Аксаякатля и большой площади, столь хорошо знакомой конкистадорам.

Сам Кортес скакал впереди, размахивая шпагой. Конкистадоры с громкими криками «Сант Яго! Сант Яго!» спешили за своим вождем.

Увидев захватчиков снова в центре столицы, ацтеки поспешили укрыться за стенами главного храма, который был выгодной позицией для обороны.

Как рассказывает хронист Саагун, на террасах храма появились жрецы в своих черных, запятнанных кровью одеяниях. Вознося гимны богу войны, они подбадривали воинов, призывали их сражаться до последней капли крови и спасти храм древних богов от надругательства.

Однако испанцы, взяв штурмом главные ворота храма, устремились вверх по лестницам пирамиды и вскоре оказались на последней террасе.

Они не нашли ни малейшего следа от располагавшегося тут когда-то храма «истинной веры» — христианства. Во всем своем великолепии здесь опять стояла статуя бога войны, украшенная золотом и драгоценностями. Конкистадоры сорвали с идола все украшения и сбросили его вниз вместе с несколькими жрецами, которых им удалось схватить.

Увидев это, ацтеки с яростными криками кинулись на конкистадоров и тласкальцев, стоявших у ворот храма. Удар был так силен и внезапен, что ряды испанцев и их союзников дрогнули и, побросав орудия, воины в панике побежали по широкой площади. Кортес и его офицеры тщетно пытались остановить беспорядочное бегство. С крыш домов на бегущих обрушивались камни и бревна. Казалось, разгром испанцев неминуем. Но вдруг из переулка донесся стук копыт: небольшой отряд всадников выскочил на площадь и врезался в гущу ацтеков.

Теперь уже ацтекские воины обратились в бегство: их страх перед лошадьми был еще слишком велик. Кортес ловко воспользовался счастливым поворотом в ходе битвы, снова завладел пушками и отеснил ацтеков к самому храму.

Приближался вечер. Главнокомандующий приказал трубить отбой. Испанцы под защитой всадников отступили к Холокским укреплениям. Ацтеки следовали за ними по пятам.

Во время вторжения Кортеса в центр города отряды Альварадо и Сандовалья успешно содействовали ему;

отвлекая на себя большие силы противника. Но на их пути стояли еще большие трудности, чем у Кортеса: дамбы были иссечены многочисленными каналами и укреплениями, а бригаантины эти отряды не имели. Поэтому Кортес разделил свою флотилию и послал несколько кораблей на помощь своим офицерам.

Союзники Куаутемока, увидев успехи белых воинов и их твердую волю к победе, заколебались. Индейцам казалось, что никто больше не в силах преградить чужеземцам путь и потому лучше своевременно перейти на их сторону.

Многие племена, в том числе и воинственные отоми с востока Мексики, сдались на милость победителя. Теперь Кортес был спокоен за свои тылы. Кроме того, повелитель Тескоко лично привел на поле боя пятьдесят тысяч воинов. Получив такое большое подкрепление, Кортес приказал своей армии начать наступление одновременно на всех трех дамбах и сделать новую попытку вторжения в город.

Все происходило так же, как и во время первого наступления. Впереди шла пехота, за нею следовали войска союзников и всадники. Ацтеки успели уже снова разрушить все переходы, построить новые укрепления. Испанцам вновь приходилось устанавливать пушки, разрушать заграждения, посылать в бой бригаантины и шаг за шагом отвоевывать дамбы.

Около полудня войско, уже не встречая столь сильного сопротивления, достигло предместий столицы. Все здания по обе стороны магистрали были разрушены, и защитники города уже не могли воспользоваться ими как укреплениями. Однако ацтеки по-прежнему сражались с отчаянной решимостью и казалось, что упорство этих отважных воинов сломить невозможно.

Тогда Кортес решил уничтожить несколько главных зданий, считавшихся у ацтеков святыней и бывших украшением столицы. Он вывел свои войска на обширную площадь и приказал поджечь одно из прекраснейших зданий Теночтитлана — бывшую резиденцию испанцев — дворец Аксаякатля.

Конкистадоры бросились выполнять этот приказ и во дворец со всех сторон полетели пылающие факелы. Вспыхнули деревянные башни, загорелись потолки и внутренняя отделка стен, и вскоре над городом

поднялся огромный столб дыма и огня. Гул пожара слился с отчаянными криками ацтеков.

На противоположной стороне площади, рядом с бывшей резиденцией Монтесумы, находилось удивительно красивое здание, где содержались звери и птицы различных пород. Оно тоже стало жертвой бессмысленной жажды разрушения. Сгорели тысячи представителей пернатого царства Центральной Америки, а наиболее крупные и сильные из них, вырвавшись из горящих клеток, с криками летали над несчастным городом.

Этот варварский поступок не только не устранил ацтеков, как предполагал Кортес, но еще более озлобил их. Защитники города, горя жаждой мщения, с невиданной яростью бросались под копыта лошадей, чтобы нанести ненавистному врагу хоть один удар или стащить его на землю. Но самые страшные проклятия ацтеки обрушивали на головы своих бывших союзников, называя их жалкими трусами и изменниками родины.

Будучи не в силах сломить сопротивление ацтеков, Кортес отступил к Холоку, чтобы на следующий день возобновить атаки. Так продолжалось день за днем, неделя за неделей — осаде не было видно конца.

По ночам Кортес уже больше не пытался охранять дамбы. Воины его так уставали за день, что не могло быть и речи о ночных боях. Один лишь Альварадо еще снаряжал караулы по сорок человек, которые за ночь трижды сменяли друг друга. Солдаты охраняли дамбу, ежеминутно ожидая нападения, и эта служба страшно изнуряла их. Берналь Диас, сражавшийся в отряде Альварадо, писал: «Всю долгую ночь напролет мы, несчастные, невзирая на ветер, дождь и холод, стояли в карауле. Иной раз стоим и от слабости едва держимся на ногах, а все тело болит от ран, полученных в предыдущий день».

Был период дождей, который в Мексике тянется с июля по сентябрь. Дороги и дамбы, истоптанные тысячами ног, превратились в месиво.

Отряду Кортеса, стоявшему у Холокских укреплений, приходилось особенно туго. Большинству солдат негде было укрыться, и они мокли под дождем. Воины спали в доспехах и при оружии. Частые атаки ацтеков нарушали и без того беспокойный сон.

«Другими словами, — писал старый хронист, — все

три месяца, которые мы провели у стен столицы, мы сражались дни и ночи напролет, и если бы я стал подробно описывать все, что мы перенесли и чего достигли, читатель заскучал бы и подумал, что перед ним одна из авантюр Амадиса, повествующая о необыкновенных приключениях какого-нибудь странствующего рыцаря».

Испанцы и огромные войска их союзников испытывали большой недостаток в продовольствии. Некоторые хронисты утверждают, что индейцы, сражавшиеся вместе с Кортесом, с радостью и ликованием убивали пленных ацтеков и пожирали их, так что каждый бой заканчивался для них роскошным пиром. Однако рыбы, плодов и кореньев, которые испанцам доставляли окрестные селения, было явно недостаточно, и эти продукты приходилось делить на мизерные доли. Не хватало и кукурузных лепешек — главной пищи конкистадоров и их союзников. И хотя Берналь Диас в своих записках всячески поносит эти лепешки и даже называет их отвратительными, все же голод заставлял конкистадоров поддерживать свое существование этой неприхотливой пищей.

Чтобы хоть как-то уберечься от дождей, Кортес приказал индейцам построить на дамбах жилища для конкистадоров и прислуживавших им туземцев, всего примерно для двух тысяч человек. Строительные материалы отыскивали среди развалин домов и доставляли на бригантинах.

Трудно было и с лечением раненых. Но тут, как свидетельствует Берналь Диас, немалую помощь оказал некий ловкий каталонец, молитвами и заговорами добивавшийся чудесного исцеления больных. Особым успехом он пользовался у союзных индейцев. Они толпились возле палатки этого чудотворца и свято верили каждому его слову.

Жестоким битвам на воде и на суше — на дамбах, берегах озера и в самом городе — не было конца. Куаутемок многому научился у испанцев и преподносил им все новые и новые сюрпризы.

Ацтеки устраивали одновременные атаки на все отряды и гарнизоны испанцев: сигналами к нападению служили горящие костры или громкий стук барабана. Против своего обыкновения, ацтеки начали ходить в атаки даже ночью. Столицу же по ночам охраняли

бдительные ацтекские караулы, расставленные недалеко друг от друга и сменявшиеся по особому сигналу. Даже и на воде ацтеки не оставляли испанцев в покое, хотя избегали вступать в открытый бой с бригаantinaми.

Можно было только удивляться, как Куаутемоку удается снабжать продовольствием огромное число воинов, собравшихся в Теночтитлане. Должно быть, защитники осажденного города заранее сделали большие запасы еды и питья, к тому же долгое время город снабжался с побережья, причем так скрытно, что испанцы ничего не подозревали. Даже когда бригаantины начали день и ночь ходить по озеру, охотясь за лодками с припасами и водой, ацтекам удавалось обманывать испанцев и доставлять в сохранности свой груз.

Нехватку еды и питья ацтеки почувствовали лишь к тому времени, когда их союзники, убедившись в слабости ацтеков, стали покидать их один за другим.

Перейдя на сторону Кортеса, эти племена направили в его лагерь свои многочисленные отряды, которые, однако, лишь затрудняли маневры испанцев по узким и длинным дамбам. Поэтому Кортес стал использовать индейцев на строительстве укреплений и жилищ, посылал их в походы против союзников ацтеков, а также за продовольствием.

Население столицы с ужасом взирало на происходящее: город осажден неумолимым врагом, союзники покинули их, а жестокие чужеземцы совершают набеги, грабят город, оскверняют храмы, а ночью поджигают предместья, и ясно, что враг не отступит до тех пор, пока полностью не сотрет Теночтитлан с лица земли. В городе начались голод и эпидемии.

Однако, несмотря на все это, осажденные продолжали сражаться. Кортес тщетно посылал к Куаутемоку пленных ацтеков с предложением сдаться.

Наконец терпение ветеранов Кортеса, этих искателей легкой наживы, изнуренных бесконечными боями, истощало. Одни из них требовали, чтобы Кортес вторгся в город, занял большой рынок в районе Тлателолко и обосновался в его удобных помещениях. Оттуда будет легче поддерживать связь с отрядами Сандовалья и Альварадо и наносить ацтекам успешные удары. Другие советовали предпринять решительное наступление

и покончить с непокорной столицей. Это положило бы конец прозябанию испанцев на дамбах. Вопреки воле главнокомандующего на военном совете за последнее предложение высказалось большинство офицеров.

ПОРАЖЕНИЕ У «МОСТА БЕДСТВИЯ»

Испанцы в западне. — Паническое бегство. — Жизнь вождя в опасности. — Разгром испанцев. — Жертвоприношение в храме бога войны. — Предсказание жрецов. — Союзники покидают Кортеса. — Бог войны обманул ацтеков

Подошел день решающего наступления. Торжественно отслужив утреннюю мессу (за что Кортес удостоился особой похвалы епископа Лоренсана — составителя и издателя сборника посланий Кортеса; Лоренсан отметил, что капитан-генерал заставлял своих воинов возносить молитвы господу днем и ночью, среди друзей и врагов, в солнечный день и непогоду), испанцы двинулись в наступление. Их сопровождали бригаантины и множество лодок с индейцами, которые должны были поддерживать пехоту в уличных боях и на берегах узких каналов, а также неисчислимые отряды индейцев.

Кортес приказал офицерам не делать вперед ни шагу, пока не будет обеспечен путь к отступлению — засыпаны каналы и прорывы в дамбах.

Одному офицеру он приказал остаться со своим отрядом на дамбе и охранять восстановленные испанцами переходы. Однако этот офицер, недавно прибывший с Эспаньола, подстегиваемый тщеславием, покинул свой пост, не желая оставаться в бездействии, в то время как его товарищи срывают в бою лавры победы.

Испанцам на сей раз, казалось, сопутствовала особая удача. Соппротивление ацтеков у укреплений значительно ослабело. Колонны испанцев с победными криками все быстрее продвигались вперед, и каждая старалась первой достичь рыночной площади, которую Кортес назначил местом сбора. Лодки союзников следовали за

Голова воина (ацтекская скульптура)

ними, а тласкальцы врывались в дома и сражались с ацтеками на крышах.

Однако Кортес, видя, как легко достается победа, заподозрил недоброе: не заманивают ли их ацтеки в ловушку своим быстрым отступлением? И действительно, Куаутемок, заметив, что тылы испанцев не защищены, послал своих воинов кружным путем на дамбы, чтобы расширить и углубить каналы и ожидать там испанцев. Тем временем другие ацтеки заманивали конкистадоров в глубь города.

Вдруг с одного из холмов донесся пронзительный звук боевого рога Куаутемока, так же громко звучащий в ушах старого солдата Берналя Диаса еще много лет спустя. В ответ раздался страшный боевой клич ацтеков,

заглушивший отдаленный шум битвы. Казалось, на испанцев обрушился небесный свод.

Заманив захватчиков в самый центр города, ацтеки стали теперь наседать на них со всех сторон. В бой бросились и спрятанные в боковых улицах ацтекские отряды.

Ряды испанцев и их союзников дрогнули и обратились в беспорядочное бегство. Смешались враги и союзники, белые и туземцы. Повсюду настигали испанцев копья, стрелы и страшные палицы ацтеков.

А впереди конкистадоров ожидала еще более страшная беда. Путь толпам обезумевших людей неожиданно преградил широкий канал, прорытый в дамбе. Увлеченные успехом испанцы не сочли нужным засыпать его, ибо никто даже и не помышлял о бегстве — всем казалось, что еще мгновение и весь город будет в их руках.

Бегущая толпа, достигнув канала, оказалась в воде. Люди пытались переплыть канал, хватались друг за друга, в отчаянии карабкались вверх по скользким склонам дамбы и скатывались обратно в воду.

По каналам сновали бесчисленные лодки, и воины-ацтеки вылавливали из воды тонувших испанцев.

Во время этого панического бегства Кортес находился по другую сторону канала. Он тщетно пытался остановить воинов, которые по трупам своих товарищей перебирались на другой берег.

Ацтеки сразу узнали вождя конкистадоров и с криками «Малинцин! Малинцин!» накинулись на него. Однако их стрелы, дротики и камни отскакивали от доспехов капитан-генерала. Тогда шесть рослых воинов-ацтеков схватили его и потащили к лодке. Тяжело раненный, Кортес отбивался из последних сил. На помощь подоспели его товарищи и тласкальцы. Вокруг повергнутого наземь полководца разгорелся жаркий бой. Воины из его личной охраны, изрубив нападавших, на руках отнесли Кортеса к дамбе. Паж Кортеса, ведший его лошадь под уздцы, был убит на месте, другого рыцаря, подхватившего поводья и помогавшего Кортесу сесть на лошадь, ацтеки схватили и втащили в лодку. Кортес хотел было еще остаться и руководить сражением, но командир его личной охраны, крикнув, что жизнь вождя слишком дорога, чтобы ею рисковать, взял лошадь под уздцы и увез командира с поля боя.

Нелегко было испанцам пробиваться сквозь густые толпы врагов по истоптанной дамбе, утопая по колено в грязи. Многие скатывались по скользким склонам дамбы в воду, где их поджидали ацтекские челны. Такая участь постигла и одного из двух офицеров, сопровождавших Кортеса. Под ним убили скакуна, а самого его захватили в плен. Другому все же удалось вырваться. Свалился в канал и испанский знаменосец, однако ему удалось спасти изрядно потрепанное знамя конкистадоров, которое для ацтеков явилось бы почти таким же ценным трофеем, как и сам главнокомандующий...

Лишь когда на выручку подоспел резервный отряд испанских всадников, а тяжелые пушки открыли огонь, удалось приостановить нападение ацтеков. Рассеявшиеся было отряды конкистадоров снова собрались вместе и, отбиваясь от врага, покинули место кровавого побоища.

Отряды Альварадо и Сандовалья сначала тоже прорвались в город, но были оттеснены стремительной контратакой ацтеков. Услышав шум отдалявшейся битвы, испанцы поняли, что Кортесу приходится туго.

Закончив преследование Кортеса, ацтеки вернулись в город и атаковали остальные отряды завоевателей. Бросив к ногам испанцев две или три окровавленные головы, ацтеки громко кричали: «Малинцин! Малинцин!» И офицеры, поверив, что их командир действительно убит, в ужасе отдали приказ к отступлению.

Ацтеки яростно преследовали все три отряда испанцев вплоть до их укреплений, однако на озере и дамбах туземцев встретил мощный заградительный огонь бригаantin и батарей, стоявших у лагеря. Наконец ацтеки прекратили бой и отступили в город, собираясь отпраздновать блестящую победу.

Войско конкистадоров потерпело разгром. Было убито и ранено много испанцев и несколько сот тласкальцев. Кортес потерял также два орудия и семь лошадей (Диас замечает, что одна лошадь стоила от восьмисот до тысячи золотых песо). Шестьдесят два испанца, как и множество их союзников-индейцев, были захвачены в плен. Две бригаантины застряли между свай, вбитых в дно озера, а их экипажи были частично перебиты.

Разгром конкистадоров у канала в дамбе, который

Кортес назвал «Мостом бедствия», явился самой большой неудачей после катастрофы в «Ночь печали».

Старый солдат Берналь Диас, яркими красками описав эту кровавую резню, в конце заметил, вопреки своему обыкновению и трезвому уму, что спасти испанцев от смертельной опасности мог лишь один господь-бог.

И все же в течение всего этого ужасного дня Кортес сохранял хладнокровие. Лишь в тот момент, когда ацтеки, бросив к его ногам несколько окровавленных голов, закричали, что это головы Сандовалья и Альварадо, кровь отхлынула от его лица. Не имея никаких известий о двух остальных отрядах конкистадоров, Кортес мог предположить, что они действительно уничтожены.

Встретившись впоследствии с Сандовалем, имевшим три тяжелые раны, капитан-генерал со слезами сказал ему, что несчастье постигло их за его, Кортеса, прегрешения, а также из-за нерадивости некоторых офицеров.

Не успел еще кончиться этот тяжелый день и последние лучи солнца еще золотили вершины храмов, как вечернюю тишину нарушил грозный стук огромного барабана змеиной кожи, доносившийся из храма бога войны. Он был слышен по всей долине и возвещал, что в храме происходит какая-то особо важная церемония.

Конкистадоры содрогнулись: им вспомнилась «Ночь печали», когда они впервые слышали этот глухой звук — сигнал несчастья. И на сей раз он грозил им бедой. Испанцы разглядели огромную процессию, медленно поднимавшуюся по ступеням пирамиды бога войны. Когда жрецы и воины достигли вершины, испанцы увидели вереницу обнаженных по пояс людей. Судя по белому цвету кожи, то были испанцы.

Пленников вели, чтобы принести в жертву богу войны. Их головы украшали уборы из перьев, в руках они держали веера. Их подгоняли ударами палок и заставляли плясать перед ацтекскими идолами. Затем с несчастных сорвали украшения и одного за другим потащили к жертвенному камню.

Хронист Берналь Диас добавляет, что в прозрачном вечернем воздухе эта страшная картина предстала перед испанцами так явственно, что они увидели извивающиеся тела своих товарищей и слышали — или им показалось, что они слышат, — их предсмертные вопли...

При виде всего этого конкистадоров бросило в дрожь. Даже самые отважные, те, кто беспечно ходили в бой, как на пир или на бал, испытывали ужас. Они знали, что каждого из них, если они попадут в руки ацтеков, ожидает та же участь. Но они были бессильны помочь своим несчастным товарищам.

Зато ацтеки, сгрудившиеся в конце дамбы, воодушевленные церемонией жертвоприношения, с безумной решимостью снова ринулись к испанским укреплениям. Испанцы встретили их мощным огнем пушек, мушкетов и атака индейцев захлебнулась в потоках крови.

В течение пяти дней испанцы не возобновляли наступления, а лишь отражали многочисленные атаки защитников города. Ацтеки праздновали победу — они пели, плясали и все снова и снова приносили пленников в жертву богам. Куаутемок разослал по окрестным городам головы убитых испанцев и лошадей, призывая индейцев, покинувших было ацтеков, вернуться к нему пока не поздно. Многие племена, увидев эти трофеи, колебались: что будет с ними, если победит Куаутемок? Ацтеки жестоко отомстят за измену!..

Жрецы подбадривали защитников города, убеждая их, что оскорбленный и разгневанный бог войны Уицилопочтли после богатых жертвоприношений снова возьмет ацтеков под свое покровительство и внемлет их молитвам: не пройдет и восьми дней, как все белые чужеземцы станут пленниками ацтеков.

Это предсказание привело в замешательство союзников Кортеса. Они поверили в него так же, как и сами ацтеки. К тому же индейцам надоела эта бесконечная кровавая война и их верность испанцам поколебалась. Они вспомнили пророческие слова Хикотенкатля о том, что мятежная война против ацтеков не приведет к добру, и пожалели, что подняли оружие на своих братьев и на богов своих отцов. Теперь их ожидала ужасная расплата.

Поэтому союзники Кортеса под покровом ночи стали один за другим тайно покидать лагерь конкистадоров. Первыми изменили Кортесу большие города Мексиканской долины. Их примеру последовали старые союзники испанцев — чолульцы, тескокцы и другие племена, пока, наконец, испанцев не покинули даже преданные тласкальцы (исключая несколько мелких отрядов), пользовавшиеся особым доверием Кортеса. Суеверный страх

перед возмездием богов в короткий срок рассеял огромное войско Кортеса.

Но командующий по-прежнему сохранял спокойствие. Он презрительно отзывался о предсказаниях жрецов и разослал гонцов вдогонку ушедшим индейцам, прося их не о возвращении, а лишь о том, чтобы они остановились и подождали, пока минет срок, назначенный жрецами для уничтожения испанцев. Тогда, дескать, они убедятся, что жрецы ацтеков обманывают народ.

Между тем положение испанцев было катастрофическим. Союзники покинули их, тылы больше никто не прикрывал, порох и продовольствие кончались, воины были изнурены и почти все имели тяжелые ранения; ацтеки же все усиливали свой натиск, так как недавняя победа и предсказание жрецов придавали им новые силы.

Днем испанцы рыскали по долине в поисках пищи или же обороняли свои укрепления, по ночам они слышали гул священного барабана, сообщавшего о новых жертвоприношениях. По всему городу на крышах домов и храмов горели тысячи костров, своим пламенем освещавшие все происходившее в храме бога войны.

Но воля Кортеса оставалась непреклонной: слишком многое было поставлено на карту, чтобы теперь отступить! Историк Эррера отмечает, что если бы испанские воины колебались, они могли бы поучиться отваге у своих жен, живших при лагере. Одна из этих женщин, когда муж бывал усталым, надевала его доспехи и вместо него несла караульную службу. Другая, видя, что испанцы отступают, накинула на себя солдатский хлопковый панцирь и, схватив копье и шпагу, остановила бегущих испанцев и повела их на врага.

В свое время Кортес хотел оставить этих амазонок в Тласкале, но они гордо ответили ему:

— Долг кастильских женщин не покидать своих мужей в опасности, делить ее с ними, а если придется, вместе с ними и умереть!

Ацтекам все же не удалось прорвать кольцо блокады, и дамба по-прежнему оставалась в руках испанцев. Бригантины мешали ацтекам доставлять воду и продовольствие. В переполненной столице все сильнее давал себя знать голод. Но ацтеки радовались победе и спокойно ждали, когда свершится пророчество жрецов.

Те же допустили серьезную ошибку, назначив для

уничтожения испанцев столь короткий срок — всего восемь дней! Бог войны обманул свой народ. Историк Солис писал, что жрецов не за что было упрекать — это сам дьявол трудился в поте лица своего, внушая своим слугам такой вздор.

Назначенный срок прошел, а столица по-прежнему была блокирована испанцами. Убедившись, что угрозы жрецов не исполняются, союзники один за другим стали возвращаться к испанцам.

Кортес принимал их с напускным равнодушием. Испанцы, говорил он, и сами могут завоевать победу, но в знак дружбы он все же разрешит тласкальцам, тескокам и другим племенам участвовать в боях и в дележе богатой добычи. Он также без промедления выполнил просьбу нескольких племен из долины, оказав им помощь против воинственных соседей. Так ловкий конкистадор заполучил себе новых союзников, доказав им, что он в силах взять их под свою защиту. Почти все офицеры возражали против подобных действий, но Кортес знал, как важно скрыть от индейцев свою слабость.

К тому же Кортесу, уже в который раз, снова улыбнулось счастье: в гавань Веракруса прибыл корабль с грузом пороха и военного снаряжения, принадлежавший флотилии Понсе де Леона и посланный им к берегам Флориды. Конкистадоры немедленно захватили этот груз. Тысячи носильщиков за несколько дней доставили его в лагерь, и Кортес смог приступить к энергичным действиям.

ГИБЕЛЬ СТОЛИЦЫ АЦТЕКОВ

Дьявольский план разрушения Теночтитлана. — Голод и эпидемии. — Лучше смерть, чем порабощение. — Мертвый город. — Последний бой. — Пленение Куаутемока

Убедившись, что не сможет взять город штурмом, Кортес решил применить другую тактику: не делать вперед ни шагу, пока не обеспечит безопасность войска на случай отступления. Он приказал так тщательно засы-

пать каждый канал, прорытый в дамбе, чтобы ацтеки не могли уничтожить плоды труда испанцев. С этой же целью он решил сравнять город с землей: разрушить до основания все здания города, не пощадив даже храмы и дворцы. Тогда испанская кавалерия и артиллерия смогут показать, на что они способны. Ведь в этом городе каждый дом был крепостью, а каждую улицу пересекали каналы. Эти препятствия надо было во что бы то ни стало устранить.

Кое-кто из историков старается обелить Кортеса, уверяя, что ему якобы было очень трудно решиться на такой план действий, который вполне оправдывал свое название «дьявольский план». Кортесу, дескать, было жаль уничтожать такой прекрасный город. Однако, по утверждению историка Г. Паркса, испанцы были вынуждены приступить к осуществлению этого плана. Тласкальцы пришли от него в восторг, Кортес же якобы прослезился и сказал, что пришел конец «прекраснейшему из городов» — городу, который он сам открыл и хотел нетронутым присоединить к Испанской империи.

Однако лишь планомерное разрушение столицы могло обеспечить испанцам военный успех.

Борьба шла теперь на окраинах города. Под прикрытием мощного артиллерийского огня, подавлявшего яростное сопротивление ацтеков, испанцы вместе с тысячами своих союзников-индейцев день за днем разрушали здания, засыпали каналы, пока вокруг Теночтитлана не образовалась гладкая равнина. Еще недавно цветущий город умирал медленной смертью.

Испанцы захватили также немногочисленные колодцы. В городе свирепствовал страшный голод. Ацтеки питались травой, мхом, водорослями, червями, крысами, ящерицами, корой деревьев и кореньями, пили зловонную солоноватую воду. Голод и болезни уносили больше жертв, чем пушки и шпаги конкистадоров. Все же осажденные не сдавались.

Кортес в письме Куаутемоку, посланному ему с пленными ацтекскими вельможами, обещал сохранить жизнь защитникам города. Ацтеки, по его словам, исполнили свой долг и сделали все для защиты столицы, но у них нет ни малейшей надежды на спасение, их покинули не только союзники, но и боги. Единственный выход — сдать город. «Стань снова вассалом кастиль-

ского государя, — писал, по свидетельству Берналя Диаса, этот коварный дипломат. — Я готов забыть все. Вам будет гарантирована неприкосновенность и свобода, все права ацтеков будут сохранены. Ты и впредь останешься их повелителем, и Испания примет твою столицу под свою защиту».

Но молодой властелин с гневом и возмущением выслушал это наглое, унижительное послание и передал его на обсуждение военному совету.

Члены совета прекрасно понимали всю безнадежность дальнейшего сопротивления, но считали, что лучше смерть, чем порабощение.

— Хорошо жить в мире, но только не с белыми! — говорили умудренные опытом воины. — Лучше погибнуть, защищая отечество, нежели влачить жалкое существование в рабстве у коварных пришельцев!

Куаутемок объявил решение военного совета: умереть сражаясь, как положено воинам.

Спустя двое суток ацтеки, зная, что идут на верную гибель, со всех сторон двинулись на лагерь испанцев, стараясь подавить их численным превосходством. Под огнем испанских пушек их натиск быстро захлебнулся. Ацтеки в беспорядке отступали и вновь бросались в яростные, безрассудные атаки, оставляя на поле боя груды трупов.

Кортес возобновил планомерное разрушение города и стал снова засыпать каналы. Слица земли ежедневно стирались целые кварталы. Осажденные в бессильной ярости взирали на гибель своей столицы, обрушивая проклятия на головы бывших союзников — индейцев.

— Разрушайте! Разрушайте! — кричали ацтеки. — Чем больше разрушите, тем больше вам же придется восстанавливать.

И время показало, что слова эти были вещими.

Разрушительная работа длилась много дней подряд. К концу подходил июль. В захваченных зданиях испанцы находили истощенных от голода, умирающих людей. Повсюду валялись трупы — на улицах, во дворах, в ямах, — ацтеки уже не в силах были предавать умерших земле по обрядам своих отцов. Нередко рядом с мертвыми лежали и живые, а матери держали на руках угасших от голода младенцев.

Конкистадоры безжалостно поджигали дома ацтеков,

и те, кто еще был жив, погибали в пламени. Эпидемии, свирепствовавшие в городе, угрожали и испанцам. Жители Теночтитлана, похожие на скелеты, не в силах были работать и не годились для продажи в рабство. Умиравшие прятали свои драгоценности, чтобы они не попали в руки белых. Они не просили у победителей пощады и с презрением отворачивались от них.

Но ацтеки продолжали обороняться с удивительным упорством и отвагой. В битвах участвовали женщины и дети. Они подносили камни и стрелы, готовили луки и пращи, перевязывали раненых воинов.

Наконец отряды Кортеса и Альварадо, наступавшие на город с разных сторон, соединились на рыночной площади. Альварадо в жестокой схватке взял штурмом храм бога войны Уицилопочтли и поджег его.

Кортес верхом медленно проезжал среди дымящихся развалин. Не возвышались больше перед ним великолепные дворцы, храмы и рынки, где так недавно сновали ремесленники и торговцы, не радовали глаз просторные здания, живописные сады и рощи. Все исчезло, подверглось разрушению, превратилось в бесплодную пустыню.

На вершине одного из храмов главнокомандующий водрузил флаг Кастилии: отныне Теночтитлан перешел под власть Испании.

Но несмотря на то, что семь восьмых города превратились в руины, борьба еще продолжалась. Чтобы вынудить ацтеков сдаться, Кортесу пришлось предпринять еще две большие атаки.

Стараясь экономить порох, запасы которого быстро таяли, он приказал построить огромную метательную машину — баллисту для разрушения еще уцелевших каменных стен. Ее строили несколько дней. Ацтеки с немим отчаянием взирали на новую западню, которую им готовили белые дьяволы. Когда баллиста была построена, в нее вложили огромный камень, который полетел вверх с ужасной силой, но упал не в лагерь ацтеков, а на баллисту, разбив ее вдребезги.

Положение ацтеков было столь ужасным, что не было необходимости ускорять их гибель. Скучившись в уцелевшем районе города — Тлателолко ацтеки жили под открытым небом, их опаляли знойные лучи солнца и заливали холодные ливни.

Сотни людей ежедневно умирали от голода, нередко

замертво падая на улице, как о том свидетельствует хронист Саагун.

Столица превратилась в огромное кладбище — рассадник эпидемий. Ацтеки тщетно зывали к своим богам: боги, казалось, покинули ацтеков, и их охватил суеверный страх. Многие видели таинственные знамения — свидетельства гнева богов и предвестники близкой гибели.

Однако Куаутемок по-прежнему был тверд, непоколебим и отвергал любые предложения о сдаче.

Тогда Кортес решился на генеральное наступление. Начать его должна была пехота при поддержке огня бригантин, направленного на береговые здания.

Ворвавшись в ацтекские кварталы, солдаты встретили там нескольких касиков, которые, простирая к ним руки, громко зывали:

— Вы — дети солнца, но солнце быстро свершает свой путь. Почему же вы медлите? Почему не положите конец нашим бедам и страданиям? Прикончите нас сразу, чтобы мы могли отправиться к нашему богу Уицилопочтли, который ждет нас на небесах, где мы найдем покой и избавление от страданий!

На эти жалобные просьбы, о которых Кортес упоминает в своем третьем послании королю, командующий ответил, что желает не смерти касиков, а покорности, и не понимает, почему Куаутемок не хочет вступить с ним в переговоры.

Однако Куаутемок не верил посулам своего врага: в памяти его еще была свежа печальная участь Монтесумы.

Испанцы снова пошли в наступление. Их встретили толпы тощих, изнуренных людей, среди которых было немало женщин и детей. Ацтеки, как всегда с дикими воплями, осыпали нападающих градом стрел, а женщины и дети забрасывали их камнями. Камни эти не причиняли почти никакого вреда закованным в броню испанским солдатам — ведь бросали их вконец ослабевшие люди. Но ацтекские воины сражались отчаянно, сражались до тех пор, пока не падали замертво.

«Земля была покрыта горами трупов, так что разъяренные противники должны были перелезать через эти кровавые курганы, чтобы поражать друг друга. Почва была пресыщена кровью. Ужасные вопли язычников,

брань и проклятия испанцев, стоны раненых, крики жен и детей, тяжелые удары завоевателей, свист бесчисленных стрел, треск пылавших строений, которые, обрушиваясь, давили сотни людей, ослепляющие облака пыли и сернистого дыма, покрывавшие все своей мрачной завесой, составляли зрелище, которое наполняло ужасом даже воинов Кортеса», — пишет У. Прескотт.

По утверждению некоторых историков, Кортес приказал щадить не только женщин и детей, крики которых разрывали его сердце, но и каждого, кто запросит пощады. Однако капитан-генерал не в силах был обуздать жестокость и кровожадность своих союзников-индейцев. Ярость этих дикарей была подобна урагану. По собственным словам капитан-генерала, он никогда еще не видел столь свирепых воинов: беспощадно мстили они ацтекам за угнетение и обиды.

В этой битве погибло около сорока тысяч ацтеков. Однако оставшиеся в живых могли позавидовать погибшим: их ожидала более страшная судьба.

Всю долгую темную ночь после этой битвы в лагере ацтеков стояла мертвая тишина, и не было видно ни луча света. Осажденные потеряли всякую надежду на спасение, ведь они лишились всего, что имели — богатства, власти, близких, друзей и даже крова.

Зато в лагере конкистадоров горели яркие огни, звучали песни и музыка: воины Кортеса праздновали победу и готовились нанести завтра ацтекам решающий удар.

13 августа 1521 года Кортес повел свои полки в последний бой. Путь их лежал через мрачную пустыню.

Этот день в ацтекском календаре был помечен знаком «Микиштли», что означало «смерть». И действительно, наступил день смерти ацтеков, гибели столицы их государства — Теночтитлана.

Кортес снова пригласил касиков на переговоры и выразил сожаление, что Куаутемок не заботится о судьбе своих людей и хочет погубить их, хотя мог бы спасти. Пусть повелитель ацтеков немедленно вступит в переговоры. Касики вскоре вернулись с ответом: Куаутемок готов скорее умереть, чем вступить в переговоры с испанским полководцем.

— Тогда идите, — сказал Кортес, — и приготовьте своих братьев к смерти. Ваш час пробил!

И ужасная бойня возобновилась. Ацтеки, едва держась на ногах, сражались все так же отважно, но испанские пушки и мушкеты косили всех подряд.

Многие ацтеки бросались к каналам, пытаясь спастись на лодках, многие утонули, и груды трупов заполнили каналы, так что нападающие ступали по мертвым, как по мосту.

Битва еще продолжалась, когда испанцы заметили ацтеков, отчаливающих от берега в надежде переплыть озеро. Бригантины преградили им путь. Кровавая резня продолжалась теперь на воде. Лодки ацтеков опрокидывались и разбивались в щепки. Все же некоторые челны, укрывшись за дымовой завесой, вырвались вперед и стали быстро удаляться к противоположному берегу.

Конкистадоры получили строгий приказ: следить за каждой лодкой, в которой может оказаться Куаутемок. Повелителя ацтеков во что бы то ни стало надо было захватить живым, иначе он станет продолжать борьбу за пределами поверженной столицы.

Капитан одной из бригантин — Гарсия Олгин, воспользовавшись ветром, пустился вдогонку за четырьмя большими лодками. Бригантина настигла лодку, в которой, судя по всем признакам, находился властелин ацтеков. Стрелки навели на нее арбалеты, но тут ацтеки запросили пощады.

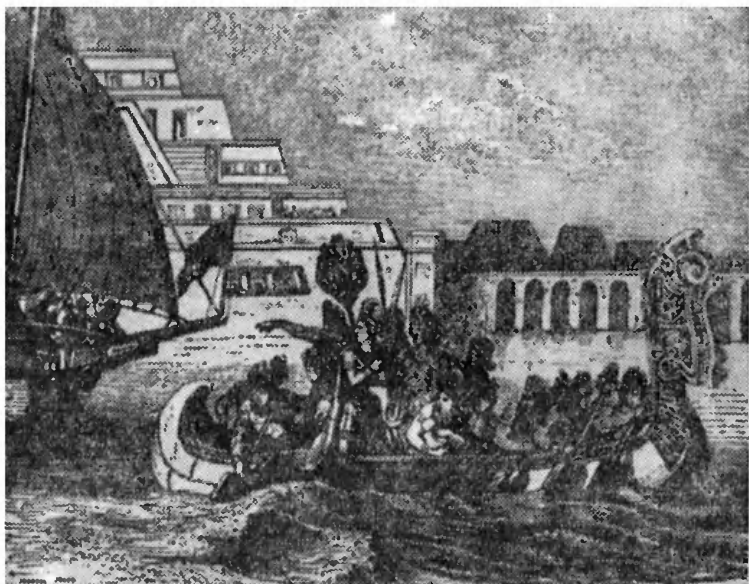
В лодке встал молодой статный воин с открытым гордым лицом. Бросив щит и палицу, он воскликнул:

— Я — Куаутемок! Везите меня к Малинцину, я его пленник. Но пощадите мою жену и близких!

Из челна на бригантину перешло двадцать человек и среди них жена Куаутемока — дочь Монтесумы, а также многие другие знатные касики. Капитан пытался было уговорить Куаутемока, чтобы тот призвал ацтеков сложить оружие. Но повелитель ответил, что в этом нет надобности — они, дескать, сами прекратят сопротивление, лишь только узнают о его пленении.

Так оно и случилось: печальная весть молниеносно облетела поле битвы и ацтеки немедленно сложили оружие. Казалось, они сопротивлялись так долго лишь для того, чтобы дать Куаутемоку возможность спастись.

Сандоваль заспорил с капитаном бригантины — чьи заслуги в пленении повелителя ацтеков больше. Каждый

Пленение Куаутемока (со старинного рисунка)

стремился к славе и хотел получить право изобразить этот подвиг на своем гербе.

Узнав о происшедшем, Кортес приказал доставить к нему пленников, оказав им при этом должные почести.

Вождь конкистадоров вместе со своей свитой в то время находился на окраине города, в доме одного из ацтекских вельмож. Он приказал украсить помещение и приготовить пленникам обильную трапезу. Куаутемок прибыл к Кортесу под строгой охраной, преисполненный мужества и спокойствия.

— Я сделал все, что было в моих силах для защиты своего народа, — сказал он. — Но судьба решила иначе. Теперь я твой пленник. Делай со мной, что хочешь.

И, коснувшись кинжала, висевшего на поясе Кортеса, он воскликнул:

— Убей меня этим кинжалом, избавь от жизни, которая стала мне в тягость!

Кортес помешал ему совершить самоубийство, ведь

влияние Куаутемока на свой народ было так велико, что его лучше было оставить в живых и превратить в послушное орудие испанцев. К тому же Кортесу, пораженному храбростью и мужеством пленника, хотелось проявить великодушие.

— Не бойся, — лицемерно ответил вождь конкистадоров. — Ты не будешь подвергнут ни малейшему оскорблению. Ты защищал свою столицу, как подобает храброму воину, а испанцы умеют уважать мужество своих врагов!

Но он быстро забыл о своем обещании.

Итак, Теночтитлан прекратил сопротивление и фактически перестал существовать. Поэтому Кортес по окончании битвы приказал своим войскам вернуться в лагерь. Наступил темный дождливый вечер, над Мексиканской долиной разразилась страшная гроза. Раскаты грома отдавались в горах, и яркие зигзаги молний то и дело освещали мрачные руины. Казалось, сама природа скорбит по уничтоженному городу и боги ацтеков покидают свои разрушенные храмы. Все же раскаты грома и его эхо в горах не смогли нарушить крепкий сон усталых конкистадоров. По словам Берналя Диаса, они во время осады совсем оглохли от непрекращавшегося грохота орудий и были похожи на людей, которые долгое время провели на колокольне, под непрерывным звоном, теперь неожиданно умолкнувшим.

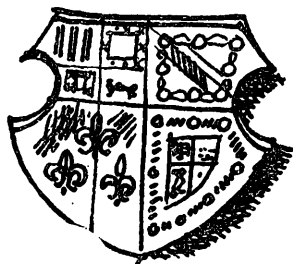
По мнению ряда историков, во время осады Теночтитлана погибло от ста двадцати до двухсот пятидесяти тысяч ацтеков. Испанцы понесли сравнительно небольшие потери, в то время как их союзников погибло огромное количество: по сведениям хрониста, в битвах пало около тридцати тысяч индейцев Тескоко.

На следующий день Куаутемок попросил Кортеса разрешить оставшимся в живых ацтекам, еще способным передвигаться, покинуть Теночтитлан. Их было примерно тридцать тысяч мужчин и сто пятьдесят тысяч женщин и детей. И в течение трех суток из опустошенного города по всем трем дамбам тянулась вереница больных, измученных, исхудалых, едва передвигавших ноги людей, покрытых гноящимися ранами.

Таков был конец Теночтитлана — прекраснейшего из ацтекских городов.

ПРОДОЛЖЕНИЕ КОНКИСТЫ

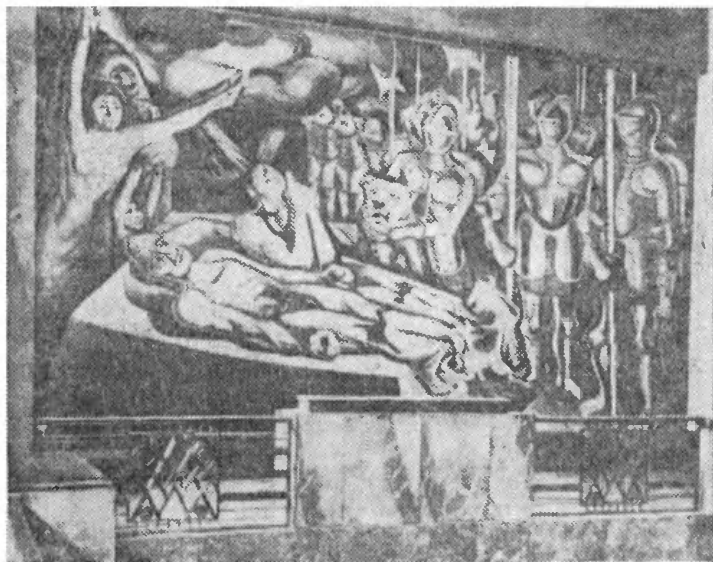

Жестокое разочарование завоевателей. — Где спрятано золото ацтеков? — Посланцы дальних племен. — Дары королю Карлу V. — Кортес — вице-король Новой Испании. — Интриги соперников. — Второе рождение столицы. — Походы в отдаленные районы Мексики

Приказав союзникам закапывать и сжигать разлагавшиеся трупы, Кортес разрешил своим солдатам отпраздновать победу и устроить шумный веселый пир. Патер Ольмедо пришел в негодование — разве так следовало возблагодарить всевышнего за его безграничную милость?! Лишь на следующий день войско Кортеса двинулось крестным ходом на торжественный молебен, чтобы вознести хвалу господу, давшему испанцам силы пронести знамя христово через всю могущественную языческую страну.

Итак, зная христово было поднято над Теночтитланом, но добыча, доставшаяся испанцам — золото и драгоценные камни, — единственное, что они высоко ценили, жестоко разочаровала их: она была значительно меньше того, что они потеряли в памятную «Ночь печали». По свидетельству Кортеса, стоимость трофеев едва достигала ста тридцати тысяч золотых песо, включая и долю короля, значительно превышавшую законную пятую часть, ибо солдаты добровольно согласились пожертвовать в пользу государя изящные золотые изделия художественной работы. Сокровища ацтеков были неизмеримо богаче, но ацтеки выполнили свою угрозу — золото и другие ценности увезли из столицы, закопали в землю или потопили в озере, чтобы они не достались врагу. Мертвые хранили молчание, но и от живых нельзя было добиться ни слова.

При дележе добычи вспыхнули ссоры. Разочарование

Истязание Куаутемока (фреска Давида Сикейроса)

ветеранов было неопишимо: они рассчитывали на огромную добычу, а получили жалкие гроши; даже на долю всадников — воинов, оплачиваемых выше всех, приходилось лишь по сотне песо. Для чего же они проливали свою кровь? Зато Кортес лично прибрал к своим рукам немалую толику.

В войсках начался ропот и, по рассказам хрониста, недовольные писали ехидные стишки на доме Кортеса, обвиняя его в мошенничестве. Командующий не преминул ответить им еще более язвительными строками — как-никак он, благодаря своему университетскому образованию, стоял на голову выше всех. Так он заткнул рот конкистадорам, хотя, по всей вероятности, на них больше подействовала его угроза немедленно вздернуть на виселицу каждого подстрекателя.

И все-таки ропот продолжался. Жестоко обманувшись в надеждах, многие отказались от своей доли добычи — настолько ничтожной она была. Одни проклинали Кор-

теса, другие — Куаутемока, считая, что он знает, где спрятаны сокровища.

По свидетельству хрониста, королевский контролер Альдерете открыто обвинил Кортеса в сговоре с Куаутемоком и присвоении спрятанных сокровищ. Подстрекатели уговаривали солдат потребовать, чтобы Кортес подверг Куаутемока пыткам. Может быть, тогда вождь ацтеков скажет, где спрятаны сокровища. Рассказывают, что Кортес долго колебался, но затем, нарушив данное Куаутемоку обещание, приказал пытать пленного вождя и других знатных ацтеков.

Однако ни Куаутемок, ни другие касики, несмотря на ужасные страдания, не выдали своей тайны.

Некоторые историки повествуют, что касик Тлакопана в тот момент, когда испанцы раздули огонь в жаровнях под ногами его и Куаутемока, громко застонал, как бы моля о пощаде, но молодой властелин одной лишь фразой, которую приводит хронист Гомара, помог своему товарищу преодолеть минутную слабость.

— Ведь и я не предаюсь удовольствиям, сидя в своей купальне, — сказал он касику.

Властелин ацтеков заявил, что индейцы побросали свои сокровища в озеро. Тогда Кортес приказал лучшим ныряльщикам обыскать илистое дно, но им удалось найти лишь немногие украшения. Немногим больше испанцам повезло при обследовании пруда в саду Куаутемока, откуда, между прочим, был извлечен огромный золотой диск ацтекского календаря. Однако главная часть сокровищ бесследно исчезла.

Испанский историк Гомара, над которым в своей хронике неоднократно посмеивался Берналь Диас, обвинял королевских чиновников в том, что Куаутемока пытали якобы только по их настоянию. Так он старался смыть позорное пятно со славного имени Кортеса. По утверждению Гомары, Кортес всеми силами сопротивлялся требованиям солдат и сам вырвал пленника из рук палача.

Куаутемок действительно был спасен от мучительной смерти на медленном огне, но остался хромым: ноги у него сильно обгорели. Должно быть, Кортес прекратил пытку, опасаясь, что Куаутемок умрет, унеся в могилу свою тайну, и что король Испании Карл V не одобрит

этого. В своих письмах к королю Кортес так и не осмелился упомянуть об этом позорном эпизоде.

Лечить искалеченного вождя ацтеков командующий поручил лейб-медику, который записал в своих воспоминаниях: «И я видел, как упомянутый дон Эрнандо Кортес подвергал пыткам Гуатемосина (так испанцы называли Куаутемока), поджаривая на огне его руки и ноги, чтобы он поведал о сокровищах этого города... И потом, будучи врачом, я не раз, по приказанию дон-а Эрнандо, ходил лечить Гуатемосина». Так — в который уже раз! — проявились коварство и хитрость вождя конкистадоров.

Испанцы больше не нуждались в союзниках, и Кортес, созвав индейских касиков, похвалил их воинов за проявленную отвагу, одарил и позволил возвратиться домой. Союзники унесли с собою утварь, одежду и предметы домашнего обихода ацтеков — жалкую плату за кровь, пролитую ими за испанцев в братоубийственной войне. Эти племена еще не подозревали, что за союз с чужеземцами их ждет расплата не менее ужасная, чем судьба ацтеков.

После разгрома столицы рухнуло все огромное ацтекское государство. Племена из самых отдаленных провинций стали посылать в Теночтитлан своих гонцов, чтобы убедиться, действительно ли этот некогда великий, могущественный город превращен в руины, как гласила людская молва; и правда ли, что наголову разбиты их угнетатели — ацтеки. «Когда же всякие сомнения на этот счет исчезли, — писал Берналь Диас, — местные касики перепугались и начали слать послов за послами с изъявлениями покорности и богатыми подарками. Они брали с собой и своих сыновей и показывали им поверженную Мексику, как в древности рассматривали разрушенную Трою».

Прибыли посланцы и от могущественного и независимого Мичоакана — области, расположенной на западе, между Мексиканской долиной и Тихим океаном. Вскоре в лагерь Кортеса прибыл и сам властелин Мичоакана. С удивлением взирал он на чужеземное войско, невиданное оружие, лошадей и вместе с испанцами обошел на бригантине все озеро, по берегам которого еще дымилась пожарища. Под впечатлением этой страшной картины он попросил испанцев взять его народ под свое

покровительство. То же сделали и посланцы других дальних областей, где испанцы еще и не появлялись. Например, многие племена Оахаки, напуганные злодеяниями испанцев, добровольно согласились стать вассалами испанского короля.

Так горстка завоевателей повергла в прах огромное государство ацтеков, население которого, по утверждению историков, достигало девяти, одиннадцати и даже двадцати пяти миллионов человек.

Поражение ацтеков в борьбе с белыми завоевателями было неизбежно. Ацтеки не способны были создать сильное государство, ассимилировав и включив в его состав покоренные племена. По всей обширной территории Мексики постоянно вспыхивали восстания, независимые города-государства враждовали между собой и не могли объединиться для борьбы с испанцами. Подвластные ацтекам племена встречали Кортеса как своего избавителя и помогали ему в борьбе с Теночтитланом. Ацтеки остались в изоляции. Кортесу же удалось сплотить разноплеменных индейцев и объединить их вооруженные силы для борьбы с ацтеками. Победа Кортеса явилась также победой одних индейских племен над другими.

Ацтекское общество раздиралось изнутри классовыми противоречиями. Господствующие классы жили в роскоши и богатстве, народ же был обречен тяжким трудом добывать себе скудное пропитание. Рядом с роскошными дворцами, пышными храмами и огромными пирамидами теснились глинобитные хижины бедняков, крытые пальмовыми листьями. На улицах Чолулы и Теночтитлана конкистадоры видели толпы нищих, просивших у прохожих милостыню. Естественно, что бедняки считали борьбу ацтеков с конкистадорами делом аристократов и богачей и, по крайней мере первое время, относились к ней довольно равнодушно. Лишь потом, когда уже было поздно, началась народная война против завоевателей.

Здесь, на Американском материке, столкнулись две общественные формации: у индейцев еще только складывалось классовое общество, в то время как абсолютная монархия в Испании представляла собой высоко-развитый феодализм.

Велико было и превосходство военного искусства

испанцев. Индейцы во время сражений собирались огромными толпами. Испанцы косили их своим огнем и врезались в них сомкнутыми рядами. Однако испанцы были вооружены не только стальными клинками, копьями, аркебузами и пушками, у них было еще более сильное оружие — прогрессивный для того времени общественный строй, во всем превосходивший общественный строй ацтеков. Именно поэтому победа испанцев была предопределена.

Поражению ацтеков способствовала еще одна сила, хотя она, казалось бы, была призвана защищать их государство, заботиться о его несокрушимости. Этой силой являлась религия ацтеков. Их боги требовали бесконечных человеческих жертв. Если не было военнопленных — ацтеки устраивали так называемые «цветочные бои», на которых воины покоренных племен, вооруженные лишь символическим игрушечным оружием, должны были вступать в борьбу с хорошо вооруженными ацтеками, и ацтеки брали в плен столько людей, сколько им было нужно для жертвоприношения. Естественно, что это настраивало индейцев других племен против ацтеков. К тому же эти племена облагались тяжелой данью. Таким образом, все покоренные народы являлись потенциальными союзниками любого врага ацтеков. Большую роль сыграла также легенда о возвращении потомков Кецалькоатля. К этому можно еще добавить, что борьба против человеческих жертвоприношений воодушевляла конкистадоров, давала им возможность хотя бы в собственных глазах оправдывать свои злодеяния.

После столь блестящей победы Кортес стал добиваться признания своих заслуг королем Испании Карлом V и назначения вице-королем покоренной страны. Ведь в Испании Кортес пока еще слыл самоуправцем, авантюристом, которого следует арестовать и приговорить к смерти.

Желая добиться прощения, Кортес снаряжал в Испанию один корабль за другим, отправляя богатые дары и высокопарные послания, в которых восхвалял свои заслуги. Берналь Диас сообщает, что в 1522 году испанскому королю были отправлены не только золотые слитки на восемьдесят восемь тысяч дукатов, но и личные сокровища Монтесумы — поистине королевский подарок! — ибо там были жемчужины, величиной с орех,

большое количество драгоценных камней и других дорогих предметов. Но все эти сокровища попали в руки одному французскому пирату, который отправил их впоследствии своему королю Франциску I — злейшему врагу Испании, непрерывно воевавшему с Карлом V. Французский король не мог надивиться на эти заморские сокровища и завистливо воскликнул, что, обладая такими средствами, легко вести любую войну. Он-де не прочь был бы увидеть тот пункт Адамова завещания, по которому испанские и португальские короли поделили между собою Новый Свет.

Но хотя богатые дары и удивительные рассказы о подвигах Кортеса и вызывали по всей Испании восторг и восхищение, председатель совета по делам Индий епископ Фонсека — сторонник губернатора Кубы Веласкеса — по-прежнему требовал суда над Кортесом.

И в Мексику прибыл королевский комиссар, наделенный широкими полномочиями, с приказом арестовать вождя конкистадоров, отстранить его от всех должностей и, заковав в цепи, привезти в Испанию.

Эта нелегкая задача была поручена Кристобалью де Тапия из Санто-Доминго, человеку нерешительному и не слишком пригодному для ее выполнения. Комиссар прибыл в Веракрус. Его встретили очень холодно, усомнились в его полномочиях и не разрешили отправиться в глубь страны для встречи с Кортесом. Правда, капитан-генерал прислал комиссару учтливое письмо, в котором приветствовал его как «своего старого друга» и поздравлял с прибытием в Новую Испанию. Однако Кортес добавил, что правители Мехико и других вновь основанных городов не желают, чтобы он — командующий всеми вооруженными силами — покинул Мексиканскую долину для встречи с Тапией, ведь в его отсутствие индейцы могут взбунтоваться.

Командующий хорошо знал своего «старого друга» и прекрасно понимал, что того больше всего интересует золото. Кортес предложил купить у Тапии за высокую цену всех лошадей, рабов и другое имущество, и тот, не будучи в силах отказаться от такого искушения, принял взятку. Убедившись, сколь обширные земли завоевал Кортес и как безгранична его власть над ними, королевский комиссар убрался восвояси и увез с собою немалый груз золота.

Тапиа, а с ним и освобожденный Кортесом Нарваэс прибыли в Кастилию и при содействии епископа Фонсеки стали возводить всяческие обвинения на Кортеса — он, дескать, действовал самовольно, захватил корабли Веласкеса, бесчеловечно обходился с туземцами и со своими воинами, а также с Нарваэсом; утаивал причитающуюся королю пятую часть добычи, транжирил государственные средства на строительство новой столицы Мехико.

Находившиеся при дворе друзья и приверженцы Кортеса всячески старались опровергнуть эти обвинения. Однако решающее влияние, как сообщает Эррера, имел блестящий результат военных походов Кортеса. Ведь этот человек, вопреки всем препятствиям и чрезвычайным трудностям, которые ему пришлось преодолеть, имея в своем распоряжении лишь ничтожный отряд, покорил для Кастилии такое государство, над которым не властвовал еще никто из европейских королей!

Ничто не могло затмить этот блистательный успех. Каждый понимал, что было бы величайшим позором и бесчестьем отплатить за столь великие достижения черной неблагодарностью.

Карл V, убедившись наконец, что Кортес даже и не помышлял противиться королевской власти, решил присоединить к Испании огромную территорию, завоеванную отважным конкистадором. 15 октября 1522 года Карл V особым указом назначил Кортеса вице-королем Новой Испании (Мексики), главнокомандующим армии и верховным судьей. Впоследствии король пожаловал ему также титул маркиза и герб, украшенный изображением черного двуглавого королевского орла и золотого льва на червленом поле, символизировавшего храбрость Кортеса. Три золотых короны на черном поле означали троих поверженных ацтекских вождей — Монтесуму, Куитлауака и Куаутемока. На гербе был изображен также новый город Мехико. Эти четыре квадратных поля были окружены семью головами покоренных касиков, соединенными золотой цепью.

Офицерам Кортеса также были пожалованы различные титулы, награды и блестящие гербы, на которых были отражены победы этих знатных головорезов; простым же солдатам пришлось довольствоваться выражением «благодарности его величества». Правда, им также пообещали дать наделы и индейцев на вновь завоеванных землях.

Получив известие о своем назначении на высокий пост вице-короля Новой Испании, Кортес в великой радости приказал отлить серебряную пушку в подарок государю Святой Римской империи и испанскому королю Карлу V и выгравировать на ней восторженную надпись по латыни: «Свет не видывал ни такой пушки, ни такой страны, какую завоевал для короля Карла V Кортес, которого никто еще не называл своим слугой». По свидетельству хронистов, одно лишь серебро, использованное для этой пушки, стоило свыше двадцати пяти тысяч песо де оро.

Серебряную пушку с большим грузом золота в придачу Кортес отправил в Толедо, од-

нако высокомерная надпись, очевидно, не очень понравилась королю, ибо пушку вскоре переплавили на монеты.

Недрузи Кортеса все не унимались. Особенно старался губернатор Кубы Веласкес, который не мог простить Кортесу выхваченную у него из-под носа добычу.

Особая полномочная комиссия рассмотрела жалобы и обвинения Веласкеса в адрес Кортеса, а также притязания губернатора Кубы на пост вице-короля новых земель. Все же комиссия признала претензии Веласкеса необоснованными и пообещала ему лишь возместить издержки по экспедиции. Честолюбивого губернатора особенно оскорбил упрек, что он-де сам собирался приступить к завоеванию Мексики, не испросив на то согласия

Эрнандо Кортес — вице-король Новой Испании (со старинной картины)

короля. Этот тяжелый удар через несколько месяцев свел Веласкеса в могилу, и Кортес вздохнул свободно, понимая, что избавился от одного из злейших врагов.

Итак, Теночтитлан лежал в руинах... Но где построить новый город — опорный пункт и цитадель конкистадоров в Мексике? Кортес решил строить столицу заново на том же месте, — «чтобы она, как и раньше, царила над всеми провинциями». Вице-король энергично принялся за строительные работы. Он приказал согнать индейцев со всей округи и послал их рубить в горных лесах кедры и кипарисы, ломать камень, отбирать среди руин все пригодное для построек. Исполнялось пророчество ацтеков, что индейцам, участвовавшим в разгроме Теночтитлана, своими руками придется заново строить город.

Строители засыпали каналы, прокладывали широкие улицы, сравнивали с землей пирамиды.

Место, где прежде возвышались храмы, стало центральной площадью нового города. В северной ее части, там, где стояла пирамида Уицилопочтли, над развалинами храма и поверженными идолами поднялись собор и монастырь Святого Франсиска. На противоположной стороне площади Кортес выстроил городской магистрат, а вокруг него торговые ряды.

Для себя же Кортес приказал воздвигнуть дворец, на одну лишь внутреннюю отделку которого пошло семь тысяч кедров.

В новом городе — Мехико — за несколько лет поселилось около двух тысяч испанских семейств, главным образом переселенцев с Антильских островов и Испании. В 1524 году население столицы, включая индейцев, достигало уже тридцати тысяч, однако понадобились столетия, чтобы Мехико по размерам и количеству населения догнал Теночтитлан.

Колонисты обязаны были в течение полутора лет вытребовать своих жен или жениться на месте, иначе они могли потерять полученный надел.

Кортес тоже попросил приехать с Кубы свою жену Каталину. По утверждению Берналя Диаса, ее прибытие не доставило особой радости Кортесу. Через три месяца плохо переносившая мексиканский климат Каталина внезапно скончалась от приступа астмы. Многим эта смерть показалась подозрительной.

Закрепившись в Мехико, Кортес стал рассылать отряды конкистадоров в отдаленные области Новой Испании для покорения индейцев и основания колоний, пока что охватывавших лишь небольшую часть огромной «империи Монтесумы», как испанцы называли союз индейских племен. Результатом этих военных экспедиций явилось покорение областей Мичоакана, Оахаки, Табаско и Пануко.

По приказу Кортеса отряд Сандовалья выступил в юго-восточном направлении. Легко покоряя все новые и новые области, он дошел до горной страны Оахаки, населенной племенами сапотеков. Жили они в малодоступных горах и оказали захватчикам жестокое сопротивление. Покорив эту область, Сандоваль достиг берега Тихого океана. Два других отряда конкистадоров направились на запад и юго-запад от Мехико. Все эти три отряда завоевали прибрежную полосу Тихого океана, протяженностью около тысячи километров, и торжественно провозгласили бескрайние океанские просторы вечным владением короля.

Это особенно обрадовало Кортеса, ибо он надеялся открыть в океане острова, изобилующие золотом, пряностями и драгоценными камнями. Он приказал заложить на побережье океана порт и приступить к строительству кораблей для будущих экспедиций.

В 1523 году Педро Альварадо, прозванный индейцами за его якобы ласковый, любезный и сияющий вид «солнышком», отправился в страну сапотеков. Однако «добрый» конкистадор, открыв Теуантепекский перешеек, вконец разорил эту страну и захватил там огромную добычу. Затем, раздав солдатам земли с индейцами, он приступил к строительству крепостей, но вскоре бросил колонистов на произвол судьбы, ибо запасы золота стали иссякать. Однако колонисты из-за нездорового климата тоже покинули эти края, и спустя некоторое время Альварадо пришлось снова завоевывать перешеек.

Сам же Кортес отправился в страну уастеков в бассейне реки Пануко. Он покорил это племя и уничтожил его вождей, предав сожжению шестьдесят касиков и четырехста других знатных индейцев. Казнили осужденных в присутствии их детей и близких родственников. «С помощью этого средства, благодарение господу, неприкосновенность испанцев была обеспечена, мир и тишина

снова воцарились в этом краю», — писал Кортес королю. Затем испанцы построили крепость и оставили там сильный гарнизон.

Однако на эту область претендовал также губернатор Ямайки Франсиско Гарай, уже в 1519 году приславший к берегам Мексиканского залива экспедицию во главе с Пинедой.

В тот раз Пинеда открыл побережье Тихого океана от Флориды до устья реки Пануко — границы Мексики — и назвал его Землею Гарая.

Корабли и люди, посланные тогда Гараем, попали в руки Кортеса или погибли. Теперь же, в 1523 году, Гарай сам решил попытать счастья и, снарядив тринадцать кораблей, с отрядом в тысячу человек отправился в Пануко. В пути их настигла буря, и флот был отброшен далеко на север. Отряд высадился на пустынном болотистом берегу и медленно двинулся к югу, а флот следовал за ним вдоль берега. Вскоре связь между отрядом и флотом прервалась. Солдаты стали терпеть голод, лишения. Отряд распался и солдаты занялись грабежом. Многие конкистадоры погибли, иные дезертировали, остальных схватили солдаты Кортеса. Флот же добрался до Пануко и там добровольно сдался Кортесу. Тогда и Гарай, примирившись со своей неудачей, последовал за Кортесом в Мексику, где скоропостижно умер.

Так бесславно окончилась жизнь еще одного из многочисленных соперников Кортеса, о которых он говорил, что бороться с ними было значительно труднее, чем с ацтеками.

СКВОЗЬ ДЕБРИ В ГВАТЕМАЛУ И ГОНДУРАС

Альварадо в горной стране Гватемале. — Олид в Гондурасе. — Цепь распрей и измен. — В болотистых дебрях Юкатана. — Казнь Куаутемока. — Хромой конь — божество племени майя. — Кортес на побережье Гондурасского залива. — Планы грандиозных завоеваний. — Ужасная весть из Мехико

Стремясь еще больше расширить границы Новой Испании, Кортес стал снаряжать экспедиции на юг — в Центральную Америку. К тому же он отдал приказ найти пролив, соединяющий два океана. Этот пролив,

Педро де Альварадо — покоритель Гватемалы, один из выдающихся командиров Кортеса (со старинного рисунка)

к сожалению, не существовавший, открыл бы испанским кораблям прямой путь к островам Пряностей и настоящей Индии, куда к тому времени уже добрались злейшие соперники Испании — португальцы.

Кортес писал королю, что его величество может быть спокоен — испанские эскадры выйдут в Великое Южное море и откроют там больше новых земель, чем можно себе представить. Эти слова конкистадора свидетельствовали о грандиозности его планов. Педро Альварадо после завоевания Теуантепекского перешейка в 1523 году по приказу Кортеса двинулся вдоль берегов Тихого океана к юго-востоку в горную страну Гватемалу. Географические открытия нимало не интересовали Альварадо: он стремился завоевать богатую страну и управлять ею сам, а не действовать в интересах Кортеса.

С отрядом из ста двадцати всадников и трехсот пехотинцев в сопровождении двадцати тысяч индейских воинов и носильщиков Альварадо выступил в далекий поход. Сначала путь его лежал по побережью — Альварадо разыскивал морской пролив и словно между делом легко покорил индейские племена, населявшие прибрежную полосу. В горных же районах сопротивление индейцев было упорным, но Альварадо пустил в ход уже испытанную тактику конкистадоров и, используя вражду племен, призвал на помощь себе жителей побережья. С большим трудом поднялся он по крутым перевалам на высокогорное плато, где его уже поджидали шестьдесят тысяч туземцев. В жестоких боях Альварадо одержал победу над родственным народу майя племенем киче, убил их вождя и приблизился к старинной столице племени.

Дворец властелина был одним из красивейших зданий во всей Центральной Америке. Новый правитель киче, притворившись, что покоряется победителям, пригласил Альварадо во дворец. Но у испанцев зародилось подозрение, что индейцы замышляют недоброе. А узкие улицы города были неудобны для сражения, испанцы не смогли бы использовать там ни конницу, ни пушки. Между тем индейцы сложили уже в домах хворост и дрова. Они собирались разрушить мосты, окружить испанцев и поджечь город со всех сторон, чтобы уничтожить захватчиков.

Альварадо хитростью избежал засады и в свою очередь заманил касиков киче к себе в лагерь, где схватил их. Одних касиков конкистадоры повесили, других сожгли на костре, а вождя их окрестили, а потом задушили гарротой (железными тисками, закручиваемыми винтом).

В этом походе Альварадо завоевал и присоединил к испанским владениям всю высокогорную страну Чиapas и гористую южную часть Гватемалы, а также исследовал побережье Тихого океана от Теуантепекского залива до залива Фонсеки. Таким образом, за короткий срок испанцы обследовали западное побережье Центральной Америки протяженностью в четыре тысячи километров, но нигде не обнаружили морского пролива.

Основав в 1525 году город Сан-Сальвадор, Альварадо завершил покорение этой области.

В 1523 году Кортес отправил экспедицию в Гондурас, во главе с одним из своих любимцев ветераном Кристо-

балем Олидом. Для завоевания этой страны Олид располагал пятью кораблями и тремястами семидесятью солдатами. Давно уже прошел слух, что земля эта изобилует золотом и серебром и индейцы при рыбной ловле пользуются грузилами из чистого золота. Эта экспедиция тоже должна была искать проход из Атлантического в Тихий океан, но со стороны Антильских островов или Карибского моря.

Отчалив из Веракруса, корабли направились к Гондурасскому заливу и Олид оказался в районе, где сталкивались интересы различных групп конкистадоров. Сюда стремились отряды испанцев с Панамского перешейка и из Золотой Кастилии. Один из вожakov конкистадоров — Хиль Авила — после понесенной неудачи в Гватемале и Никарагуа закрепился в Гондурасе.

Кристобаль Олид решил уничтожить гарнизон Авилы и избавиться от соперника. Авила яростно защищался и отразил ряд нападений, однако в одной из битв попал в плен.

Так, в междоусобных битвах и набегах прошло больше полугода. Кортес получил известие об измене Олида, захватившего Гондурас в своих личных целях. Этому не приходилось удивляться, ибо Олид, участвуя в Мексиканском походе под командованием Кортеса, прошел прекрасную школу хитрости и коварства.

Опасаясь, как бы не потерять Гондурас, вице-король направил туда вторую флотилию, под командой капитана Франсиско Лас Касаса, получившего строгий приказ во что бы то ни стало схватить Олида и свершить над ним скорый суд.

Прибыв в Гондурас, капитан Лас Касас разыскал лагерь Олида, захватил два его корабля и стал переманивать на свою сторону солдат изменника.

Тем временем разразилась буря и вся флотилия Лас Касаса разбилась о скалы и пошла ко дну. Сорок человек утонуло, остальные выбрались на берег и были вынуждены сдаться в плен Олиду. Попал в его руки и сам капитан Лас Касас.

Однако Олид весьма милосердно обошелся с вожаками обеих враждебных ему групп — Лас Касасом и Авилей. Он поселил их в своем доме, кормил за своим столом, и они могли беспрепятственно совещаться между собой. Прикинувшись друзьями Олида, они в то же время

составили заговор против него и установили связь с верными Кортесу отрядами.

Однажды он взял обоих пленников в поход против индейцев. Как-то за трапезой заговорщики внезапно набросились на невооруженного Олида с кинжалами и тяжело ранили его. Олид укрылся в лесу. Один из патеров указал Лас Касасу и Авиле убежище раненого Олида. Заговорщики устроили над ним скорый суд и, заявив, что действуют от имени и в интересах короля, приговорили Олида к смерти. На следующий день он был обезглавлен. Видя, какая участь постигла их командира, люди Олида признали власть Кортеса.

Сам же Кортес ничего не знал о судьбе обеих экспедиций и ему оставалось только гадать: погибли они во время бури или изменили ему.

Поэтому вице-король Новой Испании решил тоже отправиться в Гондурас. Ведь если изменники останутся безнаказанными, их примеру чего доброго последуют и другие — начнут действовать самостоятельно и захватят часть Новой Испании. Кроме того, Кортес рассчитывал найти в Гондурасе золото, о котором ходили неясные, но упорные слухи.

В октябре 1524 года Кортес выступил из Мехико. Отряд его состоял из 130 всадников и 120 пехотинцев — преданных ему ветеранов — завоевателей Мексики, и молодых, только что прибывших из Испании искателей счастья. С ними шли также три тысячи индейцев, главным образом носильщиков.

Чтобы предотвратить восстание индейцев во время своего отсутствия, Кортес взял с собою в качестве заложников бывшего повелителя ацтеков Куаутемока и касика Тлакопана, все еще содержащихся в плену, а также других индейских вождей. Как рассказывает хронист, Куаутемока, облаченного в парадные одежды ацтекского властелина, несли в паланкине, украшенном золотом и птичьими перьями. Кортеса сопровождала поистине королевская свита: пышно одетые пажи — отпрыски знатных кастильских семей, лекарь, стольники, слуги, музыканты, танцоры и комедианты.

Кортес отправился в Гондурас по суше. Сначала путь экспедиции лежал через завоеванные и усмиренные области и — до страны Табаско — даже по хорошей дороге.

О дальнейшем же пути, после селения Коацаколько, конкистадоры не имели ни малейшего представления. Правда, индейские купцы в Табаско подарили Кортесу отличную карту, на которой, по свидетельству Гомары, были помечены все реки и горы, города и селения. Путь в новую страну золота проходил по очень малонаселенным местам, через горные хребты, реки и болота, сквозь болотистые дебри, где еще не ступала нога европейца, где даже с верхушек самых высоких деревьев был виден лишь бескрайний океан джунглей.

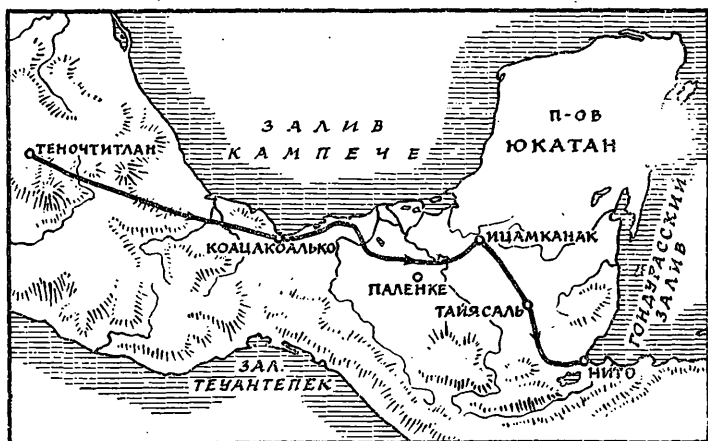
Поход был очень тяжелым. Дорогу преграждали бесчисленные реки и болота. Отряд переправлялся через них в индейских челнах или на плотах. Лошади глубоко увязали в иле и вытаскивать их удавалось с большим трудом.

Приходилось наводить мосты через реки и лагуны. Конкистадоры связывали несколько плотов и, стоя на них, вбивали сваи в илистое дно. Кортес сообщал королю, что на отрезке пути в неполных сто миль испанцам пришлось построить не менее пятидесяти мостов, причем один из них был длиною в девятьсот шагов.

Добывать пропитание в джунглях, где лишь изредка попадались селения, было очень трудно. К тому же индейцы, завидев испанцев на лошадях, переправляющихся через речку, нередко в страхе сжигали свои жилища со всеми находившимися в них припасами и скрывались в чаще. Захватчикам доставались лишь дымящиеся развалины да незрелые початки кукурузы на полях.

Испанцы были вынуждены питаться кореньями, лесными орехами и ягодами, выполнять чрезвычайно тяжелые работы — валить деревья и наводить через болота мосты. Участники экспедиции, привыкшие к сухому умеренному климату Мексиканского нагорья, тяжело страдали от тропических ливней и жары. Сотни вконец обесилевших индейцев падали по дороге и умирали. Отставших и заблудившихся никто не искал.

К счастью, испанцы попали наконец в более населенные районы и стали встречать на пути крупные селения. Конкистадоры миновали также древнюю столицу Юкатана — Паленке, но в своих хрониках о ней даже не упомянули. Очевидно, этот город с его огромными храмами уже давно превратился в руины и зарос густым лесом, поэтому завоеватели его не заметили.

Путь Кортеса из Теночтитлана в Гондурас (по В. Гуляеву)

И снова компас повел экспедицию все глубже и глубже в джунгли — через топи и широкие реки. На каждом шагу испанцев подстерегали опасности. Конкистадоры начали роптать и требовали возвращения в Мексику. Наконец подошли они к какой-то широкой реке и остановились на берегу без всякой надежды переправиться: построить мост им казалось невозможным.

«Никогда еще Кортес не терпел такой неудачи, — писал Гомара. — Он не вступал в споры и пререкания с солдатами, а испросил у них всего лишь пять дней. И если за этот срок мост не будет построен, он пообещал повернуть обратно».

Возвращение в Мексику было бы крахом всех его планов и надежд.

Хотя прославленный предводитель конкистадоров был уже не тем здоровым и сильным человеком, как во время осады Теночтитлана, воля его по-прежнему была несокрушима. Солдатам же тяжелый труд, с которым было сопряжено наведение моста, казался бессмысленным. Испанцев выручили их недавние враги — ацтеки, взятые вице-королем в экспедицию. По утверждению Кортеса, они работали гораздо прилежнее испанцев и за четыре дня построили мост.

Куаутемок в плену (с копии портрета XVI века)

На это пошло более тысячи деревьев, толщиной с воина. Их надо было свалить и доставить к месту стройки. Мост был так прочен, что простоял много лет и индейцы приходили издалека поглазеть на это невиданное чудо.

С огромным трудом преодолев заболоченные районы, испанцы достигли наконец более сухой местности, населенной племенами майя. На полях зеленели кукуруза, перец и агава. Здесь испанцы надеялись отдохнуть и восстановить свои силы.

Но как раз в это время недалеко от селения Ицамканак был якобы раскрыт заговор среди индейцев экспедиции.

«Здесь, в этой провинции, — писал Кортес испанскому королю, подробно рассказывая о трудностях пути, — произошел случай, о котором следует знать и Вашему вели-

честву. Дело в том, что один честный житель города Теночтитлана, по имени Мехикалсинго, после крещения — Кристобаль, ночью тайно пришел ко мне... и сообщил, что Гуатемосин и правитель Такубы часто беседуют друг с другом, говоря, что следовало бы найти средство для возвращения их прежней власти и земель, отнятых испанцами». Крещеный Иуда проявил особое рвение. По его словам, Куаутеок и другие знатные ацтеки организовали заговор. Они якобы замыслили во время одной из переправ внезапно напасть на испанцев и всех их перебить. Затем они собирались двинуться в Гондурас и там расправиться с отрядом Олида. А уж потом Куаутеок вернулся бы с триумфом в Теночтитлан и, уничтожив всех белолицых, восстановил бы там свою власть.

«И так как сей Кристобаль столь тщательно информировал меня о замышляемом заговоре против меня и всех испанцев, — писал Кортес королю, — я возблагодарил господа и на рассвете схватил всех этих сеньоров и, поместив их каждого по отдельности, начал производить допрос...»

Напрасно Куаутеок убеждал Кортеса в своей невинности. Кортес утверждал обратное и написал королю, что ацтекские вельможи якобы не отрицали заговора, но всю вину взваливали на Куаутеока. Они сами, дескать, не разделяли его планов. Куаутеок же и правитель Тлакопана, по словам Кортеса, лишь упрямо молчали, не подтверждая и не опровергая этих обвинений.

После короткого следствия и суда, где, по словам хрониста, обвинения играли роль доказательств, Кортес приказал перед лицом всего войска повесить бывшего властелина ацтеков и его мнимых сообщников. Когда осужденных привели к месту казни — под густую развесистую сейбу, Куаутеок с великим достоинством заявил Кортесу: «Малинцин, я знал, что значит — довериться твоим лживым обещаниям; я знал, что ты готовишь мне такую участь за то, что я сам не наложил на себя руки, когда ты вступил в мою столицу Теночтитлан. Почему ты совершаешь такую несправедливость, убивая меня? Бог покарает тебя за это». Так записал Берналь Диас в своей хронике слова Куаутеока. Касик же Тлакопана, по словам Диаса, сказал, что он

Сейба, на ветвях которой повешены Куаутемок и правитель Такубы. Рядом на виселице — монах Хуан де Текто (из старинной мексиканской рукописи)

не виновен, но рад разделить судьбу своего повелителя и умереть вместе с ним.

И, как сообщил впоследствии Кортес, «эти двое были повешены, а остальных я отпустил, ибо мне казалось, что их вина состояла лишь в том, что они слышали о предательстве, хотя и этого было вполне достаточно, чтобы предать их смерти». Между тем хронисты свидетельствуют, что на ветвях сейбы висели восемь или даже десять касиков. К тому же Кортес приказал рядом построить виселицу и вздернуть на нее испанского монаха Хуана де Текто, который осмелился возразить против этого гнусного убийства.

Так погиб Куаутемок — последний властелин ацтеков, один из самых отважных и умных индейских вождей, имя которого вписано в славную книгу освободительного движения народов Америки и который столь непоколебимо руководил борьбой ацтеков против иноземных захватчиков.

Здесь можно еще упомянуть о странной иронии судьбы: жена Куаутемока — дочь Монтесумы красавица Текичпо — намного пережила своего мужа и, как

Воскресение Куаутемока (фреска Давида Сикейроса)

сообщают хронисты, приняв христианство, трижды отдавала свою руку благородным кастильцам, и все испанцы не могли надивиться на ее красоту и тонкое обхождение.

Хронист Берналь Диас пишет, что казнь Куаутемока была великой несправедливостью и что таково было мнение почти всех испанцев — участников экспедиции.

Куаутемок и правитель Тлакопана, по словам Диаса, признали, что они часто беседовали друг с другом о страданиях, перенесенных в пути, и о том, что им лучше было бы умереть, нежели ежедневно быть свидетелями гибели своих братьев от голода, болезней и непосильного труда. Однако о заговоре никто из них даже и не помышлял.

Очевидно, Куаутемок, обладая непреклонным характером и чрезвычайно сильным воздействием на народные массы, был слишком опасен для Кортеса. Не случайно Кортес, по свидетельству Гомары, еще в Мексике никогда не выезжал верхом и не выходил из дому без Куаутемока, а постоянно держал его при себе в качестве заложника.

Похоже, что Кортес сфабриковал это обвинение, чтобы избавиться от опасного пленника, который и в неволе представлял собою угрозу власти испанцев на покоренных землях. Вице-король жил в постоянном страхе перед возможным восстанием индейцев. Советский историк В. Гуляев пишет, что предатель Кристобаль впоследствии якобы признался под пыткой одному индейскому касику, что он не сообщал Кортесу ни о каком заговоре.

Отдохнув в плодородной долине, испанцы отправились дальше, к теперешнему озеру Петен, на котором стоял древний город майя Тайясаль. Здесь Марина, верный соратник и переводчик Кортеса, в этой экспедиции сопровождавшая его в последний раз, встретила со своей матерью. Как было сказано выше, мать Марины продала ее еще девочкой в рабство. Однако Марина, по утверждению хрониста, великодушно простила мать и встреча их была очень теплой.

С тех пор имя Марины больше нигде не упоминается. Во время этой экспедиции Кортес отдал ее в жены одному из кастильских рыцарей и без сожаления расстался с нею — верой и правдой служившей испанцам, покорившим ее родину и так жестоко расправившимся с ее соплеменниками.

Марина подарила Кортесу сына Мартина, который, став взрослым, достиг высокого положения и был назначен командором ордена Сант-Яго.

Среди Мексиканского нагорья, недалеко от Попокатепетля, стоит потухший вулкан — голая, бесплодная и мрачная гора. Она носит имя Марины — Малинче, ставшее в народе символом предательства и измены.

Наконец изголодавшиеся и изнуренные тяжелым переходом люди Кортеса подошли к озеру Петен (в нынешней Гватемале). Без помощи и поддержки радушно принявших их туземцев они бы скоро погибли. Однако индейцы делали для завоевателей все, что было в их силах — кормили, обслуживали их, снабжали припасами. Эти бесхитростные люди безропотно позволили даже окрестить себя, видимо, лишь ради того, чтобы доставить гостям удовольствие. День крещения конкистадоры ознаменовали пушечными залпами и турниром всадников: стремились доказать индейцам, что испанцы мужественнее их древних богов.

Золота и серебра в этой местности не оказалось,

и Кортес снова стал собираться в путь. Надо заметить, что с материальной стороны результат этого похода был для Кортеса катастрофическим: не удалось добыть никаких богатств. По словам одного из хронистов, золотые миражи, к которым так стремился Кортес и ради которых он проделал столь тяжкий путь сквозь джунгли, были подобны мыльным пузырям — один другого ярче, они лопались с той же ужасающей быстротой...

Уходя, Кортес подарил индейцам хромого коня, уже непригодного для дальнейшего пути. Этот дар вызвал у туземцев огромное волнение: они никогда не видели лошадей и вдруг это таинственное животное оказалось в их полном распоряжении. Однако никто не знал, как за ним ухаживать и чем его кормить. Индейцы со всей округи приходили взглянуть на невиданное чудо, тесно связанное с белолицыми бородатыми людьми, управлявшими громом и молнией, и исчезнувшими так же таинственно и внезапно, как и появились.

Индейцы приносили в дар коню прекраснейшие цветы, но он оставался к ним равнодушен. Они пытались развлечь его песнями и плясками и возносили ему молитвы, пока наконец не заметили, что у коня ранена и опухла нога. Тогда они решили накормить коня жареными индюками — блюдом, которое всегда давали раненым воинам. Однако конь не притронулся к этому угощению и вскоре околел от голода.

Индейцы, дрожа от ужаса, взирали на божественное животное. Очевидно, они все же чем-то повредили ему! И тогда каменотесы высекали из камня статую коня и поставили ее в храме.

Спустя девяносто три года, в 1618 году, у озера Петен поселились два францисканских монаха, прибывшие для обращения туземцев в христианство. Со времен Кортеса в эти места не заглядывал ни один белый. Вдруг монахи с удивлением обнаружили в храме огромную статую коня, изображенного очень правильно, только одна из его ног была непомерно толста. Монахи были еще более поражены, узнав, что индейцы поклоняются этой каменной скульптуре как верховному божеству — повелителю грома и молний — и ежегодно в большой праздник приносят ему в дар девушку... Кроме того, в храме, позади статуи, монахи обнаружили большой, полусгнивший деревянный крест. Долгое время никто не мог объяснить

таинственное появление в глухих джунглях статуи коня и деревянного креста, пока наконец найденное в архивах письмо Кортеса не пролило свет на эту загадку.

На дальнейшем пути в Гондурас испанцам пришлось перейти несколько горных хребтов. Переходы через эти невысокие, но отвесные и скалистые горы доставили им огромные трудности. За двенадцать дней экспедиция продвинулась лишь на сорок километров, потеряв много лошадей: часть из них сорвалась в пропасть, другие погибли от истощения и голода. Остальные лошади были так измучены и так изранены, что потом в течение трех месяцев их нельзя было седлать.

Дни и ночи лил дождь, реки вышли из берегов и беженными потоками скатывались в глубокие ущелья, а люди и животные страдали от жажды: известковые горы не сохраняли воду — она сквозь бесчисленные трещины уходила в глубь породы.

К началу мая 1525 года Кортес вышел на берег Гондурасского залива, преодолев, если считать по прямой, около пятисот километров. Пройденное же им в действительности расстояние невозможно было определить, потому что конкистадорам приходилось часто изменять направление и делать большие крюки.

С опаской Кортес приближался к испанскому лагерю Нито на берегу Гондурасского залива. Он предполагал, что там засели мятежники, и хотел тайно напасть на них. Однако разведчики донесли, что Олид казнен и в колонии восстановлена власть вице-короля. Тогда Кортес торжественно вступил в лагерь, где все были крайне удивлены и обрадованы его появлением.

Здесь вице-король провел целый месяц, обследуя окрестности, а затем с частью своего войска отплыл в Трухильо — главный город испанцев на юго-восточном берегу залива, основанный капитаном Лас Касасом. В пути Кортес заболел тропической малярией. Болезнь протекала настолько тяжело, что, когда корабль прибыл в гавань, Кортес не мог выйти на берег и солдаты на руках вынесли своего командира на сушу.

Когда Кортес и его отряд восстановили свои силы, командующий послал конкистадоров в Никарагуа, чтобы подчинить себе и эту страну. Алчность вице-короля Новой Испании была безгранична. По утверждению историка Г. Паркса, Кортесу не давали покоя лавры

Александра Македонского. Завоевание Мексики он считал лишь началом военных походов на север и на юг. Он хотел захватить всю Центральную Америку, чтобы потом попытаться счастья у далеких берегов Южного моря, где впоследствии пожинал победные лавры завоеватель Перу Франсиско Писарро...

Однако исполнению этих честолюбивых замыслов Кортеса помешала неожиданная весть из Мексики. Кортес прекрасно понимал, что не может положиться ни на одного из своих соратников, и пришедшее морем известие подтвердило его худшие опасения: в столице Мексики начались распри между отдельными группами конкистадоров. Распространился слух о гибели вице-короля и его отряда в болотах Чиापаса. Был объявлен траур по Кортесу, а его имущество продано с молотка. Вырученные же деньги пошли на заупокойные мессы и покрытие его долгов. Точно так же поступили и в отношении остальных участников экспедиции: принадлежавших им индейцев роздали другим, а женам, считавшимся вдовами, разрешили вновь выйти замуж. Власть в столице захватил королевский ревизор Саласар. Он расправился со ставленниками Кортеса, одних прогнал, других заточил в тюрьму, а некоторых даже казнил. Начались волнения и среди индейцев. Над испанцами нависла серьезная угроза.

Крайне встревоженный этими известиями, Кортес был вынужден поспешить обратно в Мексику, чтобы спасти то, что еще можно было.

Казалось, фортуна покинула его и все планы рухнули. Как считали солдаты, над вице-королем тяготело проклятие Куаутемока. Кортес и сам, пожалуй, думал так же. Он был храбрым, но суеверным человеком и после жестокой расправы над Куаутемоком никак не мог обрести покой. Он стал молчалив, мрачен, совсем лишился сна. Однажды ночью, проверяя караулы, он оступился, скатился со ступенек храма и сильно ушиб голову. Он счел это грозным предзнаменованием, предвещавшим беду.

А беды и впрямь следовали одна за другой. Когда корабль Кортеса вышел в море, чтобы отправиться в Мексику, налетел шторм и так потрепал судно, что пришлось спешно вернуться в гавань. Потерпела неудачу и вторая попытка выйти в море, и тогда Кортес

решил, что это небесное знамение, указующее, что ему надлежит отложить возвращение в Мексику.

Торжественные богослужения и молебны следовали один за другим: великий конкистадор старался умиловать небеса и отвлечь беду. Его била злая лихорадка, одолевали мысли о близкой кончине. Исхудалый, измученный, он впал в меланхолию и, раздобыв себе рясу монаха-францисканца, просил после смерти облачить в нее его бранные останки.

Однако, несмотря на все невзгоды, вице-король не забывал и о мирских делах. Он направил верного человека в Мехико. Тот тайно проник в столицу Новой Испании и сообщил ветеранам, которых Саласар всячески притеснял, что Кортес жив и вскоре вернется к ним. Получив это известие, старая гвардия конкистадоров взялась за оружие, расправилась со сторонниками Саласара, а самого его посадила в клетку.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ПРОСЛАВЛЕННОГО КОНКИСТАДОРА

*Жалобы и наветы. — Домой в Испанию! —
Благодетеля короля — свидетельство его не-
милости. — Стычки с наместниками в Новой
Испании. — Кортес отправляется на поиски новых
земель. — Дальние экспедиции. — Закат славы
и кончина. — Судьба рядовых солдат. — Нет
покоя праху Кортеса. — Народ чтит память
своих героев*

После двухлетнего отсутствия тяжелобольной Кортес вернулся в Мексику. В пути на корабль его не раз налетали штормы, и Кортес вынужден был провести несколько недель на Кубе, куда его занесла ужасная буря.

Возвращение Кортеса в Мексику было настоящим триумфом. Весть о чудесном воскрешении вице-короля с быстротою молнии разлетелась по стране. Испанцы приходили из дальних мест, чтобы приветствовать прославленного полководца; в честь него воздвигались почетные арки, его осыпали цветами. В городах, через которые следовал Кортес со своей блестящей рыцарской

свитой, гремела музыка, царило ликование. В июне 1526 года вице-король вступил в Мехико и расправился там со своими врагами.

Все же ему не суждено было долго вкушать плоды победы. За время его отсутствия в Испанию были отправлены бесчисленные жалобы, руку к которым приложили Саласар и его приспешники. Они доносили королю, что Кортес якобы растратил на свои нужды причитающуюся королю пятую часть добычи, а его величеству посылал ложные сведения о доходах; что он спрятал сокровища Монтесумы и выстроил себе великолепный дворец, что власть его над Мексикой ничем не ограничена и он назначает на важные посты своих ставленников.

Но самым страшным было обвинение в том, что Кортес якобы хотел отделиться от Испании. Этого Карл V опасался больше всего и поэтому вызвал Кортеса в Испанию для объяснений. Вице-король, глубоко уязвленный подозрениями, хотя и не такими уж беспочвенными, поспешно отправился в путь. Он взял с собой самых преданных соратников (среди них был и Сандоваль), сына Монтесумы и нескольких ацтекских и тласкальских касиков.

В мае 1528 года Кортес сошел на берег в Палосе — в том самом порту, из которого тридцать шесть лет назад отчалил Христофор Колумб, чтобы впервые пересечь неведомый океан. Кортес, как и некогда Колумб, остановился в монастыре Рабида и, по свидетельству Эрреры, встретился там с будущим завоевателем Перу Франсиско Писарро, прибывшим из Нового Света, чтобы просить помощи у испанского короля для снаряжения новых завоевательных экспедиций к югу от Панамского перешейка.

Блестящая карьера Писарро только начиналась, карьера же Кортеса подходила к концу.

Вице-король отправился в Толедо к Карлу V. Весть о прибытии легендарного полководца всколыхнула всю Испанию, и поездка его в Толедо превратилась в триумфальное шествие.

«Короче говоря, — писал историк Эррера, — он явился во всем своем великолепии, как настоящий князь! Казалось, что со своей блестящей свитой едет повелитель крупного, независимого государства. Люди толпами

*Битва конкистадора Гусмана и его союзников с индейцами
Мичоакана (из старинной мексиканской рукописи)*

стояли на улицах городов и селений, стараясь увидеть знаменитого полководца, покорившего для Испании целую империю, и равного по независимости своей суверенным монархам.

Кортес вез королю художественные изделия из золота и серебра, драгоценные камни, двести тысяч золотых песо и много серебра. Вез он и диких зверей, и певчих птиц, и коллекции растений. За Кортесом следовала целая толпа ацтекских врачей, гимнастов и плясунов. Впоследствии он подарил их Папе Римскому, добавив еще золота и драгоценных камней. Святой же отец, по свидетельству Берналя Диаса, признал огромные заслуги Кортеса в распространении христианской веры, издал особую буллу и отпустил ему все грехи.

Карл V понимал, что нельзя наказывать полководца, который присоединил к ожерелью испанских владений

столю драгоценную жемчужину. Поэтому король милостиво принял Кортеса и его богатые подарки, благожелательно выслушал его донесение и старался показать свое расположение и доверие к нему. Король даже посетил Кортеса во время его болезни и не поскупился на награды и отличия. Он наделил Кортеса богатыми поместьями и обширными землями в Мексике, присвоил ему титулы маркиза Оахаки, капитан-генерала Новой Испании и Южного моря.

Но эти громкие титулы являлись лишь пустым звуком: для управления Новой Испанией король назначил «аудиенсию» — судебно-административную коллегия во главе с Нуньо Гусманом.

Этот конкистадор, отличавшийся алчностью и жестокостью, за несколько лет до того был губернатором Мексиканской провинции Пануко. Он правил железной рукой и вконец разграбил Пануко, а туземцев частично истребил, тех же, кто остался в живых, обратил в рабство. Теперь он вместе с «аудиенсией» без зазрения совести грабил всю Новую Испанию: обложил касиков непомерной данью, конфисковал земли, которыми Кортес наделил своих сподвижников, и роздал их своим друзьям, захватил массу золота и серебра. Его солдаты совершали опустошительные набеги, ловили и убивали индейцев, клеймили раскаленным железом рабов и десятками тысяч продавали работорговцам для отправки на Антильские острова, где местное население было уже почти уничтожено. Поимка и клеймение рабов достигли небывалых размеров.

Чтобы весть о его бесчинствах не достигла Испании, Гусман организовал строгий надзор над всеми портами. Начались столкновения между «аудиенсией» и духовными лицами. Епископ Сумаррага прибегнул к драконовым мерам: он отлучил членов «аудиенсии» от церкви и отправил королю тайную жалобу на Гусмана, спрятав ее в бочку с маслом.

Кортес тщетно добивался, чтобы Карл V снова назначил его вице-королем Новой Испании: король опасался, что в Мексике начнутся смуты и междоусобицы. Завоеватель Новой Испании отнюдь не казался ему наилучшим правителем колонии.

Король, не без основания, полагал так: пусть авантюристы низкого происхождения завоевывают для короны

новые земли, но они завистливы, слишком стремятся к власти и богатству, чтобы им можно было доверить управление этими землями. Вице-королем должен быть испанец из знатной семьи, на которого можно полностью положиться.

Кортес в Испании вскоре женился на дочери богатого герцога, однако спокойная роскошная жизнь при дворе быстро ему наскучила. Знаменитый конкистадор словно был рожден для дальних морских походов, опасных военных экспедиций, бурь и невзгод. То был типичный странствующий рыцарь, которого неудержимо влекла романтика опасных приключений. Вот почему в 1530 году Эрнандо Кортес возвратился в Мексику.

Злейший враг Кортеса Нуньо Гусман снова выдвинул против него тяжкие обвинения: Кортес-де хотел стать неограниченным властителем Мексики, казнил королевских чиновников, присланных, чтобы сместить его с должности вице-короля, убил свою жену Каталину, совершил ряд самовольных и незаконных поступков и присвоил себе государственные средства. Однако вскоре самого Гусмана отстранили от должности, и власть в Мексике взяла на себя новая «аудиенсия».

А Нуньо Гусман отправился на поиски счастья в другие места. Собрав небольшой отряд, он двинулся к северу от Мичоакана, где, по слухам, лежала богатая золотом страна, населенная женщинами-амазонками. Гусман захватил в плен несколько тысяч индейцев племени тарасков и потребовал у них касика золота. Но добыча показалась ему слишком мизерной, и он приказал привязать касика к хвосту лошади и погнать ее в прерии. Потом тело касика для устрашения туземцев было сожжено на костре.

Из Мичоакана Гусман отправился в Халиско, по пути сжигая селения и обращая индейцев в христианскую веру. Если индейцы встречали испанцев миролюбиво, их провоцировали на восстание, чтобы иметь повод поработить их. Так Гусман покорил обширную территорию и гордо назвал ее Великой Испанией. Но тут преступления этого головореза был положен конец: его отозвали в Мехико и заключили в тюрьму. Оттуда Гусмана отправили в Испанию, где он вскоре и умер, всеми забытый.

Та же участь ожидала и Кортеса. Король запретил

ему даже приближаться к Мехико, чтобы не возникло столкновений с новой «аудиенсией».

Но избежать этих столкновений все же не удалось.

Кортес чувствовал себя глубоко уязвленным: его незаслуженно обидели, лишили почти всех прав. А он слишком долго правил этой страной как истинный король, чтобы позволить «аудиенсии» бесконечно вмешиваться в его дела.

Кортесу так надоели пререкания с «аудиенсией», что он поселился в Куэрनावаке, где построил дворец и церковь. Ему принадлежали большие угодья, и он с удовольствием занимался сельским хозяйством. Одним из первых в Мексике Кортес принялся выращивать сахарный тростник, лен и коноплю, посадил тутовые деревья и стал разводить шелковичных червей, завел стада овец и других животных, для которых здесь было вдоволь пастбищ. Кроме того, Кортес построил сахарные фабрики, организовал добычу золота и серебра в своих владениях. Все это приносило ему немалые доходы. Его даже прозвали крезом. Однако мирная жизнь плантатора вскоре наскучила неугомонному завоевателю, и он принялся за снаряжение новой экспедиции.

В 1532 году Кортес снарядил два корабля. Они должны были следовать от побережья Тихого океана в Китай или к Моллукским островам и найти путь в страну пряностей. Но эта экспедиция закончилась провалом: один корабль вскоре разбился о прибрежные скалы, другой пропал без вести. На его поиски Кортес послал два новых корабля, но буря вскоре разъединила их. Один корабль вернулся с сообщением, что далеко на западе (в шестистах километрах от берега) был замечен какой-то необитаемый остров. Возможно, то был один из островов архипелага Ревилья-Хихедо.

Экипаж другого корабля, следовавшего на северо-запад, открыл остров Санта-Крус (на самом деле — полуостров Калифорнию). По пути на корабле вспыхнул бунт, мятежники убили капитана и высадились на остров. Но в стычках с индейцами часть их была перебита. Чтобы как-то загладить свое преступление, моряки стали рассказывать всякие небылицы о богатствах острова, якобы изобиловавшего жемчугом.

Введенный в заблуждение этими рассказами, Кортес в 1533 году снарядил и возглавил новую экспедицию

на «остров» Санта-Крус для его завоевания и колонизации. Кортеса сопровождали сорок испанцев и триста негров-невольников. На этом «острове» стояла ужасающая жара, и Кортес назвал его «Калида форнакс» (по латыни — жаркая печь), откуда и пошло сокращенное название Калифорния.

Колонисты страдали от жары и лишений и вдобавок не обнаружили там никаких богатств. Многие умерли, сам Кортес тяжело заболел, однако, опасаясь насмешек из-за провала экспедиции, долго еще — вплоть до 1536 года — медлил с возвращением в Мексику, пока наконец не внял отчаянным мольбам жены.

В 1539 году Кортес отправил в Калифорнию новую экспедицию во главе с Франсиско Ульоа. Тот, войдя в узкий, длинный Калифорнийский залив, назвал его «Морем Кортеса», хотя впоследствии его чаще называли «Багряным морем», ибо вода в некоторых его бухтах была красной от водорослей, а берега покрыты темно-красным песком.

Пройдя свыше тысячи километров вдоль западного побережья залива, Ульоа отправил Кортесу донесение, а сам двинулся дальше, но пропал без вести.

Все эти морские экспедиции не принесли Кортесу желаемых богатств (он даже утверждал, что якобы истратил триста тысяч песо, не получив взамен ни гроша), но в результате их были сделаны значительные географические открытия. Испанцы обследовали побережье Тихого океана от Панамского залива до реки Колорадо, прошли вдоль всей Калифорнии и уточнили, что это не остров, а огромный полуостров и что «Багряное море» — вытянутый залив.

При снаряжении экспедиций Кортесу приходилось неоднократно сталкиваться с вице-королем Новой Испании Антонио Мендосой — знатным вельможей, пользовавшимся доверием короля. Карл V назначил Мендосу на эту должность в 1535 году, вопреки притязаниям Кортеса. Прославленный конкистадор был утомлен нелегкой жизнью, да и возраст давал себя знать. Но Кортес не понимал, что время его прошло и он не может больше рассчитывать на высокий пост. В 1540 году он снова отправился в Испанию искать справедливости, но счастье окончательно отвернулось от него — ни Карл V, ни Фонсека — председатель совета по делам Индий

и долголетний, преданный защитник интересов короля, не пожелали что-либо предпринять для знаменитого полководца. Кортес, как в свое время Христофор Колумб, выполнил свою миссию и должен был уйти. Другие, хотя и менее прославленные, но энергичные и послушные королю люди возглавили новые военные походы.

Да и слава Мексики в то время уже померкла. Король и его двор теперь устремляли взоры на сказочные богатства Перу, и Франсиско Писарро приступил к завоеванию государства инков. Золото инков затмило славу Мексики, и имя Кортеса было забыто.

В 1541 году неутомимый воин принял еще участие в походе испанцев на Алжир, но буря погубила почти всю испанскую флотилию, в том числе и корабль Кортеса. Сам он с трудом спасся вплавь, но потерял три огромных изумруда, стоившие, по словам Гомары, целого королевства. Впоследствии Кортес не раз с иронией замечал, что самые большие убытки в этой экспедиции понесли король и он.

Последние годы своей жизни Эрнандо Кортес провел в полном забвении. Возраст, перенесенные ранения, лишения и трудности былых походов подрывали его силы, и старый конкистадор непрерывно болел. Но все же он настойчиво добивался поста вице-короля, жаловался на врагов, сетовал на свою бедность и долги, хотя на самом деле был очень богат. Но король больше не обращал внимания на назойливого просителя, требования которого ему казались чрезмерными.

Однажды Кортес, пробившись сквозь толпу, вскочил на подножку кареты короля. Карл V, притворившись, что не узнает прославленного завоевателя, спросил придворных, что это за человек и чего он хочет.

Кортес гордо ответил:

— Это тот самый человек, который подарил вам больше земель, чем ваши предки оставили вам городов!

Хотя ни один из историков не подтверждает этого факта, но даже как исторический анекдот, рассказанный французским философом Вольтером, он все же свидетельствует о том, что для Кортеса тогда все уже было позади.

2 декабря 1547 года легендарный вождь конкистадоров скончался. Смерть его, как и смерть Колумба, прошла незамеченной.

Какова же была судьба соратников Кортеса — рядовых солдат?

Об этом писал на закате дней своих Берналь Диас: «Но что стало с теми, которые совершили все эти великие деяния? Из пятисот пятидесяти товарищей, отправившихся вместе с Кортесом с острова Кубы, ныне, в 1568 году, в Новой Испании осталось не более пяти! Все остальные погибли: на полях сражений, на жертвенных алтарях, на одре болезни. Где памятник их славы? Золотыми буквами должны быть высечены их имена, ибо они приняли смерть за великое дело. Но нет! Мы пятеро согбены годами, ранами и болезнями, и влачим мы остаток своей жизни в скромных, почти убогих условиях. Несметные богатства доставили мы Испании, но сами остались бедны. Нас не представляли королю, нас не украшали титулами, не отягощали замками и землями. Нас, подлинных конкистадоров, людей первого призыва, даже забыли: писатель Гомара много и красиво говорит о Кортесе, о нас же не упоминает. Но довольно! Пусть никто не посмеет злоключать на основании моих слов... Что нам осталось и что от нас осталось? Все! В ста девятнадцати битвах и сражениях я участвовал; я участвовал в приобретении Новой Испании; в этом — моя сила и слава!».

Хотя Кортес обманывал своих солдат при дележе добычи, хотя он посылал их на смерть и чинил расправу над недовольными — Берналь Диас посвящает ему самые теплые слова. Старого солдата, как и других ветеранов — соратников Кортеса, пленяли его безумная отвага, негибкая воля, неиссякаемая энергия, упорное нежелание признать себя побежденным. Он презирал опасность и в бою всегда был впереди. К тому же это был талантливый полководец, умевший держать в руках свору наемников-грабителей и использовать их в своих целях, разжигая в них алчность и стремление к славе. Он был также дальновидным политиком, ловким дипломатом и добивался желаемого и лестью, и интригами, и грубой, беспощадной силой. Он умел правильно оценивать ситуацию и людей, быть осматрительным и безумно храбрым. Эти качества Кортеса заслоняли в глазах солдат все его недостатки.

«Всякое дело, — писал Берналь Диас, — он исполнял охотно и до точности; ночные обходы делал сам, прове-

ряя лично, как спят солдаты — в полном ли снаряжении, не раздеваясь, как было приказано, или раздевшись, в преступной беспечности... Воля его была непреклонна, особенно насчет военных дел. А повеления его должны были исполняться во что бы то ни стало, какой угодно ценой... В гневе на шее и на лбу у него раздувались жилы; иногда он сбрасывал с себя плащ, но никогда не изощрялся в брани, да и вообще был терпелив с людьми... Конечно, без нас — своих сотоварищей, не свершить бы ему всех подвигов, но он был нашим сердцем и головой, он нас направлял и объединял... Свое имя Кортес ставил выше всяких титулов, на которые мог претендовать, и в этом отношении он был прав, ибо имя Кортеса для испанцев и по сей день овеяно такой же славой, как когда-то имя Цезаря для римлян или Ганнибала для карфагенян... Он был великолепным человеком. Пусть же он покойся с миром! Это лучше, нежели все наши завоевания и победы!».

Судьба, однако, решила иначе: имя великого конкистадора запятнано кровью покоренных и уничтоженных им народов, а прах его (как и бранные останки Христофора Колумба) долго не находил себе прибежища. Казалось, и после смерти над ним тяготеет проклятие.

В 1547 году Кортес был торжественно погребен в усыпальнице герцогов Медина-Сидониа, на территории одного из монастырей Севильи. В 1562 году, во исполнение его воли, выраженной в завещании, прах был перевезен через океан в Новую Испанию и захоронен в Тескоко в монастыре святого Франсиско, а через несколько десятилетий, в 1629 году, перенесен оттуда в храм святого Франсиско в Мехико. Прошло еще около двухсот лет, и останки великого конкистадора были доставлены на территорию госпиталя, основанного им в честь Иисуса Христа, а на могиле его установлен бронзовый бюст.

Но эта могила не явилась последним прибежищем Кортеса. В 1823 году, когда Мексика сбросила с себя испанское иго, патриоты решили вскрыть могилу ненавистного вождя конкистадоров и развеять его прах по ветру. Однако, как пишет советский историк В. Гуляев, останки Кортеса были тайно увезены в Италию и преданы земле на острове Сицилия, где в то время проживал один из потомков Кортеса — герцог Монтелеоне.

На мексиканской земле не нашлось и шести пядей земли для останков жестокого конкистадора.

Совсем иная судьба постигла прах Куаутемока. Один из мексиканских историков ставит Куаутемока в ряд с такими выдающимися борцами за свободу, как вождь галлов Винцегеторик, отважно сражавшийся с воинами римского императора Гая Юлия Цезаря, французская национальная героиня Жанна д'Арк и польский патриот Костюшко. К сожалению, этот же историк приравнивает подвиги Кортеса к славе Александра Македонского, Цезаря и Наполеона.

О захоронении Куаутемока В. Гуляев пишет, что верные своему повелителю ацтекские воины, следовавшие, очевидно, за отрядом Кортеса или отделившиеся от него, унесли казненного Куаутемока в город Ичкатеопан на западе Мексики в провинции Герреро, где проживала его мать. Там тело Куаутемока было торжественно сожжено, а пепел и кости захоронены в гробнице его предков. Спустя четыре года, в 1529 году, прибывший в этот город францисканский монах посоветовал туземцам перевезти прах ацтекского героя в другое место, чтобы испанцы о нем не узнали. Останки Куаутемока захоронили во дворе бывшего храма, а над могилой в целях маскировки построили небольшую католическую часовню. Позже, по совету того же монаха, на месте часовни был воздвигнут собор, так что останки Куаутемока оказались под самым алтарем.

Долгие столетия индейцы свято хранили эту тайну. Лишь в 1949 году последний из владевших ею ацтеков рассказал на исповеди священнику о могиле Куаутемока.

Гробницу раскопали и специальная комиссия определила по костям, что это действительно останки Куаутемока. Об этом свидетельствовала и небольшая пластинка с выгравированной на ней надписью: «1525—1529. Государь и повелитель Куаутемок».

На одной из главных магистралей Мехико — древнего Теночтитлана — Пасео де ла Реформа воздвигнут памятник последнему властелину ацтеков. Куаутемок стоит во весь рост, в уборе из орлиных перьев, с поднятым копьём в руке. На пьедестале красуется надпись: «Памяти Куаутемока и тех воинов, которые героически боролись за свободу своей страны». Недалеко от

площади Трех культур в районе Тлателолко возвышается монумент в честь Куитлауака. Подвиги его запечатлены в изумительных фресках и картинах.

Однако нет в Мексике и никогда не будет монумента, посвященного Кортесу. Память о нем предана проклятию.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕЙ ЖДЕТ ВСЬ НЕИЗВЕДАНЫЙ МАТЕРИК

Панфило Нарваэс во Флориде. — Гибель экспедиции. — Кавеса де Вака пересекает материк. — Золотой мираж. — Разведывательный поход монаха Марка и негра Эстевана в города легендарной Сиволы. — Коронадо тщетно ищет города Сиволы. — Открытие каньона Колорадо. — Турок завлекает испанцев в страну Кивиру. — Экспедиция Эрнандо де Сото к берегам Флориды. — Поход к Аппалачским горам. — Страна жемчуга. — Битвы с индейцами. — Переправа через широкую реку Миссисипи. — Смерть Сото. — Поход Москосо в Техас. — По Миссисипи без золота домой

Кортес, однако, не был единственным, кого манили далекие, необъятные, пока еще не изведенные земли к северу от Новой Испании — Мексики. Конкистадоры встречали там лишь диких кочевников, которые либо убеждали назойливых пришельцев, что богатые земли лежат еще дальше на север, либо же после стычек с испанцами поспешно отступали. Захватчики не могли рассчитывать здесь на богатую добычу, хотя север Мексики вовсе не был так беден, как это показалось первым его завоевателям. Впоследствии здесь были обнаружены богатые месторождения серебра, страна изобиловала прекрасными пастбищами.

Но первооткрывателей ждал весь неизведанный материк, его необозримые просторы — огромные горы и равнины, пустыни, прерии и леса, пересеченные невероятно большими реками. Ходили таинственные слухи о сказочных богатствах этих дальних стран.

И многочисленные экспедиции испанцев отправились на поиски новых земель. Одним из отрядов командовал Панфило Нарваэс, жестокий завоеватель, «суший дьявол», по выражению епископа Лас Касаса. Этот одноглазый капитан (второй глаз, как известно, он потерял в бою с Кортесом) в апреле 1528 года с отрядом из четырехсот человек (из них восемьдесят всадников) высадился на западном побережье Флориды у залива Тампа. Однако почти всему отряду вместе с командиром суждено было там погибнуть.

При виде белых людей прибрежные жители в страхе бежали из селения. В покинутых хижинах испанцы нашли кое-какие золотые украшения, и Нарваэс уже не сомневался в том, что стоит у порога золотой страны — Эльдорадо. Это подтвердили и несколько захваченных в плен индейцев. Они сказали, что золото это получено от племени аппалачей в обмен на другие товары. Аппалачи живут в стране Аппалачене, и у них большая, богатая столица. Индейцы, очевидно, хотели хитростью избавиться от опасных пришельцев, направив их дальше.

Командир немедленно послал свои корабли в одну из бухт, о расположении которой имел весьма отдаленное представление. Испанцы так больше и не увидели своей флотилии — впоследствии оказалось, что бухта была расположена не к северу, как предполагал Нарваэс, а к югу от залива Тампа.

В начале мая Нарваэс со своим отрядом выступил по суше на север, стараясь держаться прибрежной полосы, — подальше от страшных болот Флориды. Ничто не предсказывало тяжести предстоящего пути. Индейцы попадались редко и казались миролюбивыми. В ответ на расспросы о золоте они упорно показывали на север. Одно из племен встретило чужеземцев музыкой и дарами, а вождь его даже вызвался проводить белолицых в страну Аппалачи.

Теперь уже приходилось преодолевать широкие, быстрые реки, брести по топким болотам, кишачим змеями и крокодилами, а также пробираться сквозь густые чащи изувеченных ураганами лесов, где валялось множество деревьев, рассеченных молниями от верхушки до корней.

Наконец конкистадоры достигли стоянки аппалачей, но здесь их ожидало горькое разочарование — то был

отнюдь не город: в густой чаще леса скрывалось сорок крытых тростником хижин. Прогнав индейцев, белые без стеснения забрали початки кукурузы, найденные в селении, ибо запасы их продовольствия были уже на исходе. Испанцы не умели охотиться и голодали, хотя дичи было вдоволь.

Нарваэс узнал, что земли, лежащие к северу от аппалачей, мало населены, да и на западе простираются лишь густые леса с большими озерами и топкими болотами, а за ними — пустыни. Никаких богатств здесь не было и в помине. Нарваэс приказал повернуть назад к югу, и вывел отряд к морю, в надежде встретить там свои корабли.

По дороге испанцам то и дело приходилось вступать в стычки с индейцами. Туземцы обычно поджидали испанцев у переправ через реки или болота, заваленные стволами деревьев и корягами. Укрывшись в чаще леса, индейцы осыпали испанцев градом стрел. Из лука длинной в двенадцать футов и толщиной в руку они могли послать свои стрелы на расстояние двухсот шагов. Испанцы вскоре убедились, что от этих стрел их не спасают даже кожаные доспехи. Но страшнее всего были тростниковые стрелы без наконечников. Ударяясь о кольчугу, они превращались в множество острых щеп, и эти щепы, проникая сквозь отверстия в кольчуге, наносили мучительные раны. Испанцы были беспомощны против индейских стрелков — поваленные деревья преграждали всадникам путь, и индейцы легко избегали преследования.

Нарваэс потерял треть своих людей и большую часть лошадей. Выйдя к морю, испанцы убедились, что кораблей нет и в помине. Было ясно, что экспедиция потерпела неудачу. Теперь надо было думать о спасении своей жизни и любыми средствами выбраться отсюда.

Нарваэс решил построить лодки и морем добраться до реки Пануко.

Чтобы изготовить пилы, топоры и гвозди для постройки лодок, испанцы собрали все имевшиеся в лагере металлические изделия — арбалеты, шпоры и стремяна. Из деревянных трубок и оленьих шкур изготовили кузнечные мехи; паруса сшили из одежды. Лошадей своих конкистадоры съели, шкуры их использовали как мехи для воды, а из конского волоса сплели снасти.

На пяти кое-как сбитых лодках около двухсот сорока испанцев вышли в море и целый месяц медленно продвигались вдоль берега на запад. Время от времени они совершали грабительские набеги на индейские селения.

Приходится лишь удивляться тому, что испанцы жестоко голодали, идя морем, столь богатым рыбой, к тому же в любом индейском селении на побережье можно было найти рыбачьи сети. Очевидно, в этом была вина Нарваэса: будучи опытным воином, он совсем не умел заботиться о пропитании своих людей.

Возле устья Миссисипи, уже ранее открытой испанцами и названной ими рекой «Святого духа» (Рио-дель-Эспириту-Санто), буря разметала лодки. Нарваэс, у которого были более сильные гребцы, бросил остальные лодки на произвол судьбы, сказав при этом, пусть каждый спасается, как может. Почти все члены экспедиции, в том числе и сам Нарваэс, пропали без вести — очевидно, буря унесла лодки в открытый океан.

Одну из лодок выбросило на берег какого-то острова у побережья Техаса (возле Галвестонского залива), и испанцы попали в плен к туземцам, питавшимся орехами и улитками. Здесь собралось около восьмидесяти конкистадоров. Испанцы умирали от голода, и некоторые пытались спастись от смерти, пожирая трупы своих соотечественников. К весне 1529 года в живых осталось около пятнадцати человек. Выжил и казначей экспедиции Нарваэса Альваро Нуньес Кавеса де Вака. Вместе с несколькими товарищами он попал в рабство к индейцам. Высокомерный придворный короля, Кавеса де Вака должен был теперь собирать съедобные коренья для своего хозяина-индейца. Однако вскоре Вака прославился как знахарь, лечивший больных молитвами и крестом. Наконец ему вместе с тремя товарищами по несчастью удалось бежать. Среди них был негр Эстеван — раб одного из бежавших испанцев.

Эта маленькая группка полуголых, безоружных людей, преодолевая огромные трудности, постепенно продвигалась на запад, пересекая материк.

Они страшно страдали от москитов и впоследствии говорили, что не знают больших мучений, чем укусы этих насекомых.

Обойдя стороной прибрежные районы, населенные

воинственными туземными племенами, беглецы пересекли плоские равнины Техаса, страдая от палящего солнца и жажды. Они питались плодами опунций, утолявшими их голод и жажду. Прерии и плато, по которым они шли, были очень мало населены. Здесь кочевали небольшие племена индейцев, скудный скарб которых, привязанный к шестам, тащили огромные собаки. Дружелюбные и услужливые туземцы ничего не знали о злодеяниях белых пришельцев и радушно принимали беглецов, приветствуя их как сыновей солнца. Кавеса де Вака — прославленный знахарь и колдун в каждом селении лечил больных. Однажды ему якобы даже удалось вернуть к жизни умершего.

Беглецы были первыми из европейцев, увидевшими в прериях бизонов. Кавеса де Вака писал о них, что это темно-бурые или черные коровы с горбом на спине, короткими рогами и густой шерстью; мясо их сочное, жирное и более вкусное, нежели мясо испанских быков.

Этой горстке испанцев неплохо жилось среди индейцев, и они продвигались все дальше на запад, надеясь достичь побережья Великого Южного моря — Тихого океана. Оттуда легко было бы найти обратный путь в Мексику. По необъятным плодородным долинам Аризоны испанцы добрались до индейцев племени хопи, обладавших довольно высокой культурой. Они занимались возделыванием земли, искусно изготавливали глиняную утварь и ткани, жили в глинобитных домах, которые лепили на крутых скалистых склонах, уступами один над другим.

С тех пор как экспедиция Нарваэса высадилась на берег Флориды, прошло уже восемь лет. И вот Кавеса де Вака, пройдя со своими спутниками через весь материк, в 1536 году достиг Калифорнийского залива. Там они встретились с белыми охотниками за рабами. Скитания Ваки по продолжительности и богатству приключений можно сравнить лишь со странствованиями Одиссея.

По возвращении в цивилизованный мир, Кавеса де Вака начал рассказывать о своих скитаниях всякие небылицы. И хотя он не видел ни золота, ни богатых городов, он все чаще и чаще намекал на то, что ему якобы попадалось такое, о чем он не смеет сказать ни слова. Превознося богатство и значение индейских селений, он

говорил, что это якобы сказочные города с четырех- и пятиэтажными домами, двери и ворота которых украшены бирюзой, окна — алмазами, а золота там видимо-невидимо. Правители едят на золотых блюдах, пьют из золотых кубков, и таких городов целых семь, а страна эта зовется Сиволой. Так расписывал Вака «пуэбло» — нищие селения индейцев Аризоны и Новой Мексики.

В 1537 году Кавеса де Вака возвратился в Испанию и был принят самим Карлом V. Король с интересом выслушал знатного скитальца и в награду присвоил ему звучный титул «великий воин», а также разрешил предпринять новую экспедицию, чем впоследствии Вака и воспользовался.

В 1541 году он с отрядом в четыреста человек высадился на берег Южной Бразилии (27° 30' южной широты) и направился через горы в глубь материка. Наученный горьким опытом экспедиции Нарваэса, он поддерживал с индейцами дружественные отношения и достиг Асунсьона — испанской колонии на реке Паране, где занял пост губернатора. В этой продолжительной экспедиции Вака не потерял почти ни одного человека — редчайший случай в истории конкисты, как отмечает советский историк географических открытий И. Магидович. Однако Ваке не повезло в другом отношении: он и на сей раз не обнаружил в открытых им странах никаких богатств; соперники Ваки, домогаясь власти, вскоре арестовали его и выслали в Испанию.

Городами Сиволы, так ярко описанными Вакой, заинтересовался вице-король Новой Испании Мендоса. Он купил негра Эстевана, которого после долгих скитаний все же не отпустили на свободу, и снова послал его на север вместе с монахом-францисканцем братом Марком. Сопровождали их индейцы.

Эстеван, как в свое время Вака, разукрасился пестрыми перьями, бубенчиками и погремушками и занялся врачеванием и колдовством, исцеляя больных заговором. Он имел огромный успех. Туземные племена, встречавшиеся на пути экспедиции, принимали знаменитого кудесника как посланца небес. Ему приносили богатые дары, отводили самую лучшую хижину, украшали ее гирляндами цветов. Туземцы толпами валили к нему, стремясь хотя бы коснуться его одежды.

Эстеван больше не чувствовал себя рабом. Он путешествовал с целой свитой преданных ему индейских воинов и женщин, подаренных колдуну касиками. Индейцы были в восторге от его черной кожи и курчавой бороды. Безо всякого стеснения он прибирал к рукам наиболее дорогие подарки, в первую очередь бирюзу, приводя этим в негодование монаха Марка.

Экспедиция поднялась по долине реки Соноры и, перевалив через горы, вышла к Аризоне. Эстеван, снова услышав здесь о стране Сиволе и ее семи золотых городах, решил пойти на разведку.

Монах и негр договорились поддерживать между собой связь. К несчастью, Эстеван был неграмотен, рассказывать же гонцам об увиденных богатствах он не хотел, опасаясь огласки. Тогда Марк предложил негру присылать ему знаки в виде крестов различной величины, в зависимости от важности открытия. Если открытие будет незначительным, пусть придет крест длиной в один фут, если оно покажется Эстевану более важным, крест должен быть длиной в два фута. Если же вновь открытая страна превзойдет по богатству Мексику, то крест должен быть огромным.

Прошло всего лишь четыре дня и от Эстеваана прибыл крест в человеческий рост, а спустя еще два дня гонцы доставили Марку еще такой же крест. Стало ясно, что открыта новая, сказочно богатая страна.

Брат Марк отправился вслед за негром и убедился, что открытая им страна и впрямь благоприятна для пришельцев: индейцы радушны, живут в добротных домах, имеют много бирюзы и бизоньих шкур. Правда, золота монах не обнаружил, но нашел еще один огромный крест, оставленный Эстеваном. Очевидно, дела негра были хороши.

И действительно, Эстеван, по-прежнему шествуя в убранстве из птичьих перьев, обвешанный магическими побрякушками, изображал из себя могущественного волшебника. Он путешествовал под охраной трехсот индейцев и одной собаки, и за ним следовал целый гарем. Полая тыква, украшенная двумя перьями — красным и белым и увешанная бубенцами, служила символом его волшебства. Он посылал ее с гонцами к туземным племенам, встречавшимся на его пути.

Так, торжественно шествуя, Эстеван приблизился

к первому из «городов Сиволы» — большому индейскому селению. Однако на сей раз туземцы отказались пустить кудесника в свое поселение. Индейцы догадались, что он прислан в разведку людьми, которые намереваются завоевать их страну. Но Эстеван, невзирая на предупреждения туземцев, вошел в их селение и беззастенчиво потребовал у них дары — бирюзу и женщин. Индейцы восприняли это как оскорбление, отобрали у негра все, предназначенное для обмена: товары и собранные по дороге подношения, а самого Эстевана убили.

Монах Марк, получив такое страшное известие, не решился приблизиться к этому селению. Испуганному монаху издалека оно показалось больше и величественнее самого Мехико, и он поспешил в Новую Испанию с известием, что один из семи «городов Сиволы» найден.

Вице-король Мендоса немедленно приступил к снаряжению экспедиции для завоевания этой сказочной страны. Командиром отряда был назначен Франсиско Васкес де Коронадо.

Коронадо был отпрыском аристократического испанского рода из Саламанки, но унаследовал один лишь звучный титул. Поэтому он в 1535 году отправился в заморские страны за сокровищами. В 1538 году юноша был уже губернатором Новой Галисии (пограничная область Мексики, откуда на поиски легендарных городов отправлялись к северу все экспедиции).

В экспедиции Коронадо участвовало около трехсот искателей счастья, совсем недавно прибывших в Мексику в надежде на легкую наживу. Вице-король Мендоса рад был избавиться от этих назойливых авантюристов. Он снабдил экспедицию тысячью голов лошадей и другого вьючного скота, большими стадами коров и свиней, гуртами овец. Кроме того, он отдал в распоряжение Коронадо отряды индейцев и рабов-носильщиков.

Вооружены были испанцы по-разному: лишь двадцать семь из них имели аркебузы, девятнадцать — арбалеты, у остальных же были копья, пики, кинжалы и даже индейское оружие. Железные доспехи имело несколько десятков человек, прочие должны были довольствоваться кожаными панцирями. Сам Коронадо был разодет в сверкающие золотом доспехи, на шлеме его красовался пучок ярких перьев.

Экспедицию сопровождал монах Марк. Суда под командой Эрнана Аларкона Коронадо отправил вдоль побережья к Калифорнийскому заливу. Они должны были с моря поддерживать следовавший сушей отряд.

В феврале 1540 года вся эта масса людей и скота медленно продвигалась из северных районов Мексики вдоль побережья Калифорнийского залива, между реками Рио-Гранде и Колорадо, уничтожая, подобно саранче, все, что попадалось на их пути, и обрекая индейцев на голодную смерть. Озлобленные туземцы совершали частые набеги на экспедицию.

Наконец Коронадо достиг первого из больших индейских селений Аризоны — желанной Сиволы. Но что за разочарование! То был лишь нищий поселок. Никаких сокровищ, никаких богатств там не было. Конкистадоры завладели лишь ничтожным количеством пестрых тканей, глиняной утвари и съестных припасов. Солдаты, по свидетельству хрониста, стали осыпать монаха Марка упреками и такими ужасными проклятиями, что ему оставалось лишь уповать на милость господню. Не исключено, однако, что монах действовал по наущению вице-короля Мексики и его чиновников, требовавших, чтобы он написал Сиволу как богатую и привлекательную страну, в расчете на то, что люди тогда с большим желанием пойдут в эту далекую и трудную экспедицию.

Монах утверждал, что Калифорнийский залив где-то рядом. На самом же деле до него оказалось целых пятнадцать дней пути, и Коронадо понял, что корабли Аларкона, уже замеченные у побережья индейцами, не смогут оказать ему никакой помощи.

Однако Коронадо не терял надежды на богатую добычу и отправился вглубь страны — через пустынные и бесплодные районы. В течение многих дней испанцы не могли найти ни травинки, чтобы накормить лошадей, но потом на пути им стали попадаться зеленые луга и прохладные реки. Продвигаясь все дальше на север, Коронадо в конце концов добрался до того индейского селения, где был убит негр Эстебан (теперь — это штат Нью-Мексико). Индейцы немедленно напали на белых, а ночью разожгли на холмах сигнальные огни, сообщая другим селениям о грозящей им опасности. В ответ загорелись огни по всей широкой округе. Коронадо нужно было во что бы то ни стало захватить это селение, ибо

припасы его отряда подходили к концу. Завязался ожесточенный бой. Индейцы забаррикадировались в селении и с крыш домов бросали на захватчиков, расположившихся на склоне горы, огромные камни, осыпали их стрелами.

В свою очередь испанцы открыли огонь из аркебузов. Пытались они стрелять из арбалетов, но тетивы их, по словам хрониста, часто рвались, а стрелки, измученные дальним переходом, едва держались на ногах. С особенной яростью индейцы обстреливали Коронадо, ибо его позолоченные доспехи ярко блестели на солнце. В ногу ему впиалась стрела, метко брошенные камни дважды повергали его на землю.

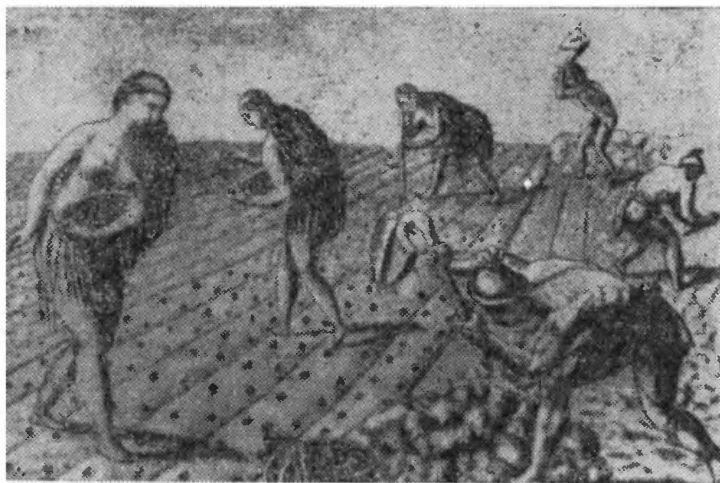
Все же испанцам удалось изгнать туземцев из селения. Они захватили много съестных припасов: маис, домашнюю птицу, а также хлопчатобумажные ткани, шкуры бизонов, оленей и кроликов. Коронадо писал, что ему никогда не доводилось угощаться такими вкусными кукурузными лепешками.

Съестного здесь и впрямь было вдоволь, но сокровищ не было и в помине. Ничто не говорило и о близости богатых городов. Покорив окрестных индейцев, экспедиция осталась еще на какое-то время в Сиволе и командир разослал во все стороны разведывательные отряды.

В одном из селений испанцы услышали рассказ о большой реке на севере (Колорадо) и туда через плато Колорадо (штат Аризона) был отправлен разведывательный отряд под командой Гарсии Лопеса де Кардена.

После тяжелого двадцатидневного перехода в жару, по сухой, однообразной, малонаселенной равнине испанцы достигли Большого Каньона. Самое глубокое в мире ущелье (глубина его достигает двух километров) произвело на испанцев огромное впечатление.

Среди красно-бурых, сверкавших на солнце скал глубоко внизу ревела огромная река, пробившая себе путь сквозь суровые, угрюмые, не покоренные еще человеком горы. Три дня испанцы отыскивали спуск к желанной воде, но непреодолимые отвесные кручи преграждали им путь. Все попытки спуститься вниз по скалам были тщетными, и испанцам пришлось отказаться от своего намерения. Проводники-индейцы предостерегли конки-

Индейцы юго-востока Северной Америки на полевых работах (с гравюры XVI века)

стадоров, что еще несколько дней они не смогут пополнить свои запасы воды (воду они носили в тыквенных бутылках). Поэтому Карденас решил не задерживаться у грандиозного ущелья, а повернуть обратно и сообщить Коронадо об удивительном открытии. Остается еще добавить, что о Большом Каньоне вскоре забыли и белые люди вернулись к нему лишь спустя двести лет.

Второй разведывательный отряд двинулся из Сиволы на восток и обнаружил много индейских селений, построенных, как и Сивола, уступами на склонах гор. Кроме того, отряд достиг водораздела между рекой Колорадо, впадающей в Калифорнийский залив (Тихий океан), и Рио-Гранде-дель-Норте, несущей свои воды в Мексиканский залив (Атлантический океан).

В то время когда Коронадо удалялся от моря, один из его офицеров — Мельчор Диас выступил с небольшим отрядом вдоль берега Калифорнийского залива на поиски судов Аларкона. Диас дошел до верхней точки залива и открыл устье реки Колорадо. Под корнями могучих деревьев, на стволах которых были сделаны зарубки, он нашел письма капитана Аларкона. Тот со-

общал, что дошел на трех кораблях до конца залива и еще пятнадцать дней следовал на лодках вверх по течению большой реки Колорадо. Однако так и не нашел там богатой страны Сиволы и, не дождавшись Коронадо, был вынужден повернуть обратно.

К итогам похода Аларкона надо еще добавить географическую карту, изготовленную его кормчим Кастильо, на которую были нанесены оба берега Калифорнийского залива — так было доказано, что Калифорния — не остров, а полуостров.

В главный отряд Коронадо в Сиволе прибыли посланцы от индейцев селения Пекос с предложением мира и дружбы. Посланцы принесли подарки — бизоньи шкуры и щиты. Коронадо, приняв дружеское приглашение, выступил с отрядом на восток и перезимовал в этом селении (недалеко от нынешнего города Санта-Фе).

Здесь конкистадоры услышали еще об одной стране золота — Кивире, и души их опять были смущены новым золотым миражем. Они встретили раба-индейца, привезенного откуда-то с востока, возможно, даже с Флориды. Испанцы прозвали его Турком, ибо он действительно походил на турка.

Коронадо слушал чудесные рассказы раба о золоте и серебре, которые он видел в густонаселенных землях Кивире, расположенной дальше к востоку, там, где по равнинам течет огромная река. В реке этой живут рыбы, величиной с лошадь; по ней ходят большие парусные суда с сорока гребцами — по двадцати у каждого борта. Вожди восседают на корме под навесом, а нос корабля украшает огромный золотой орел.

Очевидно, Турок рассказывал о реке Миссисипи или Миссури. Верховный вождь Кивире, по его словам, проводит свой полуденный отдых под ветвями огромного дерева, увешанного тысячами золотых колокольчиков, издающих нежный перезвон. Вся крупная утварь там сделана из серебра, а кувшины, блюда и кубки поменьше — из чистого золота.

Испанцы решили проверить, умеет ли Турок различать золото и серебро. Они показали ему оловянную тарелку, но Турок сразу же сказал, что тарелка не золотая и не серебряная, и так завоевал доверие испанцев.

Во время зимовки между белыми и индейцами время от времени случались стычки: туземцы были озлоблены

грабежами и насилиями пришельцев, а также тем, что пришельцы приставали к женщинам-индианкам. После ожесточенных схваток, Коронадо захватил одно из селений и приказал сжечь живьем двести индейцев, а другим — отрубить головы, — и все это несмотря на обещание сохранить индейцам жизнь.

К весне 1541 года испанцы покорили уже все окрестные племена.

Коронадо, перейдя реку Пекос, начал поход на восток, в глубь Новой Мексики — в страну Кивиру, о которой так заманчиво рассказывал Турок.

Вскоре отряд впервые повстречал стада бизонов и познакомился с индейцами прерий. Последние подтвердили рассказы о широкой реке на востоке и о стране, населенной так густо, что путники целых три месяца будут переходить от одного селения к другому.

Индейцы прерий занимались охотой и не знали земледелия. Они кочевали вслед за стадами бизонов, которые давали им все необходимое для жизни: мясо, шкуры, жилы. Даже навоз они использовали — складывали из него костры. Охота на бизонов была очень опасной: требовалась большая ловкость, чтобы убить из лука такое огромное животное.

До прихода белых индейцы не знали лошадей и в качестве вьючных животных использовали больших собак, носивших поклажу на спине или же таскавших за собой шест с привязанным к нему грузом.

Однако вскоре отбившиеся от табуна испанские лошади расплодись в прериях и индейцы научились использовать этих одичавших животных. Когда в середине XVIII века белые колонисты, пришедшие с восточного побережья Америки, проникли в прерии, они узнали, что индейцы уже в течение многих поколений ездят на лошадях.

Экспедиции Коронадо нелегко приходилось в бескрайних равнинах прерий. Индейцы здесь встречались редко. Вокруг не было никаких ориентиров — ни деревьев; ни гор, ни камней, и испанцам с большим трудом удавалось определять направление. Отставшие ждали заката солнца, чтобы узнать, где запад и восток, пытались уловить сигналы из лагеря экспедиции — стрельбу из аркебузов, звуки рогов — или увидеть зарево лагерных костров. Многие так и пропали без вести, другие же

возвратились после многодневных скитаний. Поход через прерии напоминал плавание по безбрежному океану, и о погибших испанцах можно было сказать, что они «утонули» в океане трав.

Конкистадоры встречали все более крупные стада бизонов, а также других животных — оленей, лосей, антилоп, стаи волков. Впоследствии Коронадо писал, что в течение всего похода по равнине он каждый день встречал стада бизонов. Первое время испанские лошади пугались этих невиданных зверей; огромные стада действительно представляли серьезную опасность, особенно в тех случаях, когда они в страхе неслись галопом, сокрушая все вокруг.

Однажды отряд Коронадо попал в такую беду. Испанцы нечаянно спугнули стадо бизонов и те в панике бросились бежать. Животные кинулись через овраг, многие свалились в него, и овраг до краев заполнился их тушами, а стадо продолжало бежать по их спинам. В этом стремительном потоке погибли три лошади.

Здесь, в прериях, белые люди узнали ужасные летние грозы и ливни. Гроза настигла отряд в одном из оврагов. Град хлестал с такой страшной силой и был таким крупным, что в клочья изорвал полотно палаток, повредил шлемы, разбил глиняную утварь и вдребезги расколотил тыквенные бутылки. Град покрыл землю слоем толщиной в фут.

Испуганные лошади в ужасе усакали по оврагу, и счастьем для испанцев было еще то, что гроза не застигла их на ровном месте — тогда они лишились бы всех своих лошадей.

Вскоре Коронадо добрался до более населенных областей — где-то в районе теперешних штатов Техас или Оклахома. Там индейцы выращивали бобы, фруктовые деревья, разводили домашнюю птицу, но, как ни странно, ничего не знали о маисе. Зато они были прекрасными охотниками. Здешние жители никогда не слышали о золотой и серебряной стране Кивире. По их словам, в округе не было каменных городов, были лишь хижины, крытые соломой или шкурами зверей. Индейцы не верили, что белые найдут там пропитание, ведь и воды там было мало.

Получив такие тревожные сведения, Коронадо с тяжелым сердцем отдал отряду приказ вернуться к реке

Пекос. Сам же, не в силах отказаться от своей мечты, с отрядом из тридцати всадников и шести пехотинцев пошел искать сказочную Кивиру.

Главные силы Коронадо еще задержались в прериях, охотясь на бизонов, чтобы заготовить на дорогу провиант. Иногда воины убивали по шестьдесят-семьдесят животных в день. В течение двух недель они застрелили около пятисот бизонов, а еще через двадцать пять дней вернулись в Пекос.

Тем временем Коронадо чуть ли не целый месяц шел все вперед и вперед на север по однообразной равнине. Прериям не видно было ни конца ни края. Впереди колонны шел закованный в цепи Турок, уводя испанцев все дальше и дальше в глубь материка. Коронадо терзали сомнения. Наконец испанцы встретили кочевое племя охотников на бизонов. Те подтвердили, что белые чужеземцы достигли уже страны Кивиры (штат Канзас). От Мексики отряд Коронадо отделяло свыше четырех тысяч километров, но этот огромный путь он проделал напрасно — здесь не было ни городов, ни сокровищ, лишь плодородные земли да стада диких бизонов. Индейцы рассказали, что и впереди простираются такие же бескрайние равнины. Это подтвердил и один из касиков, пришедший к белым с отрядом из двадцати нагих воинов.

Мечта Коронадо рухнула. Турок обманул испанцев и теперь чистосердечно признался, что понятия не имеет, где искать золото и серебро. Пекосские индейцы просили его увести чужеземцев подальше от их стоянок, надеясь, что белые не смогут добыть себе пропитание охотой и погибнут. Испанцы без долгих размышлений удавили коварного проводника, а сами повернули обратно.

Приближалась осень, и испанцы боялись северной зимы. Они дошли примерно до нынешнего штата Канзаса, а может быть, даже до границы штатов Арканзас и Небраска — точнее установить теперь уже невозможно, ибо в то время единственными путеводителями испанцев были солнце и звезды. Коронадо в своем донесении королю утверждал, что он якобы дошел до 40° северной широты. Но к колонизации этих отдаленных районов в средней части американского материка европейцы приступили лишь спустя три столетия.

Надо еще добавить, что, несмотря на огромные расстояния, известия, передаваясь из уст в уста, распространялись очень быстро. Коронадо во время своих скитаний неоднократно в этом убеждался. Еще в Сиволе он получил известие о кораблях Аларкона, прибывших в Калифорнийский залив, теперь же, находясь где-то у водораздела рек Канзас и Арканзас, он услышал от индейцев, что белые, появившиеся с юго-востока, достигли большой реки — Миссисипи. Коронадо понял, что речь идет об экспедиции Эрнандо де Сото, которая должна была в 1539 году отправиться из Флориды в глубь материка.

Однако встреча их не состоялась. Потеряв всякую надежду разбогатеть, Коронадо отправился домой. Лишь несколько монахов из его экспедиции, по утверждению историка Г. Паркса, остались в Новой Мексике в качестве миссионеров, но они вскоре были убиты индейцами, мстившими за зверства Коронадо.

Экспедиция Коронадо поспешила вернуться в Новую Испанию, оставив в прериях коров и лошадей, сильно расплодившихся потом. Испанские же авантюристы разбрелись по другим колониям, так что в Мехико Коронадо привел лишь небольшую горстку людей.

Вице-король Мендоса был крайне недоволен результатами экспедиции: он не получил ни сокровищ, ни городов, изобилующих серебром и золотом.

Однако в результате экспедиции были сделаны важные географические открытия. Испанцы прошли несколько тысяч километров в глубь огромного материка, открыли его западное побережье, гигантские плоскогорья и отроги Скалистых гор, величайший в мире каньон, плато Прерий и огромные реки: Колорадо, Рио-Гранде-дель-Норте, Арканзас, Канзас и, возможно, даже Миссури.

Коронадо все еще не терял веру в существование золотой страны Кивиры и собирался весной 1542 года снарядить новую экспедицию на поиски ее, но болезнь расстроила его планы.

Прошло всего несколько лет после гибели экспедиции Нарваэса и возвращения Кавесы де Ваки, а уже новые полчища конкистадоров рвались испытать свое счастье

во Флориде и странах к северу и северо-западу от нее. Новую экспедицию возглавил Эрнандо де Сото, к тому времени уже довольно известный командир конкистадоров, который, по выражению хрониста, «очень любил охотиться на индейцев» и был «тверд в решениях и скуп на слова».

Один из историков охарактеризовал его как настоящего зверя. Сото травил индейцев злыми, голодными собаками, а если индейцы оказывали сопротивление, приказывал сжигать дома со всеми находившимися там людьми или же отрубать индейцам руки и отрезать носы. Точно так же он обращался и с индейцами, которых считал «подозрительными», а у «мирных» брал в заложники вождей и других взрослых мужчин и, заковав их в цепи, угонял за сотни километров. Там с заложников снимали оковы, ибо де Сото знал, что теперь они не убегут, так как будут бояться индейцев враждебных племен.

Безо всякого сожаления Сото рубил головы и вешал также своих испанских солдат, считая, что это укрепляет дисциплину.

Твердость и жестокость Эрнандо де Сото проявил уже в экспедициях на Панамский перешеек и при завоевании Никарагуа. Потом он участвовал в перуанском походе вместе с Франсиско Писарро, покорившим страну инков, и в пленении их верховного вождя Атауальпы. Американские историки всеми силами старались представить Сото человеком гуманным, подчеркивая, что он, дескать, осудил казнь Атауальпы, однако это осуждение он высказал уже после гнусного убийства вождя инков. Между «перуанскими» конкистадорами завязалась братоубийственная война, и де Сото, покинув Перу с немалой добычей, вернулся в Испанию богачом. У него брали займы даже члены королевской семьи. Но алчный конкистадор надеялся завладеть еще большими сокровищами в странах, расположенных севернее Новой Испании, как это в свое время удалось Кортесу. Там ему грезилась огромная, богатая золотом империя, где можно будет захватить такие же богатства, как и в стране инков.

Так возник план завоевания Флориды и похода к таинственным городам Сиволы. Используя свои связи при испанском дворе, Эрнандо де Сото собрал большой

отряд и отправился с ним на Кубу. Перед отплытием из Испании Сото встретился с Кавесой де Вакой и попытался уговорить этого многоопытного завоевателя принять участие в новой экспедиции. Вака категорически отказался, но намекнул Сото, что во время своих скитаний видел нечто такое, о чем поклялся никому не говорить.

В конце мая 1539 года Сото с большим, хорошо вооруженным отрядом, состоявшим из шестисот (а по свидетельству некоторых авторов, — даже девятисот) пехотинцев и двухсот тридцати (или же трехсот пятидесяти) всадников, высадился на западном берегу Флориды в районе залива Тампа. Он позаботился о пропитании своих солдат и, чтобы иметь всегда под рукой какой-то резерв, взял с собой тринадцать свиней. И действительно, свиньи во время похода быстро расплодились.

Через несколько дней после высадки произошла интересная встреча: всадники Сото, преследуя группу индейцев, вдруг с удивлением услышали, как один из них крикнул по-испански:

— Не убивайте меня, сеньоры, я христианин!

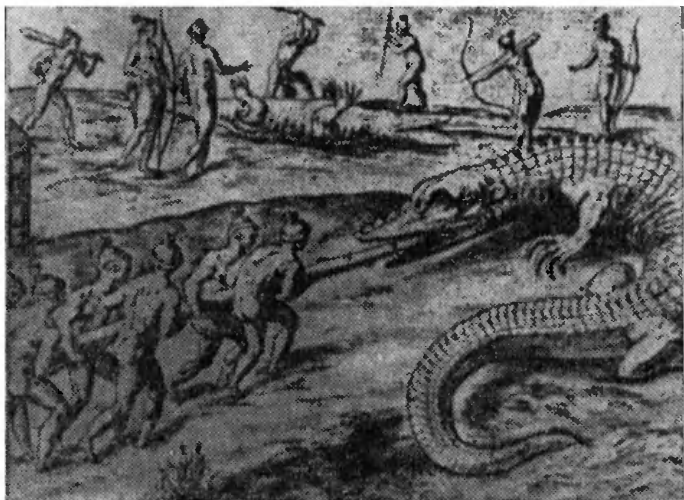
То был один из участников экспедиции Нарваэса — Хуан Ортис, знатный севилец, одиннадцать лет проживший на побережье Флориды среди индейцев.

Сначала индейцы собирались принести его в жертву, но жена касика, восплавав к чужестранцу страстью, помогла ему бежать в другое селение, где пленнику ничто не угрожало.

Ортис уже почти разучился говорить по-испански, но вскоре вспомнил забытое и стал незаменимым переводчиком. Однако, ничего не зная о внутренних районах страны, он не мог служить экспедиции проводником.

Оставив часть отряда охранять суда, Сото в поисках золотых городов двинулся на север. Местность была болотистой, поросшей густым лесом. Лишь изредка встречались крупные индейские селения. Услышав о приближении белых завоевателей, туземцы бросали насиженные места, прятались в лесной чаще и оттуда совершали набеги на пришельцев. Сото приказал заковывать пленных в цепи и нагружать их поклажей.

Запасы продовольствия иссякали, но Сото не разрешал заколоть хотя бы одну свинью — их пока еще было так мало, что этим мясом все равно было бы не накормить

Индейцы убивают аллигатора (с рисунка XVI века)

отряд. Конкистадоры владели жалким существованием, питаясь початками кукурузы, кореньями и лесными плодами.

Удивительно, что испанцы — как экспедиция Нарваэса, так и отряд Сото — избежали укусов ядовитых змей и нападений крокодилов, которыми кишели местные болота. К слову сказать, индейцы умели убивать этих огромных и страшных хищников. Они всовывали в открытую пасть острый кол, проталкивали его все глубже и глубже, потом переворачивали яростно извивавшегося крокодила на спину и били дубинками или пускали стрелы в не защищенный панцирем живот.

Очевидно, случаи нападения крокодилов на испанцев во время их переправы через реки и болота были очень редки. Все же крокодилы вызывали у испанцев ужас и отвращение. К тому же эти чудовища весной во время течи издавали ужасные крики — громче рева быков и львиного рыка; от этих криков у людей стыла в жилах кровь.

В октябре отряд Сото повернул на запад и перезимовал близ залива Апалачи, где продовольствия было

вдоволь. Вблизи оказалось то место, где Нарваэс когда-то строил свои лодки, — на берегу еще валялись обломки досок и черепа лошадей. Сото вызвал свои суда и послал их на разведку побережья, лежащего к западу.

В марте 1540 года Сото отправился на северо-восток, в теперешнюю Джорджию, на поиски богатой страны, которой, по слухам, правила женщина, собиравшая с обширного края дань тканями и золотом. Испанцы двинулись туда сквозь густые, заболоченные леса, через заросшие травой долины; там, по утверждению индейцев, прошел мор и все люди погибли.

Здесь было вдоволь дичи — оленей, индюков, кроликов. Испанцы научились также находить съедобные злаки, коренья, среди них — дикий картофель. Сото по-прежнему берег свиней для особого случая.

Нередко индейские касики щедро снабжали экспедицию продовольствием. Так, один из них прислал испанцам чепыреста, другой — две тыеыки носильщиков с грузом кроликов, куропаток, индюков, орехов, кукурузных лепешек и маленьких собачек, не умеющих лаять (это, возможно, были опосумы — прирученные лесные зверьки, мясо которых очень вкусно).

В этих местах обитали большие племена индейцев; среди их касиков было немало женщин. Индейцы здесь занимались земледелием и охотой, плели ткани из коры тутовых деревьев, дикорастущих конопли и льна. Их крытые тростником жилища были сложены из досок или древесной коры (туземцы научились деревянными клиньями раскалывать стволы на доски), а стены оштукатурены глиняным раствором. Каждый дом был подобен небольшой крепости: в стенах туземцы оставляли отверстия — бойницы, которые тщательно замазывали глиной, так что снаружи они не были видны. Изнутри бойницы были обведены кружочками. В момент опасности индейцы мгновенно выбивали штукатурку и встречали нападающих градом стрел.

Испанцам в этих районах жилось неплохо, но золотой страны, где можно было нажить богатство, они все еще не нашли. Как ни плодородны были пройденные земли, им далеко было до Мексики или Перу. Сото нашел здесь и женщину-вождя, которую так долго искал.

Она управляла несколькими индейскими племенами в среднем течении реки Саванны (штат Джорджия).

Женщина эта из селения Кофитачеки прибыла в лагерь Сото на покрытом легкой белой тканью паланкине, который несли на плечах ее подданные. Испанцы были поражены молодостью, красотой и грацией женщины, приятными манерами ее и гордой осанкой.

Она подарила им ожерелье из прекрасного жемчуга, которого в местной реке водилось очень много.

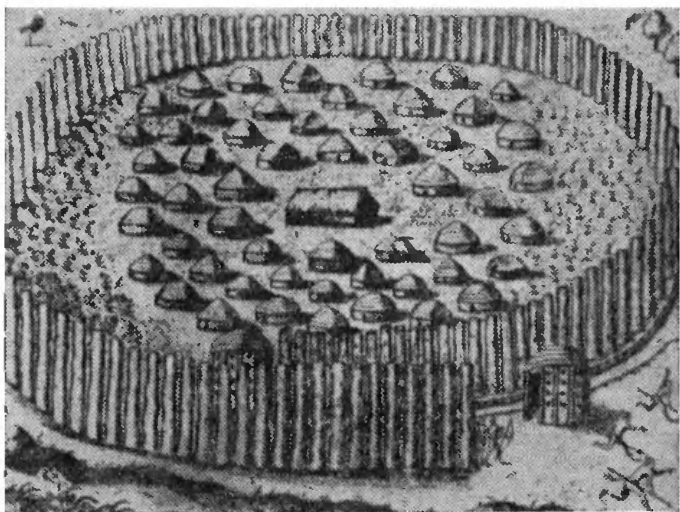
Задержавшись здесь подольше, испанцы начали раскапывать индейские могилы: на груди и руках мертвецов они находили множество жемчуга. Всего они собрали около двухсот фунтов, но, по утверждению хрониста, жемчуг этот по большей части не стоил и гроша: индейцы прежде чем вынуть жемчуг из раковин, варили их на костре и так приводили жемчужины в негодность.

Произошел и такой курьезный случай: в одной из могил грабители нашли большой зеленый камень, походивший на изумруд. Вскоре, однако, выяснилось, что это кусок обыкновенного стекла, привезенного из Европы. Рядом валялись другие стеклянные предметы, а также железные топоры. То были следы экспедиции Васкеса де Аильона, пытавшегося в 1526 году основать колонию на юго-востоке Америки. После бесплодных поисков золота Аильон перезимовал у какой-то реки. Однако судьба этой экспедиции закончилась трагично: Аильон со своим отрядом погиб в далеких дремучих лесах.

Солдатам же Сото, напротив, здесь повезло, и они не знали никаких забот. Несколько негров-рабов, соблазненные свободой, тайком убежали в лес; дезертировали и некоторые испанцы. Когда их обнаружили и предложили вернуться, они отказались. Видимо, жизнь в этой чудесной плодородной местности, да еще с красивыми женами-индианками казалась им гораздо приятнее бесконечных, не приносящих желанного богатства скитаний сквозь леса и болота, через горы, реки и пустыни.

Но Сото был храбрым и опытным командиром, не менее алчным, чем Кортес и Писарро. И он решил во что бы то ни стало продолжать экспедицию. Индейцы по-прежнему рассказывали о сказочно богатых странах и больших городах.

Сото двинулся на север вверх по долине Саванны

Укрепленное индейское селение (с рисунка XVI века)

и, достигнув 35° северной широты, очутился в горном районе у подножия Аппалачей. Не перевалив через хребет, экспедиция повернула на юго-запад, двигаясь вдоль плато Пидмонт.

Сначала отряд шел по территории теперешних штатов Южная Каролина и Теннесси, затем повернул на юг и достиг нынешнего штата Алабама.

Индейцы приносили белым дары: то собак, то огромные корзины со сладкими ягодами тутового дерева, то другие съестные припасы. Каждое селение старалось снабдить опасных чужеземцев всем необходимым, лишь бы они поскорее отправились дальше. Один из касиков послал к испанцам проводников в надежде, что те уведут непрошенных гостей от селения. Другой готов был отдать белым людям своих жен, дочерей и сестер. Конкистадоры требовали много женщин, и индейцы им не отказывали. Иногда воины даже выменивали на женщин ножи и осколки зеркал.

Изредка отряд останавливался на отдых, обычно на землях более радушных племен.

Надо было время от времени дать откормиться

и огромным стадам свиней, которых гнали закованные в цепи индейцы.

Однажды авангард отряда Сото остановился в селении на берегу большой реки где-то в южной части Алабамы. Конкистадоров встретили приветливо; в их честь пели и играли на флейтах. Но вскоре между Сото и касиком вспыхнула ссора. Поселок был сильно укреплен, и испанцы решили, что их хотят заманить в ловушку. Разгорелся бой. Кучку конкистадоров оттеснили на расстояние целого дня пути. Тем временем подошли главные силы экспедиции, и Сото немедленно бросил их в атаку.

Испанцы выбили топорами ворота и, ворвавшись в селение, начали убивать индейцев и поджигать дома. Индейцы мужественно сопротивлялись. Вместе с мужчинами сражались и женщины. Бой продолжался десять часов, и только огонь заставил защитников поселка обратиться в бегство.

В этой стычке испанцы потеряли около восьмидесяти человек (двадцать пали в бою, остальные вскоре умерли от ран). Двадцать пять испанцев получили ранения. «Нашим телам было нанесено от рук индейцев семьсот шестьдесят ран», — писал один из хронистов. Погибло также несколько десятков лошадей, были потеряны все медикаменты, весь жемчуг и много другого добра. Сведения о потерях индейцев, как всегда, разноречивы — считают, что сгорело и было убито от двух до десяти тысяч человек.

Но эта победа недешево обошлась и испанцам. Родриго Ранхель, оставивший описание экспедиции, рассказывает, что он сам вернулся в лагерь с двадцатью стрелами, застрявшими в ватном панцире, и был похож на дикобраза. Конкистадорам нечем было смазывать раны, и они вытапливали сало из тел убитых индейцев, что, по словам Ранхеля, делалось уже не впервые.

Солдаты настаивали на возвращении домой на Кубу. Побережье Мексиканского залива было сравнительно недалеко. Сото получил тайное известие, что его флотилия стоит в шести днях пути от расположения отряда.

Однако корабли пришли совсем некстати. Экспедиция продолжалась уже свыше года, а испанцы все еще не нашли никаких сокровищ, зато потеряли свыше ста человек убитыми и умершими. С таким плачевным итогом нельзя было и думать о возвращении.

После продолжительного отдыха в ноябре 1540 года Сото со своим отрядом двинулся дальше на запад, в глубь территории теперешнего штата Миссисипи. По пути конкистадорам приходилось отбивать многочисленные атаки индейцев.

В декабре испанцы остановились на зимовку в одном из индейских селений, хорошо обеспеченном продовольствием. Местный касик принес в дар белым людям сто пятьдесят кроликов, разноцветные ткани и одежду из шкур. Индейцы покинули селение, предоставив его испанцам. Конкистадоры на прощание угостили индейцев свининой. Она так понравилась туземцам, что вскоре свиньи стали пропадать из загонов. Расправа с ворами была короткой и суровой — одних пронзили стрелами, другим отрубили руки, и вскоре набеги на загоны прекратились.

В течение нескольких месяцев испанцы спокойно предавались отдыху и даже перестали выставлять караулы. В начале марта индейцы ночью ворвались в селение и подожгли соломенные крыши. Вскоре все хижины горели ярким пламенем. Проснувшиеся конкистадоры не могли найти ни одежды, ни оружия, ни лошадей и, выскакивая полуголыми из горящих домов, попадали под обстрел индейцев. Спасли положение лошади: вырвавшись на свободу, без всадников, они носились по селению как бешеные. Индейцев обуял ужас, и они поспешно отступили.

На рассвете подсчитали свои потери. Было убито сорок солдат и исчезло пятьдесят лошадей, оружие повреждено огнем. От огромного стада свиней осталось всего лишь около сотни. Одежда почти вся сгорела, и голые испанцы толпились у костров.

Но Сото все же не пал духом. Он приказал солдатам плести циновки из сухой травы и прикрыть ими свою наготу. Кузнецы быстро починили испорченное оружие, и конкистадоры вскоре смогли отбить следующую атаку индейцев.

После этой катастрофы испанцы перешли на зимовку в другое селение, но и там не прекращались набеги индейцев.

В апреле 1541 года конкистадоры снова выступили в поход на север. Путь их лежал через болота и дремучие леса. На 35° северной широты они вышли к сред-

нему течению реки Теннесси. Отсюда Сото повернул на запад и в мае подошел к широкой реке (юго-западнее теперешнего Мемфиса). То была Миссисипи, «Река Святого Духа», как ее называли предшественники Сото.

Усталые и голодные, конкистадоры попытались завязать мирные отношения с туземными племенами, и это им удалось. Здешние индейцы верили в легенду своих предков о приходе белых людей, которые будут ими управлять.

Сото не захотел возвращаться по течению великой реки на юг, к Мексиканскому заливу. Он стремился дальше на запад, к берегам Тихого океана, к легендарным золотым городам.

Сото решил построить лодки или суда для переправы через реку, ширина которой достигала нескольких километров.

Вскоре от противоположного берега отчалили двести индейских пирог, выдолбленных из цельных стволов. В первой плыл касик. Как рассказывает хронист, в пирогах сидели индейцы, стройные, сильные и красивые воины с раскрашенными лицами. Их щиты были покрыты орнаментом из птичьих перьев, на головах пестрели яркие уборы тоже из перьев. Гребцов защищали плетеные щиты, а вдоль бортов стояли воины с луками. Индейцы, очевидно, хотели лишь продемонстрировать чужеземцам свою мощь: они были настроены миролюбиво и везли за собою три пироги со съестными припасами.

Испанцы же, опасаясь обмана, стали осыпать индейцев стрелами из арбалетов. Несмотря на потери, пироги в полном порядке, безо всякой паники, повернули обратно. И, что всего удивительнее, это племя так ни разу и не напало на испанцев.

На берегу Миссисипи конкистадоры провели около месяца; они перековали на гвозди железные изделия и построили четыре большие лодки. И. Магидович отмечает, что испанцы все же не тронули цепей и железных ошейников, которые они надевали на пленных, — сохранили их на будущее. Группа разведчиков переплыла на западный берег Миссисипи, чтобы обеспечить безопасность переправы всей экспедиции. За нею последовал весь отряд, вместе со стадом свиней, число которых опять сильно возросло. Там Сото приказал изрубить

лодки на куски и вытащить из них железные гвозди и крюки: железо было для испанцев так дорого, что они не могли его оставить.

В Арканзасе испанцы долго пробирались сквозь поросшие тростником болота, обмелевшие озера, топи, заболоченные протоки. Хронист утверждает, что местности ужаснее этой они еще не встречали. Иногда солдаты целыми днями шли по колено или даже по пояс в воде. Путь им то и дело преграждал высокий тростник, сквозь который они продирались с великим трудом.

Наконец конкистадоры добрались до северо-восточной части Арканзаса — более высокой и сухой местности. Здесь было немало крупных индейских селений, вокруг которых зеленели возделанные поля и фруктовые сады. Дичи здесь тоже было вдоволь. А рыбы — и того больше, к тому же самой различной. В Миссисипи и ее бесчисленных протоках можно было поймать огромных сомов, весом чуть ли не в сто пятьдесят фунтов, и невиданную, очень крупную рыбу полиодон с рылом, длиною в локоть, и верхней губой, похожей на лопату.

Пока отряд отдыхал, Сото выслал разведчиков на север. Они сообщили, что индейцев там мало, зато много бизонов. Туземцы, будучи не в силах уберечь от бизонов кукурузные поля, перестали возделывать землю и питаются только мясом. Испанцы видели уже у индейцев шкуры этих огромных животных — очень мягкие, с шерстью, похожей на овечью, а также не проницаемые для стрел щиты из бизоньих шкур. Пройди Сото немного дальше на север — охота на бизонов обеспечила бы его отряд продовольствием. Однако Сото по-прежнему сохранял своих свиней в качестве резерва и в поисках для них маиса повел отряд сначала на юг, а затем на запад, в глубь Арканзаса.

Земля здесь была плодородной, индейцы собирали обильные урожаи маиса и даже вынуждены были очищать закрома от старых семян, чтобы было куда ссыпать новые. Бобы и тыквы достигали огромных размеров и были очень вкусными. Рыбы было так много, что испанцы убивали ее дубинками или, замутив воду в рукаве Миссисипи, ловили руками, сколько понадобится.

Осенью 1541 года Сото пересек небольшую горную страну, повернул на юг и вышел к реке Арканзас. Здесь отряд расположился лагерем и провел три холодных

Большой каньон Колорадо (с рисунка XIX века)

зимних месяца. Теперь наконец командир был готов отказаться от своей мечты — найти страну золота и серебра.

Весной 1542 года экспедиция подошла к устью Арканзаса. Сото двинулся на юг вдоль правого берега Миссисипи, но вскоре убедился, что дорогу к морю им преграждают огромные топкие болота и заросли тростника. Эта часть долины Миссисипи казалась совсем безлюдной.

21 мая 1542 года сломленный трудностями пути, тяжелобольной Сото скончался.

Его преемником стал Луис Москосо, которого солдаты избрали якобы лишь потому, что он «больше мечтал об

отдыхе в какой-нибудь христианской стране, чем о тяготах войны».

Москосо всячески убеждал индейцев, которые вели себя не очень дружелюбно, что Сото лишь на время вознесся на небеса и вскоре вернется на эту грешную землю. Испанцы завернули тело командира в бизоньи шкуры, положили в гроб и ночью тайно похоронили, опустив гроб в один из глубоких рукавов Миссисипи. Личное имущество Сото, в том числе и причитавшиеся ему семнадцать свиней, было распродано, и теперь все могли вдоволь поесть свинины.

В начале июня 1542 года Москосо со своим отрядом выступил на юго-запад — в Техас, надеясь добраться до Новой Испании тем же путем, как когда-то Кавеса де Вака. Страдая от нестерпимой жары, конкистадоры пробирались сквозь густые лесные чащи и кустарники и наконец достигли реки Ред-Ривер («Красной реки»). Перебравшись на другой берег, они повернули на юго-запад и дошли до реки Брасос. Однако ничего ценного тут не оказалось. Тяжелый переход и стычки с воинственными племенами только измучили испанцев. Съестные припасы иссякли, а чтобы пополнить их, надо было совершать набеги на индейцев. Нигде нельзя было найти подходящего места для зимовки. Голодные и оборванные, закутанные в звериные шкуры воины повернули обратно и с величайшими усилиями достигли реки Миссисипи в районе устья Арканзаса.

Взяв приступом какое-то индейское селение, они остались в нем до весны.

Люди Москосо начали строить суда. В марте 1543 года были построены семь крепких кораблей. Испанцы переплавили стремена в якоря, а на гвозди перековали все остальные железные предметы, на этот раз даже включая ошейники и цепи. Испанцы знали, что в христианской стране железа для цепей будет предостаточно. Борта судов законопатили волокнами дикой конопли, а для защиты от индейских стрел вдоль бортов установили щиты из тростника.

Спуск судов на воду надолго задержало весеннее половодье, и лишь в начале июля флотилия вошла в Миссисипи и двинулась вниз по течению. Конкистадорам пришлось еще выдержать тяжелый бой с воинственными племенами, обитавшими в нижнем течении Миссисипи.

Пройдя по реке тысячу двести километров, конкистадоры через двадцать дней достигли моря.

Затем пятьдесят три дня они шли под парусами вдоль побережья Мексиканского залива сначала на запад, а потом на юг, иногда высаживаясь на берег, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия. Все время стояла хорошая погода, лишь в самом конце плавания разразилась ужасная буря с ливнем. Пришлось бросить суда и дальше идти пешком. 10 сентября 1543 года отряд Москосо добрался до устья реки Пануко в Мексике — Новой Испании. После четырехлетних скитаний домой вернулось триста одиннадцать конкистадоров.

За время этой экспедиции, с которой во всей истории географических открытий могут сравниться только походы Коронадо, испанцы прошли огромное расстояние, проникли далеко в глубь северо-американского материка, пересекли с востока на запад его южные лесные и степные районы и, кроме того, первыми из европейцев обследовали все нижнее течение Миссисипи, от 35° северной широты до самого моря.

От Флориды до Джорджии и Каролины, через Алабаму до Миссисипи, затем еще дальше на запад — в Арканзас и Оклахому, оттуда — в Техас и обратно в Арканзас, затем — вниз по Миссисипи — таков был грандиозный путь этой небольшой экспедиции.

И все же современники Сото считали его поход одной из самых больших неудач испанцев. Командир умер в пути, половина отряда погибла, испанцы не нашли ни золота, ни серебра и не привезли с собой ни крупицы этих благородных металлов.

После походов Коронадо и Сото интерес испанцев к территориям к северу от Мексиканского залива и реки Рио-Гранде-дель-Норте остыл. И лишь на рубеже XVII века были предприняты новые попытки колонизации этих областей. Они закончились присоединением к испанским владениям огромной территории, площадью около миллиона квадратных километров. На севере захватчики столкнулись с упорным сопротивлением индейцев. Многие мелкие племена, несмотря на походы конкистадоров, сохраняли свою свободу и независимость в течение всего периода испанской колонизации, скрываясь за неприступными горами, в прериях, пустынях или лесных чащобах.

ЗАВОЕВАНИЕ СТРАНЫ МАЙЯ — ЮКАТАНА

Договор Франсиско Монтехо с королем. — Невзгоды завоевателей в экспедиции 1527 года. — Поражение испанцев в походе 1531—1538 годов. — Третье вторжение испанцев. — Вражда племен. — Массовые избиения и жестокости. — Участие покоренных майя. — Деятельность францисканского монаха и хрониста Диего де Ланды. — пытки и аутодафе. — «Сообщение о делах в Юкатане»

Прошло несколько лет после завоевания Кортесом Мексики и значительной части Центральной Америки, а племена майя на полуострове Юкатан, с трех сторон окруженном испанскими колониями — Мексикой, Гондурасом и Гватемалой, все еще не были покорены испанцами. Однако вскоре алчные конкистадоры протянули руки и к их землям.

Испанцев повел в поход бывший соратник Грихальвы и Кортеса — Франсиско Монтехо. В свое время Монтехо сколотил состояние в колониях, поэтому с экспедицией Грихальвы он отправился на корабле, снаряженном им на свои средства. Потом Монтехо последовал за Кортесом. Командующий назначил его капитаном корабля, которым отправил королю в Испанию груз золота и сообщение о начале завоевания Мексики.

В Испании Монтехо провел шесть лет, защищая при дворе интересы Кортеса. Однако Монтехо не хотел служить ни Кортесу, ни своему другу губернатору Кубы Веласкесу, которого он по дороге в Испанию уведомил о планах Кортеса. Находясь в Испании, Монтехо заботился главным образом о своей собственной выгоде и добился у короля разрешения на завоевание страны майя, которая, с точки зрения конкистадоров, была еще «бесхозной» территорией.

В 1526 году Монтехо заключил с Карлом V договор, по которому получал право «открыть, завоевать и населить острова Юкатан и Косумель». Хитрый конкистадор притворился, будто не знает, что оба эти острова — один действительный (Косумель), а другой мнимый (Юкатан) — уже давно открыты другими. Карл V пожаловал конкистадору различные титулы и облек его

неограниченной властью над этими землями, однако не отпустил на экспедицию никаких средств. Монтехо должен был завоевать Юкатан за свой собственный счет. Он раздобыл средства весьма оригинальным способом — женившись на богатой вдове (по некоторым сведениям, он сбежал от нее со всеми деньгами).

На деньги вдовы Монтехо снарядил три корабля, закупил продовольствие, оружие, около пятидесяти коней и нанял моряков и солдат. В сентябре 1527 года флотилия покинула Испанию и направилась в Санто-Доминго на Эспаньолу.

В сентябре Монтехо совершил третью высадку на остров Косумель, где индейцы не оказали испанцам никакого сопротивления. Затем экспедиция перебралась на северо-восточный берег Юкатана, расположенный напротив Косумеля по ту сторону пролива, и Монтехо торжественно провозгласил эту землю испанским владением.

Однако счастье не улыбнулось честолюбивому конкистадору — в крепости, заложенной им на побережье материка, вспыхнула эпидемия лихорадки и других болезней. Оставив там около сорока больных, Монтехо повел свой отряд на север, обследуя приморскую полосу. Близ мыса Каточе конкистадоры повернули на запад. Индейцы вели себя мирно и позволили изнуренным болезнями испанцам отправиться дальше в глубь страны.

Здесь испанцы без боя вступили в большой город (Чавак-Ха) с каменными домами. Однако ночью индейцы тайно ушли женщин и детей и на рассвете напали на испанцев. Те с трудом отбили атаку, потеряв несколько десятков человек. Затем отряд Монтехо двинулся на юг, в глубь страны, грабя попадавшиеся на пути города, а иногда вступая в бои с индейцами майя.

Наконец Монтехо удалось покорить несколько племен. Однако эпидемии, голод и нападения воинственных индейцев заставили его покинуть эту область, завоеванную с таким трудом. Испанцы вернулись к берегу моря, миновав руины древней столицы майя Чичен-Ицы.

В 1528 году Монтехо разведаль восточное побережье Юкатана до залива Чектемаль (Четумаль), повсюду сталкиваясь с ожесточенным сопротивлением индейцев. Оставив на побережье гарнизон, Монтехо отплыл в

*Франсиско Монтехо — завоеватель Юкатани
(со старинного рисунка)*

Мексику, где рассчитывал получить помощь от Кортеса. Однако великий завоеватель был уже смещен со своего поста и ничем не мог помочь старому соратнику.

Мечта о богатых землях, золоте и рабах развеялась в прах. Монтехо пришлось на время отказаться от своей цели — стать завоевателем Юкатана. Он поселился в Мексике, в области Табаско, пограничной с полуостровом, который ему предстояло завоевать. Спустя год в Мексику был возвращен и оставленный им на полуострове гарнизон.

В 1531 году Монтехо снова приступил к завоеванию Юкатана, хотя сам уже не принимал активного участия в военных действиях. Ими руководили его зять Алонсо

Авила (участник экспедиции Грихальвы и походов Кортеса). Авила выступил из Табаско на восток, проник в центральную часть Юкатана и первым из европейцев пересек весь полуостров, дойдя до залива Чектемаль на берегу Карибского моря. Захватчики потерпели здесь поражение и были вынуждены с большими потерями отойти к югу, в Гондурас, уже завоеванный испанцами.

Между тем Франсиско Монтехо поселился на северном берегу Юкатана и отправил оттуда в глубь страны большой отряд под командой своего сына от первого брака, тоже Франсиско Монтехо.

Тому после трудного перехода удалось основать колонию у развалин Чичен-Ицы — древней столицы и культурного центра северной части Юкатана. Искусно используя вражду племен, конкистадоры сумели полтора года продержаться на северном побережье Юкатана и в районе Чичен-Ицы. Здесь Монтехо-сын построил крепость Сьюдад-Реаль («Королевский город»), а окрестные земли разделил на поместья и роздал конкистадорам.

К каждому поместью было приписано по две-три тысячи индейцев, которые должны были обрабатывать землю. Истощенные земли Чичен-Ицы и так с трудом кормили майя, а уплата громадной дани испанцам означала для индейцев голодную смерть. Жестокое иго колонизаторов, их зверства вызвали ожесточенное сопротивление индейцев. Один знатный туземец пытался убить Монтехо и был казнен. Это вызвало открытое возмущение индейцев. Майя стали беспрестанно нападать на чужестранцев, и хотя конкистадоры яростно оборонялись и убили немало индейцев, тем удалось осадить их крепость. По свидетельству Ланды, у испанцев стали иссякать запасы провианта и они ночью тайно покинули Сьюдад-Реаль. В последний день испанцы бесконечными вылазками утомили индейцев, и те даже не заметили ухода завоевателей. Кроме того, беглецы привязали к языку колокола голодную собаку, положив перед нею кусок хлеба на таком расстоянии, чтобы она не могла его достать. Стараясь схватить хлеб, собака непрерывно звонила в колокол, индейцы же думали, что испанцы бьют тревогу и собираются атаковать их. Лишь спустя некоторое время майя обнаружили, что их обманули, и бросились вдогонку за испанцами. На равнине

завязался бой. Как рассказывает хронист Ланда, во время этой стычки он был свидетелем истинного чуда: один индеец схватил коня за заднюю ногу и удерживал его на месте, словно то был не конь, а барашек.

Испанцам все же удалось бежать на север и соединиться там с отрядом Монтехо-отца. Однако, не получив никаких подкреплений, жалкая горстка испанских солдат в середине 1533 года покинула Юкатан и возвратилась в Мексику. Туда же явился и потерпевший поражение в Чектемале Алонсо Авила. Конкистадорам пришлось на время отказаться от своих планов.

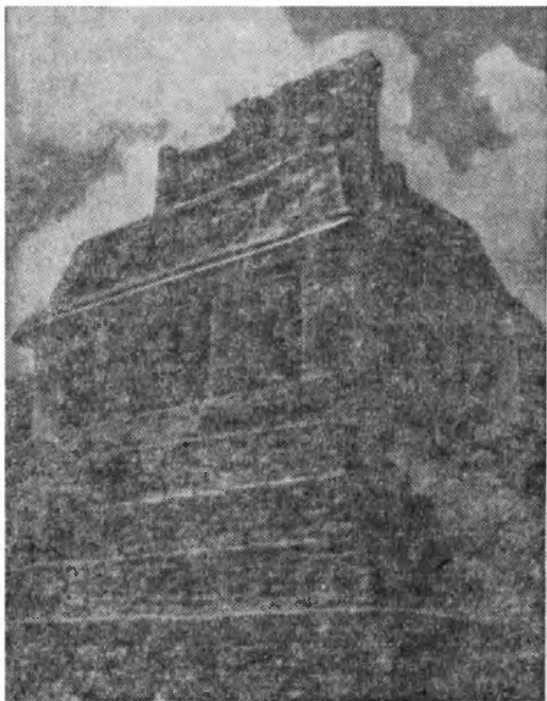
После ухода испанцев Юкатан постигла ужасная засуха. Запасы кукурузы за годы войны истощились, и в стране начался голод. Люди питались древесной корой, гибли от истощения и старались человеческими жертвами умиловить богов. Однако это не помогало. Пять лет подряд поля народа майя опустошала саранча, не оставляя на них ни одного зеленого ростка. На дорогах валялись умирающие от голода люди. К тому же вспыхнула междоусобная война племен. Ослабленный голодом и опустошенный войнами Юкатан вскоре подвергся третьему нашествию конкистадоров.

Вернувшись на Юкатан, испанцы не узнали этой прекрасной страны.

Франсиско Монтехо-отец не пожелал отказаться от своих, с таким трудом добытых прав на страну майя. Используя богатство жены и свои обширные связи, старый конкистадор добился своего назначения на пост губернатора сначала в Гондурас, а затем в Чиapas (область, прилегающую к западной границе Юкатана).

В 1541 году Монтехо снова отправил из Чиаса своего сына во главе военной экспедиции на Юкатан. По долинам бассейна реки Грихальвы тот вышел к морю, достиг Чампотона и построил там крепость. Затем отряд перебрался на Кампече и оттуда стал с боями продвигаться на север.

В январе 1542 года испанцы основали город Мериду (теперь — столица штата Юкатан), ставшую резиденцией колонизаторов. Из Мериды Монтехо разослал отряды в разные районы полуострова. Некоторые племена сдались без сопротивления, северные же области удалось захватить лишь после жестоких боев. В своем поражении майя усматривали волю богов. К тому же

Храм Солнца в Паленке на Юкатане

в стране распространилась весть, что испанцы завоевали всю Мексику и сопротивление белым чужеземцам бесполезно. И многие племена добровольно подчинились испанцам.

Перешел на сторону испанцев вождь области Мани Тутуль-Шиу — один из могущественнейших правителей северной части Юкатана. Тутуль-Шиу предоставил в распоряжение испанцев большую армию. Его племя выступало на стороне конкистадоров в битвах с племенами многих областей Юкатана. 11 июня 1542 года под Меридой состоялось большое сражение. Индейцы не смогли противостоять закованным в латы завоевателям, их коннице и огнестрельному оружию и, потерпев поражение, разбежались. При поддержке войск провинции Мани испанцы занимали одну область за другой, убивая жре-

цов и знать, пытавшихся организовать сопротивление. Сдался испанцам и принял христианство правитель провинции Сотуты — Коком.

В 1544 году конкистадоры захватили восточную часть Юкатана и учинили там жестокую резню, так что эти густонаселенные края превратились в почти необитаемую пустыню. Захватив в плен касиков и других знатных индейцев, конкистадоры заковали их в цепи и сожгли живьем.

Хронист Диего де Ланда рассказывает, что в одном из селений испанцы вешали индейских женщин на ветвях деревьев, а у ног несчастных жертв — их детей. Конкистадоры отрубали пленникам носы, руки и ноги, отрезали женщинам груди или, привязав к ногам тыквы, бросали несчастные жертвы в кишасшие крокодилами лагуны. Перегоняя пленных на другие места, испанцы шпагами закалывали детей, не поспевавших за своими матерями. Если кто-то из пленных, которых вели на шейной цепи, ослабевал и не мог больше идти, ему отрубали голову, чтобы не снимать цепь.

Испанцы впоследствии оправдывали эти зверства тем, что будучи малочисленны, они не смогли бы покорить Юкатан, если бы не вселили в индейцев страх.

В северных и западных областях полуострова, где некоторые касики подчинились конкистадорам, индейцы не подверглись столь массовому истреблению. Но и здесь испанцы жестоко подавляли всякую попытку к сопротивлению.

Покорить народ майя европейцам помогло их оружие — новейшее достижение цивилизации: стальные копья, пушки, мушкеты. Однако исход борьбы мог быть и иным, если бы племенная вражда и междоусобные войны не подрывали могущества государства майя еще до вторжения испанцев. Десятилетиями не прекращались кровавые войны и столкновения. На сторону испанцев перешли многие индейские касики, надеясь таким путем сохранить свои привилегии и использовать испанцев в междоусобной войне. «Слишком много было правителей и слишком много заговоров они устраивали друг против друга», — говорится в одной из старинных хроник.

Индейцев постигли также стихийные бедствия — целые районы опустошил ужасный ураган, который пере-

ломал все деревья, так что страна выглядела как бы постриженной гигантскими ножницами; деревья, падая, убили и покалечили множество людей, уничтожили зверей в лесах. По словам хрониста Ланды, — Юкатан нельзя было больше назвать «страной оленей и индюков». Из людей спаслись лишь те, кто жил в убогих хижинах, большие же дома, обрушиваясь во время урагана, вспыхивали от огня очагов и в них заживо сгорали люди. За ураганом последовали долгая, опустошительная засуха, мор и эпидемия лихорадки, нашествие саранчи и голод. Народ майя вымирал целыми племенами, так что, по словам Ланды, было чудом, что в стране этой еще оставались люди.

В 1546 году на Юкатан прибыл вице-король Монтехо и согласно когда-то заключенному договору вступил в свои права, но уже через два года был отозван в Испанию и смещен.

Дальнейшую судьбу покоренных индейцев майя ярко рисует одна из старинных рукописей.

«...когда пришла нищета, когда явилось к нам христианство и истинные христиане, тогда вместе с истинным богом пришли и наши страдания. Начались поборы, началось взыскивание податей в пользу церкви, началась безудержная погоня за деньгами, начались раздоры и стрельба, началось притеснение народа, начались насилия и грабежи, началось вымогательство долгов на основе ложных показаний, начались взаимная вражда, страдания и разбой. Таково было начало подчинения испанцам и церковникам».

С укреплением власти испанцев порабощение индейцев было узаконено. Каждый конкистадор любыми средствами и без каких-либо ограничений мог добывать себе рабов. Индейцам пришлось покинуть свои селения и перебраться в испанские поместья. За малейшее сопротивление туземцы — «эти исчадия сатаны», как их называли угнетатели, — подвергались суровым наказаниям.

С жестоким фанатизмом испанцы искореняли культурные традиции индейцев майя, разрушали их древние храмы, разбивали статуи богов, разоряли алтари, сжигали на кострах книги, написанные индейскими жрецами. По некоторым сведениям, ревностные миссионеры за один только раз уничтожили пять тысяч различных

изваяний богов, тринадцать каменных алтарей, двадцать два небольших камня с рельефами, двадцать семь рукописей на оленьей коже и сто девяносто семь сосудов с рисунками. Ретивый инициатор этого сожжения францисканский монах Ланда по этому поводу писал: «Ввиду того, что в этих книгах не было ничего, кроме суеверий и сатанинской лжи, мы все их сожгли...». Погибли целые библиотеки — неоценимые памятники древности.

Францисканский монах хронист Диего де Ланда, так ревностно искоренявший культуру майя, поведаль в своей хронике правду о конкистадорах. Он прибыл на Юкатан в 1549 году проповедовать среди индейцев католическую веру. Двенадцать лет спустя он был уже главой всех францисканских миссий на Юкатане. Превысив свои полномочия, Ланда в 1561 году организовал в стране майя трибуналы инквизиции (что являлось прерогативой одних лишь епископов) для преследования крещеных индейцев, подозреваемых в отступничестве от католической веры и поклонении древним богам.

Ланда получил известие, что в одной из пещер обнаружены окровавленные идолы, а рядом с ним — убитый олень. Фанатик-монах начал суровое следствие. Трибунал инквизиции вырывал у индейцев признание жестокими пытками. Для начала индейцев безжалостно избивали плетью — каждый получал по двести ударов, затем несчастных подвешивали за руки, спины их обливали кипящим воском, жгли каленым железом или подвергали пытке водой: в рот вставляли рог, через который вливали кипящую воду. Затем палач ногами становился на живот несчастного и из его рта, носа и ушей выливалась вода пополам с кровью.

Пытки и следствие продолжались чуть ли не девять месяцев. Монахи и воины рыскали по всему Юкатану в поисках языческих реликвий, главным образом древних рукописей. Их надо было во что бы то ни стало уничтожить, ибо они содержали дьявольские наущения.

В августе 1562 года в одной из древних столиц майя — Мани — Ланда устроил аутодафе: на костре были сожжены отступники христовой веры, не покаявшиеся в своих грехах, а также семьдесят вырытых из могил трупов индейцев, погибших во время пыток или повесившихся в тюрьме. Ланда сжег также найденные им рукописи и другие ценные предметы — статуи богов

и сосуды. Погибли книги, которые могли бы раскрыть тайны культуры майя. В своем стремлении искоренить язычество фанатичные монахи похитили у человечества историю целого народа.

У горящих костров монахи подвергали истязаниям еще не приконченных пытками мучеников инквизиции, всячески издеваясь над ними.

Всего было подвергнуто пыткам свыше шести тысяч мужчин и женщин, из них сто пятьдесят вскоре умерли, остальные остались калеками на всю жизнь.

К тому же Диего де Ланда был не единственным, кто пытал и уничтожал индейцев.

Не в силах переносить такие мучения и рабский труд, народ майя неоднократно восставал против ненавистных чужеземцев, с невиданной яростью уничтожая всех попадавших в плен. Хронист рассказывает: «...испанцам была уготована особо жестокая смерть: индейцы испытывали к ним такую огромную ненависть, что не щадили и убивали даже их индейских рабов, убивали даже собак и кошек, а деревья, привезенные из Испании, вырывали с корнями и уничтожали любое имущество испанцев...»

Ланда добавляет, что индейцы имели полное основание защищать свою свободу и доверять своим мужественным вождям, надеясь таким образом освободиться от испанцев. Индейцы сражались очень храбро. Ланда рассказывает о поединке одного испанского арбалетчика с индейским лучником. Индеец ранил испанца в руку; тот, в свою очередь, тяжелой железной стрелой пронзил своему противнику грудь. Тогда индеец, чувствуя, что рана смертельна, обрезал гибкую лиану и повесился на виду у всех, чтобы никто не смог сказать, что его убил испанец.

У индейцев было много таких мужественных воинов. Но одним лишь мужеством нельзя было одолеть одетых в доспехи завоевателей. Они беспощадно уничтожали индейцев, травили их злыми собаками, специально обученными для охоты на людей (впервые использованными еще Колумбом при захвате Ямайки). Но сами конкистадоры — нищие идалго, бандиты и грабители — в ярости своей превосходили свирепых собак.

Католическая церковь провозгласила этих бандитов проповедниками христианства, в святости своей равными апостолам; всякое сопротивление им объявлялось свя-

Молодой воин. Скульптура майя (Паленке)

тотатством, ибо, как было сказано в папской булле, «всякий, оказавший сопротивление этому, должен считаться нанесшим оскорбление всемогущему богу и святым апостолам Петру и Павлу».

Численность индейцев на Юкатане стала резко сокращаться. Они гибли во время восстаний и от болезней.

завезенных европейцами. Особенно много жизней унесли эпидемии оспы и кори. Ланда, правда, утверждает, что индейцы якобы с приходом испанцев не только ничего не потеряли, но многое приобрели.

Разумеется, нельзя отрицать, что испанцы завезли в новые земли много домашних животных и птиц прежде не известных туземцам: лошадей, мулов, ослов, коров, свиней, овец, коз, кур, голубей, кошек. Кроме того, из-за океана было завезено много различных деревьев и растений (апельсины, лимоны, виноградная лоза, фиговое дерево, дыня и другие овощи), а также сельскохозяйственные орудия.

Сообщая об этом, Ланда лицемерно добавляет: «Бог дал индейцам не только указанные вещи: они получили также без оплаты то, чего нельзя ни купить, ни заработать, а именно, правосудие и христианство, и мир...» Однако ни домашние животные, ни культурные растения, ни христианский бог не принесли туземцам ничего, кроме горя и страданий.

Здесь можно было бы еще добавить, что Испания, а затем и весь мир получили от майя кукурузу, помидоры, какао, ваниль, ананасы и другие не менее ценные сельскохозяйственные культуры.

Пользу от ввезенных в Новый Свет культурных растений возымели за редкими исключениями лишь белые колонисты. А выращиваемые испанскими помещиками стада были для индейцев настоящим бедствием: животные вытаптывали и уничтожали посевы.

О незаконных действиях Ланда было доложено епископу, и ретивого монаха отозвали в Испанию, где он был, однако, не только оправдан, но даже получил повышение, и в 1573 году вернулся на Юкатан в сане епископа Мерида.

В своей хронике он всячески превозносил деятельность монахов на Юкатане, описывая, как они обучали индейских детей, боролись с идолопоклонством и якобы защищали индейцев от жадных конкистадоров, безжалостно грабивших и эксплуатировавших их. Конкистадоры же, считая монахов своими конкурентами (как это и было в действительности), совершали набеги на монастыри, громили их и обвиняли монахов в подстрекательстве индейцев к восстаниям.

По возвращении в Испанию Диего де Ланда завершил

монументальный труд — подробную историю Юкатана, над которой он работал свыше десяти лет. Книга называлась «Сообщение о делах в Юкатане». Используя собранные у индейцев материалы, Ланда подробно описал жизнь майя, их обычаи, религию и историю, а также дал географическое описание Юкатана, показал ход открытия и покорения испанцами полуострова.

Хроника Ланды «Сообщение о делах в Юкатане» вместе с тремя рукописными кодексами майя и надписями на камнях, — вот те скудные источники, которые знакомят с языком, письменностью и календарем майя. Как это ни парадоксально, но именно этот монах, с такой яростью уничтожавший памятники культуры майя, их рукописи, надписи на скульптурах, гробницах, алтарях, вазах и проч., способствовал сохранению источников письменности майя. В своей хронике он изобразил знаки, которыми пользовались майя при письме. Большой вклад в расшифровку их внес советский ученый Ю. Кнорозов (он же перевел на русский язык и книгу Ланды, написав к ней предисловие и снабдив комментариями).

Однако расшифрованы еще далеко не все письмена. В лесах Юкатана ждут еще своих открывателей многие исчезнувшие с лица земли города, заросшие деревьями руины пирамид и храмов — свидетели истории и культуры майя.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МАЙЯ

Охотники и земледельцы. — Древние города и их упадок. — Нашествие мексиканских племен. — Рабовладельческое общество. — Подсечное земледелие. — Ремесла и торговля. — Одежда и нравы. — Боги. — Жертвоприношения. — Успехи астрономов и математиков. — Исчезнувшие города

Земли, где жили майя, — Юкатан и прилегающие к нему области, с юга ограничены горными хребтами Гватемалы и Гондураса; с трех сторон полуостров омывается океаном, а от Мексики его отделяют почти

непроходимые джунгли Чиапаса и Табаско. Такая изоляция позволила племенам майя, несмотря на неблагоприятные природные условия, развить своеобразную культуру, почти не подвергнувшуюся постороннему влиянию.

По поводу происхождения майя и их цивилизации выдвигались различные теории. Одни ученые утверждали, что племена майя пришли из Азии, другие считали их далекими потомками уцелевших жителей древней Атлантиды; третьи же говорили, что майя — потомки выходцев из Палестины — первых последователей Христа. В религии майя находили черты, сходные с христианством, — символ креста, исповедь, идею пришествия Мессии. Постройки майя имеют некоторое сходство с древней египетской архитектурой, поэтому возникла теория о связях майя с древними египтянами.

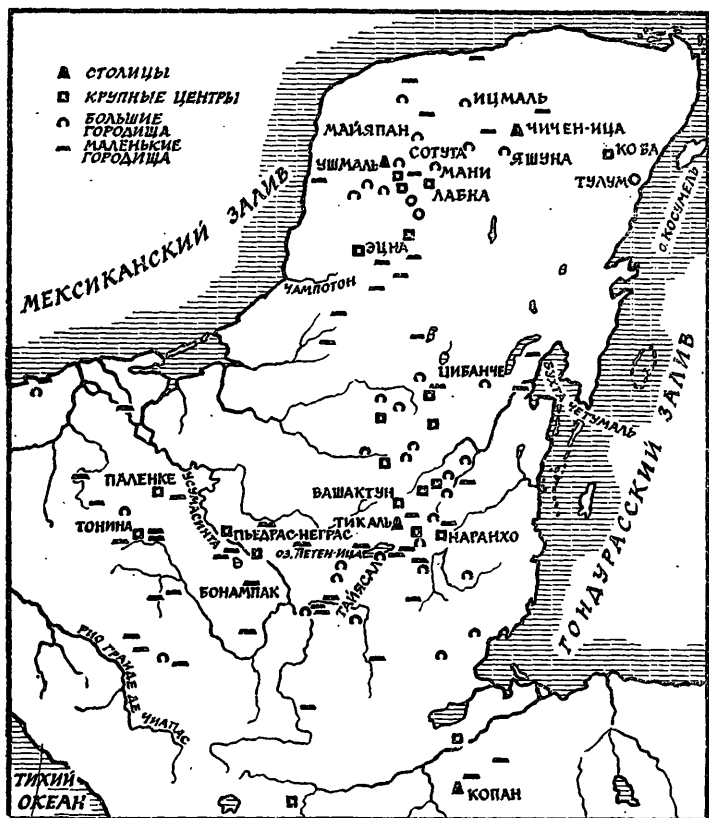
Уже около 2000 года до нашей эры кочевые охотничьи племена майя, населявшие леса Центральной Америки, начали заниматься земледелием. Они селились небольшими деревнями и обрабатывали землю заостренными палками или каменными мотыгами; изготавливали из камня и другие орудия труда, а из растительных волокон плели сети, циновки и корзины, изготавливали хлопчатобумажные ткани.

На рубеже нашей эры к северу-востоку от озера Петен-Ица (Петен) возникли древнейшие города-государства (Тикаль, Вашактун и др.). Об этом свидетельствуют затерянные среди девственных лесов руины древних храмов, пирамид, покрытые иероглифами камни и стены.

Позднее, в V—VI веках нашей эры, возникли города в долине реки Усумасинты (Пьедрас-Неграс, Паленке, Копан и др.); о них рассказывают великолепные памятники архитектуры, скульптуры и настенной живописи.

Примерно в то же время выходцы из древних центров цивилизации майя — окрестностей озера Петен-Ица — переселились на восточное побережье Юкатана и основали там города Цибанче, Тулум, Коба, Чичен-Ица. Последний вскоре стал крупнейшим центром северного Юкатана.

Спустя еще несколько столетий часть населения

Область распространения культуры майя (по Морли)

покинула Чичен-Ицу и переселилась в юго-западную часть Юкатана, где важнейшим центром стал город Эцна.

В конце VIII столетия на землях майя существовало не менее двадцати крупных, достигших своего расцвета центров с бесчисленными храмами и несколько десятков небольших городов.

Никто не знает, как сами майя называли эти древние города. Теперь их руины носят названия, данные им исследователями прошлого столетия и наших дней по какому-нибудь характерным приметам или названиям близ-

лежащих селений. Так, например, Пьедрас-Неграс («Черные камни») получил такое название из-за черного цвета руин; Тикаль — означает место, где слышатся голоса духов. Бонампак — («Расписанные стены») назван так за свои изумительные фрески. Археологи дали имена и древним храмам (Храм Надписей, Дом Губернатора, Храм Креста, Храм Ягуаров и др.).

Судя по датировке надписей, все древние города майя погибли в IX—X веках. Жители покинули их и переселились в другие области. Высокоразвитая культура Гватемалы, Гондураса, Чиапаса периода так называемого Древнего государства погибла, города превратились в руины и затерялись среди диких лесных зарослей.

Что же произошло? Некоторые ученые считают, что примитивная система подсечного земледелия, практиковавшаяся народом майя, неспособна была прокормить население, численность которого непрерывно возрастала. Майя расчистили все леса в окрестностях больших городов, и место джунглей заняли саванны — зеленые равнины, требовавшие более тщательной обработки земли. Другие ученые связывают гибель городов с вторжением внешних врагов, с внутренними междоусобицами и народными восстаниями...

Руины пирамид, храмов и дворцов Тикаля, Вашактуна, Копана, Паленке говорят о том, что эти и другие города были разрушены руками человека. Но что же это были за люди? Чужеземные завоеватели? Или родственные майя варварские племена, покинувшие области своего расселения? Или, быть может, восставшие рабы и крестьяне сделали попытку сбросить с себя тяжкое иго?

Высказывались предположения, что покинуть города майя вынудила страшная эпидемия или какое-нибудь стихийное бедствие, как например засуха, ливневые дожди, уничтожившие посевы и вызвавшие страшный голод.

Таковы могли быть причины, заставившие майя в конце так называемого Классического периода (конец IX века) почти одновременно покинуть родные места с их великолепными религиозными центрами.

Но прошло лишь несколько десятилетий и вдруг с неожиданной силой расцвела новая блестящая культура

мая. То было начало так называемого Послеклассического или Тольтекского периода (X—XVI вв.).

В X веке Юкатан завоевали чужеземцы — тольтеки, возглавляемые легендарным правителем Кукульканом (которого сами тольтеки называли Кецалькоатлем). Они овладели Чичен-Ицей и превратили ее в свою столицу. О вторжении тольтеков и их влиянии на культуру и историю майя рассказывают найденные в наши дни развалины Чичен-Ицы: более половины ее строений в корне отличаются от обычных построек майя. На колоннах и стенах их изображены воины, одетые в хлопчатобумажные панцири, вооруженные копьями и щитами. Эти изображения тоже непохожи на традиционные изображения майя. Воинственные мексиканские племена сломали сопротивление жителей Чичен-Ицы и принесли с собой новую культуру. Сюжетом одной из фресок так называемого Храма Ягуаров служит битва защитников города с чужеземцами, и впервые в истории майя они изображены побежденными.

Вместе с чужеземцами в Юкатане появилось и новое верховное божество — Пернатый Змей — Кецалькоатль, которого майя называли Кукульканом.

Легендарный вождь завоевателей-тольтеков тоже носил имя этого бога. Тольтеки пришли из своего древнего города Толлана (Тулы), расположенного на Мексиканском нагорье, и, совершив ряд набегов вместе с союзными племенами, покорили страну майя.

Возможно, что вождь тольтеков был в свое время изгнан из Толлана, а может быть, тольтеки были вынуждены покинуть область своего расселения в результате нашествия диких племен чичимеков.

Ланда рассказывает со слов индейцев, что Кукулькан пришел сюда с запада; был он добр, ни жены, ни детей не имел. В Мексике его почитали как бога Кецалькоатля и на Юкатане тоже считали божеством, так как он был великим правителем: предотвращал войны и распри, основывал города и строил храмы.

Во время тольтекского владычества на Юкатане появились две новые группы людей (по-видимому, смешанные майя-тольтекские) — люди ица и люди тутуль-шиу. Людей ица майя звали «народом без отцов и матерей» за их обычай убивать всех стариков (кроме жрецов), чтобы старые люди не стали колдунами. Люди ица засе-

2

3

Изображения на золотом диске из «Колодца жертв» в Чичен-Ице. Мексиканские воины (1, 2 — двое справа, 3 — двое слева) и воины майя (по Морли)

лили Чичен-Ицу (название это означает «колодец ицов»), а люди тутуль-шиу своей столицей сделали город Ушмаль. Легенды рассказывают, что Кукулькан (Кецалькоатль) основал город Майяпан (что означает «знамя

мая»), но через несколько лет покинул его и возвратился в Мексику, оставив местную знать жить в мире и согласии.

Тольтеки, или люди ица, пришли в страну мая в то время, когда ее раздирали смуты и раздоры, и потому не встретили серьезного сопротивления. Мая вынуждены были покориться, принять новые законы, религию и поклоняться воинственным богам тольтеков, которым приносились человеческие жертвы.

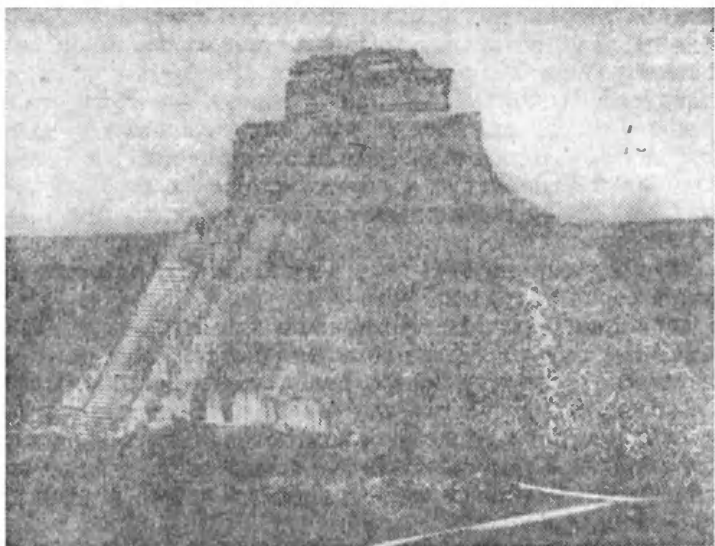
К началу XI века пришельцы покорили уже всю страну мая.

Однако завоеватели, с такой легкостью овладевшие обширной территорией мая, постепенно смешались с покоренным народом, а их цивилизация стала частью возрожденной культуры мая.

Предполагается, что на Юкатане около двухсот лет (с 997 по 1194 г.) властвовал «тройственный союз» — союз трех сильнейших городов северной части полуострова — Чичен-Ицы, Ушмаля и Майяпана, в котором главенствующая роль принадлежала Чичен-Ице. Однако интриги, распри и восстания подорвали этот союз и он распался.

Гегемония Чичен-Ицы вызывала недовольство других городов. В XII веке на Чичен-Ицу пошел походом правитель Майяпана Хунак Кеель. С именем его связана легенда. В то время существовал обычай бросать людей, предназначенных в жертву богам, в священный колодец Чичен-Ицы. Понятно, что люди, отправленные жрецами в качестве посланцев к богам, не возвращались из колодца двадцатиметровой глубины, стенами которому служили гладкие и почти отвесные скалы.

Одной из таких жертв стал и Хунак Кеель, находившийся в услужении у правителя Майяпана. Однако брошенный в священный колодец Хунак Кеель каким-то чудом уцелел и, приложив нечеловеческие усилия, сумел вылезти наверх, где возвестил, что боги повелели ему стать правителем Майяпана. Спорить с посланцем богов никто не осмелился. Новый правитель организовал заговор против Чичен-Ицы, захватил ее и разрушил до основания, положив конец двухсотлетней гегемонии Чичен-Ицы. Город превратился в груды развалин, немногие уцелевшие жители укрылись в густых лесах возле озера Петен-Ица и основали там город Тах-Ица (Тайя-

Одна из пирамид майя в Ушмале

саль). Он был неприступен, и испанцам удалось завоевать его лишь в 1697 году.

В первые десятилетия XIII века люди ица на короткий срок вернули себе былое могущество: в 1224 году воины ица разрушили Ицмаль и Ушмаль и штурмом взяли Майяпан.

Но уже через двадцать лет, в 1244 году, в Майяпане пришла к власти династия Кокомов, представители которой утверждали, что они якобы происходят от легендарного Кукулькана (Кецалькоатля). Кокомы с помощью наемников захватили власть над всем Юкатаном и удерживали ее до середины XV века. Они правили двести пятьдесят лет, порабошав простой народ. В истории майя этот период получил название «гегемонии Майяпана».

Майяпан стал самым могущественным городом полуострова. Армия его состояла из мексиканских наемников, завербованных в Табаско. Правление Кокомов было беспокойным, возмущение народа все возрастало. Не-

сколько городов организовали против правителя Майяпана заговор, который возглавил один из потомков правившей в Ушмале династии Тутуль-Шиу. «И они убили правителя Майяпана, — писал Ланда, — убив также всех его сыновей, кроме одного, отсутствовавшего. Они разграбили его дом и захватили его поместья, где у него были плантации какао и других плодовых деревьев, говоря, что они вознаграждают себя за то, что у них было ограблено».

Это произошло в 1441 году. Иго Майяпана было свергнуто и город разрушен.

Династия Тутуль-Шиу основала новый город — Мани к юго-востоку от Чичен-Ицы (название «Мани» означает «всему конец»). И это действительно явилось концом былого могущества майя. Ни один из правителей не был настолько силен, чтобы объединить все обширные области Юкатана. На полуострове образовалось несколько враждующих между собой городов-государств, важнейшими из которых являлись Мани, Сотута и Ицмаль. По всей стране майя шла братоубийственная война, ибо каждый правитель стремился подчинить себе остальных. Воины нападали на мирные селения, грабили дома, уводили людей в рабство и уничтожали посевы, чтобы лишить жителей пропитания. Вождей прогоняли или убивали, разрушали религиозные центры. Искусство и наука пришли в упадок, рушились старые традиции. Войны и междоусобицы продолжались вплоть до вторжения испанцев.

Вопрос об общественном строе майя — один из наиболее сложных и трудноисследуемых, ибо для решения его не хватает фактических данных: рукописи не сохранились, высеченные на камнях иероглифы еще не расшифрованы, а по материалам раскопок трудно получить полное представление об общественном строе.

Большинство ученых считают, что в обществе народа майя уже в первом тысячелетии до нашей эры имелись значительные классовые различия. Об этом свидетельствуют развалины городов и гробниц.

Величественные храмы, роскошные дворцы знати резко отличались от убогих лачуг бедных земледельцев и горожан. Храмы и дворцы походили на крепости, построенные для того, чтобы держать народ в повиновении и в случае восстаний отражать атаки недовольных.

Маска умершего из Паленке

Великолепные гробницы знати и жрецов в сравнении с простыми могилами земледельцев и ремесленников свидетельствуют о глубокой пропасти между господствующими классами и народом. О том же говорят и фрески, на которых правители и жрецы уподоблялись богам: их изображали в торжественных позах, в роскошных одеяниях.

Социальный строй майя имел много общего с древневосточным обществом на ранней ступени развития (Египет, Ассирия). То было уже достаточно развитое рабовладение, хотя главенствующая роль оставалась за

общиной, в которой только еще начиналось расслоение на богатых и бедных.

Рабовладельческая знать и жрецы жестоко эксплуатировали не только рабов, но и простых общинников. Знать владела рабами, плантациями какао и плодовых деревьев, пасеками и месторождениями соли и была освобождена от уплаты дани. После расчистки лесов она получала значительно большие участки, нежели простые общинники. После испанского вторжения права знати были подтверждены королем, причем знатные майя были приравнены к испанским идалго.

Все же в обществе майя сохранилось и немало пережитков общинно-родового строя. Община заботилась о стариках, калеках и больных, совместными усилиями возводила жилища. Для расчистки лесных участков, сева кукурузы, рыбной ловли, охоты и добычи соли члены общины объединялись в большие группы. Земли, еще не расчищенные от леса, считались общими, плантации же и пасеки являлись частной собственностью и их защищали строгие законы.

Жители селений — простые общинники — несли многочисленные повинности: они обрабатывали поля жрецов и знати, платили дань правителям, строили храмы, дороги, дома для хозяев. На строительство храмов уходили годы тяжкого труда — надо было сначала расчистить джунгли, насыпать искусственные холмы, доставить из каменоломен тяжелые глыбы.

Кроме того, общинникам приходилось делать подношения жрецам, а также содержать во время походов военные отряды. В состав дани входили кукуруза, мед, дичь, птица, плоды, соль, ткани, хлопок, ароматические смолы и др. Тех, кто не в состоянии был платить дань, приносили в жертву богам.

Количество рабов было очень велико, и торговля ими была широко развита. Рабов добывали главным образом в походах, которые нередко устраивались с целью захвата военнопленных. Поэтому рабами прежде всего владели полководцы и военная знать. Знатных пленников приносили в жертву богам или же освобождали за большой выкуп. В рабство обращали воров и других преступников, несостоятельных должников, а также разведенных жен и сирот — то есть тех, кто остался без защиты. Рабом становился человек, совершивший даже

небольшую кражу, например взявший три початка кукурузы, поэтому количество рабов резко возрастало в неурожайные и голодные годы. Вор оставался рабом до тех пор, пока его не выкупали. В рабство обращали и убийц, если они были моложе своей жертвы.

Женившийся на рабыне тоже превращался в раба.

Рабы использовались на самых тяжелых работах: расчистке леса, строительстве храмов, ловле рыбы, для переноски тяжестей на дальние расстояния. Голые, с веревками на шее, они тащили лодки по рекам. Обращались с ними жестоко, беспощадно. Очевидно, рабовладение у майя утратило свой патриархальный характер уже в начале нашей эры, когда возникли первые города-государства.

О том, как управлялись эти государства, нет точных данных. Перед вторжением испанцев Юкатан был разделен на ряд независимых областей, каждой из которых управлял облеченный неограниченной властью «халач виник» (великий или истинный человек), принадлежавший к правящей династии. Должность эта переходила по наследству от отца к сыну. Во время войны халач виник был главнокомандующим, а в мирное время исполнял обязанности верховного судьи. Ближайшим советником халач виника был верховный жрец (повелитель змей). Особый чиновник ведал сбором дани.

Для управления отдельными городами и селениями халач виник назначал касиков — «батабов» (владеющих топором) — обычно своих же родственников. Должность эта была пожизненной. Власть батаба была ограниченной: он зависел от халач виника и жрецов. При батабе состояло несколько советников из богатейших жителей селения — «держателей земли», которые могли опротестовать решение батаба, а также особые исполнители его приказаний и люди, исполнявшие полицейские функции. Батаб наблюдал за сельскохозяйственными работами, особенно за обработкой полей, принадлежавших знати, собирал дань и вершил суд. Во время войны он командовал воинами своего селения и сам же платил им жалованье. В это время воинов снабжали продовольствием их селения.

В книге «Чилам-Балам» говорится, что раз в двадцать лет все батабы должны были являться к халач винику, чтобы доказать свою знатность и получить новые полно-

мочия. Батабы держали экзамен на обладание тайными знаниями, которые передавались от отца к сыну.

Имеются сведения, что из знатных людей селения на три года избирался особый высший военачальник. Он должен был жить в одиночестве, отказываться от мясного и женщин.

Оружием воинов были луки с прочными конопляными тетивами и тонкие тростниковые стрелы с острыми наконечниками из кремня, рыбьих костей или зубов, дротики с кремневыми наконечниками, копья, пращи, деревянные мечи с очень острыми лезвиями из обсидиана, а также медные топорики (ввозившиеся из Мексики). Защитой им служили круглые щиты, сплетенные из тростника, и панцири из стеганого хлопка. Знатные воины носили деревянные шлемы, шкуры ягуаров и уборы из перьев.

Жрецы играли огромную роль в общественной жизни — в их руках были сосредоточены не только религиозные ритуалы, но и научные знания и искусство. Жрецы ведали календарем и связанными с ним праздниками, а также устанавливали сроки сельскохозяйственных работ. Только жрецы и знатные люди могли входить в храмы и святилища, только им было доступно образование и все жизненные блага. На долю же народных масс оставались тяжкий труд и исполнение религиозных обрядов.

Верховный жрец, будучи советником халач виника, назначал жрецов в селения, а те давали советы батабам. Однако жрецы, несмотря на свое влияние, все же не были правящим классом, а принадлежали к особой прослойке знати.

Основным занятием майя было подсечно-огневое земледелие в тропических лесах. Чтобы добыть себе пропитание, они должны были постоянно бороться с джунглями. Выбрав участок, земледельцы с помощью каменных топоров сначала вырубали на нем кусты и мелкие деревья, а большие деревья или обжигали, или кольцеобразно сдирали с них кору, чтобы они засохли. Вокруг будущего поля для защиты его от лесных зверей устраивали высокую изгородь из срубленных деревьев.

Деревья обычно рубили в период дождей (с июня по октябрь). В сухое же время года (с ноября по май) срубленные деревья высыхали, и в марте или апреле —

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Рисунки из рукописи майя.

1, 2 — рубка деревьев; 3 — посев кукурузы; 4 — кукуруза; 5, 6 — вредители полей (птица и носуха); 7 — бобы; 8 — какао; 9 — агавы (сверху бог дождя Чак)

незадолго до начала сезона дождей — их поджигали, совершив сперва торжественный обряд и принеся в дар богам медовый напиток. Затем перед самым периодом дождей поле засеивалось смесью маисовых, бобовых и тыквенных семян. Земледелец заостренной палкой или оленьим рогом рыл в каменистой почве ямки и, положив в них зерна, затапывал их ногой. Майя не знали плуга, не имели тягловых животных. К тому же тропические ливни размыли бы распаханную почву. У майя

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Рисунки из рукописи майя.

1 — охотник с дротиками и копьеметалкой; 2 — охотник связывает оленя; 3 — охотник с оленем за плечами; 4 — олень в петле; 5 — индюк в петле; 6 — олень, попавший в ловушку; 7 — индюк, попавший в ловушку; 8 — пекарь, попавший в ловушку; 9 — ужение рыбы.

не было также ни искусственного орошения, ни севооборота.

Они выращивали главным образом различные сорта майса, плодовые деревья и другие культурные растения, упсминавшиеся выше в связи с земледелием ацтеков. Земледельцы тщательно охраняли посевы от зверей и птиц, уничтожали сорняки, а созревшие початки наклоняли к земле, чтобы они меньше страдали от дождя. Когда початки высыхали, начиналась уборка урожая (с ноября по март). Початки отламывали от стеблей и складывали в сплетенные из лиан корзины. Затем толстыми палками выбивали из початков зерно и засы-

Рисунки из рукописи майя.

1 — доставание меда из улья; 2 — лодка (на носу сеть); 3 — добывание огня; 4 — ткацкий станок; 5 — плетение циновки; 6 — курение; 7 — женщина с заплечной сумкой; 8 — хижина; 9 — пленник

пали в особые сосуды, сделанные из древесной коры или пальмовых листьев. Сосуды эти хранились в амбарах или углах жилищ.

При вторичном посеве на том же участке урожай резко сокращался, сеять же в третий раз можно было лишь на тех участках, которые были расчищены от больших деревьев. Земля быстро истощалась, и поля превращались в пустоши. Через несколько лет они зарастали кустарником и молодым лесом, но эти участки после расчистки были уже малоплодородны. Истощив все близлежащие земли настолько, что они даже переставали

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Рисунки из рукописи майя.

1 — рисовальщик; 2—4 создание скульптуры; 5 — флейтист; 6—7 — барабанщик; 8 — бог Чак с трещоткой; 9 — танец на ходулях

зарастать лесом, майя были вынуждены покинуть свои селения и переселяться в новые области.

Для получения мяса майя разводили индюков и собак, занимались охотой и рыбной ловлей. С копьями и стрелами они охотились на оленей, тапиров, кроликов, броненосцев, ящериц игуан, свиней пекари. На птиц ходили с выдувной трубкой, из которой стреляли глиняными шариками.

Кроме того, майя имели пасеки (пчелы их были без жала), но собирали и мед диких пчел в лесах. По словам хрониста, Юкатан был настоящей медовой страной.

Основным продуктом питания майя был маис. Из него готовили различные блюда, пекли лепешки (холодными они были невкусны, и потому женщины пекли их по два раза в день). Из маисовой муки, перца и какао делали вкусный освежающий напиток. Из какао добывали жир, напоминающий коровье масло, а из коры дерева бальче — опьяняющий напиток.

Овощи, мясо и рыбу майя ели в тушеном виде. После еды они мыли руки и полоскали рот.

В стране майя были высоко развиты ремесла. Археологические раскопки свидетельствуют, что в Юкатане жили искусные гончары, оружейники, ткачи, ювелиры, архитекторы, скульпторы, живописцы — настоящие мастера своего дела.

Селения майя обычно строили у воды. Свои легкие высокие хижины они крыли соломой или пальмовыми листьями. Длинная стена с дверьми делила дом на две половины: в закрытой половине майя спали, а другую, открытую во всю длину дома, с низко нависавшей крышей, — белили и использовали как гостиную. В знатных домах гостиную разрисовывали изящными фресками. Майя спали на кроватях, сплетенных из прутьев и крытых циновками, а покрывались накидками из хлопка.

В центре селения находился храм — единственное каменное здание, вокруг которого на площади располагались дома знати и жрецов, выделявшиеся среди других жилищ богатством и тщательностью постройки. В городах центры тоже отводились под дворцы и грандиозные храмы, лачуги бедняков ютились по окраинам.

В стране майя была широко развита меновая торговля. Купцы, происходившие из знатных или богатых семей, доставляли товары в самые дальние края, используя для этого караваны рабов-носильщиков. Между важнейшими городами майя были проложены дороги, мощенные щебнем или каменными плитами. Дороги эти наносились на карты. Вдоль морского побережья товары перевозились на больших, вмещавших до сорока человек парусных лодках.

В городах были большие рынки и склады, а также особые гостиницы для купцов.

Торговля на рынках велась в установленные дни. Здесь продавались рабы, какао, кукуруза, мед, воск, рыба, перец, бобы, фрукты, напитки, хлопковая пряжа

и ткани, шкуры и одежда, оружие, посуда, медь, серебро, золото и драгоценные камни, украшения, птичьи перья, раковины, музыкальные инструменты, краски, бумага, каучук, лечебные травы. Многие из упомянутых товаров привозились на Юкатан из других земель. Важнейшими местными товарами были рабы, кремневое оружие, ткани, мед, воск, соль и рыба. Металлические изделия — золотые и медные предметы ввозили из Мексики, Гондураса, Никарагуа, Панамы и даже Колумбии, ибо страна майя была бедна рудой и металлургия там не развивалась.

Главным средством оплаты были бобы какао (по свидетельству историка Овьедо, — за раба давали около ста таких бобов). Они заменяли золото. Реже для этой цели использовались раковины, соль, куски ткани, медные топоры и колокольчики, жемчуг, дорогие птичьи перья, нефрит. Преобладала все же меновая торговля. Ланда рассказывает, что купцы продавали товары и в кредит, давая займы честно, без ростовщичества.

Индейцы Юкатана отличались высоким ростом, стройностью и силой. По словам Ланды, ноги их были красивыми, ибо матери переносили детей, посадив их верхом на бедро. Особо красивым считалось косоглазие. Поэтому матери подвешивали маленьким детям к волосам шарик, который спускался со лба до самых глаз. Постоянно двигаясь, шарик заставлял детей косить. Головы и лбы у майя были сплющены, о чем тоже заботились с раннего детства. Мужчины носили длинные волосы, пеклись о своей красоте более, чем женщины, и именно они пользовались обсидиановыми зеркалами. Чтобы их лица не покрывались растительностью, мальчикам обкладывали лица тряпками, смоченными в кипятке.

Майя часто мылись в холодной и горячей воде, пользовались ароматными травами, татуировали и красили лицо и тело (обычно в красный цвет, считавшийся самым красивым).

Одеждой мужчинам служила набедренная повязка, один конец которой спускался спереди, другой — сзади. Кроме того, они носили длинные, широкие хлопчатобумажные плащи и сандалии, сплетенные из тростника или оленьей кожи. Женщины надевали юбку, иногда повязку на грудь, носили браслеты, ожерелья и серьги. Роскошные одеяния и головные уборы знати и жрецов делались

из птичьих перьев и шкур ягуаров и сильно отличались от одежды простых общинников.

Майя были добры, гостеприимны, щедры, сдержанны и великодушны, умели личные интересы подчинять общественным и охотно делились со всеми едой и питьем. Детей они воспитывали в послушании старшим и жрецам.

Рождение ребенка считалось у майя самым счастливым событием — знаком благоволения богов. Жрецы давали ребенку имя и составляли гороскоп, определяя, какой бог возьмет новорожденного под свою защиту или же, наоборот, будет всю жизнь вредить ему.

По свидетельству Ланды, майя в течение жизни трижды меняли имя: к имени, данному ребенку при рождении, после «крещения» добавлялось родовое имя, передававшееся по отцовской линии. После брака родовое имя сохранялось, а «детское» заменялось «материнским», переходившим по материнской линии.

В брак вступали в возрасте двадцати лет. Невест для юношей выбирали отцы, заботясь о том, чтобы будущие жены не были избалованы и умели хозяйничать. Часто для этого нанимали ловких сватов, которые умели постоять за интересы жениха и договориться о приданом. Развод давался в любое время, как только муж или жена выражали такое желание. Однако частая перемена жен не одобрялась, а прелюбодеяние каралось смертью, если только обманутый муж не прощал виновной. Жену, повинную в прелюбодеянии, муж бросал.

По свидетельству Ланды, женщины не принимали участия в общественной жизни. Им запрещалось наследовать имущество, участвовать в религиозных церемониях и посещать храмы, есть вместе с мужчинами и даже смотреть на них.

Доля женщины была тяжела: она должна была постоянно рожать и воспитывать детей и всю жизнь работать в поте лица своего.

Стоила жена недешево. По свидетельству нескольких хронистов, молодой муж должен был пять-шесть лет отработать в доме тестя. Однако обычай этот, очевидно, отмирал, ибо в другом месте Ланда упоминает, что молодые жили в шалаше возле дома свекра либо возле дома тестя.

По словам Ланды, у майя были строгие законы и суровые наказания. За изнасилование грозила смертная

казнь. Измена, убийство или поджог тоже карались смертью. Но если убийство или поджог были случайными, без злого умысла, преступник должен был только возместить потери. В таких случаях род брал его на поруки. Если потеря была так велика, что ее невозможно было возместить, виновного обращали в рабство, а выручку отдавали потерпевшему. За меньшие проступки наказания были легче — виновному обрезали волосы, наносили на лицо позорную татуировку. На таких людей общинники взирали с презрением.

Знатных судили только знатные, и они могли откупиться от наказания.

На суде опрашивали свидетелей, интересы обвиняемого защищало особое должностное лицо. Целью приговора было не только поддержать мораль, но и возместить потери.

К больным приглашали колдуна или знахаря. Они лечили больных настоями трав, способ приготовления которых держался в тайне, и заговором, изгоняя злых духов, служивших «причиной» болезни. Иногда знахарь делал больному кровопускание. Если болезнь была неизлечимой, знахарь должен был объявить, сколько больному осталось жить и что его ждет после смерти.

Большое значение у майя, как и у других индейских народов, имел культ предков. Их нередко почитали как богов и приносили им жертвы. Простые люди хоронили умерших неподалеку от дома или под полом внутри жилища и после этого покидали дом. Покойных долго оплакивали, соблюдали посты. Вместе с мертвым в могилу опускали еду, маисовое семя, орудия труда и оружие, а также какой-нибудь драгоценный камень или украшение для оплаты при переходе в мир иной.

Знатные люди иногда сжигали трупы своих близких, а пепел помещали в глиняные урны.

Согласно верованиям майя, за судьбу человека постоянно боролись добрые и злые силы. Добрые боги управляли громом и молнией, посылали дождь, который помогал расти маису и обеспечивал хороший урожай. Злые боги несли разрушение и смерть, засуху и войны.

Жизнь земледельца целиком зависела от смены времен года, солнца и дождя, плодородия полей, — майя обожествляли силы природы. Для задабривания их существовал непрерывный годовой цикл религиозных обрядов.

Согласно представлениям майя, мир сотворил бог Хунаб Ку, который, однако, не вмешивался в земные дела.

Верховным божеством майя считали его сына Ицамну — бога небес, изобретателя письменности, создателя их цивилизации, покровителя наук и жрецов. Этот бог обитал на облаках. Его называли «Повелителем дня», «Повелителем ночи» или «Повелителем небес».

Ицамну изображали беззубым стариком с провалившимися щеками и кривым носом. Реже — двуглавым змеем, символизирующим небесный свод.

Женой Ицамну была богиня луны — капризная старуха, управлявшая плодородием. Она учила женщин ткать, оберегала их во время родов, но и насылала наводнения, управляла морскими приливами и отливами.

Ее считали также богиней врачевания и прорицательницей судеб и изображали с обвитой змеями головой и острыми когтями ягуара.

Другим важным божеством был Чак — повелитель четырех стран света, господин ветра, грома и молнии. У него во время сева земледельцы выпрашивали дождь, ибо этот бог управлял плодородием. С ним состязался молодой бог маиса — покровитель земледелия, идеал мужской красоты, подобный греческому Аполлону — с прекрасным тонким лицом и головным убором из маисовых початков. Маис был главной продовольственной культурой майя, и предание гласило, что боги создали человека из него. Бог маиса покровительствовал также и молодоженам.

Очень грозными богами были мрачный бог смерти, (его изображали в виде скелета, символизируя таинство смерти) и его помощник — «Черный повелитель», гнев которого вызывал войны и другие беды. Бога смерти — истребителя жизни сопровождали его товарищи — бог войны и бог человеческих жертвоприношений. Самым ужасным и жестоким был бог войны. Он не только уничтожал людей, но и боролся против тех богов, которые приносили плодородие.

Бог войны носил разные имена: «Огненный лик», «Несущий ужас», «Несущий огонь», «Восемь тысяч копий». Но кроме кровавого ремесла, у него были и другие занятия: он покровительствовал купцам, заботился о деревьях какао, бобы которых являлись средством платежа. Купцы, перед тем как отправиться в путь, при-

носили этому богу жертвы. Считалось, что бог войны поджигает и разрушает жилища. Его изображали с копьем в руках, с телом, окрашенным в черный цвет.

Купцов и путешественников охранял бог Полярной звезды — «Северная звезда». Бог солнца покровительствовал поэзии и музыке.

У майя имелась также богиня самоубийств. С ее помощью самоубийцы попадали в рай.

С пришествием тольтеков в религии майя появился Кецалькоатль — Кукулькан — бог плодородия и дождя, покровитель знатных тольтеков.

Как правило, майя изображали богов в образе людей. Исключение составлял Кукулькан, у которого голова была человечесь, а тело — змеи.

Значительную роль в мифологии майя играли обожествленные животные. «Солнечноглазый попугай», по-видимому, символизировал солнце, «Небесная собака» с горящими факелами в лапах — молнию. Большое значение имели сова и ягуар. Ягуарами иногда называли богов стран света — чакров.

Согласно представлениям майя, боги правили миром поочередно, сменяя друг друга ежегодно, раз в двадцать, а то и в тридцать лет. Также поочередно управляли они и отдельными областями страны. Статую приступавшего к управлению бога с торжественными церемониями вносили в храм и оставляли там до тех пор, пока власть его не кончалась. Было точно установлено, какой из богов является покровителем каждого дня и часа.

Согласно представлениям майя, земля — это огромный остров, плывущий по безбрежному океану на спине громадного крокодила. Над землей уступами расположились тринадцать небес, или небесных сфер, под нею скрыто девять потусторонних миров, которыми ведают особые боги. В самом глубоком из них, девятом, — владения бога смерти.

Участь человека после смерти определялась не только его поведением при жизни, но и социальной принадлежностью. Все тринадцать небес были предназначены главным образом для знати и жрецов (жрецы, например, после смерти попадали на третье небо), простолюдины же оказывались в подземном царстве, на небеса погадали лишь павшие в бою, а также умершие от родов женщины, самоубийцы и принесенные в жертву

богам. После смерти они должны были прислуживать жрецам и богам на небесах.

Те, кто заслужил, вкушали вечное блаженство, грешники же попадали в ад — царство вечного холода и голода, где обитали злые демоны, а люди пребывали в муках, печали и изнеможении.

Самоубийство считалось у майя величайшим самоотречением. Оно должно было принести в загробной жизни вечное блаженство. Поэтому, по словам Ланды, многие майя, в случае несчастья или болезни, надевали на себя петлю, чтобы попасть в рай.

Мир, по представлениям майя, был четырехугольным, и по четырем его углам, соответственно четырем странам света, росли огромные сейбы, четыре «дерева мира» — Красное, Белое, Черное и Желтое. На них зижделся весь мир. Красное дерево, символизировавшее свет утренней зари, — росло на востоке; Белое (возможно, предки, пришедшие с севера, сохранили воспоминания о белом снеге) — на севере; Черное, символизировавшее ночную тьму, — на западе; Желтое — символ солнца — на юге. На этих деревьях обитали боги дождя, орошавшие поля майя водой из четырех гигантских кувшинов. В центре мира росло Зеленое дерево. На небесах под его сенью находился рай, где души праведников отдыхали от тяжкого земного труда и изнурительной жары.

Жрецы хранили религиозные знания в глубокой тайне, лишь им одним было ведомо все происходящее на небе и земле, они были глашатаями воли богов.

Религиозные праздники отмечали жертвоприношениями, молитвами, песнями, танцами, священными курами и торжественными пиршествами.

Непрёменной частью всех церемоний были ритуальные танцы. Мужчины и женщины танцевали отдельно. Опьяненные напитками жрецы надевали разноцветные маски, а иногда — черепа убитых или принесенных в жертву людей и плясали, воспевая подвиги богов и вождей. Иногда старухи, чтобы развеселить зрителей, плясали на костылях.

У майя был обычай исповедоваться жрецу в грехах и проступках, а если жреца не было поблизости — то родителям, мужу или жене. Майя часто постились: воздерживались от соли и перца, не употребляли мяса.

*Фрагмент стеной росписи в Бонампаке (сцена
жертвоприношения)*

Майя приносили в жертву богам кровь, разрезая уши и обмазывая идолов своей кровью или кровью убитых зверей и птиц. Приносили в жертву также и лесную дичь, рыбу, хлеб, плоды и различные напитки, жгли ароматные травы и смолы. Все это делали, чтобы испросить у богов защиты от злых духов и несчастий или вознести им благодарность за счастливое возвращение или выздоровление.

В случае опасности или беды жрецы совершали человеческие жертвоприношения. Для этого покупали рабов, а некоторые, особо набожные люди даже отдавали своих детей. До самого дня жертвоприношения предназначен-

ных в жертву людей услаждали вкусной пищей и всяческими удовольствиями, тщательно охраняя, чтобы они не убежали. С песнями и танцами их водили из селения в селение.

Затем жертву раздевали догола, красили лазурью и привязывали в храме к столбу. Майя с луками и стрелами в руках исполняли вокруг жертвы танец и по сигналу жреца, не прекращая танца, пускали в нее стрелы.

Был и другой вид жертвоприношения — жрецы рассекали жертве ножом грудь, вырывали трепещущее сердце и свежей кровью окропляли лица идолов.

В других случаях людей бросали в священный колодец храма. Принесенных в жертву майя считали святыми.

В стране майя человеческие жертвоприношения широко распространились и стали неотъемлемой частью религиозных обрядов лишь в начале X века под влиянием завоевателей тольтеков.

Жрецы ведали не только религиозным ритуалом, но и научными знаниями. Они вели счет времени, изучали историю народа, устраивали праздничные церемонии, прорицали счастливые и несчастные дни, лечили от болезней, обучали чтению и письму, писали книги, наблюдали небесные светила.

Прорицательством занимались специальные жрецы — чиланы. Доведя себя с помощью ядовитых снадобий (обычно для этой цели применялся настой из ядовитых грибов, вызывавший наркотическое опьянение) до экстаза, чилан у себя дома ложился спать. Другие жрецы в соседнем помещении внимательно прислушивались к «беседе» чилана с богом или духом, якобы спустившимся на крышу жилища. Чиланы пользовались таким почетом, что майя нередко носили их на спине.

Город Чичен-Ица и остров Косумель славились знаменитыми оракулами. На Косумеле у стены храма стоял полый идол, и прятавшийся в нем жрец от имени бога давал ответы паломникам.

Надо добавить, что в целом религия майя была мощным орудием угнетения народа.

Культура майя была самой высокой на Американском континенте. К тому же в то время, когда Европа была погружена во мрак средневекового невежества. Не случайно племена майя называют греками Нового Света.

Высокого развития достигли у них живопись, скульптура, архитектура, а также астрономия и математика.

Майя первыми в Америке создали систему иероглифического письма, и она оказала влияние на развитие письменности других народов (тольтеков и сапотеков).

Уже в начале нашей эры майя пользовались иероглифами и писали на древнем языке, который являлся достоянием одних лишь жрецов. Немало высеченных на камне иероглифических надписей сохранилось среди развалин городов майя, на стенах и колоннах. К сожалению, рукописи почти все были уничтожены и до наших дней дошли из них только три.

Примерно в то же время майя создали и свой календарь. В точности определения длины года они превзошли все народы древнего мира. Этим календарем пользовались также многие племена Мексики.

Для создания календаря необходимы были обширные познания в астрономии и математике, и именно в этих науках особенно ярко проявился талант майя.

Их астрономы достигли больших успехов, наблюдая в течение столетий с высоких башен и платформ движение небесных светил и занося полученные результаты на карты. Потом на основе этих карт они составили таблицы, по которым могли очень точно предсказывать затмения Солнца и Луны, определять периоды вращения Луны вокруг Земли, планет — вокруг Солнца, а также с точностью до минуты вычислили длину солнечного года. Особое внимание уделялось планете Венера. Появился даже особый культ ее.

Время для майя являлось не абстрактным понятием, а таинственной всемогущей силой, созидающей и разрушающей мир. Они верили, что временные циклы — дни, месяцы и годы, — сменяя друг друга, принося с собою милость или гнев богов и что определенный бог держит на своих плечах каждый из этих циклов. Если такая ноша доставалась злему богу — народ постигали беды и несчастья, которые прекращались лишь тогда, когда ношу перенимал добрый бог.

Эти верования частично объясняют огромное влияние жрецов в обществе майя. Ведь только жрецы, обладавшие познаниями в астрономии, могли предугадать веления богов, определить, какими циклами времени будут управлять злые и какими — добрые боги.

Разработанная астрономами календарная система была очень сложна. Свое летоисчисление майя вели в циклах — от сотворения мира и рождения богов.

У майя были две системы отсчета времени: «священный» год, насчитывавший двести шестьдесят дней и священный с религиозными обрядами, и обычный год, состоявший из восемнадцати двадцатидневных месяцев и пяти добавочных дней, что вместе составляло триста шестьдесят пять дней. Основываясь на точных астрономических расчетах, жрецы устанавливали особые — високосные — годы, таким образом внося в календарь нужные поправки.

К тому же астрономия не была у майя абстрактной наукой; она служила практическим целям. Жрецы устанавливали сроки полевых работ, причем каждый месяц был предназначен для определенного вида работы — выбора новых участков, вырубki леса, сжигания деревьев, сева маиса, сгибания поспевающих початков (для предохранения их от дождя и птиц), уборки урожая, подготовки зерна к хранению.

Числа майя писали, используя три знака: единицу, которую обозначали точкой, пятерку, изображавшуюся в виде горизонтальной черты, и нуль, символом которого была морская раковина. Так, например, число шесть изображалось точкой (единица) с горизонтальной чертой (пять) внизу; десять — двумя горизонтальными чертами. Этими тремя знаками майя могли записать любое число, ибо они, подобно европейцам, пользовались позиционной системой написания чисел (которую открыли самостоятельно и на тысячу лет раньше), только их система исчисления была двадцатиричной. Понятие нуля было одним из выдающихся открытий математиков майя. Они начали пользоваться нулем значительно раньше индийских математиков (как известно, от Индии нуль переняли арабы, а в Европе с этим понятием познакомились лишь в средние века).

О развитии у майя других наук сведения очень скудные. Известно, что в большом почете была медицина и ботаника; майя лечили больных лекарственными травами, им были известны наркотики, утоляющие боли.

Существовали особые школы, где жрецы обучали молодежь. Главным предметом являлась астрология — умение предсказывать будущее. Но занятия включали

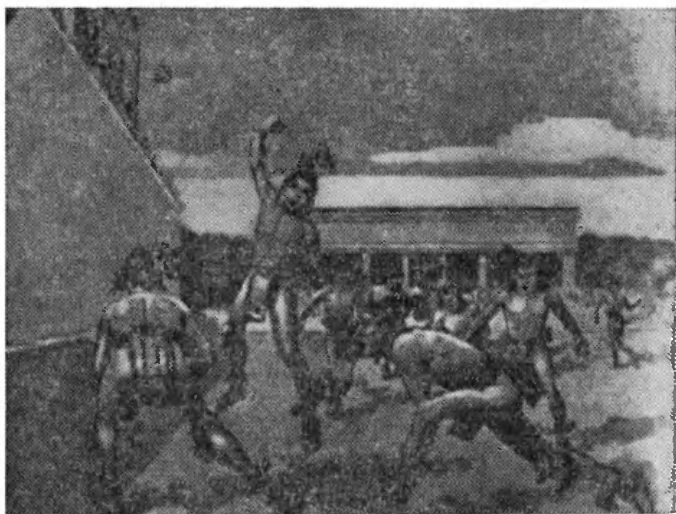
и сведения по метеорологии, астрономии, математике, истории, мифологии и религиозным обрядам.

Майя создали богатую литературу, о которой можно судить по книгам «Чилам-Балам» («книгам пророка ягуара»). Эти книги представляют собой запись календарных обрядов, народных верований, хроник, перечисляющих важнейшие исторические события, пророчеств, в которых идет речь о войнах, засухах, голоде и других бедствиях. В Гватемале была записана священная книга племени киче «Пополь-Вух», в которую включены народные мифы и сведения из космологии и религии.

Сложные иероглифические тексты писались на бумажных полосах, сделанных из растительных волокон. Полосы склеивались и с обеих сторон покрывались слоем белой извести.

Большим распространением пользовались драматические произведения. Для театральных представлений сооружались специальные каменные платформы. Профессиональные актеры играли обычно в масках. Инструментальная музыка была тесно связана с песнями и танцами. Струнных инструментов почти не было, если не считать музыкального лука с тетивой из волокон хенекена, но майя ловко играли на разнообразных духовых и ударных инструментах. В маленькие барабаны били рукой, а в большие — палкой со смоляным наконечником. Майя играли также на длинных тонких трубках из полого дерева с длинными и кривыми тыквами на конце, они делали свистки из берцовых костей оленей и больших раковин, а из тростника — флейты. В качестве ударного инструмента использовали также панцирь большой черепахи, а танцоры били в металлические тамбурины.

Из спортивных игр следует отметить чрезвычайно популярную игру пок-та-пок. Игроки одной команды, ударяя по тяжелому каучуковому мячу локтями, коленями и всем туловищем, старались забить его в прикрепленное к стене каменное кольцо, а их противники защищали кольцо. Для этой игры, несколько напоминающей современный баскетбол, майя строили специальные стадионы. Играли в нее с большим азартом. В награду победители получали иногда всю одежду и украшения зрителей. Эти священные обрядовые игры нередко кон-

Игра в мяч (с современной картины)

чались смертью вождя побежденной команды — победители отрубали ему голову.

Архитектура майя была весьма разнообразной. Об этом свидетельствуют ступенчатые пирамиды с храмами наверху, дворцы, обсерватории, стадионы для игр в мяч, колоннады, платформы для танцев и представлений, бани, арки и другие постройки.

Фасады зданий украшались геометрическим орнаментом — стилизованными фигурками людей и зверей — или колоннами.

Долгие столетия никто ничего не знал о замечательных памятниках архитектуры и культуры майя. Славное прошлое этого народа было предано забвению. Лишь в прошлом веке в дремучих лесах Юкатана исследователи открыли один за другим древние города. Порой оказывалось, что они расположены совсем рядом с каким-нибудь захудалым селением индейцев, но даже жители этого селения не знали, какие сокровища таятся в диких джунглях.

Города эти давно превратились в руины, заросли девственными лесами. Лишь кое-где между деревьями

*Основание жертвенного камня
(алтарь майя)*

увитые лианами вздымались ввысь огромные стелы. В других местах такие же стелы, упавшие и разбитые на куски, заросли травой и кустарником. Стелы были покрыты рельефными изображениями людей, животных и иероглифическими письменами. Тут же находились вросшие в землю огромные каменные алтари, покрытые скульптурными изображениями людей в роскошных одеждах и звериных масок. Пирамиды уступами поднимались над кронами деревьев, но их очертания были едва различимы за густым сводом ветвей. Корни деревьев и лианы, проникнув в расщелины камней, постепенно разрушили фасады и лестницы зда-

ний. Каменные головы ягуаров и змей, упавшие со стен дворцов, вросли в землю.

Одним из таких городов, богатых древними памятниками архитектуры, был Копан, но в других, например, в Паленке, тоже нашли немало сохранившихся храмов и пирамид, алтарей, огромных скульптур, великолепных барельефов — свидетелей давно исчезнувшего могущества.

Особенно величествен Большой дворец и храм в Паленке: стены его расписаны изумительным орнаментом и иероглифическими надписями (отсюда и название «Храм надписей»). Равного ему по красоте нет во всей Америке.

В склепе этого храма ученые обнаружили массивный каменный саркофаг с останками властелина или верховного жреца и с огромным количеством украшений из нефрита и яшмы — кольцами, серьгами, браслетами и ожерельями, фигурками людей. Лицо покойного закрывала маска, отделанная мозаикой из нефритовых плиток. Возле огромного зала, где был погребен этот знатный покойник, оказалось еще одно небольшое помещение с саркофагом, в котором находились скелеты пяти молодых индейцев — троих юношей и двух девушек. Огромное количество украшений из яшмы указывало на то, что молодые люди были знатного происхождения и, очевидно, принесены в жертву во время похорон вождя. Уникальная конструкция этого храма опровергла традиционный взгляд на то, что пирамиды Центральной Америки якобы строились лишь как основания храмов и не служили усыпальницами вождей.

Лестницы, подымавшиеся на вершины пирамид, были столь высоки, что казались бесконечными. Создавалось впечатление, что они уходят в небеса. Ступени их были очень крутыми. Жрецы после длительной тренировки довольно легко взбирались на них. Тем же, кто поднимался без привычки, это давалось с большим трудом. Поэтому пирамиды и храмы были одновременно и крепостями.

Одним из выдающихся памятников живописи майя являются недавно открытые фрески Бонампака, выполненные в конце VIII столетия нашей эры. На них изображены не боги и не мифические чудища, а люди и конкретные события: битвы, праздничные шествия пышно одетых жрецов и знати, музыканты и танцоры в масках, жертвоприношения военнопленных. Каменная скульптура Бонампака тоже превосходит все, виденное до сих пор в стране майя. Изумительными фресками изобилуют и Храм Воинов и Храм Ягуаров в Чичен-Ице.

Слепой фанатизм конкистадоров толкал их на уничтожение культуры, ценностей и традиций майя. Испанцы разрушали беспощадно их храмы и алтари, сжигали древние рукописи, которые помогли бы теперь раскрыть тайну, все еще окутывающую историю майя.

«Что за народ построил этот город? — писал американский исследователь Стефанс, первым открывший в середине прошлого столетия один из древнейших городов

мая — Копан. — ...Ведь, по утверждению историков, Америка была населена дикарями, но дикари никогда не смогли бы возвести такие сооружения или покрыть скульптурными украшениями эти камни... Архитектура, скульптура и живопись — все виды искусства, делающие жизнь прекрасной, некогда процветали в этих диких лесах. Здесь жили и умирали ораторы, воины и государственные мужи, красота, честолюбие и слава, но никто до сих пор не знал о существовании подобных вещей и не поведал об этом нашим современникам...

Город был мертв. В древних руинах не сохранилось никаких следов исчезнувшего народа... Город лежал перед нами, напоминая разбитую барку среди океана. Мачты ее были сломаны, название стерлось, экипаж погиб. И никто уже не мог сказать, чья это барка, откуда она пришла, долго ли находилась в пути и что толкнуло ее к гибели».

Девственные леса Юкатана и по сей день задают исследователям подобные загадки, и многие из них еще не разгаданы.

ГИБЕЛЬ ЦВЕТУЩЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Колонизация и ее последствия. — Ядро рабства. — Епископ Бартоломе Лас Касас изобличает злодеяния испанцев. — Преступление против человечества. — «Рабство — несправедливость и тирания». — Апологеты конкистадоров. — Священная война против язычников или вторжение разбойничьих банд? — Погубленная цивилизация

Колонизация Новой Испании, Юкатана и других областей с каждым годом приобретала все более широкий размах. Королевский двор, стремясь обеспечить власть Испании над этими землями и получить с них как можно больше доходов, всячески содействовал колонизации Нового Света. Колонисты получали обширные наделы с индейцами — рабами и крепостными, а товары, ввозимые в колонии, освобождались от пошлины — для поощрения и развития торговли. Пересе-

ленцы привезли в Новый Свет новые культурные растения и домашних животных, разбили обширные плантации, начали разводить хлопок и сахарный тростник. Кроме того, испанцы открыли богатые месторождения золота и серебра, что принесло им огромные доходы. Они приступили к добыче меди и цинка для литья пушек, а также серы и селитры для изготовления пороха.

Из колоний Нового Света, особенно из Мексики — Новой Испании, непрерывным потоком потекли награбленные богатства; добыча, поступавшая с Антильских островов — Эспаньолы, Кубы, Ямайки и из других испанских колоний, казалась ничтожной.

Вскоре блеск и славу Мексики затмило золото инков: Франсиско Писарро завоевал и разграбил их государство (Перу), расположенное в Южной Америке у побережья Тихого океана.

Однако американское золото обернулось для Испании проклятием. Оно разорило ее, повергло в нищету, задержало ее историческое развитие. Испания была не в силах использовать поступавшие извне богатства для развития своего хозяйства. Капиталистическая промышленность развивалась в метрополии крайне медленно, производство и ремесла приходили в упадок, сокращался торговый оборот, уменьшалось население, хирело сельское хозяйство.

Золото прежде всего попадало в руки феодальной знати — придворных вельмож, крупных землевладельцев и духовенства, способствуя росту их могущества и, таким образом, усиливая не капитализм, как в других европейских странах, а феодализм и темную власть церкви. Феодалы, стоявшие у власти, не были заинтересованы в развитии промышленности в Испании. Ведь они получали доходы непосредственно из колоний или в виде налогов с населения.

За экономическим упадком последовало снижение политического влияния и могущества Испании. Усилилась мощь наиболее развитых стран Европы — Англии, Франции и Голландии. Они оставили Испанию далеко позади и начали оспаривать мировое могущество Испанской империи. Вскоре от него не осталось и следа.

В завоеванных землях Нового Света столкнулись интересы различных слоев господствующего класса Испании; началась жестокая борьба между дворянством

и духовенством, между различными монашескими орденами. Испанские идалго-конкистадоры, захватив земли индейцев и создав большие поместья, старались обратить туземцев в рабство и выжать из них максимальную прибыль.

Колонисты отнюдь не собирались лить пот на плантациях, приисках и в ремесленных мастерских. Они мечтали о беззаботной жизни богатых аристократов и безжалостно эксплуатировали индейцев, считая их низшей расой, «неразумными людьми», которым сам бог велел быть рабами.

Королевское же правительство и духовенство были заинтересованы в том, чтобы доход от колоний поступал в государственную казну, и поэтому хотели, чтобы индейцы были не рабами помещиков, а подданными короля.

Американский историк Г. Паркс объясняет это гуманными побуждениями испанского монарха. Король якобы заявил, что завоевание Америки будет законным только в том случае, если будет благотельно влиять на покоренные народы. С этим высказыванием Паркса трудно согласиться, ибо испанских королей меньше всего заботила законность их действий. На самом деле здесь просто столкнулись интересы короля и конкистадоров.

Король понимал, что государство получит куда больше пользы от свободных индейцев, так как дань от них пойдет в казну, рабы же принесут доход лишь своим владельцам. Короля пугала также угроза физического уничтожения индейцев, которое повлекло бы за собой потерю рабочей силы, необходимой для обработки новых земель, прекращение работ на рудниках и плантациях. Индейцы целыми племенами бежали из Новой Испании и прятались в горах и лесах. Все это ставило под угрозу доходы королевской казны, основными статьями которых были подушная подать, сборы с различных монополий и выручка с рудников.

Испанский король Карл V в 1542 году издал так называемые «Новые законы» о возвращении индейцам земель и ограничении эксплуатации. Однако «Новые законы» встретили ожесточенное сопротивление помещиков и государственных чиновников.

При попытке ввести их колонисты Перу взбунтовались и убили вице-короля; в Мексике бесчисленные делегации

*Поджаривание на медленном огне
(из книги Б. Лас Касаса «История Индии»)*

осыпали королевского уполномоченного петициями и протестами. Испанцы утверждали, что будут вынуждены убить своих жен и детей, чтобы спасти их от нищеты и позора. Первые же суда, отплывшие из Мексики после провозглашения этих законов, увезли на родину около шестисот колонистов. Было ясно, что применить новые законы не удастся. Даже духовенство не захотело поддержать их. Церковники утверждали, что нововведения ничуть не улучшат положения индейцев.

Когда король под давлением колонистов «исправил» эти законы, колонисты отметили радостное событие роскошным пиром и боем быков.

Вражда между помещиками-конкистадорами и духовенством побудила монаха-францисканца Диего де Ланду с некоторой объективностью описать зверские расправы завоевателей над индейцами Юкатана.

Зато деятельность францисканцев он представил в идеализированном виде. По словам Ланды, монахи всегда защищали индейцев. Ярый фанатик умалчивал при этом, что по его личному приказу тысячи индейцев были подвергнуты истязаниям.

Ловкие миссионеры, пастыри человеческих душ, проповедники святой веры, окрестив индейцев, тут же бро-

сились загребать себе богатство и делали это с таким рвением, что еще Кортес был вынужден обратиться к королю с просьбой, чтобы «в Мексику больше не посылали каноников, ибо они живут здесь в излишней роскоши, раздают огромные богатства своим внебрачным детям и подают скандальный пример только что обращенным в христианство индейцам».

Положение индейцев в испанских колониях было бедственным и вызывало сострадание. Колонисты — ветераны войны и вновь прибывшие, среди которых было немало высланных из Испании преступников, — получали наделы земли вместе с индейцами (энкомьенды).

Фактически индейцы были обращены в рабство (за исключением тласкальцев, сохранивших некоторые привилегии), обложены огромными поборами и закрепощены. Они должны были платить своим белым хозяевам оброк, обрабатывать их поля, пасти скот, работать на медных и серебряных рудниках, на строительстве дорог, зданий и в ремесленных мастерских, носить поклажу на дальние расстояния. Индейцев угоняли на работы в другие климатические пояса, где они гибли в непривычных условиях.

Это рабское ярмо маскировалось якобы приобщением индейцев к христианской вере: конкистадору, получившему под свою опеку индейцев, поручалось заботиться о спасении их душ, обратить индейцев в христианство, построить для них церковь или часовню и пригласить капеллана. В документе обычно записывалось: «Именем короля под вашу опеку вручаются индейцев во главе с их касиком и вменяется в обязанность приобщить их к святой католической вере».

Но насильно крещенные индейцы отнюдь не превращались в христиан — они оставались теми же язычниками, поклонявшимися теперь вместо Уицилопочтли и Кукулькана — богоматери и многочисленным католическим святым, иконы которых, по убеждению индейцев, обладали чудесной силой — исцеляли болезни и вызывали дождь.

Монахи действовали хитро: уничтожив языческих идолов (по данным Г. Паркса, за семь лет францисканцы уничтожили двадцать тысяч изваяний индейских богов), они приспособливали старинные языческие обряды к церковным церемониям. Индейцы приходили в храм, как

и прежде, в головных уборах из перьев, увитые гирляндами цветов, водили хороводы и пели у алтаря песни в честь святой девы Марии.

Как пишет Бартоломе Лас Касас, индейцев эксплуатировали одновременно несколько господ: первым был король, вторым — владетель энкомьенды. Хотя закон и ограничивал размеры поборов, способы взимания их не подвергались ни учету, ни контролю. Идальго, эти тираны, требовали от индейцев все, что заблагорассудится, и выжимали из них столько, что некоторые оказывались ограбленными чуть ли не по двадцать раз, но не осмеливались жаловаться, ибо редко добивались справедливости.

Третьим господином был сборщик налогов, который тоже захватывал свою долю, так как не имел других доходов. Четвертым по-прежнему оставался касик — старейшина или вождь племени, которого индейцы должны были содержать, хотя он зачастую верой и правдой служил помещику.

Помещик обладал неограниченной властью над индейцами — вершил суд и выносил приговор, устраивал тюрьмы, возводил виселицы, старался выжать из своего рабочего скота — индейцев — как можно больше прибыли в наикратчайший срок.

Индейцы были обязаны содержать и церковников — патеров и монахов. Церковь приобрела очень большое влияние в колониях и, захватив огромные земельные угодья, превратилась в настоящего поработителя и эксплуататора. Индейцев заставляли строить церкви и монастыри (по сведениям историка Г. Паркса, в период колонизации Мексики было построено двенадцать тысяч церквей). Церковь требовала себе десятину от всех доходов, взимала поборы с каждого, даже самого нищего индейца, и без стеснения занималась ростовщичеством.

Об ужасном положении индейцев в завоеванных странах свидетельствуют документы тех лет — приказы и распоряжения, которыми королевские чиновники старались ограничить произвол конкистадоров. Этими приказами запрещалось продавать индейцев, изнурять их непосильным трудом, избивать и обращаться с ними чересчур жестоко.

Испанцы по отношению к индейцам применяли такие изощренные пытки, что матери предпочитали убивать

своих детей, но не отдавать их в услужение господам, а взрослые надевали на себя петлю или отказывались от пищи и умирали.

Беспощадное угнетение, непомерный труд, голод и завезенные европейцами инфекционные болезни (оспа, корь и другие) привели к быстрому вымиранию индейских племен.

Как указывает историк Г. Паркс, индейцы не имели иммунитета против европейских болезней. Оспа поразила их еще до падения Теночтитлана. Вскоре после этого в Новой Испании вспыхнула эпидемия другой страшной болезни, косившей индейцев сотнями тысяч и несколько раз повторившаяся в течение двух последующих столетий. Ученые того времени приписывали ее вспышку влиянию кометы или вулканических испарений. По-видимому, это была особая форма гриппа. Настоящим бедствием стал сифилис, тоже завезенный колонизаторами.

По данным некоторых историков, в 1519 году, накануне вторжения Кортеса, население Мексики составляло около одиннадцати миллионов человек, а к 1607 году в этой стране осталось лишь два миллиона индейцев (по некоторым сведениям, в середине XVII века количество индейского населения уменьшилось даже до одного миллиона, т. е. в десять раз. Некоторые американские ученые считали, что количество индейцев в Центральной Америке с 1519 по 1605 г. уменьшилось с двадцати пяти до одного миллиона, т. е. в двадцать пять раз).

Многие тысячи индейцев погибли в сражениях, которые не прекращались и после порабощения индейских племен. Прошло немало времени, пока на обширных землях Центральной Америки не установилась кладбищенская тишина.

Не в силах вынести жестокий гнет завоевателей, индейцы неоднократно восставали, и испанцам лишь с большим трудом удавалось сломить их сопротивление. Особенно тяжелым было положение индейцев в провинции Халиско. Там в 1541 году вспыхнуло восстание, которое поддерживали еще не покоренные испанцами горные племена. Восставшие поджигали церкви, убивали плантаторов и в одном из сражений нанесли поражение губернаторским войскам.

Как раз в это время в области Халиско находился знаменитый соратник Кортеса — завоеватель Оахаки и Гватемалы — Педро де Альварадо. Он занимался подготовкой флота для экспедиции по Тихому океану. Альварадо был убежден, что испанские всадники могут одолеть индейцев, как бы многочисленны они не были, и напал с небольшим отрядом на индейские укрепления. Однако индейцы отразили три атаки и уничтожили тридцать испанцев. Воины Альварадо обратились в бегство, и тысячи индейцев преследовали их. Во время этого панического бегства Педро де Альварадо был тяжело ранен и упал с лошади. Испанцы доставили раненого командира в Гвадалахару, где он через одиннадцать дней умер.

Так погиб воин, остававшийся невредимым во всех ожесточенных битвах за Теночтитлан и при завоевании Гватемалы и Перу, куда он отправился в 1534 году, чтобы захватить долю добычи завоевателя страны инков Франсиско Писарро. Но тут час знаменитого конкистадора — «сына солнца» — пробил.

Индейцы напали и на город Гвадалахару. Испанцы засели в каменных постройках и артиллерийским огнем отразили атаки нападающих. Сам вице-король Мендоса взял на себя руководство военными операциями. Положение было столь серьезным, что испанцам впервые пришлось доверить союзным индейцам пушки и лошадей. В конце концов восстание было подавлено. Испанцы зверски расправились с пленными: одним выкололи глаза, других убили, а остальных обратили в рабство. Некоторые индейцы, понимая всю неизбежность поражения, сами лишили себя жизни, бросившись в пропасть, или нашли прибежище меж неприступных скал. Однако многие племена не признавали испанского господства вплоть до XVIII столетия.

Зверства конкистадоров в заморских странах уже в те времена горячо осуждал испанский историк — епископ Бартоломе Лас Касас. Он родился в 1474 году в Севилье в аристократической семье, получил прекрасное образование, изучал в Саламанкском университете философию, теологию и юриспруденцию. Отец его дон Франсиско Лас Касас сопровождал Христофора Колумба во второй экспедиции через океан и, вернувшись в 1497 году в Севилью, привез с собой молодого раба-индейца. Рас-

*Защитник индейцев — епископ Бартоломе Лас Касас
(со старинной гравюры)*

сказы индейца о жизни заморских племен заинтересовали юного Бартоломе, и вскоре он с экспедицией вице-короля Овандо отправился на Эспаньолу, где его отцу принадлежало поместье. Примерно в 1510 году Бартоломе Лас Касас принял сан священника.

Этот гуманный человек до конца дней своих старался защищать индейцев, не допустить их безжалостного истребления. Тринадцать раз пересекал он океан и, посещая новые земли, с ужасом наблюдал зверства конкистадо-

ров. Возвращаясь в Испанию, Лас Касас в своих пламенных речах на диспутах и в чрезвычайно смелых, резких трактатах неустанно изобличал конкистадоров.

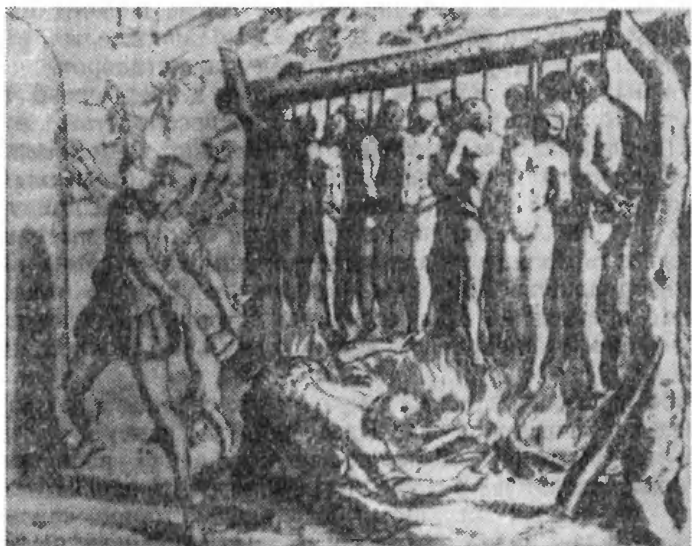
То был необыкновенно талантливый и энергичный человек, обладавший огромной работоспособностью, ловкий дипломат, красноречивый проповедник, настойчивый до фанатизма борец за справедливость, с отзывчивой, чувствительной душой, остроумный, отважный и правдивый. Он не боялся называть вещи своими именами и говорить правду людям, занимавшим даже самое высокое положение. Он был одним из лучших людей своего времени — прогрессивным историком, писавшим к тому же на прекрасном испанском языке, звонком, как металл.

Обо всем увиденном в заокеанских странах и о зверствах конкистадоров Лас Касас написал книгу — язвительный памфлет «Кратчайшее сообщение разорения Индий», изданную в 1552 году. Книга эта запечатлела одну из самых страшных страниц истории человечества. В ней автор бичевал кровавые злодеяния испанских завоевателей и призывал суровую божью кару на головы всех, кто с крестом в руках и ненасытной алчностью в сердце отправлялся за океан.

Однако Лас Касас был человеком своей эпохи и считал, что спасти индейцев можно лишь путем обращения их в христианство и передачи этих несчастных, преследуемых и угнетенных людей под опеку миссионеров и гуманных нравителей.

Он обращался к испанскому королю с горячими просьбами сделать хоть что-нибудь для индейцев, подчеркивая, что за сорок пять лет на землях Америки было уничтожено свыше пятнадцати миллионов туземцев. Это — дело рук конкистадоров — врагов рода человеческого. Если их злодеяниям не будет положен конец, население богатых колоний будет полностью истреблено, а Испании придется лишь уповать на милость господню.

Лас Касас не зря называл конкистадоров врагами рода человеческого — среди них было немало подонков: преступников, беглых каторжников, наемников и убийц, для которых жизнь индейца не стоила и гроша. Гораздо выгоднее было уморить индейцев голодом и тяжелой работой, нежели заботиться о них, — недостатка в новых рабах никто не испытывал.

Виселица «в честь и память Иисуса Христа и его двенадцати апостолов» (из книги Б. Лас Касаса «История Индии»)

Религиозный фанатизм испанцев сочетался с неслыханной жестокостью. Случалось, что испанцы в честь Иисуса Христа и его двенадцати апостолов вздергивали на деревья тринадцать индейцев, так что ноги их едва касались земли, а затем кололи жертвы шпагами, стараясь как можно дольше продлить их страдания.

Этим извергам Лас Касас посвятил следующие слова: «...здесь нет христиан, здесь есть только демоны. Среди них не найти ни господних, ни королевских слуг, есть только изменники и нарушители законов — как господних, так и королевских...»

В своих пламенных речах епископ грозил злодеям: «Все, что мы натворили в Индиях, надо заклеить как злодейство и тиранию! Ни король, ни Папа Римский, ни какая-либо другая власть на земле не могут оправдать наши беззакония. Для неисчислимых невинных душ мы создали на земле настоящий ад, как же можем мы надеяться на прощение и милосердие господне? Если у нас не откроются на все это глаза, нас ожидают ад и вечные страдания!»

Вскоре, однако, Лас Касас убедился, что не в силах помочь индейцам, и предложил королю проект — закупить у португальцев африканских негров и использовать их в качестве рабов на рудниках и плантациях Нового Света. При этом он высказал мысль, что продажа негров в рабство будет, быть может, все же меньшим злом, нежели истребление индейцев. Африканцы, дескать, отличаются большей выносливостью, и один негр будет работать за четырех индейцев.

Испанский король охотно внял предложению Лас Касаса. В новых колониях негров продавали по очень высоким ценам, и рабство здесь расцветало все более пышным цветом, но положение индейцев от этого не улучшилось. Лас Касас понял и это.

Возможно, что сам он еще неясно представлял себе, каким злом является рабство, и не ко всем расам относил неотъемлемое право человека на жизнь, свободу и счастье. Все же жизнь и деятельность Лас Касаса свидетельствовала о том, что он был противником рабства во всех его проявлениях.

Три-четыре года епископ прожил в Никарагуа, а в 1536 году отправился в Гватемалу, где занял пост епископа провинции Чиapas. Там он как мог заботился об индейцах.

Лас Касас посетил покоренное испанцами государство Перу и старался помешать продаже инков в рабство. В 1547 году он вернулся в Испанию.

Перед смертью (он скончался в 1566 году) девяностодвухлетний старец с горечью писал, что он первым предложил завести в Америку рабов, но не предвидел, к каким последствиям это приведет, иначе никогда не сделал бы этого. «Ибо он, — писал о себе Лас Касас, — всегда утверждал, что рабство — это несправедливость и тирания. Это относится в такой же мере к неграм, как и к индейцам. Ни одно племя человеческое не создано для кабалы. Души индейцев стремятся к совершенству, эти люди прилежны и могут овладеть знаниями».

Лас Касас смело утверждал, что нельзя воевать с язычниками только потому, что они язычники, и заступался за индейцев даже тогда, когда они в отчаянии брались за оружие, чтобы восстать против зверств колонизаторов.

«... Я знаю вполне определенно, что индейцы вели против христиан справедливейшую из войн, христиане же никогда не были справедливыми, и все их войны с индейцами были самыми несправедливыми и тираническими из всех захватнических войн...

Я утверждаю, что война индейцев против испанцев — священная война и что индейцы сражались за правое дело».

Однако в противовес Лас Касасу многие буржуазные историки того времени и наших дней горячо защищали и восхваляли конкистадоров, оправдывая их злодеяния и колонизацию заокеанских земель. Особенно характерны в этом отношении высказывания американского историка Джона Фиске.

По его словам, о преступлениях испанцев написано слишком много сентиментальных глупостей. Они-де, переплыв океан, напали на народ, не причинивший им никакого зла, разрушили и уничтожили блестящую цивилизацию.

Конечно, продолжает Фиске, беспричинное нападение — это злое дело, и испанские завоевания в Америке и впрямь зачастую сопровождались отвратительными жестокостями. Однако трудно осудить экспансию конкистадоров в Мексике, ибо в таком случае придется осудить и предков американцев, которые прибыли из-за океана в Новый Свет и захватили теперешнюю территорию США, покорив или уничтожив туземные племена. Однако американцы, как и испанцы, сделали это для образования новых христианских государств и распространения среди туземцев более высокой цивилизации.

Если бы Кортес, по словам Фиске, встал сегодня из гроба и прочел какую-нибудь книгу по истории, в которой он изображен беспринципным авантюристом, он почувствовал бы себя глубоко оскорбленным. Он сказал бы, что его цели были более возвышенны, чем у рядовых солдат и искателей золота, и он, несомненно, был бы прав. По утверждению Фиске, главным мотивом поведения Кортеса было желание как можно шире распространить власть католической церкви. К тому же испанцы, по его словам, принесли в Мексику гораздо более высокий общественный строй и покончили с бессмысленными жертвоприношениями людей и каннибализмом.

Конечно, продолжает американский историк, утверж-

дение, что инквизиция в Мексике была якобы не меньшим злом, чем человеческие жертвоприношения, звучит очень остроумно. На самом же деле строй, утвержденный испанцами в Мексике, по сравнению с жестоким варварством туземцев, был истинным образцом гуманизма. Этим, дескать, и объясняется столь легкое завоевание этой страны. Гораздо более увлекательной задачей, чем описание покорения Мексики, по мнению Фиске, является рассказ о благородных деяниях францисканских и доминиканских монахов.

Точно так же превозносит Кортеса и современный американский историк Г. Паркс. По его словам, Кортес, в отличие от других конкистадоров, был отнюдь не ординарным разбойничьим предводителем. Его-де можно поставить в один ряд с такими прославленными полководцами, как Вильгельм Завоеватель, Гай Юлий Цезарь и идеал Кортеса — Александр Македонский. В намерение Кортеса якобы вовсе не входило опустошить и ограбить Мексику, а затем покинуть ее. Его горячим желанием было превратить эту страну в провинцию Испании, внедрить там испанскую культуру, пригласить испанских колонистов, которые должны были жить в мире и согласии с туземцами. Кортес якобы был беспощаден лишь к тем индейцам, которые оказывали сопротивление его благородным намерениям.

Но история знает уже не один пример того, что самые наглые захватчики и поработители других народов находили немало яростных защитников среди ученых мужей.

Да и как же буржуазным ученым не восхвалять и не идеализировать Кортеса и других конкистадоров, как же не замалчивать их злодеяния! Ведь конкистадоры с блеском претворили в жизнь буржуазные идеалы — завоевали новые земли, стяжали себе честь, славу и богатство, принесли за океан европейскую культуру, распространили среди язычников христианство. По мнению буржуазных историков, европейская цивилизация была более высокой, прогрессивной и потому одолела отсталую, примитивную цивилизацию американских индейцев. Кортеса изображали благородным и великодушным рыцарем, который охотно обошелся бы без кровопролитий, если бы кровожадные и невежественные индейцы не оказывали сопротивления и не отвергали милосердную веру христову.

Испанский историк Солис называл грабительские походы конкистадоров борьбой света с тьмой, добра со злом, рыцарей креста с дьявольскими полчищами, он называл их крестовыми походами, благородные цели которых давали захватчикам отпущение всех грехов, а погибшим солдатам — возведение в сан святых мучеников.

Однако эти «воины христовы» и «проповедники христианской веры» полностью уничтожили целые племена и народы и разрушили блестящую цивилизацию индейцев (так же, как другие колонизаторы впоследствии уничтожили целые народы и их культуру в других частях света).

Святые отцы и солдаты в Мексике уничтожили все рукописи ацтеков подобно тому, как это сделал на Юкатане Диего де Ланда. Погибли не только дворцы и храмы с великолепными скульптурами и стенными росписями, но сам народ и его самобытная культура — целые племена были сметены с лица земли, вместе с их обычаями и верованиями; погибли наука и искусство. Уцелевшие индейцы постепенно забывали о наследии своих предков.

Монахи в специальных школах обучали детей индейской знати, насильно отобранных у их родителей. Чернорясники всячески старались привить детям отвращение к древней культуре и обычаям предков, превратить их в верных слуг церкви и предателей своей родины.

Как описывает Саагун, дети индейцев после крещения отправлялись в сопровождении монахов к близлежащим языческим храмам, чтобы за несколько дней сравнять их с землей.

Вся индейская культура была повержена в прах. Ее уничтожение очень метко охарактеризовал один из немецких философов: «Эта история дает единственный в своем роде пример насильственной смерти цивилизации. Она не угасла сама по себе, никто не заглушал и не тормозил ее развития — ей нанесли смертельный удар в пору ее расцвета, ее уничтожали грубо и насильственно, она погибла, как подсолнух, у которого случайный прохожий сорвал головку».

ОГЛАВЛЕНИЕ

На поиски новых стран и морей

Колонизация Антильских островов и побережья Америки (9). Открытие Великого Южного моря (24).

В страну золота — Мексику

Разведчики на берегах Мексиканского залива (37). Звезда Кортеса восходит на небосклоне (51). У неведомых берегов (65). У порога земли ацтеков (77). Страницы истории и культуры ацтеков (91). Первые союзники (131). Путь к отступлению отрезан (144).

Поход в столицу ацтеков

Вперед — навстречу опасностям (155). Война в Тласкале (163). Реки крови и пепелища — вот путь Кортеса (177). Земля обетованная (184).

Хитрость и коварство

В гостях у Монтесумы (197). Дерзкий план авантюристов (212). Повелитель ацтеков в плену (220). Сокровища в руках у конкистадоров (225). Тучи над головой Кортеса (236).

Народная война против чужеземных захватчиков

Столица в огне восстания (251). Смерть Монтесумы (258). «Ночь печали» (268). Чудо при Отумбе (276).

Падение Теночтитлана

Кортес готовит новый поход (287). В кольцо блокады (295). Начало решающего сражения (303). Затянувшаяся осада (312). Поражение у «Моста бедствия» (319). Гибель столицы ацтеков (326).

Продолжение конкисты

В покоренной стране (337). Сквозь дебри в Гватемалу у Гондурас (348). Последние годы жизни прославленного конкистадора (363). Первооткрывателей ждет весь неизведанный материк (374). Завоевание страны майя — Юкатана (404). Страницы истории и культуры майя (416). Гибель цветущей цивилизации (448).

Лиелайс Артур Карлович

КОНКИСТАДОРЫ

Редактор В. Семенова. Худ. редактор А. Липини. Техн. редактор Г. Слепкова. Корректор С. Тайц. Сдано в набор 6 марта 1973 г. Подписано к печати 26 ноября 1973 г. Типографская бумага № 2. Формат 84×108/32. 15 физ. печ. л.; 25,20 усл. печ. л., 24,72 уч. изд. л. Тираж 30 000 экз. ЯТ 00683. Цена 91 коп. Издательство «Лиесма», г. Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. зак. № 25855/J-2412. Отпечатано в Книжной типографии Государственного Комитета Совета Министров Латвийской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Рига, ул. Ленция, 137/139. Заказ № 142.